

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Томский государственный педагогический университет»

**XIV Всероссийская с международным участием
конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»
(19–23 апреля 2010 г.)**

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Томск 2010

ББК 74.58
В 65

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»*

В 65   XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.) : В 6 т. Т. IV : История. Культурология. Философия и социальные науки; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2010. – 356 с.

Научные редакторы:

Ланкин В.Г., доктор философских наук, профессор

Нестеренко П.Л., канд. исторических наук, доцент

Зайцева Т.И., канд. исторических наук, доцент

Назарова О.Ю., канд. педагогических наук, доцент

Тучкова Н.А., канд. исторических наук, доцент

Фефелова О.А., канд. исторических наук, доцент

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

© ГОУ ВПО «ТГПУ», 2010

ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ПИСЬМЕННОСТИ МАЙЯ	9
<i>Бровкина Н. О.</i>	
ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX ВВ.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	12
<i>Калиничева Е. А.</i>	
ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО СКАНДИНАВА	18
<i>Килеев А. А.</i>	
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ	22
<i>Ким В. Ч.</i>	
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ МАЛОАЗИАТСКОЙ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО	26
<i>Корнилов Ю. В.</i>	
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА	32
<i>Медетова А. О.</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	39
<i>Нурмагамбетова К. К.</i>	
ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ И ЕГО БОРЬБА ЗА ЕДИНЕНИЕ ХРИСТИАН	44
<i>Олохова О. П.</i>	
ИСТОРИЯ КИТАЙСКОЙ ОБЩИНЫ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.	49
<i>Савченко Е. Ю.</i>	
ИМЯ И СУДЬБА ПРАВИТЕЛЯ	53
<i>Сутормин С. О.</i>	
ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК К ОТРАЖЕНИЮ ВТОРЖЕНИЯ СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В НОРМАНДИИ В ИЮНЕ 1944 ГОДА	57
<i>Тарасов О. А.</i>	
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИНКВИЗИЦИИ НАД ВЕДЬМАМИ	64
<i>Чернова Е. В.</i>	

ИСТОРИЯ РОССИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	68
<i>Баскакова А. С.</i>	
БЫТ РУССКИХ СОЛДАТ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1812 ГОДА.....	72
<i>Бухалова Е. А.</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ГЕРБА И ФЛАГА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	77
<i>Горбань О. Ю.</i>	
КЛАССИФИКАЦИЯ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	82
<i>Громова М.В.</i>	
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ.....	87
<i>Гулик З. Н.</i>	
ИСТОРИЯ НАГРАД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	90
<i>Иванова А.А.</i>	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛЯКОВ И РУССКИХ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ	94
<i>Иванова Т. В.</i>	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА).....	98
<i>Кречетов Г. А.</i>	
АВТОБИОГРАФИИ СТУДЕНТОВ 1930-1940-Х ГОДОВ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	107
<i>Макеев В. В.</i>	
ПРОБЛЕМА СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И ЕЁ РЕШЕНИЕ ИДЕОЛОГАМИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА СИБИРИ.....	110
<i>Медякина М. И.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТОМСКЕ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (1991 – 2000-Е ГГ.).....	117
<i>Пашкова Д. В.</i>	
ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ НА ВОЛЫНИ В 1943 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ, УКРАИНСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)	121
<i>Перемитин Е. А.</i>	
КОНЦЕПЦИЯ МЕСТОРАЗВИТИЯ В ТРУДАХ П.Н. МИЛЮКОВА.....	129
<i>Семиколенов М. В.</i>	
ЦИРКУЛЯРЫ ПОПЕЧИТЕЛЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ	134
<i>Сеченова А. А.</i>	

РЕЛИГИЯ СЛАВЯН	140
<i>Скурихин О. В.</i>	

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ АСПИРАНТУРУ В СССР (1920 – 1930-Е ГГ.)	145
<i>Цеховой Н. П.</i>	

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ШЕГАРСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	150
<i>Юркив Л. Д.</i>	

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ	155
<i>Громова М. В.</i>	

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ГОРОДА ТОМСКА В ТОМСКИХ ШКОЛАХ	159
<i>Кречетов Г. А.</i>	

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ	162
<i>Ли К. Ю.</i>	

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КЕЙС-СТАДИ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ	167
<i>Петухова А. В.</i>	

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ИСПОЛНЕНИЕ ДЕКОРАЦИЙ С УЧЕТОМ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПОСТРОЕНИЯ	173
<i>Бурцева И. Г.</i>	

ЛАНДШАФТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА	179
<i>Бурцева И. Г.</i>	

МЕСТО И РОЛЬ ФОТОГРАФИИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ И КОММУНИКАЦИИ	183
<i>Гвоздева В. С.</i>	

ФОТОСЪЕМКА ПЕЙЗАЖА И ДИЗАЙН СРЕДОВОГО ЛАНДШАФТА	188
<i>Головина М. А.</i>	

ОБРАЗНОСТЬ И МАГИЗМ КАК ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	193
<i>Диденко О. А.</i>	

ЗАКОН УЧАСТНОГО ВНИМАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	198
<i>Диденко О. А.</i>	
РОЛЬ ТОТЕМНЫХ ЖИВОТНЫХ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ	202
<i>Ермилов А. И.</i>	
СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОДЕЖДЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	207
<i>Калашникова Т. В.</i>	
СТО ЛЕТ БРИТАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА	211
<i>Кобзева М. И., Осипова А. О.</i>	
ХРИСТИАНИЗАЦИЯ БРИТАНИИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА В НОВУЮ ВЕРУ	216
<i>Косторева С. С., Шеина М. Л.</i>	
ПЕСЕННЫЙ МАТЕРИАЛ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ (СРЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ОБУЧЕНИЯ).....	221
<i>Красикова Е. В.</i>	
ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕСЕН В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (СРЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ОБУЧЕНИЯ)	225
<i>Красикова Е. В.</i>	
СОЗДАНИЕ СТЕРЕОТИПА В КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-Х И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ КИНО	229
<i>Ковальский А. А.</i>	
ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТВОРЧЕСКОГО УРОКА МУЗЫКА.....	233
<i>Ланкина Е. Е.</i>	
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОДХОДОВ В МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.....	239
<i>Медведицкая М. С.</i>	
КУЛЬТУРНАЯ ИНДУСТРИЯ ТАТАРСТАНА	243
<i>Мурзенкова С. Д.</i>	
ОРАНЖЕВЫЙ БУНТ: ОШО, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.....	248
<i>Селиванов С. А.</i>	
КЛЮЧ ДЗЕН.....	254
<i>Селиванов С. А.</i>	
МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА	259
<i>Селиванов С. А.</i>	
МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ТРОПА СУФИЗМА	262
<i>Селиванов С. А.</i>	

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НАРОДОВ СИБИРИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	268
<i>Ачолова Р. А.</i>	
РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ	273
<i>Бабич В. В., Титова Т. А.</i>	
РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....	279
<i>Барышникова Е.А.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ МОРАЛИ	283
<i>Баушников Д. В.</i>	
ОСОБЕННОСТИ КОНВЕРТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	287
<i>Герасимова О. В.</i>	
НАУКА О СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ.....	291
<i>Дернова С. С.</i>	
ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОПОНИМАНИЯ.....	296
<i>Костарева С. А.</i>	
К ИСТОРИИ ВОПРОСА О СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ В РОССИИ.....	301
<i>Котликова Л. В.</i>	
ДЕФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РАЗБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ.....	307
<i>Котликова Л. В.</i>	
ЧЕЛОВЕК – СУЩЕСТВО ВОСПРИНИМАЮЩЕЕ	313
<i>Кривошеев А. В.</i>	
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ МЕНТАЛЬНОСТИ	318
<i>Любчак В. П.</i>	
«ИМИДЖ» – ЦЕННОСТЬ КАЖДОГО ПРОФЕССИОНАЛА.....	323
<i>Полуэктова Е. Б.</i>	
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ПРОБЛЕМА ЕГО ОЦЕНКИ	326
<i>Потехина Н. В.</i>	

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И РОССИИ)	330
<i>Прокопчук В. А.</i>	
КАРЬЕРА КАК СПОСОБ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	336
<i>Луц Ю. А., Сабанцева В. А.</i>	
ОПЫТ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: АСПЕКТЫ ВХОЖДЕНИЯ В ПОЛЕ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	338
<i>Филькина А. В.</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	346
<i>Шапошникова О. О.</i>	
ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБЩЕСТВА	350
<i>Ярдина В. В.</i>	

ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ПИСЬМЕННОСТИ МАЙЯ

Н. О. Бровкина

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Л.Морозова, старший преподаватель

Особый интерес к народу майя в целом и к эволюции их письменности в частности в современном обществе связан, прежде всего, с их предсказаниями касательно 2012 года, которые многих из нас пугают, а других заставляют задуматься. Отметим, эти предсказания дошли до нас в письменном виде, поэтому мы решили подробнее изучить письменность этого народа и его эволюцию. В рамках нашего исследования мы рассмотрим их иероглифы в разные временные промежутки, начиная со времени появления письменности и вплоть до прихода на американский материк конкистадоров.

Прежде всего, уточним, кем были майя и как у них появилось письменность. Приблизительно с V века до н.э. и вплоть до конца XVII века н.э. на территории, включающей современные мексиканские штаты: Юкатан, Табаско, Кампече, Кинтана-Роо, восточную часть Чьяпаса, Республику Гватемала, запад Гондураса и Белиз существовало множество городов-государств, которых объединяли такие немаловажные факторы, как боги, язык, архитектура, календари и письменность. Это были города самого выдающегося народа нашей планеты за время существования человечества — народ майя [1]. Они обладали величайшими знаниями по математике с астрономией, благодаря чему создали самый точный, из всех ныне существующих, календарь, вели свою хронологию, воздвигали великолепнейшие стелы, где регистрировали важнейшие события из жизни своих городов, в соответствующие исторические периоды. Именно надписи, сделанные на этих стелах, а так же надписи связанные с астрономией, стали первыми источниками, раскрывшими дорогу историкам в мир письменности майя [2].

До сих пор точно не известно, когда возникло иероглифическое письмо народа, но достоверно установлено, что в начале нашей эры оно было распространено практически на всей территории их расселения. Можно с уверенностью сказать, что письмо этого народа не было заимствованным, так как в иероглифах раннего периода истории майя просматривается связь с природными особенностями территории их расселения (растения, животные и др. элементы) [3].

Если говорить о иероглифах майя, то в первые два века их формирования (I век до н.э. – I век н.э.), они являлись пиктограммами, представляющими из себя лишь схематические изображения окружающих их предметов. Они были достаточно примитивными и содержали множество повторяющихся линий, как бы дублирующих контуры. В отличие от пиктограмм, иероглифы изначально записывались в линию, которые постепенно трансформировались в известную блочную систему майя, сопровождающуюся параллельным формированием системы иероглифов для записи основных календарных и астрономических понятий.

В последующие века народ майя начинает развивать свое письмо по семантическому направлению, предполагающее использование одного символа для обозначения абстрактного понятия (знак огня может означать как непосредственно огонь, так и понятия очаг, огненный, гореть и т.п.). По причине двусмысленности семантического письма появилась необходимость в развитии фонетического письма, когда определенный символ обозначал фонетическое звучание слова или определенного слога, что явилось более совершенной формой письменности. Фонетическое письмо майя в более или менее завершенной форме сформировалось к концу VI века н.э., однако рисуночные уточнения слов по-прежнему сохранились [4].

Развитие письменности тесным образом связано с организацией слов и слогов в тексте, т.е. с формированием блочной системы. Начало процесса формирования указанной системы можно отнести к II веку н.э., окончательно же блочная система была сформирована к VII – VIII векам н.э. Блоки традиционно включали от 1 до 5 символов, а в отдельных областях расселения майя до 10 символов, которые могли объединяли слоги в одно слово или слова в короткие предложения. В настоящее время учеными установлено, что одно слово не могло разрываться на два блока, а для более точной передачи информации включались знаки суффиксов, префиксов и постфиксов. Блоки располагали в колонки по двое, а знаки внутри них читали слева направо и сверху вниз, но со временем правило могло нарушаться – это явление было названо Ю.В. Кнорозовым инверсией, которая вероятно была

связана со стремлением к эстетической гармонии внутри блока, так как форма являлась итогом стремления к правильной с эстетической стороны фигуре. Определенные знаки также эволюционировали, стремясь к эстетике, поэтому современным ученым трудно расшифровать язык майя, так как он изменялся как во времени, так и в географическом пространстве (в каждом городе свои вариации в начертании знаков) [5].

Эволюция знаков, их значений и способов группировки сопровождалась изменениями в структуре материалов, на которые и с помощью которых наносили письмо, а также изображения контуров знаков. Так, изначально письмо было предназначено для нанесения с помощью кисти краской на бумагу или на предметы культа. Впоследствии надписи и иероглифы стали наносить на различные сосуды. Иероглифы, наносимые кистью и красками были сложными (множество черточек для формирования контуров). Со временем появилась необходимость в нанесении разнообразных надписей на камни, потому контуры стали наноситься одной линией, а места которые должны были быть закрашенными, стали заштриховывать [6].

Таким образом, письменность майя, являясь сложным, комплексным образованием, включающим разнообразные иероглифы и пиктограммы, отражает величие самой цивилизации этого народа.

Литература

- Дубровская О.Н. Тайны древних рас М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 448 с.
Галич М. История доколумбовых цивилизаций / М.: Мысль, 1990. 407с.
Затерянный мир майя / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: ТЕРРА, 1997. 168 с.
Ко М. Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 237 с.
Спейс Л. Мифы инков и майя М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 333 с.
Давлетшин А.И. Разбивка на блоки в иероглифической письменности майя: в поисках строго определения феномена [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: [http:// attachment:/40/maya_blocks.html](http://attachment:/40/maya_blocks.html).

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX ВВ.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. А. Калиничева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.И. Зайцева, к.и.н., доц.

Прежде чем говорить об изучении аграрного вопроса медиевистами второй половины XIX – XX вв., необходимо определиться с проблематикой, которую затрагивает аграрная история. Круг вопросов, изучаемых в её рамках обширен – это не только развитие производительных сил, сельскохозяйственной техники и агрикультуры, но и крестьянская община, феодальное поместье и, безусловно, их взаимоотношения. Аграрная история средневековья – это история возникновения и развития феодализма, она изучает жизнь средневекового общества, во всём многообразии составляющих его связей, через призму земельных отношений.

В своей статье я бы хотела обратиться к рассмотрению западной и отечественной историографии второй половины XIX – XX вв., которая, так или иначе, затрагивает вопросы аграрной истории средневековой Европы.

Начиная обзор накопленного материала, в первую очередь необходимо отметить вклад историков-позитивистов. Позитивистская медиевистика выступила как пионер в специальной разработке этой новой в то время проблематики применительно к истории средних веков [1, с. 67]. Позитивисты с их представлениями о том, что подлинное (позитивное) знание может быть получено только лишь конкретными науками, начали уделять особое внимание историческим источникам. Большой их заслугой стало значительное расширение круга привлекаемых источников по аграрной истории – широко использовались вотчинные документы: поместные описи, протоколы вотчинных судов, хозяйственные отчёты управляющих.

Позитивистское течение породило в буржуазной исторической науке многих стран Европы «историко-экономическое» и «историко-правовое» направления [1, с.103]. Представителей этих направлений отличал подход в оценке исторических явлений: одни отводили решающую роль в историческом процессе экономическим факторам, другие оценивали ход истории с точки зрения эволюции права и государственных форм.

В Германии в рамках историко-правового направления в 50 – 60-е гг. XIX в. зародилась общинная (марковая) теория. Создателем её

считается немецкий историк, профессор права Мюнхенского университета Георг Людвиг фон Маурер (1790 – 1872), труды которого стали затем необычайно популярны в советской России. Положения общинной теории развивали немецкие, французские и английские исследователи второй половины XIX. В 70-90 гг. XIX столетия она стала господствующей и в русской медиевистике (Т.Н. Грановский, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Д.М. Петрушевский).

Е.В. Гутнова отмечает, что сторонники общинной теории впервые показали на обширном фактическом материале, что сущность и природа феодализма тесно связаны с крупной земельной собственностью (Г. Маурер «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти» (1854); П. Вайц «История бенефициальной системы с древнейших времён до X в.» (1950)) [1, с.116].

С середины 70-х годов XIX в. большее влияние в германской медиевистике приобрело историко-экономическое направление, в русле которого зародилась «вотчинная теория». Сторонники этой теории (К. Блюхер, К. Лампрехт, А. Мейцен) рассматривали феодальную вотчину как основу западноевропейского средневекового общества. По их мнению, она возникла в условиях разложения первобытнообщинной организации и развивалась за счет захвата общинных земель, крестьянских аллодов и закрепощения крестьян. В рамках самой вотчины до XIII – XIV вв. существовала в целом гармония интересов феодалов и крестьян.

Шагом вперёд в аграрной истории стала критика общинной и вотчинной теорий представителями страсбургской школы историков-аграрников (В. Виттих, Ф. Гутман). Процесс генезиса феодализма трактовался ими как эволюция вотчинного строя, переход от преобладавшего в древности мелковотчинного хозяйства к господству крупной вотчины [1, с. 148].

Эволюция аграрного строя на протяжении средних веков рассматривалась представителями историко-правового и историко-экономического направлений германской медиевистики лишь как изменение в организации вотчины, проблема эволюции социальных отношений своего решения в публикуемых исследованиях не находила.

Как и в Германии, французская историческая наука второй половины XIX в., испытывала влияние позитивизма, в рамках которого развивалась дискуссия между сторонниками общинной и вотчинной теорий. В 1870-х гг. во Франции особый интерес к истории аграрных отношений и институтов проявили историки так называемой «синтетической школы». Ярким и оригинальным представителем этой шко-

лы был Нюма Дени Фюстель де Куланж (1830 – 1889). Научные интересы Ф. Куланжа лежали в области изучения аграрной истории раннего средневековья, он рассматривал проблему генезиса феодализма в тесной связи с его аграрными предпосылками [1, с.164].

Среди французских историков первой половины XX в. большой интерес вызывает фигура Марка Блока (1886-1944). Вышедшая в свет в 1931 г. монография М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории», [2] представляет собой не простой обзор аграрного строя страны, а его широкий анализ на сравнительном фоне европейского феодализма. М. Блоку удалось подметить и объяснить важные черты французской аграрной истории. Из массы проблем автор отобрал лишь те, которые, по его мнению, определяли ход развития французской деревни. Так выступили на первый план важнейшие темы: процесс земледельческого освоения территории Франции, типы "аграрных цивилизаций", история сеньории вплоть до буржуазной революции, история крестьянства, зарождение капитализма в сельском хозяйстве, пережитки общинных порядков и судьбы крупной и мелкой земельной собственности в новое время.

В 1939 г. была опубликована другая работа М.Блока - «Феодальное общество» [3], в которой он подробно рассматривает понятия феода, вассалитета и оммажа, – узловых компонентов европейского феодализма. Помимо экономической составляющей феодального общества он анализирует его социальные, духовные сферы. Нужно отметить, что на русский язык работы М. Блока были переведены лишь во второй половине XX в.

Осветить подробно развитие русской медиевистики XIX – XX вв. в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся выделением основных этапов изучения средневековой аграрной истории.

В конце XIX – начале XX в. были заложены основы аграрной школы в отечественной историографии. До революции медиевисты, работавшие в российских университетах, высоко ценились как отечественными, так и зарубежными коллегами. Особо славилась «русская аграрная школа» – историкам, родившимся в стране, где крестьянский вопрос был самым острым, было, что поведать своим западным коллегам [4]. Русские медиевисты разделяли интерес немецких, французских и английских ученых историко-правового и историко-экономического направлений к аграрной истории раннего средневековья, в частности к истории общины и вотчины. Однако многих отечественных историков, изучавших эти проблемы, отличал большой интерес к историческим судьбам крестьянства.

Особое внимание аграрной истории Запада в отечественной медиевистике первой половины XX в. уделяли такие учёные, как П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, Н.П. Грацианский, Е.А. Косминский и другие.

К концу 1930-х гг. окончательно сформировалась марксистская теория феодализма, господствовавшая в СССР практически до 1990-х гг. на страницах университетских учебников и академических изданий. Феодализм оценивался, прежде всего, как особый способ производства, предполагавший монополию господствующего класса на землю (сочетание крупной феодальной собственности с мелким крестьянским землепользованием), позволяющую извлекать феодальную ренту при помощи внеэкономического принуждения зависимого крестьянства.

С середины 1930 – 1950-х гг. приоритетное положение занимали и особенно поощрялись труды по экономической и социальной истории, а также аграрной тематике. Большой вклад в разработку аграрной истории внесли представители ленинградской школы медиевистов. Одним из крупнейших российских историков западноевропейского средневековья и раннего нового времени была Александра Дмитриевна Люблинская (1902-1980). Основной областью её научных интересов была история феодальной Франции. Значительное внимание А.Д. Люблинская уделяла аграрной истории Франции и вообще феодальной Европы, этим вопросам посвящена её работа «Французские крестьяне в XVI – XVIII вв.» [5], а также ряд глав в коллективном исследовании «История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма» [6]. Именно под ее руководством был выполнен перевод на русский язык труда М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» [3].

Татьяна Михайловна Червонная (1931 – 1997) – ещё одна представительница ленинградской школы медиевистов, занимавшаяся вопросами аграрной истории. Её научным руководителем в Ленинградском государственном университете стала А.Д. Люблинская, под руководством которой определился круг научных интересов Т.М. Червонной. На протяжении всей жизни она разрабатывала вопросы аграрной истории Франции в XV – XVII вв. Т.М. Червонная исследовала различные аспекты феодальных отношений, аграрного строя французской деревни в XVI – XVII вв. опираясь, в основном, на материалы юридических памятников – «Французская деревня по юридическим источникам XVI в.» [7].

Большое значение имели исследования московской школы медиевистов. Одним из её видных представителей был доктор исторических

наук, профессор МГУ Александр Иосифович Неусыхин (1898 – 1969), специализировавшийся на социально-экономической истории Германии раннего средневековья. Особенно плодотворно, на протяжении многих лет, А.И. Неусыхин работал над изучением генезиса феодализма. На обширном материале источников он проследил процесс превращения свободных общинников в зависимых крестьян у разных народов в период Раннего Средневековья, показал общее и особенное в этом процессе, раскрыл специфику феодализации Германии в VII – XII вв. Изданная в 1956 г. монография «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII вв.» [8] – одна из наиболее крупных и содержательных работ в советской литературе, посвященная вопросам социально-экономической истории западноевропейского средневековья.

Проблемы аграрной истории занимали центральное место в творчестве ещё одного представителя московской школы медиевистов: советский историк, академик АН СССР с 1949 г. возглавлявший кафедру истории средних веков МГУ, Сергей Данилович Сказкин (1890 – 1973) много и плодотворно занимался теоретическими вопросами аграрного строя Франции. В истории раннего средневековья С.Д. Сказкин исследовал вопрос о путях перехода к феодализму непосредственно от первобытнообщинного строя [9, с.5]. Большое внимание он уделял рассмотрению феодальной собственности на землю, имевшую, по его мнению, определяющее значение для всей системы экономических, социальных и правовых отношений феодального общества. Исследование узловых проблем аграрной истории средневековья легли в основу его капитального труда, вышедшего в 1968 г., – «Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века» [10]. С.Д. Сказкину удалось проанализировать процесс генезиса феодализма, роль товарного производства, широко осветить историю общины - её формы и эволюцию в различных странах и регионах.

Нельзя обойти стороной работы А.Я. Гуревича (1924 – 2006), обращавшегося к проблеме средневекового феодализма на протяжении всей своей научной деятельности. Работы А.Я. Гуревича вызвали широкий резонанс в советском обществе. Сборник «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» [11] вызвал критику со стороны Министерства Просвещения. А.Я. Гуревич впервые в советской исторической науке поставил под сомнение положения теории К. Маркса и Ф. Энгельса о формировании феодализма в результате закабаления свободных крестьян магнатами, которые предварительно присваивали себе крестьянскую землю. По его мнению, в условиях слабости верховной власти свободные земледельцы в поисках защиты вместе со

своей землей принимали патронат магнатов, меняли свободу на безопасность.

Используя широкий материал аграрной истории средневековой Европы, А.Я. Гуревич останавливался на вопросах феодальной собственности (аллод, феоде) и социальных аспектах феодализации. Активное участие он принимал в публикации коллективного сборника «История крестьянства в Европе» [6]. А.Я. Гуревич стал символом пересмотра устоявшихся в советской историографии взглядов на феодализм, явился создателем историко-антропологического направления в отечественной науке. Основной идеей, прошедшей через все его труды была оценка феодализма как феномена преимущественно западноевропейского, возникшего в силу сочетания специфических условий [12, с.13].

Современные историки реже обращаются к вопросам аграрной истории. Сейчас данная проблематика продолжает развиваться в Институте Всеобщей истории РАН на базе отделения западноевропейского средневековья и раннего нового времени: проблемами аграрной истории Англии занимается М.В. Винокурова, изучением феодализма и социальной истории раннего средневековья Франции – И.В. Дубровский и др.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Во второй половине XIX века изучением аграрной истории в Германии и Франции занимались историки-позитивисты. Эволюция аграрного строя на протяжении средних веков рассматривалась ими в рамках историко-правового и историко-экономического направлений. В конце XIX – начале XX в. были заложены основы аграрной школы в отечественной историографии, занимавшейся преимущественно исследованиями по истории крестьянства. Основными центрами изучения аграрной истории в советской России были МГУ и ЛГУ. С 1990-х гг. зарождается новый подход к изучению аграрной истории, от интереса к земельным институтам, таким как община, вотчина, акценты смещаются в сторону человека и социальной сферы. В наше время этот подход развивают сотрудники Института всеобщей истории РАН.

Литература

---

1. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1988. 480 с.
2. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: издательство иностранной литературы, 1957. 313 с.
3. Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с.

4. Уваров П.Ю. А.Я. Гуревич и советская медиевистика. Портрет на фоне корпорации. Режим доступа: URL: <http://www.rsuh.ru/article.html?id=55168>
5. Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI – XVIII вв. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. 254 с.
6. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Под ред. З.В. Удальцовой: в 3-х т. Т. 3. М.: Наука, 1986. 590 с.
7. Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1992. 167 с.
8. Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 420 с.
9. Гутнова Е.В., Чистозвонов А.Н. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики // Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сборник статей. М.: Наука, 1972. 446 с.
10. Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М.: Издательство МГУ, 1968. 375 с.
11. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 224 с.
12. Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 11 – 49.

ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО СКАНДИНАВА

А. А. Килеев

Нижнетагильская Государственная социально-педагогическая академия

Научный руководитель: О. Ю. Белоус, к. и. н., доц..

Познание, как философская категория, отражающая процесс приобретения знаний, издревле была связана с деятельностью человека во всех ее проявлениях. Еще в древности, для того, чтобы что-либо сделать, необходимо было знать определенный алгоритм действий, передававшийся от отца к сыну. Начиная с античной диалектики считалось, что человек познавал мир, основываясь на своем собственном опыте или опыте предшествующих ему поколений. И даже эпоху нового времени в споре о пути познания мира: эмпирическом и рациональном, конечная истина была всегда одной – мир познаваем человеком.

Сейчас, извлекая знание из опыта цивилизации, люди относятся к нему только как к инструменту изменения себя и мира. При этом считается, что истинную свою ценность знание обретает лишь теперь – в эпоху постиндустриального информационного общества.

Процесс познания, как и все стороны социальной жизни – историчен. В традиционных культурах знание понималось не как бытовое

сопровождение жизни, а как нечто сакральное, несотворенное человеком.

Для иллюстрации исторических форм познания обратимся к культуре Северной Европы, отразившейся в литературных памятниках X-XII веков. Среди скандинавской литературы, как фольклорного характера, так и принадлежащей конкретному автору существует несколько произведений, созданных, в частности, и с целью передачи знания новым поколениям, это прежде всего, «Старшая Эдда» [1] и «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона [2]. Оба этих источника были созданы хоть и разное время, но с одной целью. Первый является записью древнейших преданий о деяниях богов и героев. Вторым создавался для передачи последующим поколениям навыков скальдической песни, а также необходимых для ее составления мифов. Причем в обоих случаях присутствуют не только общие космогонические сведения, но и множество бытовых советов.

Не только насыщенность знанием роднит обе Эдды. И в «Старшей» и в «Младшей Эддах» источником мудрости, рассказчиком является не автор, а один и тот же персонаж – «Высокий». Он рассказывает о начале и конце мира в «Видении Гюльви», раскрывает правила и нормы поведения в «Речах Высокого» и спорит с мудрейшим из великанов в «Речах Вафтруднира».

Рассмотрим этимологию слова «Высокий». Это тот, кто «выше прочих», то есть под «Высоким» понимается некто в чем-то превосходящий прочих в мудрости, силе, власти. В «Речах Высокого» мы часто встречаем сравнение образов мудреца и глупца. Именно на этом противопоставлении основано изложение жизненных истин. Так же в тексте присутствует множество фрагментов мифов, рассказывающих об Одине. Дворец, увиденный пришедшим за знаниями конунгом Гюльви, на наш взгляд, можно интерпретировать как Асгард – жилище богов, где хозяином был Один, мудрейший из всех богов. Тогда возможно, что «Высокий» – это Один, верховное божество скандинавских народов? И в этом нет ничего удивительного, ибо Один являлся, прежде всего, богом мудрости, а не войны, как общепринято считать.

Бог войны должен быть воином. Он должен превосходить всех физической силой и воинским умением, должен всегда ходить с оружием и в броне, должен совершить множество ратных подвигов, у него должны просить защиты от темных сил, а сам он должен олицетворять собой мощь и непобедимость. Таково описание любого воинственного бога, ибо в этом его сущность, но, ни одна из этих черт не присуща Одину. Зато это точное описание скандинавского бога То-

ра, который видимо и был главным богом еще до появления Одина. Однако, с усложнением социальной и политической структуры, с появлением торговли и путешествий потребности и идеалы людей сменились, и новое верховное божество уже просто не могло быть богом войны.

Да, он командовал эйхетериями (войнами, жившими после смерти в чертогах Вальгаллы), но пусть дом Одина - Вальгалла и представлял собой воинский рай, хозяином здесь не обязательно должен быть лучший из воинов. Нет – Один воплощает здесь идеальный образ конунга, заботящегося о своей дружине, что опять же отражает складывающуюся в скандинавском обществе тенденцию к централизации. По отношению к воинам он выступает как мудрый полководец, но не как воин. Естественно, у Одина, как и у любого мужчины той эпохи, было оружие – достойное верховного бога, не знающее промаха, магическое копье Гунгнир. Однако Один, в дошедших до нас мифах, ни разу не участвовал в бою, кроме как в битве конца света. Так кто же такой Один?

В мифе «Перебранка Локи», бог обмана говорит: «А ты, я слышал, на острове Самсей бил в барабан, среди людей колдовал, как делают ведьмы...» [1. с. 230], обвиняя Одина в колдовстве, занятии для бога не типичном и даже постыдным. Может это обвинение имеет под собой реальное основание?

Возможно, что Один изначально и не был богом, он скорее похож на колдуна, владеющего тайными знаниями. Видимо, отсюда и окружающие его хтонические звери — волки Гери («Жадный») и Фреки («Прожорливый») и восьминогий конь Слейпнир («Скользкий»). Один правит миром с помощью знания, а два его ворона, опять же хтонические существа – Хунин («Мысль») и Мунин («Память»), приносят ему вести со всего мира. О колдовской сущности Одина свидетельствует то, что он – хозяин душ павших воинов, в соответствии с европейской мифологией – черный колдун, шаман, некромант. Да и внешний вид отличает его от прочих богов северного пантеона. Таким образом, Один предстает перед нами скорее как владеющий тайнами мира черный колдун, бог мудрости, тайных знаний и колдовства, чем бог войны.

Сама мудрость его во многом мистическая. Она принесена из иного мира, ибо ей обладают и голова мертвого Мимира, и пробужденная от смертного сна Вёльва.

Существует целый ряд песен, посвященных истокам мудрости Одина. Приведем здесь несколько примеров. Так, чтобы обрести тайное знание рун Флутарха, Один повесился, проткнув самого себя

копьем, на мировом древе Иггдрасиле [1. с. 202]. Напомним, что древний рунический алфавит носил сакральный характер и использовался для вырезания ритуальных и памятных надписей на дереве или камне. В другом случае, ценою обретения дара стихосложения стал глаз Одина, отданный Хранителю источника вечной мудрости Мимиру, о чем подробно рассказано в мифе «о меде поэзии» [3]. Так, в обрядах получения знания мы видим их связь, в частности, со смертью. Смерть всегда ассоциировалась с переходом в иной мир, и Один добровольно путешествовал между мирами ради обретения мудрости. В этом проявляется и еще одна особенность, связанная с получением знания.

Один называет себя «Игг» [1. с. 215], но название мировой оси скандинавов, Мирового древа ясеня Иггдрасиля, соединяющего собой все девять миров, можно перевести как «конь Игга». Соответственно Один-Игг, перемещаясь на своем коне между мирами, выполнял функцию посредника. Знание, перенесенное им из одного мира в другой, являлось сакральным. В «Речах Высокого» [1. с. 190–204] есть перечень магических заговоров и описание магических обрядов [1. с. 202–204]. В «Речах Вафтруднира» [1. с. 104–110], «Речах Гримнира» [1. с. 209–215], как и в «Видении Гюльви», встречаются сведения и об устройстве мира и существах в нем живущих. Эту информацию озвучивает Один, получивший ее во время описанных в эддических мифах путешествий между мирами.

Древние скандинавы, обобщив жизненный опыт, вложили его в уста Одина. Такое эмпирическое знание в их представлении также являлось сакральным, ибо было получено во время путешествий бога между мирами, то есть способом, не доступным простому смертному, ведь нет ни одного упоминания о подобных путешествиях людей. Это знание носило самый разнообразный характер, включало социальные нормы, такие как уважение к старшим [1. с. 201], гостеприимность [1. с. 190], чистоплотность [1. с. 195], осторожность в словах и делах [1. с. 190–193]. Осуждались такие черты, как излишняя храбрость, самонадеянность [1. с. 191, 195], неумеренность в еде и выпивке [1. с. 191]. Восхвалялись хозяйская смекалка и житейская мудрость [1. с. 196]. Один учит, как обезопасить свою жизнь, как вылечить болезнь [1. с. 202].

Таким образом, процесс познания окружающего мира современным человеком и древним скандинавом резко различается. Для скандинава знание являлось откровением. Не случайно, оно вкладывалось в уста великого бога, добывшего священную мудрость в других мирах. Для скандинава жизненная мудрость не была субъективной: ее

можно было получить, но изначально ей не обладал ни человек, ни даже бог. Знание было идеальным. Оно понималось не как бытовой жизненный опыт, а как нечто сакральное, независимое от бога или человека. Абстрактное идеальное знание о мире появилось раньше людей и богов и не могло им принадлежать. И даже бог Один не являлся средоточием своей мудрости, а лишь ее проводником. Любое знание было сакральным и соответственно этому ценилось. Человек с мифологическим мировоззрением не мог не ценить то, что принесено из другого мира, из мира недоступного простому смертному. Соответственно, совершенно иным было и отношение людей к источнику мудрости – к словам Одина, высшего интеллектуального авторитета той эпохи, буквально выстрадавшего свою мудрость.

Литература

---

1. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Библиотека всемирной литературы. Т. 9. – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах, М.: Художественная литература, 1975. – С. 181–356.
Младшая Эдда [Электрон. ресурс] – Л.: Наука, 1970. URL: <http://norse.ulver.com/snorra/index.html> (дата обращения: 20.01.2010)
Видение Гюльви // Младшая Эдда [Электрон. ресурс] – Л.: Наука, 1970. URL: <http://norse.ulver.com/snorra/index.html> (дата обращения: 20.01.2010)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В. Ч. Ким

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.И. Зайцева, к.и.н., доц.

В современной отечественной историографии распространяется новый подход в изучении истории Германии второй половины XVI – первой половины XVII вв. В соответствии с данным направлением этот период получил название «конфессиональной эпохи», а сам процесс – «конфессионализация». В России данные термины стали использоваться лишь с 90-х годов XX в., в то время как в Германии они были введены в научный оборот уже в начале прошлого века. Согласно разработкам германских учёных в содержание этих понятий вошли вопросы, касающиеся не только политических, но и социально-религиозных проблем. Это дало возможность видеть новые аспекты в изучении Реформации и Контрреформации. На сегодняшний день состояние нашей исторической науки кемеровские учёные С. А. Васютин и К.А. Шишигин определяют как период осмысления разра-

боток немецкой историографии середины - второй половины XX в. [1] Соответственно работы отечественных исследователей в этом направлении пока малочисленны. Одной из значимых работ можно назвать книгу петербургского историка А. Ю. Прокопьева «Германия в эпоху религиозного раскола 1555 – 1648»[2], которая была опубликована в 2002 г. Впервые в отечественной историографии этот труд рассматривает период от Аугсбургского религиозного мира до конца Тридцатилетней войны с позиций конфессионализации. Таким образом, предметом исследований современных историков является раннее не изучавшиеся социально-религиозные проблемы. Для того чтобы обозначить круг поднимаемых этими и другими авторами вопросов необходимо более точно определить содержание конфессиональной эпохи. Согласно разработкам немецких историков, таких как Отто Бруннер, Эрнст Вальтер Цееден, Хайнц Шиллинг и др., под конфессионализацией понимается распространение реформационных учений, оформление символов веры, обрядности и структуры протестантских и реформированной католической церквей, а также установление к концу данного периода более или менее чётких территориальных границ, в пределах которых официально господствовало только одно вероисповедание [1]. Исходя из этого, можно обозначить следующие актуальные проблемы.

Во-первых, это хронологические рамки. Конфессиональной эпохой принято считать вторую половину XVI – начала XVII вв. В основе такого деления лежит периодизация Хайнца Шиллинга. За начальный этап он принимает время от конца 1540-х до начала 1670-х годов. По его мнению, лишь в период первых религиозных войн в Германии (Шмалькальденская война 1546 – 1547 гг.) появились зачатки конфессионального процесса, а конечной точкой этой эпохи он берёт Вестфальский мир 1648 г, как заключительный этап формирования конфессий. Однако есть учёные, которые не соглашаются с таким хронологическим делением. Сторонники этого подхода обращают внимание на значимые компоненты конфессионализации, которые присутствовали в процессе Реформации. Это, например, случаи частичной секуляризации церковного имущества, сокращение налоговых и правовых привилегий духовенства, которые были характерны уже для второй половины 20-30-х гг. XVI в. Также в последнее время ставится под вопрос рассмотрение Вестфальского мира 1648 г. в качестве заключительного этапа Конфессионализации. Сторонники этой позиции указывают на Пиетизм и Просвещение конца XVI – первой половины XVIII в., как на продолжающиеся процессы конфессиональной эпохи [3, с. 18-23].

Во-вторых, территориальное распространение. Протестантство уже в первой половине XVI в. приняли многие крупные княжества, такие как Саксония, Бранденбург, Курпфальц, Брауншвейг-Люнебург, Гессен, Вюртемберг, и важнейшие имперские города – Страсбург, Франкфурт, Нюрнберг, Гамбург, Любек [4]. Однако в исследованиях отечественной историографии основной акцент ставился на процессы Реформации, затрагивая лишь Саксонию, как одного из основных очагов протестантского движения. В контексте изучения конфессионального подхода интерес переносится на распространение протестантизма в других, как в крупных, так и более мелких городах и районах. В первую очередь это касалось тех территорий Империи, где лютеранство распространилось после Аугсбургского мира. Согласно исследованиям учёных, с 1555 г. вплоть до 70-80 гг. XVI в. наблюдалось расширение лютеранского влияния. Под это влияние в первую очередь попали те территории, которые были вблизи главных лютеранских метрополий. Среди таких городов можно назвать Вестфалию, Минден, Силезию и ряд других [5].

В-третьих, «конфессиональное насилие». Данное понятие в новом контексте не касается военных столкновений, массовых казней, свойственных периоду Реформации, Крестьянской и Тридцатилетней войн. Это связано с тем, что данная сторона этих процессов сравнительно хорошо изучена в отечественной литературе. С точки зрения теории конфессионализации под насилием понимаются принудительные и насильственные действия религиозного, политического и социального характера церковно-государственных структур. К таким формам можно отнести как собственно проведение реформ, так и осуществление мер, направленных против распространения протестантизма, церковные проверки по укреплению новой веры (визитации), установлению норм и ритуалов того или иного вероисповедания и т.д.

В-четвёртых, трансформация семьи и роли женщин. Данная тема широко обсуждалась и обсуждается в немецкой историографии. Согласно исследованиям, XVI – XVII вв. явились периодом зарождения семьи в современном её понимании, т. е. как самостоятельной единицы общества. До этого времени семьёй считалась не только супружеская пара с детьми, но и все те, кто жил вместе с ними. Например, членами семьи могли быть подмастерья и ученики, которые жили у своего мастера. В связи с этим актуальными стали вопросы добрых, внутрисемейных и гендерных отношений, а также изменений роли женщин в общественных структурах [6].

И, наконец, поднимается вопрос изучения конфессиональной эпохи в контексте процессов модернизации. Использование данного термина призвано объяснить направление и смысл революционных изменений, произошедших с западноевропейской цивилизацией на переходе от традиционного средневекового общества к индустриальному. В раннее Новое время процессы модернизации стали затрагивать многие сферы жизни, что встречает сопротивление со стороны различных этнических, национальных и религиозных групп и общностей, которые в силу разнообразных причин оказываются в оппозиции правящим режимам, не разделяя их ценности [7].

Подводя итоги, можно отметить, что затронутые вопросы, такие как хронологические рамки, территориальное распространение протестантизма, «конфессиональное насилие», трансформация семьи и роли женщин в обществе, а также процессы модернизации являются одними из основных вопросов, рассматривающихся с позиций конфессионализации.

Литература

---

1. Васютин С.А., Шишигин К.А. Конфессиональное насилие в Германии XVI в. в исторической памяти. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://sapsib.history.kemsu.ru/tezis/sbornik_nasilie.htm/
2. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555 – 1648. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 384 с.
3. Прокопьев, А. Ю. Историография и хронология // Германия в эпоху религиозного раскола 1555 – 1648. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. С. 18 – 23.
4. Священная Римская империя [Электронный ресурс] / - Режим доступа: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. Прокопьев А. Ю. Империя во второй пол. XVI в. // Германия в эпоху религиозного раскола 1555 – 1648. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 384 с.
6. Ворожейкина Р.Ю. Семья и трансформация роли женщины в эпоху конфессионализации // Политическое насилие в исторической памяти Германии и России. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 519 – 523.
7. Ким О.В. Политическая практика по модернизации социального поведения в эпоху раннего нового времени // Политическое насилие в исторической памяти Германии и России. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 673 с.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ МАЛОАЗИАТСКОЙ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Ю. В. Корнилов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Ю.Н. Шевченко, доц.

В ходе многочисленных кампаний Александр Великий завоевал полуостров Малой Азии, Ближний Восток, Среднюю Азию, часть Индии, а также присоединил к своей империи и Египет. К сожалению, в литературе в не достаточной степени рассматривается геополитический аспект походов Александра Македонского. Поэтому целью данной работы является выяснение роли геополитики в военно-политической деятельности Александра Великого на примере Малоазиатской кампании. Для достижения данной цели потребуется раскрыть некоторые понятия: война, вторжение, поход, военная кампания. Территориально-хронологические рамки данной работы: V – IV вв. до н. э.; территории Балканского полуострова, Малой Азии, Месопотамии и Египта.

Теоретическая военная мысль появляется лишь в XIX веке и в наилучшей степени была представлена немецкой школой, например: Клаузевиц (1780-1831) “О войне”, Мольтке (1800 – 1891) “Военные поучения”, Шлиффен (1833 – 1913) “Современная война”. Клаузевиц один из первых немецких теоретиков, кто в полной мере осознал связь между политикой и военной деятельностью, заложив основания теории войны [1, с.47]. Так, Клаузевиц поход определяет как: “Действия происходившие на одном театре войны”, [1, с.415] т. е. военные действия, ограниченные одним географическим регионом. Мольтке Старший более глубоко анализировал цели войны, вторжения и их задачи. Целью вторжения и войны в целом является страна противника, писал Гельмут фон Мольтке,- поэтому основные задачи будут заключаться в захвате столицы враждебного государства, в захвате (или в лишении) источников средств и политического могущества государства [2, с.263].

К этому же периоду относится деятельность Жомини (1779 – 1869). В своей книге “Стратегия и тактика в военном искусстве”, которая является ярким образцом французской военной теории XIX в. Генрих Жомини выделяет два вида вторжения: “При одном нападении подвергается соседнее государство; при другом – отдаленный пункт, то есть – вторжение на территорию большей протяженности, жители которой могут быть нейтральными, колеблющимися или враждебными” [3, с.18].

Основным источником данного исследования является труд Арриана. Он жил в I в. н. э. и не мог видеть описываемые им события. Но в своей книге он опирался на сочинения очевидцев: Птолемея и Аристобула [4, с.10], которые во время походов Александра Великого вели собственные записи, а также могли пользоваться документами, хранившиеся в канцелярии Александра [5, с. 98]. Жизнеописание Плутархом Александра Великого, в отличие от сочинения Арриана, является биографическим, поэтому он пользовался как надежными, так и сомнительными источниками.

Целью завоевательной политики, проводимой Александром, являлось создание мировой державы, политика здесь выступает как средство, война и дипломатия есть инструмент политики, вторжение является средством войны, а военные кампании и поход являются разными формами вторжения. Целью вторжения и войны в целом является захват жизненно важных для страны противника регионов. Одной из форм вторжения является поход – военные действия, которые ограничены одним географическим регионом. Военная кампания, в отличие от похода, имеет большую географическую протяженность и длительность во времени. Поход преследует перед собой цель завоевания какого-либо региона (регион-совокупность нескольких поселений) или крупного города (при завоевании города, его окрестности, следовательно, и ресурсы легко контролировать), в то время как военная кампания ведется для выполнения более высокой стратегической задачи – завоевания области (для этого требуется установить контроль над стратегически важными крупными поселениями или городами, с помощью которых можно контролировать область). Таким образом, поход (как форма вторжения) находится в подчиненной зависимости от военной кампании, без похода (как и вторжения) не мыслима и сама кампания, но поход может существовать и как одиночное кратковременное явление.

Так, поход Александра против трибаллов, в ходе которого Александр уничтожил их город [6, с. 18], (возможно, это действие представляло собой акцию устрашения, так как после этого события к Александру были направлены послы как от трибаллов, так и от других соседних племен) является отдельным походом, а совокупность походов против трибаллов и иллирийцев представляют собой военную кампанию, так как они объединены общей целью – подчинение этих племен Македонскому государству. Дипломатия может выступать как вспомогательное средство внешней политики и должна быть во взаимодействии с военными действиями. Если посмотреть на итог кампании Александра во Фракии, то военные действия являлись пригото-

лением к дипломатическим переговорам, которые были призваны восстановить господство Македонии во Фракии и обеспечить спокойствие на границах с соседними племенами. Таким образом, война – это инструмент внешней политики, средством войны является вторжение (агрессия). Поход является формой вторжения, главные его признаки заключаются в ограниченности географического пространства и времени. Военная кампания, в отличие от похода, проходит на большей пространственно-временной протяженности.

Под геополитикой понимается влияние географии на политическую, стратегическую и экономическую деятельность государства, а также на существование в нем определенного социального строя (что влияет и на состояние военного дела). Во многом это зависит от местоположения, размера, функции и взаимоотношения местностей и ресурсов. Например, развитость инфраструктуры в Персидской империи можно объяснить благоприятными географическими условиями, которые способствовали развитию средств сообщений. Их совершенствование делало возможным быстрое передвижение войск, что позволяло приобретать новые территории. Покорность населения завоеванных территорий обеспечивалось возможностью ведения выгодной торговли на территории державы Ахеменидов. Именно эти два фактора способствовали успешному завоеванию Персидской империи Александром Великим, что подтверждается античными авторами. В сочинении Ксенофонта – “Киропедия” можно найти описание персидской почтовой системы: “Заметив, какое расстояние может проскакать лошадь за один день, он (Кир) устроил на таком расстоянии друг от друга почтовые станции, снабдил их лошадьми и конюхами и во главе каждой поставил человека, способного обеспечить прием и дальнейшую передачу письменных донесений, готового принять обессиливших лошадей и людей и отправить вместо них свежих.... Иногда эта скачка не прекращается даже ночью и дневного гонца сразу сменяет ночной... Несомненно, что из всех доступных человеку способов передвижения по суше этот быстрейший” [7, с. 618]. О почтовой системе с восхищением пишет Геродот: “Нет на свете ничего быстрее этих гонцов: так умно у персов построена почтовая служба! Рассказывают, что на протяжении всего пути у них расставлены лошади и люди, так что на каждый день пути приходится особая лошадь и человек. Ни снег, ни ливень, ни зной, ни даже ночная пора не могут помешать каждому всаднику проскакать во весь опор назначенный отрезок пути. Первый гонец передает известие второму, а тот третьему. И так весть переходит из рук в руки пока не достигнет цели” [7, с.548]. Кроме того, Геродот пишет и о том, что на главных дорогах были расположены

сторожевые посты с сильной охраной, которые обеспечивали безопасный проход по территории Персии [8, с.347].

В персидской империи развивалось и земледелие, эффективность которого зависело от сложных ирригационных систем. Крупные каналы были построены в Египте, в Вавилоне, в Средней Азии [9, с.635], что позволяло получать продовольственные ресурсы в большом количестве, которые можно было направить для содержания большой армии. Развитая инфраструктура и ирригационная система требовала развитой административной системы, которая создавалась в Персии в первой половине VI века до н. э. Дарием I. Он разделил империю на административные округа, которые назывались сатрапиями, которые, как правило, совпадали со старыми государственными и этническими границами стран (например Египет) [9, с.627]. Центральное управление во главе с царской канцелярией осуществлялось в Сузах. Все это способствовало численному превосходству персидского войска и флота над греческой армией и ее военно-морскими силами в греко-персидских войнах. Напротив, существование развитой инфраструктуры и административной системы в Элладе на том же уровне, как и в Персии, было невозможно из-за горного рельефа, присущего Балканскому п-ову. Горная местность и малые ресурсы Эллады и Македонии способствовали стремлению к экспансии, которая, в том числе требовала появления профессионального воина-наемника. Данное явление представляло собой переходную стадию от народного ополчения к регулярной государственной армии. В Македонии она была создана Филиппом II, отцом Александра, на основе идей Эпаминонда. С помощью идеи панэллинизма Александр сумел сплотить македонцев и большинство эллинов к походу против их общего врага - персов.

Самой близкой от Македонии территории Персидской империи был полуостров Малой Азии, ее побережье являлось удобным плацдармом для вторжения в Персидскую империю. Арриан пишет, что "Пармениону было приказано переправить много пехоты из Сеста в Абидос. Переправа была совершена на 160 триерах и на множестве транспортных судов" [6, с.26]. Численность армии Александра по Арриану насчитывала 30 000 пехоты и 5 000 всадников. "С наступлением весны Александр отправился к Геллеспонт, ... вел он с собою пеших, легковооруженных и лучников немного больше 30 000, а всадников свыше 5 000" [6, с.26]. Решающая битва между персами и Александром произошла у реки Граника в 334 году до н. э. Персидское войско приблизительно состояло из 20 тысяч конницы и пехоты, последняя состояла из греческих наемников, как об этом пишет Арриан [6, с.29]. Инициатива была на стороне македонской армии, в то

время как персы заняли оборонительную позицию на берегу Граника. Причиной того, что армия персов вела оборонительный бой, заключаются в превосходстве македонской тяжелой пехоты над персидской, как в качестве, так и в численности. Об этом свидетельствует Парменион в разговоре с Александром, который передал Арриан: “Я не думаю, чтобы враг, у которого пехота значительно уступает нашей, осмелился расположиться вблизи” [1, с.28]. Далее, продолжая высказывание, Арриан сообщает важные особенности реки и берега: “Видно, как тут много глубоких мест, а сами берега, - ты видишь, как они высоки и обрывисты” [6, с.28].

Позиция, выбранная персами, была удобна для обороны, но их главная ошибка заключалась, как замечает Дельбрюк, в том, что персы обороняли позицию неприиспособленной для этой цели конницей [10, с.145].

Арриан пишет: “Они (персы) выстроили конницу по берегу вдоль реки вытянутой линией, а пехоту поставили за всадниками; местность от берега шла, все повышаясь. Против того места, где они увидели Александра (его легко было заметить и по великолепию вооружения, и по робкой почтительности его окружающих), на своем левом крыле они густо выстроили по берегу конные отряды” [6, с.29]. Из этого отрывка, становится понятным, почему персы поставили свою лучшую конницу, их целью являлось не вся армия македонцев, а Александр – их полководец. Александр понимал это и поэтому он первым повел правое крыло, которым руководил сам, чтобы завязать бой и дать время переправиться македонской пехоте. “Александр, ведя правое крыло, под звуки труб и воинственные крики вошел в реку, все время держа строй наискосок течению, чтобы персы не могли напасть на него сбоку, когда он будет выходить из реки, а он вступил в бой сомкнутым, насколько возможно, строем. Персы бросились сверху на передовые отряды Аминты и Сократа, подошедшие к берегу: они метали дротики и копья в реку с прибрежных высот, другие же, кто стоял внизу, вбегали в самую воду. Всадники смешались: они стремились выйти на берег, другие им мешали; персы кидали множество дротиков; македонцы сражались копьями. Македонцев было значительно меньше, и в первую схватку им пришлось худо, потому что они отражали врага, стоя не на твердой почве, а в реке и внизу, персы же были на береговых высотах. Здесь была выстроена лучшая часть персидской конницы. Первые из македонцев,- храбрецы, схватившиеся с персами,- были изрублены, кроме тех, кому удалось повернуть к Александру, который уже приближался, ведя с собой правое крыло. Он первый бросился на персов, устремившийся туда, где сбилась вся

их конница и стояли военачальники. Вокруг него завязалась жестокая битва, и в это время полки македонцев, один за другим, уже без труда перешли реку” [6, с.30]. После того, как подошла остальная армия македонян, исход сражения решился в пользу Александра. Был прорван центр армии, а затем и фланги персов были опрокинуты, греческие наемники были окружены, а затем большей частью перебиты. “Македонцы стремились оттеснить персов от берега и прогнать их на равнину, персы – помешать им выйти и столкнуть обратно в реку. Тут и обнаружилось превосходство Александровых воинов: они были не только сильнее и опытнее, но и вооружены не дротиками, а тяжелыми копьями с древками из кизила. Персы поражаемые отовсюду в лицо копьями, были отброшены всадниками; большой урон нанесли им легковооруженные, замешавшиеся среди всадников. Они сначала отошли там, где в первых рядах сражался Александр, но когда центр их войска подался, то конница на обоих флангах была прорвана и началось повальное бегство. Около тысячи персидских всадников погибло. Преследование длилось недолго, потому что Александр обратился против наемников-чужеземцев. Александр повел на них пехоту, а всадникам велел напасть на них со всех сторон. Ворвавшись в середину, он в короткое время перебил всех” [6, с.31]. В результате битвы на реке Граник персы потеряли 20 тысяч греческих наемников и половину своего войска. Потери у македонян были незначительны, Арриан пишет: “У македонцев пало человек 25 “друзей” ...Остальных всадников пало больше 60, а пехотинцев около 30” [6, с.31]. В результате победы при Гранике Александр получил под свой контроль Малую Азию, Плутарх пишет: “Это сражение произвело тотчас в делах Александра полезный оборот. Он взял после того Сарды – главную твердыню приморских стран персидской державы; другие области к нему приставали. Только город Галикарнасс и Милет оказали ему сопротивление. Он взял оные приступом и покорил окрестные области” [11, с.825].

Таким образом, Малоазиатская кампания представляла собой ряд походов, цель которых заключалась в дезорганизации персидской войск и в подчинении ресурсов данного региона македонской армии. Установление господства в Малой Азии давало возможность для осуществления дальнейшего вторжения в пространства Персидской империи.

Литература

---

1. Карл фон Клаузевиц. О войне. Т. 1. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 558 с.

2. Искусство войны. Антология военной мысли. СПб.: «Амфора», 2000. 492 с.
3. Жомини Генрих. Стратегия и тактика в военном искусстве. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 414 с.
4. Waldemar Heckel. The conquests of Alexander the Great. Cambridge: University Press, 2008. 218 p.
5. Шахермайр Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1984. 384 с.
6. Арриан. Поход Александра. СПб.: Алетейя, 1993. 367 с.
7. Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М.: Ладомир, 2003. 756 с.
8. Геродот. История. М.: «АСТ МОСКВА», 2006. 669 с.
9. История Древнего Востока от ранних государственных образований до древних империй. М.: Восточная литература, 2004. 895 с.
10. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб.: Наука, 2001. 414 с.
11. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 1504 с.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА

А. О. Медетова

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова

Научный руководитель: С.И. Айкозов, д.и.н.

Обретение Казахстаном независимости поставило перед ним сложные задачи оформления политической, социально-экономической, правовой и культурной основы государственности. Следствием всех преобразований явилось стремление казахстанских историков переосмыслить свою историю. Распад Советского Союза способствовал практически полному разрушению научных связей между республиками, породил вакуум в изучении отдельных аспектов их истории. Особенно очевидна данная тенденция в отношениях Российской Федерации и Республики Казахстан. Она способствовала снижению активности российских исследователей в изучении проблем исторических связей империи с кочевым сообществом, в том числе и колониальной политики. Работы казахстанских ученых в современной российской историографии еще не получили специального исследования и всестороннего обобщения. Необходимость углубленного историографического анализа становится тем более очевидной, что после распада СССР и образования Республики Казахстан историческая наука Казахстана развивается в новом измерении - самостоятельном казахстанском историко-научном и историографическом пространстве. В этих условиях историография становится особенно значимой областью исторического познания. Она является важнейшим инструментом в осмыслении и выявлении характерных особен-

ностей качественно нового периода историографии Казахстана. Периода, испытавшего на себе влияние общего состояния развития исторических знаний, количественного и качественного состава изучающих её научных кадров, находящихся под воздействием самих исторических событий и общественно-политической атмосферы. Необходимо проанализировать достижения историков, что позволит выявить так называемые пробелы, наметить дальнейшие задачи по ее разработке. Историография может объяснить то, какие факторы оказывают влияние на процесс накопления и интерпретации исторических знаний по проблематике, закономерности данного процесса, этапы его развития в прошлом и тенденции современного состояния исторической науки Республики Казахстан. Исследование на уровне конкретной историографической проблемы стало бы, на наш взгляд, определенным научным вкладом в поиск научных моделей и подходов к изучению истории колониального периода и истории исторической науки Казахстана. Сегодня научное познание истории колонизации казахской степи Российской империей и направленного против нее национально-освободительного движения казахского народа во второй половине XIX - начале XX вв. стало одним из главных направлений научных исследований в современном Казахстане. Колонизация казахского края Российской империей - самый сложный и противоречивый период в истории казахского народа, значение которого заключается в превращении края в провинцию соседнего государственного образования. Вторая половина XIX - начало XX вв. ознаменовалось подъемом национально-освободительного движения, вступившего в качественно новый этап.

Определяющую роль в освободительной борьбе начинает играть национальная интеллигенция. В этой связи закономерно, что разработка различных аспектов указанных проблем в рассматриваемый период позволяет проследить развитие современной казахстанской историографии. Необходимость исследования данной проблемы должна быть обусловлена, прежде всего, потребностями научного познания. В то же время указанные проблемы имеют не только научное, но и большое общественное значение. При изучении данных вопросов, необходим объективный подход, свободный от конъюнктурного или эмоционального влияния, правдиво отражающий как негативные, так и позитивные последствия колониальной политики царизма. Сегодня нельзя строить российско-казахстанские отношения на стереотипах колониального периода. Несмотря на все перипетии истории, между русскими и казахами сложились искренние отношения братства и доверия. Сохранение этих отношений и укрепление их с учётом совре-

менных реалий отвечает коренным интересам обоих народов. От объективного отражения истории, принципиальной оценки исторических событий, зависят в некоторой степени и современные взаимоотношения между казахским и русским народами. И в этом плане проблема обретает новые стимулы к своей постановке.

Степень изученности темы определяется появлением исследований, посвященных данной проблеме. Характерными чертами современного этапа развития исторической науки Казахстана является обращение историков к процессам развития науки, осмысление накопленной предшествующими поколениями историков исследовательской информации о прошлом, анализ эффективности познавательной деятельности, теоретических основ и применяемых исследовательских методов, уяснения еще не решенных проблем. В условиях качественно новой институционализации, историография становится особенно значимой областью исторического познания. Она является важнейшим инструментом определения достигнутого наукой уровня развития, а также формирования направлений и задач дальнейших исследований, определения вектора научного поиска. Определение и осознание этой роли историографии в системе современного научного познания становится, безусловно, одной из актуальных проблем, требующей своего решения. В ряде работ казахстанских исследователей российской колонизации казахской степи историографические работы занимают весьма скромное место. Это можно объяснить тем, что в процессе своего развития казахстанская историография находилась под значительным влиянием политической ситуации, связанной с распадом СССР, становлением новых независимых государств, борьбой национальных элит за независимость. Историографический анализ затруднен также тем, что большинство работ о колониальной политике Российского государства в Казахстане нельзя однозначно считать историческими в общепринятом смысле. Исследования о колониализме зачастую представлены не только в научных работах, но и в публицистике. В казахстанской историографии предшествующего периода (60-80-е гг.) появляются первые историографические работы, в частности, раскрывающие процесс приращения исторических знаний по истории Казахстана второй половины XIX - начала XX вв. В них выделены этапы изучения истории Казахстана, отражены основные результаты и выводы русской дореволюционной историографии, а также советской исторической школы периода становления и развития (20 - 80-е гг.). Это работы Н.Е. Бекмахановой, Д.И. Дулатовой, И.В. Ерофеевой и др.¹

Основным трудом, содержащим анализ процесса накопления исторических знаний по дореволюционной тематике является фундаментальное исследование Д.И. Дулатовой «Историография дореволюционного Казахстана (1861 - 1991гг.)». В монографии Д.И. Дулатовой получили отражение все аспекты проблемы русской экспансии и колонизации казахской степи через призму дореволюционных и советских публикаций. Историографический анализ проблем основывался на концепции добровольного присоединения края к России. Анализ работ исследователей 30-70-х годов XX в. сделан с позиции марксистско-ленинской методологии. Автор критически оценивала концепции «абсолютного» и «наименьшего зла», отраженные в выводах современников, которые не вписывались в существовавшую концепцию добровольного присоединения. Тезис о добровольном присоединении затушевывал сложность и противоречивость этого процесса. Определенные новации, имевшие место в социально-политической жизни и в сфере общественного сознания в середине 80-х годов XX в., вызвали широкий интерес историков Казахстана к «белым пятнам» истории, в том числе и к колониальному прошлому края. Деятельность казахстанских историков сопряжена с процессами пробуждения национального самосознания казахского народа. Целый ряд проблем историографического и источниковедческого характера поднимались в статьях специальных тематических сборников. Многие вопросы историографии Казахстана, Средней Азии и России рассматривались исследователями сопредельных государств в контексте общности исторических судеб, взаимосвязанности исторических процессов и проявлений исторических закономерностей.

Последнее десятилетие XX века характеризуется появлением обобщающих работ по истории Казахстана. В коллективном труде «Историческая наука Советского Казахстана (1917 - 1969гг.). Очерки становления и развития» на основе проблемно-хронологического принципа подачи материала рассматривается развитие историографической мысли по широкому кругу проблем дореволюционной и советской истории. Продолжают ряд изданий по данной проблематике монографии И.М. Козыбаева «Историография Казахстана: уроки истории» и «Историческая наука Казахстана (40 - 80-е гг.)»⁶. Исследователь по-новому взглянул на историографию и историческую науку Казахстана и сделал широкий анализ направлений и основных тенденций. В разделе «Бекмахановская эпопея» исследователь задается целью восстановления исторической справедливости по отношению к советскому историку Е.Б. Бекмаханову. В работах Е.Б. Бекмаханова русско-казахские отношения рассматриваются с позиций формулы

«абсолютного зла». Исследование не вписывалось в идеологические установки того историографического этапа, для которого определяющее значение имела резолюция Объединенной научной сессии, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Ташкент, 1954г.), окончательно закрепившая формулу о прогрессивном значении присоединения Степного края к российскому государству без какого-либо критического отношения. В своих подходах к оценке колониального прошлого историки возвращаются к историческим концепциям 20 - 30-х годов XX века, в которых политика царизма в национальных окраинах, в том числе и в Степи, оценивалась с критических позиций. Основное внимание уделялось завоевательным мотивам и колониальным устремлениям царизма. Сейчас в республике большими тиражами переиздаются работы М.Н. Покровского, П. Галузо, М. Тынышпаева, Т. Рыскулова проникнутые идеей «колониального завоевания», отражая проблему в контексте формулы «абсолютное зло». П.Г. Галузо рассматривал историю колониальных приобретений России в тесной взаимосвязи со всеми регионами Центральной Азии. Он считал, что вхождение Казахстана в состав империи есть результат: во-первых - лишения народов политической самостоятельности и их завоевания; во-вторых - экономического закабаления; в-третьих - русско-английского соперничества при дележе мира на будущие колонии¹⁰. Отметим в этой связи новое направление в современной казахстанской историографии, имеющее значительный научно-познавательный потенциал - это изучение жизненного пути и научного наследия известных казахстанских ученых-историков Е.Б. Бекмаханова, Б.С. Сулейменова и др." В 1999г. в Москве был опубликован сборник историографических статей «Национальные истории в советских и постсоветских государствах», в которой алма-атинский исследователь М. Сембинов в статье «Становление национальной истории Казахстана» размышляет об особенностях, приоритетных направлениях и основных тенденциях в развитии казахстанской исторической мысли.

Важнейшим средством обновления бывшей советской гуманитарной науки, когда снизилась роль околонучной публицистики, но еще не создались условия, позволяющие ученым писать и издавать серьезные монографические работы, выполненные на базе новых методологий и лишенные явной идеологической предвзятости, стала научная периодика. Статьи в научной периодике позволяют увидеть тенденции историографического процесса. По журналам можно относительно точно определить момент, когда национальная история перешла из плоскости чисто политического интереса в плоскость научного ос-

мысления. Во второй половине 80-х - начале 90-х годов доминантными сюжетами в изданиях являлись историческая точность Бекмаханова: Автореф. ... дис. канд. истор. наук. Алматы, 1992; Исабек Б.К. Академик Р.Б. билитация и политический пересмотр колониального прошлого. Специфика этого этапа определялась, во-первых, историческим моментом (распад СССР, становление новых независимых государств, борьба национальных элит за независимость), во-вторых, в некоторых случаях, - политической ангажированностью академических изданий, в-третьих, отсутствием разнообразия подходов к изучению национальной проблематики (монополистами в этой области оставались ученые советской школы). Условно переломным для казахстанской исторической периодики явился период с 1993 по 1995 годы, когда политическая конъюнктура и несколько эмоциональное освоение сюжетов национальной истории уступили место более осмысленному и теоретически выверенному процессу. К середине 90-х годов наблюдается уменьшение количества публикаций по теоретико-методологической проблематике, содержащих антимарксистскую направленность. Это связано с осознанием научно-историческим сообществом того факта, что одним лишь отбрасыванием существовавших концептуальных парадигм и категориально-понятийного аппарата невозможно решить методологические проблемы. В это время в свет вышел ряд статей Ж.К. Касымбаева, С.Ф. Мажитова, В.З. Галиева и др., которые предприняли попытки подвести итоги изучения колониальной проблематики и выявили нерешенные проблемы¹³. Все эти работы содержат новые концептуальные суждения по проблематике, а также поднимают методологические проблемы. Они способствовали в определенной степени формулированию новых задач и развитию историографии интересующих нас проблем.

В 1994 году был опубликован сборник историографических статей «Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение». Среди публикаций, посвященных проблеме «Казахстан - колония царской России» отметим статью С.Ф. Мажитова «Вопросы методологии изучения характере колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века». Автор акцентирует внимание на вопросах, исследование которых позволит раскрыть сущность колониальной политики российского государства в Казахстане: «колониальный аппарат управления краем; характер аграрного законодательства метрополии; торговые связи с Россией и развитие торговых отношений; влияние политики метрополии на социальную структуру казахского аула; крестьянская колонизация из России переселенческая политика царизма; казачья колонизация и ее последствия;

разрушение традиционной структуры казахского общества; последствия развития капиталистических отношений в Казахстане и их влияние на промышленность; колониальная политика царизма в области культуры и религии». Примечательно, что многие историки-профессионалы, интенсивно осваивая ранее закрытые архивные фонды, в большей степени были заняты накоплением фактического материала и не вступали в дискуссии по проблемам поиска новых теоретико-концептуальных подходов. Тем самым, авторы статей, как правило, не связывают свои выводы с уже существующими в мировой историографии подходами и не выходят на уровень концептуальных обобщений. Казахстанские историки, за небольшим исключением оставались в стороне от тех дискуссий, которые разворачивались на страницах исторических журналов в России «Новая и новейшая история», «Отечественная история», «Вопросы истории» и др. по формационному и цивилизационному подходам, по вопросам периодизации, терминологии и т.д. Проработка значительного числа научной литературы, посвященной политике русского государства в Казахстане, позволила Ж. Кундакбаевой заключить, что в двухстороннем порядке казахско-русские отношения изучены достаточно подробно. Вместе с тем, автор отметила, что понять и оценить всю глубину политики России возможно только благодаря всестороннему исследованию и анализу не только политики русского государства относительно каждого из колонизируемых народов, но и через исследование системы оживление научной жизни в Казахстане выразилось в появлении специальных исторических журналов «Отан тарихы» (Отечественная история), «Казак тарихы» (Казахская история). Особой популярностью в научной среде отличается журнал «Отан тарихы» (Отечественная история), учрежденный Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в 1998 году. Издание имеет несколько рубрик, название которых позволяет судить о приоритетных направлениях в развитии казахстанской исторической науки. Это: актуальные проблемы исторической науки; историография, источниковедение, методы исторического исследования; материалы, посвященные жизнедеятельности выдающихся общественно-политических деятелей и ученых и др. Авторами многих публикаций выступают ученые М.К. Козыбаев, М.К. Койгельдиев, К. Нурпеис, Б.М. Сужиков, Е. Валиханов и др.

Концептуальное осмысление прошлого и первые реальные шаги по созданию национальной истории были связаны с активной научной деятельностью старых и новых академических институтов. Видная роль в развитии исторической науки суверенного Казахстана, в разработке приоритетных научных направлений принадлежит ученым Ин-

ститута истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахского государственного университета им. Аль-Фараби, Евразийского государственного университета им. Л.Н. Гумилева. Результаты научной деятельности ученых республики отражены в фундаментальных исследованиях, монографических трудах, сборниках статей, материалах конференций, документальных публикациях.

Институционализация новых центров национальной истории стала мощным катализатором, позволившим развернуться новому национальному историографическому проекту привели к утрате методологического единства науки, но марксизм все еще продолжает оставаться частью сознания некоторых казахстанских историков.

Литература

---

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 173 -179.
2. Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861 - 1917гг.). Алма-Ата, 1984.
3. Создание национальных историй. Новое поколение ученых СНГ размышляет // Содружество НГ.1998. № 10.
4. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы, 1995.
5. Историческая наука Советского Казахстана (1917 - 1960гг.) Очерк становления и развития. Алма-Ата, 1990.
6. Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата, 1990.
7. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К. К. Нурмагамбетова

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова

Научный руководитель: К.К. Абдрахманова, к.и.н., старший преподаватель

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих «историко-антропологического поворота», начавшегося в гуманитарных науках в конце 60-х гг. XX в. Противоречия между абстрактностью общих законов истории и конкретной жизнью обычных людей послужило основанием для поисков новых подходов в историческом познании. История отображает общее, отвлекаясь от частных фактов. Из поля зрения ученых выпала индивидуализированная повседневная жизнь человека, конкретно-исторические аспекты его бытия. Историки обратились к

исследованию повседневности, как к одному из возможных путей разрешения названного выше противоречия. По мнению исследователя Пушкаревой Н.Л., повседневность – это мир всех людей, в котором исследуется не только материальная культура, питание, жильё, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания. История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [1]. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события [2]. Рассматривая зарубежную историографию, к общетеоретическим источникам по «истории повседневности» следует отнести, во-первых, работы основателей феноменологического направления в философии и, в частности, Э.Гуссерля (1859–1938). Он первым обратил внимание на значимость философского осмысления не только высоких абстракций, но и «сферы человеческой обыденности», которую он именовал «жизненным миром». Во-вторых, шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 1960-е годы модернистских социологических концепций, прежде всего – теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана [3]. Именно они призвали изучать «встречи людей лицом к лицу», полагая, что такие «встречи» (социальные взаимодействия) есть основное содержание обыденной жизни. Они первыми поставили вопрос о языке таких «встреч» и путях «заучивания типизаций повседневных действий», дав тем самым толчок исследованиям социального конструирования идентичностей, пола, инвалидности, психиатрии и т.п. Работы зарубежных социологов Г.Гарфинкеля и А.Сикуреля сумели «заметить» индивида как весьма независимого от абстрактных структур преобразователя реальности [4]. В-третьих, на рождение истории повседневности оказали влияние идеи К.Гирца, увидевшего в любой культуре «стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков». Расшифровка этих актов и символов, составляющих повседневные типизированные людские практики, «интерпретация паутины значений, которую человек сам сплел», выступает у этого социо-антрополога способом познания. Интерпретация, а не просто собирательство фактов – по К. Гирцу – есть цель этнографически-ориентированной науки, в том числе и истории, позволяющей в этом

случае понять представителей иных культур, их восприятие событий и явлений [5].

Неоценимый научный вклад в изучении повседневности был сделан Ф. Броделем, для которого повседневность являлась одним из штрихов в картине истории, состоящей из экономических, производственно-технических, демографических и прочих процессов. Он предложил переориентировать исторические исследования и перейти от чисто событийной политической истории, поисков всеобщих закономерностей развития экономики и этнографического «бытописательства» к комплексному аналитическому изучению историко-психологических историко-демографических, историко-культурных сюжетов. Броделевские идеи успешно нашли своё дальнейшее отражение в науке стран Западной и Центральной Европы (Польши, Венгрии, Австрии) [6].

В конце 80-х-начале 90-х годов XX века в западной и советской историографической науке наблюдается всплеск интереса к повседневности. Появляются первые работы на эту тему. Печатается серия статей в альманахе «Одиссея». Где предпринята попытка теоретического осмысления повседневности. Это статьи Г.С. Кнабе, А. Я. Гуревича, Г. И. Зверевой [7-9]. Интересны рассуждения С. В. Оболенской в статье «Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта» о методах изучения истории повседневности на примере рассмотрения индивидуальной биографии [10]. Удачной попыткой комплексного описания повседневной жизни населения в Веймарской республике является вышедшая в 1990 году работа И. Я. Биска [11]. Используя обширную и разнообразную источниковую базу, он достаточно полно описал повседневную жизнь различных слоёв населения Германии. Он приводит убедительные данные, конкретные примеры, описывает питание, одежду, жилищные условия и т.д. Если в статьях Г. С. Кнабе, А. Я. Гуревича, Г. И. Зверевой даётся теоретическое осмысление понятию «повседневности», то статья С.В. Оболенской и монография И. Я. Биска – это исторические работы, где авторы на конкретных примерах пытаются описать и определить, что есть повседневная жизнь. Имеет смысл назвать наиболее крупных немецких исследователей в этой области. Классиком в этой области является историк-социолог Норберт Элиас, автор работ «О понятии повседневности», «О процессе цивилизации», «Придворное общество». Немаловажен вклад такого учёного как Петер Боршайд. Наиболее известные его работы – «Разговоры об истории повседневности». Вопросами Нового времени занимается Лутц Нейхаммер, который работает в университете города Хагена, и очень рано, уже в 1980-м году, в статье журнала

«Историческая дидактика» исследовал историю повседневности. Эта статья называлась «Примечания к истории повседневности» и представляла собой критическую дискуссию повседневно-исторического течения. Издание Клауса Бергмана и Рольфа Шеркера «История повседневности – повседневность в истории» состоит из ряда работ теоретического плана. Также проблемой повседневности занимается доктор Пойкерт из Эссена, который издал ряд работ теоретического плана. Одна из них «Новая история повседневности и историческая антропология». Известны следующие работы: Петер Штайнбах «Повседневная жизнь и история деревни», Юрген Кокка «Классы и культура». Есть также обобщающая работа Ю. Кусцински «История повседневности немецкого народа. 1600-1945 в пяти томах. Очень важно отметить, что по проблеме истории повседневности была проведена в Берлине (3-6.10.1984) дискуссия, которая в заключительный день называлась «История снизу – история изнутри». Выразителями новейших потребностей и тенденций в историческом познании в начале XX века стали представители школы «Анналов» - это Марк Блок, Люсьен Февр [12]. Предметом их изучения становится «история масс», разрабатывалась «география человека», история материальной культуры, историческая антропология, социальная психология. Историки очертили предметную область повседневного бытия человека, указали на методологическую значимость его исследования, так как в истории повседневности отображается развитие цивилизации в целом. Исследования повседневности помогают выявить не только объективную сферу бытия человека, но и сферу его субъективности. Вырисовывается картина того, как укладом повседневности детерминированы поступки людей, влияющие на ход истории. «История снизу» призывает людей оживить в памяти народа тех безымянных участников, чьи жизни во всех исторических сочинениях, в том числе и тех, где речь идёт о «народных массах» как «движущей силе истории» неизбежно исчезают, растворяются в величии исторических событий или в деяниях героев. В современной казахстанской историографии интерес к истории повседневности, к сожалению, начал проявляться относительно недавно, о чём свидетельствует отсутствие работ по данной проблематике. Существуют, конечно, определённые работы, затрагивающие кое-какие моменты так называемой казахстанской повседневности, однако, на мой взгляд, назвать их трудами конкретно по истории повседневности будет неверно. Это, в основном, работы обобщённые, что уже по своей сути противоречит главному принципу изучения повседневности – принципу «систематизированного индивидуализма». Необходимо увеличивать интерес молодых ученых к

проблеме изучения истории повседневности, так как данное направление является новым в исторической науке, а, следовательно, не включает возможности извлечения свежих сведений, которые можно получить при работе в архивных фондах и которых уже на протяжении многих лет нуждается история всего мира в целом. Считаем, что история повседневности способна стать толчком к пробуждению исторической науки и дальнейшему её развитию в рамках становления современного общества путем повседневного его конструирования.

Литература

---

1. Пушкарёва Н. П. История повседневности и частной жизни глазами историка // История. – М., – 2003. – С.12.
2. Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. - №5. – С.3 – 19.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995 – С.198.
4. Коркюф Ф. Когнитивная социология Арона Сикуреля и Гарольда Гарфинкеля // В книге Новые социологии / пер. с фр. Е. Д Вознесенской, М. В. Федотовой; науч. Ред. Н. А. Шматко. –Спб: Алелейя, 2002. – С.172.
5. Оболенская С. В. «История повседневности» в историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. – М., 1990. – С.315.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII в.Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.,1986. – С.622.
7. Кнабе Г. С. Общественно-историческое познание второй половины XX века и возможности их преодоления // Одиссей. Человек в истории. – М., 1993. – С.27.
8. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. – М.,1996. – С.34.
9. Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблема саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. – М.,1996. – С.187.
10. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта // Одиссей. Человек в истории. – М., 1996. – С.47.
11. Биск И. Я. История повседневной жизни населения в Веймарской Республике. – Иваново,1990. – С.284.
12. Немецкая социология / Отв. Ред. Р. П. Шпакова. – Спб.: Наука, 2003. – С.562 .

ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ И ЕГО БОРЬБА ЗА ЕДИНЕНИЕ ХРИСТИАН

О. П. Олохова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Научный руководитель: О.Ю. Белоус О. Ю., к.и.н., доцент

В византийском обществе VI в. возросла идейная и политическая роль православной церкви. Ее влияние на все стороны общественной жизни — идеологию, политику, законодательство, быт, нравы, — было необычайно велико. Правительство Юстиниана прекрасно понимало силу церкви и старалось всеми способами укрепить свой союз с ней [1].

Продолжая политику Юстина, своего дяди, Юстиниан выступил защитником православия против каких-либо иных вероучений. К союзу с православным духовенством Юстиниана подвигло то обстоятельство, что его отношения со старой сенаторской аристократией были напряженными, и поэтому он нуждался в таком могущественном союзнике, как церковь: ведь она имела много приверженцев и в центральных областях империи и в самой столице.

Мечта Юстиниана о создании единой империи на основе единой православной веры была очень далека от осуществления. В огромном государстве кипела религиозная борьба, существовало множество враждовавших между собой и несогласных с догматами православия еретических течений. В раннехристианские времена языческие верования и ритуалы были еще широко распространены, подавление любых уклонений в сторону от принятого учения было столь же необходимо, как искоренение идолопоклонства [2, с.59].

Император был искренне убежден, что он является первым авторитетом богословия во Вселенной, постоянно вел борьбу с язычниками и еретиками. «По всей Римской державе есть множество отверженных учений христиан, называемых обычно ересями: монтанистов, савватиан и других, — сетовал историограф Юстиниана Прокопий Кесарийский, — в которых обыкновенно заблуждаются мысли человеческие. Всем им он повелел отказаться от своего прежнего учения, а ослушникам грозил многими карами» [3, с.354].

Василевс обнародовал указ, согласно которому язычники и еретики практически лишались гражданских прав — не допускались на государственную службу, лишались имущества и права исповедовать свою веру. Юстиниан считал, как отмечал Прокопий: «Справедливо лишать земных благ того, кто неправильно поклоняется Богу», — и посылал для усмирения непокорных войска [4, с.354]. Когда же вскоре

такой же закон был издан и относительно самаритян, беспорядочное волнение охватило Палестину. Те, кто жил в Кесарии и других городах, считая за глупость терпеть какие бы то ни было страдания из-за бессмысленного учения, поменяли свое прежнее название на имя христиан и под такой личиной смогли избежать грозящей от этого закона опасности» [5, с.355]. Для императора не имело ни малейшего значения то обстоятельство, что при этом погибло большое количество солдат и что, Римской империя превратилась в пустыню, покрытую пеплом и развалинами.

Юстиниан боролся с такими ересями, как монофизитство, самаритянство, арианство, оригенизм и др.

Монофизитство — христологическая ересь, основанная константинопольским архимандритом Евтихием (378 — 454), была поддержана александрийским патриархом Диоскором и осуждена церковью на Халкидонском вселенском соборе (451 г.). Ведущими богословами-монофизитами к началу VI в. были Филоксен, епископ Маббогский (480—518), Иаков, епископ Саругский (451—521) и Севир, патриарх Антиохийский (512—518) [6, с.135,136]. Монофизиты утверждали, что Христос, хотя рожден из двух природ, или естеств, но не в двух пребывает, так как в акте воплощения неизреченным образом из двух стало одно, и человеческая природа, воспринятая Богом-Словом, стала только принадлежностью Его божества, утратила всякую собственную действительность и лишь мысленно может различаться от божественной [7]. Таким образом, согласно монофизитской ереси, Христос обладает одной природой — Христос Бог, но не Человек. Среди монофизитов большим влиянием пользовались богатые купцы и другие состоятельные горожане крупных городов Востока, сепаратистски настроенные земельные магнаты восточных провинций.

Средоточием монофизитского движения являлись Сирия, Палестина и Египет. На эти цветущие провинции и была направлена церковная политика Юстиниана [8, с.361]. Монофизитство определилось исторически как противоположная крайность другому, незадолго перед тем осужденному, воззрению — несторианству, которое стремилось к полнейшему обособлению или разграничению двух самостоятельных природ во Христе. Несторианство, христианская конфессия и одноименное христологическое учение, осужденное как ересь на Эфесском соборе в 431 г., традиционно приписывается Несторию, архиепископу Константинополя (428—431), было развито в трудах Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуэстийского (IV в.).

Для правильного понимания истоков христологической распри необходимо принять во внимание существование в IV в. двух интел-

лектуальных школ, по-разному подходивших к христологической проблеме. Эти две школы, или, скорее, две тенденции, как их предпочитают называть современные историки, были восточная, антиохийская и египетская, александрийская. Согласно Грильмайеру, можно говорить о двух "формулах" христологической мысли, из которых одна — антиохийская — говорила о Христе как о Слове вочеловечившемся, а другая — александрийская — как о Слове воплотившемся [9]. Гонения на монофизитов, поднятые при Юстине, продолжались и в начале правления при Юстиниане. Однако они не были поддержаны императрицей Феодорой. «Как будто бы по взаимному соглашению, — представляет ситуацию Прокопий, — Юстиниан был покровителем православных, а императрица Феодора — защитницею монофизитов. Феодора имела на императора сильное влияние. Один современный ей монофизитский писатель называет ее "правоверной, исполненной ревности", "христолюбивой царицей, поставленной Богом в трудные времена для поддержки гонимых" [10, с.194]. Василевс на какое-то время прекратил гонения на монофизитов. Он видел в такой политике путь к единению христиан в государстве

Более непреклонная политика проводилась правительством Юстиниана в отношении иудейской секты самаритян, учение которых имело много прозелитов в Палестине и других восточных провинциях. На самаритян в полной мере обрушились общие законы против еретиков. А в 528 г. Юстиниан издал специальный эдикт, предписавший немедленное закрытие самаритянских синагог и запрещавший их восстановление в будущем. По словам Прокопия, этот закон вызвал «необычайное волнение». По его мнению, жестокий налоговый и национальный гнет, пренебрежение к культуре, религии и обычаям самаритян, притеснения со стороны местной знати и «правоверного» духовенства — все это усугубляло народное недовольство в Палестине [11, с.275].

На Западе империи прочные корни пустило арианство. В варварских королевствах остготов, вестготов и вандалов арианская церковь долгое время пользовалась привилегиями. Арианское духовенство обладало огромными богатствами и множеством приверженцев. В Северной Африке, несмотря на гонения, сохраняли влияние донатисты и другие, более радикальные, религиозные секты [12]. Арианство (основатель — священник Арий, ум. в 336), не принимало ни одного из основных догматов официальной христианской церкви о единственности Бога — отца и Бога-сына (Христа), было воспринято «варварами» — германцами и утвердилось на некоторое время в Италии и в Северной Африке. В Галлии Меровинги утвердили ортодоксальную ве-

ру. Завоевав «варварские» королевства вандалов в Африке и Остготское в Италии, Юстиниан вернул церкви единство. Нет ничего приятнее Богу, высказывал Юстиниан, как соединение всех христиан в одно стадо [13, с.361].

Одним из выдающихся представителей александрийской школы был Ориген, которого поистине можно назвать основателем христианского богословия. В то время как Ириней, Игнатий, Тертуллиан и Киприан были церковниками, которым приходилось иметь дело с насущными богословскими проблемами, диктуемыми конкретной обстановкой, Ориген был великим христианским философом, впервые предпринявшим серьезную попытку систематического объяснения христианства в категориях эллинской мысли [14]. Ориген завершает раннее сравнительное, апологетическое христианское богословие, выступавшее уже как система — это выражается в его полемическом труде, направленном против Цельса, в изучении Библии, в толковании им религиозных памятников с использованием учения гностиков и неоплатоников, особенно учения о Логосе. В философии Оригена Бог — это действующее провидение; Христос является образом Бога Отца. Ориген разработал доктрину о трёх смыслах Библии: «телесном» (буквальном), «душевном» (моральном), «духовном» (философски-мистическом), последнему отдавалось безусловное предпочтение.

Во второй трети VI в. в Палестине возродились оригенистические споры по вопросу о воскресении и загробной жизни, которые привели к отрицанию вечных мук грешников. Это учение разделили некоторые монахи Новой Лавры Святого Саввы. Сам св. Савва сдерживал монахов. Но после его смерти в 532 г. споры оживились [15, с.436]. Последователями оригенизма оказались два таких лица, как Дометий, епископ Анкирский и Феодор Аскида, епископ Кесарии Каппадокийской. Споры монахов продолжались около 10 лет. Один из ближайших учеников св. Саввы, Геласий, изгнал оригенистов из великой Лавры; они нашли себе убежище в новой Лавре. Этим спором заинтересовался сам Пелагий, сумевший заинтересовать им и императора. Юстиниан ревностно занялся изучением творений Оригена и сочинил ученый трактат, в котором осудил его учение, как еретическое. С предложения василевса церковный собор в 543 г. осудил отдельные пункты учения Оригена, предал его анафеме как «безбожного», а также всех его единомышленников. Под этим подписались патриархи Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима.

Юстиниан считал своей обязанностью восстановить Римскую империю. Продолжая дело Константина Великого, давшего империи христианство и возвысившего центр Империи на Востоке, в Констан-

тинополе, он прилагал все усилия для духовного единения своих подданных. Исходя из принципа абсолютной власти, он полагал, что в хорошо устроенном государстве все должно было подлежать императорскому вниманию и пониманию. Осознавая, что церковь является важным средством единения людей разных этносов, разных сословий, он делал все для ее укрепления. Юстиниан был образованным человеком, знал хорошо Священное Писание, любил лично участвовать в религиозных диспутах. Его высокая набожность выразилась в литературно-религиозном творчестве: он был автором церковных песнопений, гимнов. Для Юстиниана религиозные несогласия, как вносившие смуту в государство, казались опасными и с политической точки зрения: они угрожали единству империи. В борьбе за единую церковь пришлось столкнуться с иудеями, язычниками, еретиками разных толков; к числу последних он причислял манихеев, несториан, монофизитов, ариан и других представителей менее значительных религиозных учений.

Он фактически покончил с арианством на Западе, закрыл последние языческие храмы и школы, превратил христианскую веру в религию народных масс. Христианское богослужение, возникшее как культ, отправляемый маленькими гонимыми общинами, теперь стало совершаться в огромных соборах, таких как «Великая церковь», собор Св. Софии в Константинополе, прославлявшая, наряду с Богом, царствование василевса. Император Юстиниан Великий был не только главным византийским политиком VI в., но и, пожалуй, ведущим православным богословом того времени. Это был император, наиболее удачно совмещавший свое светское служение с призванием богослова.

Литература

---

1. Васильев А.А. История Византии в 3 Т. Т.1. Изд-во 2 испр. - Спб.: «Алетейя», 2000. [Эл. ресурс]. Режим доступа // www.hrono.ru/libris/lib_we/vaa100.html
- Райс. Т. Византия. Быт, религия, культура / Пер. с англ. О. О. Дмитриевой.- М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 59.
- Прокопий Кесарийский. Тайная история / Пер. А.А.Чекаловой.- М., 1993. С. 354.
- Там же.
- Там же. С. 355.
- Лурье В.М. История византийской философии. Формативный период. - СПб.: Аxioma, 2006. С. 135, 136.
- В. С. Соловьев. Монофизитство, монофизиты [Эл. ресурс]. Режим доступа // halkidon2006.narod.ru/o/sobor/572vl_solov.htm
- Успенский Ф. И. История Византийской империи / Сост. Т. В. Мальчикова.- М.: Мысль, 1996. С. 361.

Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. [Эл. ресурс]. Режим доступа // www.krotov.info/.../m/meyendrf/patr_19.html
Кулаковский Ю.А. История Византии: В 3 Т. Т.2. Спб.: Алетейя, 2000. С. 194.
Успенский Ф. И. История Византийской империи / Сост. Т. В. Мальчикова. - М.: Мысль, 1996. С. 275.
Васильев А.А. История Византии в 3 Т. Т.1. Изд-во 2 испр. - Спб.: «Алетейя», 2000. [Эл. ресурс]. Режим доступа // www.hrono.ru/libris/lib_we/vaa100.html
Успенский Ф. И. История Византийской империи / Сост. Т. В. Мальчикова.- М.: Мысль, 1996. С. 361.
Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. [Эл. ресурс]. Режим доступа // www.krotov.info/.../m/meyendrf/patr_19.html
Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) Изд-во «Жизнь с Богом». Брюссель, 1964. С. 436.

ИСТОРИЯ КИТАЙСКОЙ ОБЩИНЫ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Е. Ю. Савченко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.А. Гончарова, к. и. н., доц.

К числу новых быстрорастущих диаспор на территории России относится китайская, история которой ведет свое начало с середины XIX в. Не является исключением и территория современной Томской области, где еще в первой трети XX в. проживало китайское население. В центре внимания данной статьи находятся вопросы формирования и исчезновения китайской общины, а также особенности профессиональной деятельности ее членов.

Сведения о появлении и проживании китайцев в Томске весьма ограничены. Наиболее полная информация содержится в «Книге памяти жертв политических репрессий», включающей сведения по репрессированным народам. Эти данные были дополнены архивными документами, часть которых была рассекречена только в 2003 г., а также воспоминаниями томичей.

Впервые о выходах из Китая на территории Томской губернии упоминается в 1874 г. в переписке епископа Томского и Семипалатинского со Святейшим Правительствующим Синодом. В документе говорится о проживающих вблизи укрепления Бахтинского новокрещенных китайских эмигрантах [1], прибывших из Кемчуга по причине голода и притеснения китайскими чиновниками [2].

Присутствие выходцев из Китая в Томске отразилось в документации местной полиции. Так, имеется отчет об аресте трех подданных Квантунской империи, которые являлись фокусниками. Проживали они на Московском тракте в съемном доме [3, л. 5]. В марте 1904 г.

военной охраной Сибирской железной дороги были задержаны по подозрению в шпионаже двое китайских подданных из провинции Печели 27 и 23 лет, направлявшихся в Томск для передачи письма своему соотечественнику. Один из задержанных был фокусником, другой его переводчиком. Задержанные не имели постоянного места жительства и зарабатывали на жизнь, давая представления в различных сибирских деревнях [3, л. 2]. Упоминается также о семи китайских подданных, в том же году прибывших со станции Тайга в сопровождении жандармского унтер-офицера с конвоирами [3, л. 8 – 8 об.].

В первые десятилетия XX в. китайское население в Томске регулярно пополнялось. Имеются сведения, что в 1916 г. вид на жительство в Томске получили трое китайских подданных, приехавших на заработки и поселившихся в Благовещенском переулке и на Татарской улице [4, л. 2]. В 1917 г. вид на жительство получили 10 китайцев в возрасте от 20 до 50 лет. Некоторые проживали ранее в других сибирских городах. В Томске прибывшие поселились по улицам Мухинской, Лермонтовской, Никольской, занимались торговлей и мелким ремеслом [4, л. 3-24]. Двое из них, в том числе один с шестилетней дочерью, получили билет на жительство и право переезда по территории Российской империи на 1 год с возможностью последующего продления [5, л. 17, 54].

Точные данные о количестве китайцев, проживающих в Томске и прилегающих территориях в 1920-е гг., отсутствуют. Однако, согласно воспоминаниям томичей, их было «очень много». Так, по сведениям студента Технологического университета, они проживали компактно и занимали всю левую часть за Ушайкой от технологического университета. Место так и называлось - Китайский городок. Большинство его жителей были мужчины, из-за малого количества китаянок бравшие в качестве жен высланных русских проституток. Основными источниками доходов китайцев были прачечные, швейные и обувные мастерские. У студентов услуги китайцев пользовались особой популярностью, так как они обходились дешево и были очень качественными [6, с.56-57].

Появление китайских общин как в Томске, так и в других крупных городах Западной Сибири во время Первой мировой войны и в последующие 1920 – 1930-е гг. исследователи связывают с увеличением количества рабочих-контрактников и отходников из Китая. Общее количество китайцев в Сибири достигало в этот период более 40 тысяч. В основном, это были выходцы из низших социальных слоев [7].

Наличие значительного числа китайских мигрантов на территории России заставило российские власти и лидеров китайской общины

решать эту проблему на общегосударственном уровне. Так, в 1917 г. для обеспечения эвакуации основной части китайцев на родину был создан Союз китайских граждан в России, ставший в последствии механизмом контроля и большевизации мигрантов. В районах скопления китайцев создавались отделения Союза китайских граждан. В 1920 г. под председательством Ван-Син-юан такое отделение было открыто в Томске. Существовали отделения Союза и в таких крупных городах, как Омск, Новониколаевск [7].

Новый приток китайцев в Томск приходится на начало 30-х гг. XX в. и связан со сложной политической ситуацией в самом Китае. В начале декабря 1932 г. на советскую территорию была вытеснена китайская «Армия спасения Родины», под командованием генерала Су Бин-вэня. Она выступала против японцев и властей Маньчжоу-Го. По официальным советским данным, вместе с командующим границу перешли 2890 военных: 11 генералов, 322 офицера, 6 чинов, 49 студентов, 2500 солдат, 159 полицейских и 1200 гражданских лиц, в том числе женщины и дети [8].

«Армия спасения Родины» не являлась плененным противником, а имела более высокий статус - интернированной, так как они перешли не к врагу, а к третьей стороне. Томск в качестве места временного проживания интернированной армии определило московское командование. В городе были созданы необходимые условия для размещения армии. На Томске-I были оборудованы бараки и больница на 40 человек, выделено топливо на два месяца. Центральные власти настаивали на том, чтобы у интернированных был сборный пункт и учебный центр на 150 слушателей, 11 квартир для начальства, 6 классов для занятий, склады и конюшни для учебного центра. Однако официальный прием устраивать было запрещено [9, с.8].

Пребывание китайской армии в Томске держалось в строгой секретности, и, вероятно, именно поэтому данный факт остался малоизвестным в истории Томска и Сибири.

В марте 1933 г. китайское командование было приглашено в Москву. После официального визита, который не подлежал огласке, армия была репатриирована в Китай. Однако место временного пребывания в Томске покинули не все китайские граждане. Известно, что оставшиеся китайцы организовали рабочую артель под названием «Красный Китай» в пригородной деревне Степановка [9, с.8]. В нее входило 6 рабочих, завхоз, агроном-огородник и заместитель председателя в возрасте от 20 до 46 лет. За исключением зампреда, имеющего среднее образование, у остальных было только начальное [10]. Некоторые из них создали в Сибири семьи с русскими женщина-

ми и имели детей. Об этом свидетельствуют имена и фамилии жен - Софья Колесникова, Марфа Карасева. У одного из китайцев был сын Леонид полутора лет [11, с.88].

Исчерпывающих данных о численности китайцев в границах современной Томской области не обнаружено. К сожалению, сохранилась только информация о репрессированных китайцах. По материалам «Книги памяти жертв политических репрессий» в Томской области насчитывается 64 китайца, арестованных и расстрелянных в 1937-38 гг. по обвинению в участии в шпионско-диверсантахской китайской организации. Согласно этому источнику, в Томске было приговорено к расстрелу 15 китайцев, в Степановке – 9, в Каргаске – 13, в Колпашево – 8. Единичные случаи ареста граждан Китая отмечались в Шегарском, Александровском, Кривошеинском, Туганском, Зырянском районах, в Бакчаре и Белом Яре. [10].

Этот же источник дает сведения о месте выхода и занятиях китайцев. Основная масса китайских мигрантов прибыла из провинций Шаньдун, Хэбэй, Тяньцзинь а также из городов Харбин и Пекин. Встречаются и уроженцы российского Дальнего Востока. Практически все они относились к трудоспособному населению. Неграмотные или малограмотные работали, в основном, в качестве чернорабочих, сапожников, мелких торговцев или не имели определенных занятий. Имеющие среднее образование занимали такие должности, как счетовод, кассир, пекарь, парикмахер. В сельской местности китайские мигранты трудились преимущественно в колхозах и на лесозаготовках, а некоторые из них работали в качестве поваров, ветеринаров, заведующих магазинами. Двое представителей китайской эмиграции, имеющие высшее и неоконченное высшее образование, работали бухгалтерами. Примечательно, что и среди единоличников был китаец [10].

В целом китайская община на территории современной Томской области прекратила свое существование в связи с политическими репрессиями 1937 – 1938 гг. Многие ее представители были обвинены в шпионаже и расстреляны.

Таким образом, в первые десятилетия XX в. китайское население в границах современной Томской области регулярно пополнялось. Наиболее массовый приток приходится на начало 1930-х гг. Однако информация о точной численности китайских мигрантов не обнаружена. Наибольшей концентрации граждане Китая достигли в Томске и Томском районе. Согласно имеющимся данным, это были малообразованные выходцы из различных провинций Китая, занимавшиеся в основном низкооплачиваемым неквалифицированным трудом. Исчез-

новение китайской общины приходится на конец 1930-х гг. и связано с политическими репрессиями.

Источники и литература

---

1. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 818.
2. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 534.
3. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3348.
4. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 4038.
5. ГАТО. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 3.
6. Клеер В.Р. «Мы жили очень дружно с ними...» // Сибирская старина. 2003. № 23. С 56 – 57.
7. Бойко В.С. Китайские общины в Западной Сибири в 1920-е – 1930-е годы: социально-политическая характеристика // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.uni-altai.ru/Resources/orient/proj/Cninese.html> (дата обращения: 27.02.2010)
8. Приль Л. Маньчжурия – Томск – Синьзянь // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: www-sbras.nsc.ru/HBC/2004/n28-29/f18.html (дата обращения: 4.01.2010)
9. Веснина Т. Томская зима генерала Су // Томский вестник 2003. 29 октября. С. 8.
10. Книга памяти жертв политических репрессий // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://lists.memo.ru> (дата обращения: 20.01.2010)
11. Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межнациональной коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2006. 226 с.

ИМЯ И СУДЬБА ПРАВИТЕЛЯ

С. О. Сутормин

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Л. Морозова, ст. преп.

Основной задачей нашего исследования является сопоставление значений имен выдающихся политиков - Александра III (Папа Римский). и Александра I (император России) - с их судьбой. Данное знание поможет историкам всесторонне понять личность самой исторической фигуры и оценить ее поступки.

В ходе проведения данного анализа следует учитывать не только политические и социально – экономические ситуации в стране, которые во многом предопределяли их деятельность, но и специфику воспитания, образования конкретного лица, а так же тот факт, что имя, как правило, давалось в честь их великих предков.

Рассмотрим жизнь и деятельность двух Александров (греч. – муж, мужественный, защитник людей) - политических деятелей, живущих в

разных исторических эпохах, однако столкнувшихся с аналогичными трудностями. Александр III и Александр I, будучи обладателями одного имени, являлись людьми высокого интеллектуального и духовного развития, получившими соответствующее их статусу блестящее воспитание и образование.

Рассмотрим влияние семантики данного имени на жизнь Александра III (в миру Орландо – Бандинелли), который был Папой Римским в 1159 – 1181 гг. Он начал свою карьеру при папе Евгении III, а при папе Андриане IV был легатом (посланником) святого престола при дворе Фридриха Барбароссы. Будучи «защитником людей» в 1157 г. именно он вручил в рейхстаге в Безансоне Фридриху папское послание, гласившее, что император получил свою власть от папы. Данный факт, с одной стороны, повлиял на судьбу самого Александра III, а с другой стороны, положил основу противостояния Папы Римского и Барбароссы – талантливого полководца и правителя. Легата тогда едва не убили сторонники императора, а вскоре последовал поход Барбароссы в Италию.

Следующей отличительной чертой Александров является сила воли, решительность и неприятие установленных догм, что не могло не определить стремление Александра III к власти, когда в 1159 г. он был неоднозначно избран Папой. Сами выборы проходили не без осложнений, так как произошел раскол в коллегии кардиналов, часть из которых, опасаясь диктата Барбароссы, поддержала его, а сторонники императора избрали своего кандидата (Виктора IV). Поэтому выборы были практически сорваны, что не смутило Александра III, а заставило проявить невиданное упорство и смелость в борьбе с Фридрихом Барбаросса. Дело осложнялось тем, что Фридрих Барбаросса со своими войсками в это время находился в Италии. Этот факт вынудил Александра III обратиться за поддержкой к королям Сицилии, Франции и севера городов Италии и организовать войско на борьбу с вдвойне превосходящим войском императора. Военные победы поначалу были на стороне Барбароссы, однако он продолжал мужественно противостоять захватчику и победил, после чего наложил на него церковное отлучение в том же году [1].

Другой характеристикой, свойственной обладателям имени Александр, является высокий уровень активности, импульсивности, поэтому Александр III активно принимал участие в создании Ломбардской лиги в 1167 г., призванной сохранить суверенность в Северных городах Италии. Это позволило завоевать Папе авторитет ближайшего окружения и даже своего противника Фридриха Барбаросса. Подтверждением мужественности и активности данного политика является

тот факт, что после победы Ломбардской лиги в битве при Леньяно (1176) Фридрих Барбаросса подписал с Александром III мирный договор в Венеции. С императора было снято церковное отлучение, но целование Фридрихом туфли Папы было выражением отказа от притязания императора на верховенство над ним. Так в честь его доблестных побед был назван новый город – крепость у подножья Альп – Александрия, основание которого было призвано затруднить германским войскам доступ в Италию и тем самым обеспечить безопасность Северных территорий Итальянского государства [1].

Заложенное в семантике указанного имени стремление к защите и избеганию конфликтных ситуаций определило следующее событие, когда в 1179 г. созвал третий Латерантский собор, на котором был утвержден новый порядок избрания Папы, за которого теперь должно было быть подано не менее двух третей голосов кардиналов, что в дальнейшем позволило избежать подобных ситуаций.

Таким образом, жизненный путь Александра III был неоднозначным, однако его имя помогло ему мужественно преодолеть все препятствия, стоявшие на его пути.

Рассмотрим политическую деятельность самодержавного правителя Российской империи Александра I (1801 – 1825 гг.), сопоставив ее с семантикой имени. Он не только обладал блестящим политическим умом, равным его дипломатическим способностям, но и умел достигать поставленной цели. Отметим, что, будучи умным политиком, он добивался их непрямыми средствами, а обходными путями, когда император сначала внедрял идеи в умы своего ближайшего окружения, а потом притворялся, что он следовал их взглядам [2]. Так, в июне 1801 г. был создан негласный комитет, в который входили все ближайшие друзья императора А.Ю. Чарторыйский, П. Строганов, В. Кочубей и И. Новосильцев. А в 1803 г. был издан указ о вольных хлебопашцах, который позволял откупиться крестьянам от помещиков – это был первый шаг в достижении поставленной цели, заключающийся в отмене крепостного права, что само по себе было очень смелым поступком. Главной проблемой, возникшей в ходе отмены крепостного права, выступил жесткий отпор со стороны консервативного дворянства, поэтому Александру I удалось только создать предпосылки для устранения проблемы.

Следует также отметить, что свойственное значению этого имени обладание широтой взглядов на мир определило подготовку императором, совместно с М.М. Сперанским, проекта преобразования России, результатом чего стало образование 9 министерств в 1802 г., которые были построены по принципу разделения властей,

существующий и по сей день. Примечательной чертой менталитета Александра был его широкий взгляд на мир, поэтому в своей политике он был интернационально настроенным человеком и чувствовал, что его предназначение заключалось в объединении Европы, что нашло свое отражение в повсеместном распространении французского языка на территории России.

Свойственные Александрам эгоцентричность и надменность выразились в области внешней политики, когда возникла угроза со стороны Наполеона Бонапарта. В 1805 г. состоялась битва под Аустерлицем, где превосходящие по численности армии Александра I и союзников, недооценив возможности и силы противника, а так же точно не рассчитав стратегию боя, начали сражение, которое было проиграно [2].

Наконец, присущее семантическому полю имени активность, решительность, а самое главное, стремление защищать людей, сподвигло императора принимать активное участие в создании Священного Союза (1815г.), призванного обеспечить «мир в Европе».

Итак, жизненный путь и политическая деятельность Александра I, так же как и Александра III, были сложными, однако его имя помогло ему мужественно перебороть все препятствия.

Таким образом, Александр III и Александр I, будучи обладателями одного имени, имели схожие трудности, которые заключались в перманентном противостоянии с ближайшем их окружением и вмешательством из вне: при Александре III – это Фридрих Барбаросса, при Александре I – военная интервенция Наполеона Бонапарта. Они мужественно преодолели препятствия и стремились добиваться поставленной цели и, что свойственно значению имени Александр – мужественный, мужественно выходили из критической ситуации.

Литература

---

1. Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века Смоленск: Русич, 2002. 640 с.
2. Архангельский. А. Александр I. М.: Изд-во «Вагриус», 2000. 576 с.

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК К ОТРАЖЕНИЮ ВТОРЖЕНИЯ СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В НОРМАНДИИ В ИЮНЕ 1944 ГОДА

О. А. Тарасов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Г.В. Грошева, к.и.н., доц.

Высадке союзников по антигитлеровской оппозиции в Нормандии 6 июня 1944 года посвящен достаточно широкий круг литературы. Эту крупнейшую десантную операцию Второй мировой войны описывают в своих мемуарах непосредственные участники событий, ей посвящены исторические исследования, документальные фильмы, но все равно в ее истории остается ряд неясностей, и прежде всего это касается вопроса о подготовке германских войск, которым предстояло сорвать эту операцию. Большая часть исследователей, подробно описывая действия союзников, очень мало говорят о происходившем по другую сторону фронта. Данная работа посвящена анализу подготовительных мероприятий, проведенных немецкими войсками для срыва операции «Оверлорд» и выявлению причин их поражения.

К концу 1943 года наступил коренной перелом в ходе Второй мировой войны в пользу стран антигитлеровской коалиции. В военной области вооруженные силы гитлеровской Германии перешли к общей стратегической обороне. Всем командующим групп армий был отдан приказ – не надеясь на подкрепления, распределить силы так, чтобы парировать любые удары противника.

Во Франции гитлеровское командование ожидало вторжения вооруженных сил США и Англии с запада и юга. В результате изучения обстановки оно сделало следующие выводы: географические усилия позволяют осуществить десантную операцию на северном, западном и средиземноморском побережье Франции; условия погоды не исключают возможности высадки морских десантов при наличии современных средств в любое время года; внутренняя территория не имеет серьезных препятствий для применения любых соединений, включая оперативные и танковые объединения. В результате была построена мощная линия оборонительных укреплений – Атлантический вал.

Был принят план оборонительной операции, который в изложении штаба главнокомандования «Запад» предусматривал следующие действия: первое – огневой бой, пока десант противника находится еще на воде; второе – сражение на берегу моря; третье – сражение в прибрежной зоне между резервами и частями противника, которым удастся прорваться через главную полосу обороны; наконец, решающее

сражение на побережье, в которое главнокомандование «Запад» введет крупные моторизованные и танковые войска, чтобы разгромить и сбросить десант противника в море. [5, с.328]

Главкомандующему немецкими войсками на Западе Г. фон Рундштедту были подчинены лишь сухопутные войска. Военно-морские и военно-воздушные силы подчинялись по своей линии и возглавлялись, в конечном счете, своими главнокомандующими К. Деницем и Г. Герингом. [6, с.109] Полномочия Рундштедта не шли ни в какое сравнение с соответствующими правами командующего объединенными вооруженными силами союзников по антигитлеровской коалиции в Европе Д. Эйзенхауэра, потребовавшего и добившегося предоставления ему полной власти для выполнения поставленной перед ним задачи.

Приказом А. Гитлера от 10 ноября 1943 г. была создана войсковая группа «Б» особого назначения (штаб) во главе с фельдмаршалом Э. Роммелем. [5, с.327] В ее задачу входило изучение готовности немецких войск к нанесению контрударов по противнику и разработка предложений по улучшению организации обороны побережья.

Группа армий «Б» занимала все северное побережье от залива Зейдер-зе в Голландии до р. Луары. К 6 июня она насчитывала 37 дивизий (из них 27 пехотных, 2 парашютные, 2 танковые, 2 резервные и 4 авиаполевые. [5, с. 332] Поскольку Рундштедт и Роммель ожидали вторжения противника севернее р. Сены, самая сильная группировка была создана в этом районе. Побережье Па-де-Кале занимали девять пехотных дивизий. Средняя оперативная плотность здесь равнялась одной дивизии на 10 км побережья.

Южнее Луары располагалась группа армий «Г». В нее входили 14 дивизий, пять из которых занимали побережье Бискайского залива, а восемь – французское побережье Средиземного моря. [5, с.332]

Таким образом, в Западной Европе находилось 59 дивизий (36 пехотных, 7 резервных, 4 авиаполевые, 9 танковых, 2 парашютные и моторизованная) и одна танковая боевая группа. [6, с.108; 7, с.97] По своим боевым и моральным качествам они были весьма различны.

22 дивизии были «стационарными», они были скудно оснащены вооружением и автотранспортом и состояли в основном из солдат престарелого возраста. Одна дивизия была укомплектована солдатами, страдавшими желудочно-кишечными заболеваниями. Такие дивизии предназначались для обороны морского побережья. [6, с.106] Средний возраст солдат составлял около 35 лет. 8 % личного состава стационарных дивизий составляли фольксдойчи (этнические немцы, проживавшие в других странах), многие из которых не понимали не-

мецкий язык. [1, с.86] Штатная численность дивизии была определена в 12 769 солдат и офицеров, но фактическая достигала примерно 9 – 10 тысяч человек. Парашютные дивизии насчитывали около 17 500 человек. [5, с.334]

Большинство пехотных дивизий состояло из двух пехотных полков (по три батальона в каждом) или трех пехотных полков двухбатальонного состава и специальных подразделений. Укомплектованность батальонов личным составом не превышала 70-75%. Часть личного состава пехотных полков составляли военнопленные различных наций, попавшие в плен еще в начале Второй мировой войны. Чтобы заставить такую пехоту вести бой, гитлеровское командование держало в каждой роте гестаповцев и эсэсовцев, имевших приказ расстреливать каждого, кто уклонится от участия в бою.

Серьезную проблему для немецкого командования составляло обеспечение соединений вооружением, боеприпасами и мототранспортом. В 1944 г. во Франции, Бельгии и Голландии использовалось оружие и военная техника многих германских и иностранных марок (французские, польские, югославские, чешские и др.). Они были, как правило, низкого качества. Ремонт их затрудняло отсутствие запасных частей, кроме того, это нестандартное оружие требовало особых боеприпасов. Так, в конце января 1944 г. 7-я армия имела 32 различных вида оружия с 252 различными видами боеприпасов, из которых 47 уже не производилось. [5, с.334; 1, с.86] Ремонт танков и гусеничной техники часто длился неделями из-за того, что на складах отсутствовали необходимые запасные части. Чтобы повысить мобильность войск, им было поставлено огромное количество велосипедов.

Следует отметить, что многие дивизии, особенно их офицерский состав, имели боевой опыт и хорошую подготовку к действиям на территории Франции, что до некоторой степени компенсировало их слабую техническую оснащенность и недостаточную подвижность.

Роммель был крайне разочарован результатами своей первой всесторонней инспекционной проверки состояния строительных работ на Атлантическом вале, которая проводилась зимой 1943/1944 г. Он попытался исправить недостатки, связанные с небрежным отношением к строительству задействованных войск. Именно он выдвинул идею использовать вбитые в морское дно стальные балки наряду с проволочными заграждениями и минными полями для прикрытия полосы укреплений полевого типа, а также соорудить препятствия на суше для противодействия воздушным десантам противника. Сооружение укреплений сильно страдало от нехватки строительных материалов, но прежде всего от трудностей, связанных с осуществлением полномо-

чий разных командных инстанций, что стало результатом неразберихи в порядке подчинения и системе управления в войсках.

Фельдмаршал Роммель и главнокомандующий командованием «Запад» Рундштедт придерживались различных точек зрения по этому вопросу еще до начала реальной угрозы вторжения. Рундштедт считал, что резервы необходимо держать сосредоточенными за пределами береговой линии в глубине обороны таким образом, чтобы их можно было перебросить в любой пункт, где они будут нужны, примерно за один и тот же промежуток времени. Роммель хотел, чтобы резервы находились близко от побережья, так чтобы была возможность развернуть из них группировки позади секторов обороны опорных пунктов. Он считал, что резервные силы должны быть введены в бой немедленно, как только первый вражеский солдат ступит на землю, так как если противнику удастся зацепиться даже за маленький плацдарм, то будет невероятно трудно сбить его с занимаемых позиций из-за превосходства противника на море и воздухе. [1, с.41; 5, с.328; 6, с.107]

В январе 1944 г. Начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта А. Йодль совершил поездку по французскому берегу Ла-Манша; его доклад о состоянии обороны побережья был мрачным. Непрерывная переброска людских резервов с запада на восток обескровила здесь каждую дивизию. [7, с.96] Командиры жаловались, что им не дают возможности заниматься боевой подготовкой с личным составом, так как солдат постоянно отвлекают на строительство оборонительных сооружений. Даже большинство дивизий первого эшелона, которые начали перемещаться во Францию весной 1944 г., представляли собой остатки разгромленных на востоке дивизий, которые нуждались в массовом пополнении и переоснащении.

Тем не менее, боевая подготовка во Франции все же проводилась как с командным составом танковых войск, так и в подчиненных боевых частях и подразделениях. Акцент был сделан на обучении войск ведению боевых действий ночью. В течение всего мая 1944 г. три раза в неделю отрабатывались обязательные тактические задачи по действиям в ночных условиях. Раз в неделю проводилась тренировка личного состава для обучения действиям при воздушном налете (так называемый день борьбы с авиацией). В Нормандии и Бретани специально проводились учения войск по защите линий заграждений из ежей, причем в них задействовались батальоны, обученные тактике действий английской армии. В одиночной подготовке приоритет отдавался обучению меткой стрельбе и действиям снайперов. [1, с. 116]

Основной слабостью обороны немцев на побережье Ла-Манша весной 1944 г. являлась плохая разведка. Англичане и американцы очень быстро поняли необходимость всячески затруднить немцам прогнозировать погоду, и захватили метеорологические станции противника в Исландии, Гренландии, на Шпицбергене. [7, с.102]

Авиация союзников хозяйничала в воздухе и подавляла всякую активность Люфтваффе, особенно в отношении ведения воздушной разведки. Командование больше не получало удовлетворительных аэрофотоснимков территории Англии, особенно гаваней и района Атлантики рядом с линией фронта. Боевой авиации, способной защитить Атлантический вал от почти непрерывного воздействия противника с воздуха, не было в наличии, и никаких усилий для решения этой проблемы не делалось. Уже к середине мая 1944 г. разрушение железнодорожной сети западнее линии Брюссель – Париж – Орлеан сделало невозможным осуществление регулярных грузовых железнодорожных перевозок. Недостаток погрузочных площадей и нехватка бензина срывали перевозку грузов автомобильным транспортом. Позднее отсутствие горючего вообще парализовало все воинские перевозки.

Флот почти ничем не мог помочь германским сухопутным войскам, потому что в Атлантике располагал всего лишь незначительными легкими силами. Из сорока подводных лодок, которые должны были выйти в море, как только станет известно о начале операции противника, были использованы только шесть. Предусмотренное минирование морских районов также не было осуществлено. [6, с.109]

Все силы немецкое командование бросило на укрепление береговой линии обороны. Было создано 9 671 артиллерийских бункеров, толщина железобетонных стен которых составляла минимум два метра (кроме того велись работы по бетонированию еще 1386 бункеров). Сосредоточившись на линиях береговой обороны, Роммель увеличил число заграждений и их разновидность, велел заложить сотни тысяч противопехотных и противотанковых мин (всего было установлено 6,5 млн. мин), затопить прибрежные низменности. [4, с.71]

Роммель применил две эффективные новинки, создавшие союзникам затруднения при высадке в Нормандии. Одна из них была обнаружена в феврале при аэрофотосъемке побережья на участке вторжения. Роммель приказал соорудить на побережье подводные препятствия, расположенные на уровне средней точки прилива, чтобы на них проламывали днища союзные десантные суда при приближении их к берегу. Самолеты разведывательных эскадрилий сфотографировали эти препятствия на бреющем полете. В день высадки подводные препятствия создали самые серьезные трудности. [2, с.298]

Чтобы не допустить посадки планеров, Роммель приказал врыть в землю столбы в наиболее удобных для посадки планеров районах Нормандии, так называемые «спаржи Роммеля». [3, с. 445] Между столбами была натянута проволока, к которой были присоединены спусковые механизмы противотанковых мин. Заграждения были обнаружены также при помощи воздушной разведки. В то же время Роммель прикрывал побережье и возвышенности противотанковыми минными полями, которые он расположил с таким же искусством, с каким он применял их во время войны в Ливии. [2, с.298]

Атлантический вал был укреплен шестью рядами заграждений, которые были размещены вдоль побережья на линии прилива и на уровне отлива. Простейшие укрепления состояли из деревянных или бетонных столбов, прочно забитых в песок с наклоном в сторону моря. Ко многим из них были прикреплены противопехотные или контактные мины, зачастую смазанные гудроном для водонепроницаемости (хотя даже такие колья сами по себе в любом случае могли – и это имело место в реальности – повредить или потопить участвовавшие в высадке плавсредства). Были изготовлены тысячи шестиногих «ежей», состоявших из соединенных друг с другом трех стальных брусьев, примерно по два метра каждый. В течение весны 1944 г., когда сталь для ежей стала быстро иссякать, начали все больше строить заграждения третьего типа – четырехугольные пирамиды из бетона, высотой три метра и весом примерно тонну каждая. [4, с.71]

Немецкие орудия имели ограниченный угол горизонтального обстрела и не имели возможности обстреливать противника, прорвавшегося в тыл немецкой обороны на суше. Системы вентиляции (для удаления газов, образовавшихся при стрельбе) не функционировали. «Вал» представлял из себя линию отдельных укреплений, не эшелонированных в глубину. Если бы противник осуществил прорыв немецкой обороны на глубину одного километра, то он смог бы беспрепятственно продвигаться дальше, не встречая сопротивления. [1, с.29]

Военно-строительная Организация Тодта (была создана в 1933 г. для строительства автобанов и военных объектов) действовала самостоятельно, руководствуясь «приказами фюрера», указаниями рейхсминистра по производству вооружения и боеприпасов и распоряжениями немецкого верховного главнокомандования. Ей командование «Запад» могло только давать рекомендации, но не приказывать. [1, с.57] Как последствия всего этого возникли бессмысленные оборонительные сооружения на островах Ла-Манша, абсолютно ненужные со стратегической точки зрения и поглотившие без всякой пользы ценный личный состав и материальную часть. Организация Тодта при

этом строила свою работу таким образом, что принцип искусство ради искусства воплощался ею на практике. На военные вопросы, требующие немедленного решения, не обращалось никакого внимания.

Таким образом, все проведенные подготовительные мероприятия никаким образом не позволяли быть в полной уверенности, что обороняющаяся сторона сможет «скинуть» атакующего в море. Победа германских войск оказалась невозможной в силу нескольких причин. Во-первых, – это большая протяженность береговой линии, которую необходимо было оборонять. Во-вторых, дезинформация противника по поводу мест высадки союзников. В-третьих, плохая обеспеченность обороняющихся как людскими ресурсами, так и материальными средствами (как техникой, так и горючим для самолетов и танков). Без поддержки авиации не было возможности хоть как-то помешать подготовке союзников по концентрации сил для вторжения на северном побережье Франции.

При сильной бомбардировке с воздуха, мощном артиллерийском обстреле с моря и атакованный под прикрытием дымовой завесы с тыла воздушно-десантными войсками «Вал» не остановил вторжения. Мнимая мощь его огромных укреплений была сильно преувеличена, что было доказано успешной высадкой союзнических войск по антигитлеровской коалиции в Нормандии в июне 1944 г.

Литература

---

1. Битва за Нормандию: Взгляд побежденных. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 508 с.
2. Брэдли О. История солдата. М.: Изографус «ЭКМО-Пресс», 2002. 688 с.
3. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: «Русич», 1998. 656 с.
4. Детвайлер Д. Высадка союзников в Нормандии в 1944 году: ретроспективный взгляд // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 67 – 83.
5. Кулиш В.М. История второго фронта. М.: Наука, 1971. 658 с.
6. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Том 2. 1943 – 1945 гг. СПб.: Полигон, 1994. 168 с.
7. Хастингс М. Операция «Оверлорд»: как был открыт второй фронт. М.: Прогресс, 1989. 410 с.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИНКВИЗИЦИИ НАД ВЕДЬМАМИ

Е. В. Чернова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Л. Морозова, ст. преп.

Начиная с XIV века, в Европе наблюдалась всеобщая лихорадка, которая была вызвана «ненавистью и смертоносной травлей ведьм» [1, с.40], что отняло тысячи жизней невинных людей за 300 лет. Суд над колдовством и ведовством охватил спорадически страны Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Испания, Англия, Шотландия, Австрия, Норвегия, Финляндия и Швеция, ненадолго задержалась и в Новом Свете.

Ведьмы и колдуны рассматривались инквизиторами, как некие мелкие вредители, и, чтобы превратить их в объект массового преследования и подвергнуть суду инквизиции, они должны были превратиться в ересь, обвинить в сопротивлении церковным догматам. Наличие некоего договора с дьяволом не превращало ведьму или колдуна в еретиков, так как отсутствовала какая-либо тайная организация. По причине того, что такой организации не существовало, ее изобрела сама церковь, где ведьмы и колдуны являлись войнами сатаны, принадлежали к «синагоге сатаны». Отметим, что доказательством существования «синагоги сатаны» являлись мифические «шабаши ведьм» [1].

По мере усиления инквизиции в различных странах христианского мира, охота на ведьм стала охватывать все стороны жизни общества. Никто не мог находиться в безопасности: ни богатые, ни бедные, ни старики, ни молодежь, нередко были такие случаи и в отношении детей. С конца XV в. непрерывно росло число детей, которых бросали в темницы как участников ведовской секты, допрашивали, пытали, отправляли на казнь. Это было связано с тем, что родители-колдуны, отправляясь на шабаш, берут с собой малолетних детей, дабы препоручить их Дьяволу, но нередко были случаи, когда дети сами могли проболтаться о чем-нибудь.

Суд над ведьмами вызывал страх и ужас, недоверчивость и подозрительность, чувство незащищенности и обреченности, поэтому возникала убежденность, что только церковь и инквизиция могут уберечь их от «козней сатаны». К преступлениям колдунов и ведьм относились как естественные бедствия засуха, наводнения, град, падеж скота, бури, эпидемии чумы, так и другие болезни, несчастные случаи, пожары, а так же нераскрытые кражи, «порча», бесплодие, преждевременные роды и многое другое [2].

При помощи пыток палачи добивались у своих жертв полного признания в совершенных «кознях» и «злодействах». Страх же разрушал традиционные родственные чувства. Соседи обвиняли друг друга из зависти, богобоязненные крестьяне доносили на собратьев по вере. Нередко хватало одних только слухов; хотя иногда в суды поступали и соответствующие заявления (почти всегда анонимные).

У судей всегда находились веские доводы по поводу любых возникающих сомнений: ведь сделка с Дьяволом суть «преступление исключительное», а в таких делах достаточно одних только слухов.

Пыткам на ведовских процессах отводилось главное место, ибо лишь благодаря охотникам за ведьмами удавалось выжать из обвиняемых те безумные признания, которые впоследствии должны были служить подтверждением церковных бредней о Дьяволе, сделке с демонами и сатанинских чарах [2].

Продолжительность пыток и их суровость определяли исключительно судьи, что давало простор различным злоупотреблениям. Так как многие инквизиторы были отнюдь не добрыми и разумными, а суеверными и фанатичными людьми, видевшими во всем угрозу христианской вере и потому с особой строгостью преследовавшими «ведьмино отродье».

Последствия для обвиняемых были действительно ужасны, ведь колдовство считалось преступлением исключительным, и потому на большинстве ведовских процессов пытки были более жестокими и длительными и применялись по многу раз. Соответственно велико было и число тех, кто в руках своих мучителей лишался чувств, умирал или кончал жизнь самоубийством. Но это не останавливало судей, а напротив, считалось еще одним доказательством коварства нечистой силы. Тех, кто лишился под пытками чувств, были усыплены Дьяволом, решившим спасти их от допроса. Умиравшие под пытками или совершавшие от отчаяния самоубийство были вовсе не жертвами суда, а все теми же жертвами Сатаны, отбиравшего у них жизнь.

Стоит отметить, что пытки на ведовских процессах не отличались от пыток на обычных процессах. Однако они были более жестокими, длительными и частыми. При этом мужчин раздевали догола или по пояс, а женщин облачали в просторное одеяние.

Допрос с пристрастием длился часами, а порой и днями. Начиная он с использования тисков, специальных металлических приспособлений, в которых обвиняемому постепенно сжимали пальцы, вначале поодиночке, а затем все вместе. Если обвиняемый выдерживал эту простейшую пытку, палач надевал на него "испанский сапог" – гнутую металлическую пластину или колодку, которая от вопроса к

вопросу все ту же затягивалась под голенью. Тому, кто продолжал настаивать на своей невинности, связывали руки и вздергивали на дыбе – способ, который мог быть ужесточен подвешиванием к телу обвиняемого различных грузов. Не менее мучительным было насильственное растягивание тела с помощью веревочных лебедок – так называемая "растяжка".

Своих жертв палач истязал на глазах судей и писарей бесстрастно восседавших рядом. Достаточно сказать, что участники этой процедуры пользовались любыми средствами, дабы заставить обвиняемых заговорить, и не было пощады никому, ни детям, ни старикам.

Судьи были полностью уверены в своей правоте, поэтому мало, кто мог выдержать допрос и ни в чем не сознаться. Хотя от того, что они признавались, пользы им все равно было немного. У обвинителей хватало фантазии, чтобы в любом случае признать их виновными. Те же немногие, кому удавалось пережить пытки и выйти на свободу, оставались на всю жизнь калеками или душевнобольными.

В разгар охоты на ведьм большинство процессов завершалось смертным приговором, публичное сожжение на костре, а главной целью этого процесса предостережение и устрашение собравшихся людей. Поездка на казнь была тяжким испытанием, те, кто присутствовал на процессе, не упускали случая посмеяться и поиздеваться над осужденными ведьмами, совершавшими свой последний путь. Когда же несчастные, наконец, добирались до места казни, слуги приковывали их цепями к столбам и обкладывали сухим хворостом, поленьями и соломой. Все сопровождалось торжественным ритуалом, во время которого проповедник еще раз предостерегал народ от коварства дьявола и его пособников. Затем палач подносил к костру факел.

После того как официальные лица расходились по домам, слуги продолжали поддерживать огонь до тех пор, пока от "ведьминого костра" не оставался один пепел. Палач тщательно сгребал его, а затем рассеивал под эшафотом или в каком-нибудь ином месте, дабы впредь ничто больше не напоминало о богохульных делах казненных пособников дьявола.

Инквизиторы выполняли колдовской ритуал и прежде, чем приступить к пыткам. Они служили мессу перед началом «допроса», поили жертв на пустой желудок святой водой, чтобы «дьявол не смог им развязать язык». Инквизиторы произносили разного рода молитвы, для того, чтобы обвиняемых в ведовстве признавались. Перед пыткой палач сбрасывал все волосы на теле жертвы, чтобы она не смогла спрятать «сатанинские грамотки», иначе они могли сделать ее нечувствительной к страданиям. Затем шел осмотр тела «ведьмы» в поисках

«ведовской печати», сюда могли отнести любое родимое пятно, любое пятнышко на теле.

Стоит отметить, что не всегда палачи добивались положительного результата, так как жертвы либо мужественно терпели над собой издевательства, либо просто она находилась в состоянии шока, некоторые женщины предпочитали принять муки и смерть ложным показаниям на своих близких. Разница в наказании заключалась в том, что раскаявшуюся и давшую показания ведьму для начала обезглавливали или душили, а потом сжигали, «упорствующую» просто сжигали живьем или предварительно калечили, отрезая конечности или выравнивая куски мяса раскаленными щипцами.

Значительное число погибших на кострах «ведьм» составляли женщины с нарушенной психикой, больные истерией, «одержимы», их считали самыми сильными представителями дьявола. Церковь же никогда не называла таких женщин больными, а слова безумных выдавали за реальные. Сначала у обвиняемых в ведовстве добивались признания в том, что они могли знать о существовании ведьм и об их действиях, а затем следовал целый ряд вопросов: Не делала ли она сама таких вещей? При каких обстоятельствах ей удалось познакомиться с колдовством? Сколько времени она этим занимается? Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Отреклась ли она от Бога? И так далее вплоть до того сколько «ведьма» погубила людей, пила ли она кровь младенцев.

Если у мужчин был малейший шанс спастись от «охотников на ведьм», то у женщин таких шансов не было совсем. В христианском мире, где главенствовали мужчины, женщины, считались существами низшими: слабыми, ветреными, неверными, тщеславными, болтливymi и падкими до любого соблазна, что делало их законной добычей Дьявола. Впрочем, число мужчин, обвиненных в распространении колдовства, также постоянно росло. При этом колдунов (друидов) чаще отыскивали в городах, нежели в селах.

В период со второй половины XV века до второй половины XVIII века была создана масса документов, которые подтверждали причастность церковной инквизиции к таким жестокостям и зверствам, один из них – булла - «*Summis desiderantis*» Иннокентия VIII 1484 года. Булла наделяла широкими полномочиями инквизиторов Генриха Инсисториса и Якова Шпенгера. Следом за ней свет увидел знаменитый «Молот ведьм».

«Молот Ведьм» издан в мае 1487 года, книга была разделена на три части. Первая теоретическая – здесь задавались простые вопросы, на которые существовали простые ответы, например, почему ведовст-

вом занимаются преимущественно женщины. Ответ был просто, потому, что женщина, по-своему существу, менее религиозна, нежели чем мужчины. Вторая часть книги отвечала двум основным вопросам – кому не приносит вред колдовство, и какими средствами можно устранить колдовство. Третья часть – юридическая, где рассматривалась специфика проведения процесса против ведьм.

Таким образом, охота за ведьмами, казни невинных, обвиненных в ведовстве продолжались до второй половины XVIII. Прекратились они только тогда, когда могущество католической церкви было сведено на нет. Точных данных о количестве преданных смертной казни по обвинению в ведовстве нет, так как многие из документов утеряны, их число колеблется от ста тысяч до двухсот.

Итак, в борьбе с еретиками, церковь и инквизиция создала атмосферу всеобщей подозрительности, основная часть общества была заражена манией преследования. Основными жертвами инквизиции становились женщины как существа нечистые. Укоренялось бесчеловечное отношение к женщине, множество предрассудков, бредовая мистика, подозрительность и недоверие, жестокость и безразличие к другим, предательство.

Литература

---

1. Ведьмы и ведовство / Под. ред. В.И. Жеребцова. Смоленск: «Русич», 1995. 148 с.
2. Григулевич И.Р. Инквизиция М.: Политиздат, 1985. 448 с.

ИСТОРИЯ РОССИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Баскакова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.А. Фефелова, к.и.н., доц., зав. кафедрой истории России

Сибирская политическая ссылка является достаточно разносторонней проблемой, не утратившей своей актуальности и в настоящее время. Это связано, прежде всего, с постоянным расширением рассматриваемых вопросов, а так же появлением все новых, еще неопуб-

ликованных, источников. Одним из таких вопросов является пребывание польских политических ссыльных в Сибири, участников восстания 1863 года. Их присутствие на данной территории привнесло много нового, совсем неизвестного, в жизнь местного населения.

В XIX веке ссылка используется в качестве одной из наиболее распространенных репрессивных мер против участников национально-освободительного движения в Царстве Польском. Таким способом российское самодержавие, как правило, пыталось удалить на окраины страны лиц, представляющих серьезную угрозу для существовавшей системы управления польскими землями, находившимися в составе Российской империи. В настоящее время нет достаточно точных данных о численности польских политических ссыльных, находившихся в ссылке на территории Западной Сибири. Основными местами наиболее густого скопления поляков в Сибири были следующие города: Тобольск, Томск, Иркутск, Минусинск. Архивные материалы, обнаруженные в Государственном архиве Томской области (далее – ГА-ТО), показывают, что к середине июля 1866 года в Томскую губернию было сослано только 982 непосредственных участника событий и 213 человек «из семейств». Из мемуарных же источников численность польской колонии только в одном Томске в те годы достигала около 1000 человек [1, с. 176]. Оказавшись в Томске, да и в других городах Сибири, участники восстания 1863 года встретили здесь достаточно много своих соотечественников, уже успевших привыкнуть к местным условиям и обустроиться. Проживающие здесь ссыльные занимали различные посты в административной системе и по мере возможности пытались оказать различную помощь вновь прибывшим в их обустройстве. Если говорить о социальном составе ссыльных участников Январского восстания, прибывших в Томск, то он был достаточно разнообразным: студенты и гимназисты, бывшие чиновники, врачи, мелкие служилые, ремесленники и мастеровые, духовные лица и бывшие военные [1, с. 177]. Все они были лишены своих прежних званий и прав. В семьях ссыльных было также немало детей и подростков, которые вместе со своими родителями оказались на положении политических преступников.

Оказавшись в Сибири на положении политических ссыльных и по большей мере не имея никаких прав и средств к существованию, каждый стремился обеспечить свою жизнь различными способами. Лица, знающие языки, давали уроки на дому, ремесленники работали по своей специальности. Несмотря на запрет правительства брать на определенные должности ссыльных, по причине нехватки грамотного населения, представители местного самоуправления вынуждены были

пренебрегать указами свыше. Ссылные поляки выступали корреспондентами многих сибирских газет, занимались медицинской и педагогической практикой, принимали участие в местном городском самоуправлении [2, с. 73]. Однако в ссылке везло не всем. Перевод с каторги на поселение для тех, у кого не было поддержки с Родины, заканчивался самоубийством или голодной смертью. И это не были единичные случаи, особенно среди освобожденных из арестантских рот. Некоторые, не сумев устроиться по профессии или образованию, вынуждены были заниматься любой работой. Но несмотря на все противоречия, распространенным видом деятельности польских ссылных было предпринимательство в самых разных формах: от службы у местных купцов до собственного дела. Например, политический ссылный томич Скочинский, служивший приказчиком 1-го класса у купца первой гильдии Егора Исаева, в 1868 г. вместе с ссылным Котовичем подавал прошение на право продажи вин оптом из винных складов и получил на это разрешение [1, с. 180]. Однако не все могли трудоустроиться и были вынуждены долгий промежуток времени оставаться без работы по разным причинам: слабость здоровья, старость, отсутствие соответствующих навыков, либо же отсутствие рабочих мест. Бывало, что трудоустройство было затруднительным и из-за негативного отношения местного населения к ссылным. В первых столкновениях с местными жителями Сибири поляки испытали много неприятностей и тягот. Население, подстрекаемое местными попами и злонамеренными лицами, относились к польским ссылным как к язычникам, которых по возможности следовало обходить стороной. Бывали даже случаи умышленного вреда полякам, которые как правило оставались безнаказанным. Однако со временем при более близком знакомстве и оценке множества положительных качеств польских ссылных прежнее предубеждение уступало место симпатии. На улучшение отношения местного населения с поляками во многом повлияли и декабристы [3, с. 20].

Связи с тем, что после восстания 1863 года в отдельных центрах внезапно оказалось большое количество ссылных, испытывающих нужду из-за невозможности найти заработок, правительственная администрация создала в Иркутске комиссию, которая в 1866 г. разработала Положение с целью улучшения быта ссылных [3, с. 21]. В нем обращалось внимание на способности отдельной личности и каждому определялись соответствующие занятия в подходящих округах. Полякам разрешалось сосредотачиваться в определенных районах и оказывать друг другу взаимную поддержку. Относительная свобода, кото-

рую с тех пор получили поляки, многим дала возможность заняться научным трудом.

Как уже указывалось выше, в Сибирь в качестве ссыльных прибыли представители различных социальных слоев польского общества, среди которых оказались и представители католического духовенства. Часть ссыльных ксендзов в разные годы находилась на жительстве под надзором полиции [1, с. 179]. Большинству из них богослужение было запрещено, что заставляло святых отцов довольствоваться небольшим пособием или же помощью своих соотечественников.

Особое внимание стоит уделить религиозному фактору, так как именно он занимал одно из важнейших мест в жизни ссыльных, поскольку именно католичество в первую очередь объединяло всех польских жителей Сибири и в тоже время отделяло их от русского населения. Среди польских ссыльных нередкими были случаи вступления в брак с местными жителями, но в этом случае представители католического вероисповедания должны были перейти в православие. Практически никаких препятствий в этом не было. Однако попадаются документы, отражающие попытки притеснения ссыльных при желании перейти из католичества в православие.

Женитьба на православной, как правило, приводила к оседанию ссыльного в Сибири и постепенному обрусению. С. Максимов, отмечая значительное количество смешанных браков, также выделял силу «влияния брачных союзов на обрусение поляков в Сибири» [4, с. 132]. Помешать подобному браку могло лишь наличие у ссыльного жены или отсутствие сведений об ее смерти. В архиве Томской области имеется достаточно много документов, подтверждающих факт вступления в брак поляков с сибирячками. В одном из прошений польский переселенец Станислав Филимонов просит принять его в лоно православной церкви для вступления в брак: «1866 года января 21 дня я нижеподписавшийся состоящий на водворении Польский переселенец деревни Данковской Станиславъ Филимонов семь удостоверяю, что вступаю в брак с девицею православного исповедания Мареею Кириловой » [5, л. 30]. Заключение брака польских ссыльных с местным населением приводило не только к обрусению, но и к улучшению их экономического положения, условий жизни на поселении. В результате, заключение подобных браков имело важное значение в условиях поликонфессиональности сибирского общества. Но, по мнению Л.Е. Горизонтова: «ссыльным зачастую были доступны только партии с женщинами более низкого общественного положения, а шляхтичам, даже после лишения их прав состояния, мезальянс мог казаться неприемлемым по соображениям сословного характера», более того:

«даже в сибирских условиях соединение поляков семейными узами с православными не вело однозначно к денационализации осужденных» [4, с.134].

В целом, относительно терпимое отношение местной администрации к полякам было обусловлено стремлением сохранить политическую стабильность и спокойствие [4, с.135]. Однако необходимо помнить, что процесс адаптации поляков в ссылке носил достаточно сложный и продолжительный характер.

Источники и литература

---

1. Ханевич В.А. К вопросу об истории пребывания участников польского восстания 1863 – 1864 гг. в г. Томске // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Б.и., 2004. Т. XIII. С. 176 – 184.
2. Дегальцева Е.А. Культурная миссия ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX в. // Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Томск: Изд-во ТГПУ, 1999. С. 72 – 74.
3. Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 10 – 30.
4. Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX веке. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. 175 с.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2 Д. 30. Л. 30.

БЫТ РУССКИХ СОЛДАТ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Е. А. Бухалова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Л. Морозова, ст. преп.

Читая дневники, записки или мемуары солдат 1812 года, невольно удивляешься тому, насколько сегодня упростился уклад повседневной жизни. Как удивительно обделены мы сейчас той выдумкой, которой обладали солдаты, когда они с легкостью решали возникающие бытовые проблемы, и тем самым отличаются от людей нашего поколения. Поэтому в данном исследовании мы хотели бы изучить быт русских солдат в период войны 1812 года.

Остановимся подробнее на укладе повседневной жизни солдат, отраженном в дневниках, записках и мемуарах самих участников войны, где описывались различные аспекты солдатской жизни, включающие как удовлетворение повседневных, в том числе материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдыха, развлечений. [1]

Во время этой войны солдаты были вынуждены останавливаться на ночлег в квартирах, что и накладывало определённый отпечаток на их быт и уклад жизни, так как рядовые и даже офицеры не имели обустроенного временного жилья. Допустим, солдат Павел Пущин в своих дневниках писал, что «...мы отправились в Загач. Но, боже, как нам здесь было худо — ни стекол в окнах, ни стульев, ни стола». Данный пример свидетельствует не только об отсутствии нормальных жилищных условий, но и о стремлении рядовых военных к нормальной, мирной и привычной для них жизни, которую они вели дома. Даже в условиях ведения военных действий войны желали иметь обустроенное жилье, хоть и временное, где они могли бы полноценно отдохнуть, хотя на практике они жили не в таких условиях, так П. Пущин писал, что: «в Трушулях мне отвели отвратительную комнату, переполненную всякими насекомыми, без пола...». Неустроенность быта, к сожалению, не могла гарантировать полноценный отдых солдатам, как они того заслуживали.

Во время войны солдаты сталкивались не только с жилищными проблемами, но и с отсутствием отдыха. Уставшие и голодные солдаты посреди просторов нашей Родины устраивали привалы, не смотря на погодные условия, которые порой и не радовали уже и без того измученную армию, о чем свидетельствует дневник Павла Пущина: «Мы остановились для отдыха в открытом поле, что не особенно приятно во время ливня». [2]

Далее мы видим из воспоминаний офицера И.Р. Дрейлинга, что не хватало времени даже вздремнуть, когда при каждом ночлеге, солдаты выбирали позиции и рыли окопы, вместо того, чтобы спать. А когда и подворачивался такой момент, то они спали под открытым небом, каждый под своей лошадьё, о чем Иван Романович сделал следующую запись в своих мемуарах: «закутавшись в плащ, привязав к руке поводья лошади, тихо лежал я — измученный, усталый». [3,с.371]

Но даже в невыносимых условиях походной жизни каждый из них старался ухватить хоть капельку тепла и домашнего уюта сердцу. Именно поэтому они вели переписку с родственниками, друзьями, знакомыми, чтобы быть хоть на чуточку ближе с теми, кто их любит. В своих письмах военные рассказывали про свою нелегкую солдатскую жизнь, хотя иногда и упускали напряженные моменты сражений, чтобы не давать поводов для волнения своим близким. Так, например, в письме офицера Д.С. Дохтурова — жене мы читаем: «...неприятель нас не беспокоит...всякий день мы у него берем более двухсот в плен, не теряя ни одного человека с нашей стороны». Это явное преувеличение свидетельствует о заботе офицера о родной же-

не, который, несмотря на усталость, не хочет огорчать дорогого ему человека и умышленно искажает реальность, так как без потерь на войне просто не возможно обойтись. Отметим, что встречаются и записки иного характера, когда с предельной искренностью прописывается реальный дух сражения, о чем свидетельствуют строки из письма солдата Д.А. Апухтина: «Невзирая на то, что мы стояли не в деле, а в резерве,- нас два раза в день на разных позициях обсыпало ядрами и в роте Сергея брата двух ратников ранило ядром». [1, с.81, 121]

Кроме того, что наши войны писали письма, они так же в свободное время старались себя порадовать, отвлечься хоть на минутку от ужасающих мыслей о войне, которые не давали им покоя. В дневниках солдат 1812 года можно наблюдать очень интересный момент, а именно то, как они описывают свой досуг «...Мы проводим время очень приятно: целый день поем, едим и пьем». На наш взгляд это очень удивительный случай из солдатской жизни, прочитав который начинаешь по-настоящему удивляться этим людям, которые смотрят в глаза смерти, и не перестают отчаиваться, а на оборот они радуются каждой прожитой минуте. [2, с.95]

К сожалению, таких ярких и веселых моментов в бытовой жизни солдат прослеживается достаточно мало, так как у них был очень строгий и напряженный распорядок дня. Буквально не разбирая не дня, ни ночи шли они форсированным маршем, часто по не протоптанным дорогам, лесом, переходили реки и болота. Два раза в день им давали отдых, не более часа, и то в этот короткий промежуток времени старались себе что-нибудь сварить. А что же тогда говорить о лошадях, которых и вовсе кормили раз в день.

Интересен и тот факт, что перед сражением вся армия вставала на колени, и все вместе возносили свои молитвы к тому, который склоняет победу на ту или другую сторону. Каждый в это мгновение в отдельности сводил свои счета с небом, покорно склоняясь перед смертью или жизнью грядущего дня. После чего, не теряя ни минуты солдаты, чистили и приводили в порядок свое оружие, а позже, когда « ночью в лагере царствовали тишина и спокойствие...», старались выспаться перед тяжелым боем [3, с.374] .

Следующий немаловажный вопрос - снабжения, волновал военных, что нашло свое отражение в их мемуарах, где можно наблюдать весьма противоречивое явление: в одних дневниках описывается, что армия никаких недостатков не терпит, а в других пишут, что им едва хватало продовольствия. Так в чем заключается данное противоречие? Дело в том, что одни дневники принадлежали офицерам и полководцам, которые занимали не только более высокий чин, но и по-своему

происхождению были дворянами, а другие дневники вели простые солдаты. Так, например, Н.Д. Дурново в своем дневнике пишет, что армия живет весело, и не каких недостатков не терпит. Это объясняется происхождением Николая Дмитриевича, который был из знатной дворянской семьи, поэтому на момент войны 1812 года в чине прапорщика был назначен адъютантом при управляющем князе П.М. Волконского.

В это же время командир полка в своем дневнике зафиксировал, что продовольствия не хватает, и вследствие этого солдаты должны снабжать себя провиантом самостоятельно. Снабжали так же по средствам чрезвычайной фуражировки – то есть без всяких раскладок. Примером тому служит записка из мемуаров В.В. Вяземского « что, кто, где нашел, то и берет». Овса для лошадей не могли достать, поэтому кавалерия приходила в изнурение. Из этого видно, что армия находилась в бедственном положении, а русский народ должен был помогать солдатам в столь тяжелое время войны.

Следующим этапом нашего исследования было изучения специфики общения рядовых и офицеров, т.к. оно является неотъемлемым атрибутом повседневной стороны солдатской жизни и раскрывающий всю суть обстановки в которой находились воины. Общение между солдатами, в основном, было напряженное, причиной тому служило, в первую очередь, военная обстановка и тяжелые бытовые условия, которые накладывали негативный отпечаток на взаимоотношение солдат. Это так же видно из заметок дневников, где указывается, что в армии начинаются распри « Каменский поссорился с Тормасовым. Изрядное начало!!» [2, с.199]

Анализ заметок показал, что в армии сохраняются и сословные различия, когда офицеры-дворяне относились грубо по отношению к солдатам-простолюдинам. Это можно наблюдать в дневнике Павла Пущина «Утром я сделал замечание Чичерину за его грубое обращение». Таких случаев, к сожалению, наблюдается достаточно много, когда старшие по чину придирались, зачастую и без повода к тому уже измученным солдатам. Однако, иногда, собравшись всей ротой, офицеры вместе со служивыми солдатами пересказывали или обсуждали разные литературные произведения. И на тот момент казалось, что нет более дружного и душевного состава, как эта рота, где слово каждого, не зависимо от его чина и происхождения, воспринималось как некая истина товарищества, которые были заражены одной идеей победы.

Следующим фактором, влиявшим на повседневный уклад жизни солдат, выступала погода. В жару вся армия уставала и истощалась,

лошади не могли даже идти, так как не хватало продовольствия. Довольно часто случалось так, что лагерь был расположен вдали от источника воды и служивые страдали от обезвоживания. Следующая проблема, обозначена в мемуарах Н.Д. Дурново, когда в холодное время года, одежда воинов была слишком легкая, чтобы защищать их от холода. Но, несмотря на тяжелые погодные условия, армия продолжала величавым шагом маршировать, приближаясь все ближе и ближе к победе.

Таким образом, проследив разные стороны быта солдат, мы произвольно обращаем внимания на то, в каких тяжелых, а порой и просто невыносимых условиях жила армия. Защищая грудью нашу Родину, им приходилась ночевать под открытым небом, в окопах, что, несомненно, наносило вред их здоровью. Продовольствия не хватало, одежда не соответствовала погодным условиям. Из-за этого зачастую в рядах армии начинались распри, где овладевая чувством ненависти к неприятелю, военные начинали конфликтовать с товарищами. Пусть даже поддаваясь негативным эмоциям по отношению к сослуживцам, солдаты не таили обиды друг к другу, так как на тот момент они были большой единой семьей, а их главной целью было победить врага. Каждый их день был расписан на минуты, но они выкраивали время написать своим близким, оповестить, что все шло хорошо и не было повода для волнения. Но иногда, чтобы развеять мысли навеянные страхом и отчаянием, армия проводила свое свободное время за танцами, пением или разговорами о доме, о семье, что бы хотя бы в мечтах побыть со своими близкими и родными.

Итак, можно наблюдать много противоречивых моментов в солдатском быту, где сохранялись и сословность и чин, но нельзя отрицать один момент, когда все были охвачены, единым духом патриотизма. Когда каждый хотел бороться с неприятелем, и не хотел оставаться в бездействии, именно по этому, мы и выиграли эту войну, несмотря на ужасающие условия быта. На наш взгляд, не каждый мирской житель смог бы вынести таких тяжелых жизненных условий, что пережили защитники нашей Родины.

Литература

---

1. К чести России. Из частной переписки 1812 г. / Под ред. М. Бойцова. М.: Современник, 1988. 239 с.
2. 1812 год... Военные дневники / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Советская Россия, 1990. 464 с.
3. 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея / Под ред. Ф.А. Петрова М.: Мысль, 1991. 473 с.

ИЗ ИСТОРИИ ГЕРБА И ФЛАГА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. Ю. Горбань

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Научный руководитель: Ю.Б. Сериков, д.и.н., проф.

На рубеже 1980-1990-х годов в стране происходили сложные политические процессы: распад СССР и создание нового государства. Это не могло не повлечь за собой и изменения в государственной символике. Еще 5 ноября 1990 года Правительство РСФСР приняло постановление о создании проектов Государственного герба и Государственного флага РСФСР. С этой целью была образована правительственная комиссия, по поручению которой Комитет по делам архивов при Совете министров РСФСР организовал работу «круглого стола». В нем приняли участие научные сотрудники Института истории СССР АН СССР (В. А. Артамонов и Н. А. Соболева), музеев (Г. В. Вилинбахов – Государственный Эрмитаж, С. В. Думин – Государственный исторический музей), Историко-архивного института (Е. И. Каменцева), архивов (ЦГАДА, ГЦА РСФСР), а также народные депутаты РСФСР. Два вопроса были в центре внимания: какими быть флагу и гербу России [1,с.44].

В декабре 1990 – феврале 1991 г. было проведено три заседания под руководством Р. Г. Пихоя. На первом заседании были сформулированы три направления в подходе к решению поставленной задачи: 1) создать совершенно новые символы, не связанные ни с исторической, ни с социалистической традицией; 2) сохранить социалистическую, классовую символику, лишь слегка модернизировав ее; 3) вернуть исторические символы [2,с.505]. От первого направления было решено отказаться сразу. Причиной этому было то, что в советское время геральдика как научная дисциплина занимала полулегальное положение, геральдическому искусству не обучали, и предложенные проекты государственных символов были слабыми, бедными идеями [3,с.89].

Между сторонниками же второго и третьего направлений шли дискуссии. В. А. Артамонов утверждал, что нужно вернуться либо к первому гербу Русского государства – всаднику, либо ко второму – двуглавному орлу, которому он и отдавал предпочтение. Им было предложено взять за основу «билибинского» орла, при этом изменить его цвет с черного на золотой или белый, и поместить на геральдический щит РСФСР, окруженный венком из ржаных колосьев или бере-

зовых веток (береза была символом всех народов нашей страны) [1,с.46]. По мнению Г. В. Вилинбахова, эмблема всадника – Святого Георгия – в меньшей степени подходила на роль Государственного герба, поскольку он являлся православным святым, а Россия была многонациональным государством. Поэтому историк также отдавал предпочтение двуглавному орлу. Именно Г. В. Вилинбахов предложил провести социологический опрос по поводу того, нужен ли двуглавый орел в гербе России. С. В. Дунин предлагал использовать золотого орла, лишенного атрибутов монархической власти, с красным щитом на груди, где был бы изображен всадник на белом коне, поражающий змея. Председатель Комитета по делам архивов Р. Г. Пихоя также считал необходимым восстановить двуглавого орла в качестве Государственного герба. Против восстановления прежней эмблемы высказывались Н. А. Соболева, считавшая это анахронизмом, и Е. И. Каменцева. Предлагалось принять в качестве эмблемы знак Рюриковичей, языческие орнаментальные символы или использовать изображение стилизованной башни Московского Кремля [1,с.47].

Менее дискуссионным было принятие решения о Государственном флаге. На пятом (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР в 1991 г. предлагалось рассмотреть такой вариант флага, как флаг Андрея Первозванного [4,с.67]. Во-первых, он появился раньше и являлся покровителем Руси; во-вторых, сочетание белого, синего и красного цветов используется во флагах других государств. Однако использование данного флага разделило бы россиян по вероисповеданию (крест на флаге Андрея Первозванного является символом христианства), что не отвечает требованиям, предъявляемым к государственным символам. Поэтому все участники заседаний высказались за восстановление трехцветного бело-сине-красного флага, поскольку данные цвета (включая и зеленый) соответствуют предпочтительным цветам практически всех славянских народов. Новый флаг отвечал бы требованиям, предъявляемым к государственным символам: на нем нет признаков классов, партий, отсутствуют национальные и конфессиональные признаки, но остается историческая преемственность. Итогом заседаний «круглого стола» стало предложение в качестве Государственного флага РСФСР использовать бело-сине-красный флаг, а в качестве Государственного герба – золотого двуглавого орла на красном фоне, над головами которого помещены три короны, а на груди – Святой Георгий, повергающий змея. Орел держит в левой лапе державу, символизирующую единство государства, а в правой – скипетр, символ суверенитета.

Смену государственных символов ускорили события 19-21 августа 1991 года, ознаменовавшие борьбу с Московским путчем. Первоначально было принято решение не торопиться с внесением предложений Совету Министров и ВС РСФСР об изменении государственной символики в период предвыборной борьбы за пост Президента России, однако уже 19 августа над Белым домом в Москве появился бело-сине-красный флаг. Этот флаг получит статус государственного в соответствии с Указом Президента России Б. Н. Ельцина от 11 декабря 1993 года [5].

Несмотря на то, что в 1993 г. был закреплён статус бело-сине-красного флага, его «возрождение» следует отнести к более раннему времени. Уже в октябре 1988 года триколор появился на митингах и демократических движениях – клуба «Перестройка», «Демократического союза». К маю 1989 года число эмблем, используемых общественными организациями, увеличилось. Кроме бело-сине-красного на митингах стал появляться и Андреевский флаг. Таким образом, уже к концу 1980-х гг. люди стали протестовать против советской власти, в частности, используя не красное, установленное Конституцией, знамя, а бело-сине-красный флаг. В Ленинграде даже была образована группа «Русское знамя», занимавшаяся пропагандой идеи восстановления бело-сине-красного флага в качестве Государственного [2,с.503].

Вопрос о Государственном гербе был рассмотрен только 19 декабря 1991 года. Было предложено два проекта будущего герба: Правительством – (на красном поле золотой двуглавый орел, без корон, скипетра, державы и Московского герба) и депутатами – (на золотом поле чёрный двуглавый орел с тремя коронами, скипетром, державой и Московским гербом) [2,с.510]. В результате 30 ноября 1993 года, согласно Указу Президента России Б. Н. Ельцина, Государственным гербом стал «золотой двуглавый орел...на красном геральдическом щите; над орлом три исторические короны; в лапах орла – скипетр и держава; на груди на красном щите – всадник, поражающий копьем дракона» [6]. Таким образом, был найден компромисс между предлагаемыми вариантами Государственного герба. Принятие Государственного герба РФ означало начало оформления внешней государственной символики на основе исторических традиций Русского государства, вело к стабилизации российского общества, основанной на возрождении государственно-исторической символики. Главную роль играло восстановление исторической и культурной преемственности, при которой вновь образованное Российское государство принятым гербом заявляло о преемственности с Российским государством, существовавшим до 1917 года.

После принятия Указов Президента РФ ни флаг, ни герб не были утверждены Государственной Думой в качестве государственных символов. Согласно принятой в 1993 г. Конституции РФ новые символы должны были закрепить Федеральные конституционные законы. Поскольку эти законы не были приняты, Российское государство во второй половине 1990-х гг. было лишено официально утвержденной государственной символики. Причинами, осложнявшими принятие данных законов, были напряженные взаимоотношения между Президентом и законодательной властью.

Проблема отсутствия должным образом утвержденных государственных символов к 2000-му году получила широкий общественный резонанс. Более 700 обращений граждан, поступавших в Государственную Думу в декабре 2000 года, были связаны с принятием законов о государственной символике [7]. Поэтому обсуждение именно этого вопроса было вынесено первым на рассмотрение Госсовета. Четвертого декабря 2000 г. состоялось расширенное заседание Президиума Госсовета, после которого Президент внес в Государственную Думу законопроекты о символике. В своем заявлении В. В. Путин говорил о том, что причиной отсутствия законодательного оформления государственных символов является по-прежнему наличие в обществе и Государственной Думе двух позиций. Одни считают, что нельзя вновь использовать ту символику, которая была приемлема для дореволюционной России (в частности все те, кто поддержал августовский путч 1991 года). Другие говорят о нецелесообразности использования советской символики [8]. Представители обеих точек зрения приводили аргументированные доказательства; они связывали с этими символами мрачные стороны в истории страны. Сам же Президент считает, что, если руководствоваться именно такой логикой, то необходимо забыть и достижения русского народа на протяжении веков. Поэтому В. В. Путин утверждает, что использовать символы предыдущих эпох (трехцветное знамя, двуглавого орла) не только можно, но и необходимо. 8 декабря 2000 года Государственная Дума приняла Федеральные конституционные законы: за бело-сине-красный флаг проголосовали: «за» – 341 депутат, «против» – 20; за двуглавого орла в качестве герба – 343 и 19 соответственно [7]. Эти законы были подписаны В. В. Путиным 25 декабря, а вступили в силу 27 декабря 2000 года. Положения Федеральных конституционных законов содержали в себе большинство из тех норм, которые были выработаны Указами Президента в 1993 г. Вместе с тем, в данных законах приводилось более подробное геральдическое описание одного из символов – Государственного герба [9], была определена более совершенная правовая рег-

ламентация использования государственных символов, учитывающая особенности настоящего времени.

Недостатком Федеральных законов было то, что относительно герба не была закреплена сторона поворота всадника на щите, не определены цвета корон, венчающих орла; цвет ленты, которой они соединяются. В этой связи в качестве примера можно привести подробно детализированное, с четко определенной цветовой гаммой описание Государственного герба Советского Союза, закрепленное Положением о Государственном гербе СССР от 31 марта 1980 года. Упущением было также отсутствие символического толкования новых государственных символов. Относительно Государственного флага со времен Петра Великого существовало такое понимание триколора, которое совпадало с древним пониманием мира: внизу – физический, плотский мир, выше – небесный, еще выше – мир божественный. В XIX в. полосам придали значение содружества трех восточнославянских народов – белорусов, украинцев и русских. Также существовало другое объяснение выбранных для флага цветов: белый – благородство, синий – верность, красный – мужество. Что касается Государственного герба, то, согласно одному из толкований символического значения, две головы орла означают нераздельность европейской и азиатской частей России; грудь, защищенная щитом с изображением всадника-драконоборца, указывает на историческую преемственность России от Руси Московской, а также на Москву как политический центр государства. Однако до сих пор, в связи с отсутствием законодательного закрепления, вопросы о том, что символизируют государственные символы Российской Федерации, остаются открытыми.

Таким образом, Россия как суверенное государство обрела законодательно утвержденные государственные символы – флаг, герб, что придало государству и государственной власти более оформленный, заверченный характер не только с точки зрения легитимности, но и с формальной, символической стороны. Это благотворно повлияло на состояние общества и государства, поскольку до 2000 г. происходили споры о будущей символике, негативно отражавшиеся на населении страны. Кроме того, сами граждане России требовали официального закрепления государственной символики.

Литература

---

1. Каменцева Е. И. Двуглавый орел: снова в полете? Какой быть государственной символике России // Родина. 1991. № 5. С. 44-47.

Герб и флаг России. X-XX века. / Автор. коллектив В. А. Артамонов, Г. В. Вилинбахов, С. Ф. Фаизов, А. Л. Хорошкевич. М., 1997. 560 с.

Вилинбахов Г. В. Флаги России // Наука и жизнь. 1990. № 12. С. 88-51.

Сапрыков В. Над Россией флаг России // Наука и жизнь. 1992. № 2. С. 65-68.

Указ Президента РФ «О Государственном флаге РФ» от 11.12.1993 г. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=24483>.

Указ Президента РФ «О Государственном гербе РФ» от 30.11.1993 г. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=24471>.

Гречнев М. В., Ескина Л. Б. Законодательное оформление института государственных символов Российской Федерации // Проблемы развития российской Конституции. СПб., 2002. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=176798>.

Заявление Президента России В. В. Путина по проблеме государственной символики от 4.12.2000 г. URL: <http://geraldika.ru/symbols/1606>.

Федеральный конституционный закон «О Государственном гербе РФ» от 25.12.2000 г. N 2-ФКЗ. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_82788.htm.

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.В. Громова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С.Л. Кинев, к.и.н., доц.

Вторая Мировая война занимает важное место в истории нашей страны, участие в ней для Советского Союза приобрело такое значение, что в историю она вошла под названием Великой Отечественной. Несмотря на большое количество зарубежных и отечественных исторических исследований, изучению рядового солдата на войне, его поведению, мировоззрению и психологии уделялось мало внимания. И лишь в последние десятилетия в отечественной исторической науке произошли серьезные изменения: стали широко разрабатываться социально психологические аспекты войны. Ощутимый вклад в решение данной проблемы позволяет внести изучение источников личного происхождения, в особенности писем с фронта.

Анализ такого вида источников, свидетельствует о необходимости создания полного представления о солдате Великой Отечественной войны и детализации облика фронтового поколения. Это, в свою очередь, необходимо для понимания основных мотивов поведения солдат на войне, их мировоззрения, и, как следствие - основных событий Великой Отечественной войны. Поэтому, на наш взгляд, данное исследование достаточно актуально.

Изучение и анализ писем напрямую зависит от их содержания. Однако все стремления исследователей подвергнуть письма какой-либо классификации оказывались тщетными. Как крупные чрезвычай-

чайные события, так и мелкие влекут за собой активизацию письменного общения, расширение содержания письма, сопровождаемое взрывом эмоций и чувств [1, с.364]. Содержание писем зависит от ситуации, от непосредственной реакции человека на происходящие события. Исследователи, пытаясь определить критерий деления, разделяли письма по содержанию, исходя из социальной и профессиональной среды, родственных и дружественных связей, политических, деловых, научных интересов, но эти критерии не могли отобразить всей полноты писем. Поэтому до сих пор не существует единой классификации писем, каждый исследователь предлагает и опирается на свою, выработанную им классификацию.

На наш взгляд, наиболее удобная классификация писем с фронта была предложена Гринченко Г.Г в статье «Память о принудительном труде в нацистской Германии: опыт реконструкции»[2, с.352 - 363] В этой статье автор исследовал письма оккупантов и солдат, разделив их на 3 категории: письма родителям; письма друзьям и подругам; письма любимым. Недостатком этой классификации является узость первой категории. Встречается множество писем, адресованных дальним и близким родственникам (братьям, сестрам, бабушкам, племянникам и т.д.), но Гринченко Г.Г. их не рассматривал. По наличию схожих тем и логическому построению эти письма можно отнести к той же категории, что и письма родителям, и обозначить данную категорию следует как «Письма родным».

На наш взгляд, родственные связи и личное отношение между отправителем и получателем являются, пожалуй, главной определяющей содержания письма и воспроизведенных в нем впечатлений. Вот почему данную классификацию мы считаем наиболее удачной. Разделенные подобным образом письма легче анализировать, ведь выделенные категории имеют ряд отличий.

Письма родным.

Обработав большое количество писем, адресованных родителям, сестрам, братьям и другим родственникам, можно заметить, что письма этой категории отличаются информативной бедностью. Об истинном положении дел на фронте, в быту и личной жизни солдаты писали мало. Старались уберечь своих близких от переживаний и волнений.

Для писем этой категории характерна односложная характеристика происходящих событий. Для большинства характерны такие фразы как: «в общем, живу по-старому», «жив, здоров», «чувствую себя неплохо, желаю и вам того же», «нового ничего нет», и т.д. Эти односложные фразы наверняка имели мало общего с действительным положением дел, а служили, скорее всего, для одной цели - оградить

родных от лишних волнений. Основное внимание в этой группе писем уделено просьбам больше писать о жизни самих родителей, о ситуации в городе или селе, вопросам о родственниках, а также жалобам на редкие ответы от них. Информация о собственной жизни занимает, зачастую, лишь одну-две строчки. Естественным в этих письмах были фразы, указывающие на то, как сильно скучали и тосковали солдаты по родным людям и малой родине (городу, селу). Иногда в письмах к родным дается описание одежды и еды. Информация разная от скупой: «одет, обут, накормлен», до более подробных описаний. Находит отражение в письмах этой категории и ненависть к врагу и фашизму вообще.

Описание боев, впечатления от увиденного, подробности ранения или госпитализации, в письмах к родным, описываются крайне редко. Во многом это объяснялось деятельностью военной цензуры, но кроме этого, как отмечала И. Ю. Моисеева, у бойцов действовала и самоцензура [3. с.193]: они старались не посвящать родственников в суровую реальность военной повседневности.

Письма этой категории малоинформативны, они писались «для галочки», для того, чтобы обозначить себя, показать, что жив. В них видны ностальгия и тоска по родным людям, по дому. В этих письмах, как ни в какой другой категории, солдаты пытались писать уверенно о победе и о скором возвращении, успокаивая тем самым родных и себя. Письма родным не отличаются правдивостью, именно на их примере можно проследить, насколько субъективен данный вид источника.

Письма «друзьям — подругам».

В категорию писем «друзьям - подругам» включены совершенно другие по содержанию письма. То, что не всегда напишешь родителям и другим родственникам, солдаты (как правило, молодые люди) писали своим друзьям или подругам. Чаще всего это рассказы о том, что всегда занимало любого молодого человека, - проведение свободного времени, общение с друзьями, любовные переживания.

Письма этой категории обычно длинные и содержательные. Много места отводилось описанию боев или повседневности. Часто в текст вписывались стихи или строчки из песен. Друзьям старались писать правду, ничего не утаивать. Сами письма достаточно эмоциональны: в них видны и искренняя радость, и настоящая ненависть. О себе старались писать больше, описывали и свободное время и даже погоду. Часто в письмах друзья вспоминали прошлое, те дни, которые они проводили вместе. Писали друзьям и о любовных переживаниях,

иногда намеками, иногда открыто. Чаще это письма девушек, реже парней.

Нельзя не отметить еще одну сторону фронтовой жизни, ярко отразившуюся в письмах. Это - прочная боевая дружба. На фронте не было различий между русским и грузином, армянином и белорусом. Все они служили в одной армии и этим гордились. Но именно боевым друзьям и подругам выпадала сложная задача - оповестить родных и близких о смерти солдата, именно на имя друзей оставлено много по-смертных записок.

Таким образом, письма категории «друзьям - подругам» в отличие от писем категории родным, могли сообщать о боях, ранениях и смерти. Главная цель - написать правду, сообщить о себе, узнать больше о друге и близких людях. Письма этой категории, как правило, заканчиваются просьбами написать о знакомых, передать приветы близким, узнать что-либо о родных.

Письма любимым.

Категории писем «родным» и «друзьям-подругам» наиболее многочисленны и с информативной точки зрения наиболее насыщены. В них содержится много информации, которая может дать сведения о повседневности и быте, о боях и проведении свободного времени, о личных переживаниях, мыслях и рассуждениях, которые тревожили солдат Великой Отечественной войны. Категория писем «любимым» отличается от других категорий тем, что содержит в себе черты, как категории «родным», так и категории «друзьям», ведь невесты, жены и мужья - это одновременно и близкие, почти родные люди, и лучшие друзья, которые всегда поймут и поддержат. Поэтому в этих письмах содержится мало сведений об условиях жизни и физическом состоянии комбатанта, что приближает эти письма к письмам категории «родным». Но в то же время дается больше подробностей о своем духовном состоянии, много размышлений, т.е. присутствуют черты категории «друзьям - подругам».

Письма любимым предельно эмоциональны и практически полностью посвящены воспоминаниям авторов о лучших минутах, проведенных вместе с близким человеком (которыми и являются адресаты). Очень искренне звучат в письмах признания в любви. Многие письма посвящены детям. В них сквозят самые теплые чувства, самые большие надежды.

Солдаты верили, что вернутся домой, встретятся со своими близкими. Для всех без исключения писем этой категории характерна надежда на скорое завершение войны, на встречу с любимыми и на счастливую жизнь, которая начнется после войны. Эти взгляды во

многим объясняются позициями правительства и идеологией, которая обещала прекрасное будущее. Солдаты скучали, любили и строили планы на будущее. Но иногда случалось так, что комбатанты шли на верную смерть, знали что умрут. И перед смертью писали письма самым близким людям. В этих письмах видны боль и страх, но не перед смертью, а оттого, что где-то далеко остаются близкие, любимые люди. Солдаты просили своих жен и невест не скорбеть по ним долго, а пытаться начать новую жизнь, найти новую любовь и жить счастливо.

Письма любимым, на наш взгляд, самые интересные и информативные. Это, пожалуй, самая многочисленная категория писем, содержащая в себе различные темы и проблемы, позволяющие ответить на многие вопросы о быте, духовной культуре, моральном состоянии комбатантов в годы Великой Отечественной войны.

Письма с фронта, как источник, помогают выявить мировоззрение комбатанта, его основные взгляды на военные события, участником которых он является. Но необходимо помнить, что не все письма одинаковы по своей информативности, правдивости и эмоциональности. Для более подробного анализа, письма солдат Великой Отечественной войны были разделены на три категории: письма родным, письма «друзьям-подругам» и письма любимым. Разделение писем на категории помогает выявить основные темы и проблемы, волновавшие солдат, способствует более тщательному их анализу.

Однако все три категории писем объединяет то, что написаны они, были в годы Великой Отечественной войны, когда господствовала советская идеология. Кроме того, нельзя забывать и о цензурных органах.

В письмах с фронта зачастую прослеживается сходство мыслей, переживаний, оценок, чувств. Это обусловлено реалиями военного времени и стремлением власти обезличить процесс переписки, сделать его стандартизированным, управляемым посредством жесткой цензуры и перлюстрации, разработанных правил написания посланий домой, доводившихся до солдат и публиковавшихся во фронтовых газетах.

При подробном анализе, письма дают возможность прочувствовать эпоху, проникнуть в сознание и подсознание людей, понять духовный мир индивидуальности и личной человеческой судьбы.

Литература

---

1. Соколов А.К. Письма // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев и др. / Под ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. С. 363 – 365.

Гринченко Г.Г. Память о принудительном труде в нацистской Германии: опыт реконструкции // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 352 – 363.

Моисеева И.Ю. Тема войны и образ врага: опыт реконструкции по материалам солдатских писем 1941 – 1945 годов // Клио. 2004. № 1. С. 193.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

З. Н. Гулик

Томский государственный университет

Научный руководитель: И.Ю. Николаева, д.и.н., проф.

Общепризнанна исключительная значимость ранних лет жизненного цикла для формирования личности человека. Феномен детства в разных культурах имел различное историко-психологическое содержание. Цель текста - попытка рассмотреть отношение к детям на Руси и выявить причины исторического своеобразия отношения взрослых к своим чадам.

Начнем с того, что описание детства мало занимало летописцев. Слова, обозначающие подрастающее поколение, встречаются в «Повести временных лет» в десять раз реже, чем существительные, относящиеся к взрослым мужчинам. Язык, термины, которые употребляли взрослые по отношению к детям, выявляют стилистику сознания. «Отрок» буквально значило «не говорящий», т.е. «не имеющий права речи, права голоса в жизни рода или племени».

О "небрежении" к детям свидетельствуют предписания священнослужителей "недолго плакать по мертвым" детям, а также законы, в которых приводятся факты продажи своих детей в "одерень" (в полное, бессрочное пользование) приезжим гостям. Еще один пример – продажа отцом детей, о которой рассказывается в «Молении Даниила Заточника». На вопрос о причине такого поступка, он ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут» [3, с.112].

Одним из первых историко-психологическую природу небрежения к детям отметил Ллойд Демоз [2], который в работе «Психоистория» приводит периодизацию типов отношения родителей и детей в истории. Не останавливаясь на описании выделенных им исторических периодов, отметим, что его теория не работает вне широкого социокультурного контекста, учитывающего специфику историко-экономического развития, географический фактор, исторически нара-

ботанные ценностные ориентации культуры. Данную периодизацию вряд ли можно применить с одинаковым успехом и к Западной Европе, и к России. Как отмечает Б.Г. Могильницкий, возможности историко-культурного редактирования инструментария Демоза дает разработанная в рамках томской методолого-историографической школы технология анализа бессознательного [6; 7].

Накопленный наукой материал историко-культурного характера позволяет говорить о том, что социально-психологическая структура личности Средневековья носила авторитарный характер с выражено невротичными чертами, что выявляет картина тогдашних воспитательных практик. Побои, причинение боли являлись одним из главных элементов жестоких, по меркам нашего представления, практик воспитания. Так, в «Домострое» рекомендовали: «Казни [наказывай] сына своего от юности его,...и не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравие будет. Любя же сына своего, учащай ему раны» [1, с.267].

Деспотические порядки, царившие в семье, не могли не сказаться на положении в ней детей. Мать Феодосия Печерского, как неоднократно подчеркивал автор «Жития», именно насильственными методами пыталась влиять на сына. Каждый его проступок наказывался с необычайной, на современный взгляд, жестокостью. Мать избивала сына до тех пор, пока буквально не падала от усталости, заковывала его в кандалы и т.д. [1, с.267].

Порог доверительной интимности отношений близких в семье в ту эпоху был значительно ниже по сравнению с сегодняшним днем. Во многом это и было психологической почвой для воспроизводства самой структуры авторитарного характера Средневековья, где отношения строились на долженствовании, безоговорочности авторитета старшего в семье. Подобного рода код поведения ребенка–родителя аргументировано показал Киньяр на античном материале, что свидетельствует о его укорененности в древних обществах [5]. При всей схожести данных практик в древних обществах их последующая эволюция в разных условиях их исторического бытования, как представляется, обуславливала различия на последующих этапах исторического роста.

Иной была картина отношения к детям в Западной Европе. Если на ранних этапах в некоторых частях Западной Европы (Скандинавии) существовали дети «обреченные на могилу» и были распространены примеры небрежения взрослых по отношению к детям, то позже мы видим ростки интимности в разных срезах. К примеру, в сочинении Гвиберта Ножанского «Монодии» автор повествует о своем обучении:

«...он [учитель] осыпал меня...градом пощечин и пинков, чтобы заставить силою понять то, что он никак не мог растолковать сам». Однако автор считает, что польза от занятий была. Примечателен факт осознания Гвибертом Ножанским несправедливости и бесполезности такого поведения со стороны учителя по отношению к нему [4, с.318]. Если далее прочертить опорную линию макроисторического рисунка феномена детства в Западной Европе, то косвенными признаками, свидетельствующими об изменении эмоциональной атмосферы в семье были обилие находимых при археологических раскопках детских игрушек, использование с XII-XIII веков специальных детских люлек. А уже в очерке Монтеня о детях, автор пишет, что отец так к нему был добр, что нанял музыканта, каждое утро будившего ребенка звуками музыки, чтобы не травмировать детский мозг. Так в Европе появляются новые практики поведения по отношению к ребенку (причем в России мы не наблюдаем такие изменения в данный период). Как объяснить этот особый динамизм изменения отношения к детству, как и самой авторитарной структуры сознания личности на западноевропейской почве? Чем было обусловлено более архаичное отношение к ребенку в средневековой Руси? Можно предположить, что более ранняя трансформация авторитарной структуры сознания в Западной Европе была связана с более динамичным развитием Западной Европы, которая получила в истории особый импульс для развития процессов индивидуализации личности.

Литература

---

1. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., Аспект-Пресс, 1998.
2. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000.
3. Древнерусские повести. Пермь: Кн. изд-во, 1991.
4. История субъективности: Средневековая Европа / Сост. Ю.П.Зарецкий. М.: Академический Проспект; Гаудеамус, 2009.
5. Киньяр П. Секс и страх: Эссе: Пер. с фр.- М.:Текст, 2000.
6. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция.- Томск: Изд-во Том.ун-та, 2008.
7. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного.- Томск: Изд-во Том.ун-та, 2005.

ИСТОРИЯ НАГРАД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

А.А. Иванова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Научный руководитель: Ю.Б. Сериков, д.и.н., проф.

До Февральской и Октябрьской революции 1917 года православные церковнослужители награждались теми же орденами и медалями, как и все подданные Российской империи. Но с приходом к власти большевиков прежняя наградная система была отменена.

После упразднения имперской наградной системы, продолжала действовать система, разработанная не государством, а самой Церковью в XVIII – начале XIX столетия, дополненная после революции 1917 года.

В клировых ведомостях можно увидеть своеобразную лестницу награждения служителей церкви. Награждение начиналось и по сегоднешний день начинается с архипастырской благословенной грамоты. Ее давали и мирянам, и священнослужителям. Вручал ее либо епархиальный архиерей, либо отец благочинный [1,с.63].

Выше архипастырской грамоты была патриаршая грамота, которая также жаловалась за заслуги, но уже представителям Русской Церкви.

Патриаршие грамоты получали не только люди, но и православные храмы. Например, в 1977 году ее получил к своему 75-летию Свято-Николаевский Нью-Йоркский патриарший собор, на сооружение которого собирались деньги со всей христианской Руси. Служили в этом соборе будущий святейший патриарх Св. Тихон и священник Александр Хотовицкий – в настоящее время прославленный как святой [2].

В табели о наградах по своему положению не столь высоки были грамоты. Их могли получать и миряне и священнослужители. Но для священнослужителей была своя система наград. Низшим из разряда служителей был диакон.

Некоторые диаконы получали такую награду, как двойной орарь. Одна его часть находится на левом плече, другая – опоясывает грудь. В наше время эта награда не такая уж редкая и исключительная. До революции такая награда была исключительной и давалась старшим диаконам, протодиаконам. В Москве, в 1908 году, первым ее обладателем стал известный отец Константин Розов [3,с.117].

Другой наградой была камилавка. В наше время она дается как награда протодиаконам и кафедральным соборам в некоторых церквях.

Если для диаконов существовали только две разновидности награды, то для священников, совершавших все таинства, кроме одного – поставления во иереи – их было значительно больше. Это были следующие награды: набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, палица, митра [4,с.9-10].

Набедренник, как награда, была введена архиепископом Московским Платоном в середине XVIII века. Эта награда надевается только во время Божественной литургии и некоторых торжественных обрядов. Награда обыденна, и поэтому ее вручение совмещают с другими знаками отличия [5,с. 152].

Следующая награда – скуфья – фиолетовая шапочка, которая надевается как во время богослужения, так и вне его. В прошлом ею награждались патриархальные архиереи. В настоящее время эта награда не вручается [5,с.83].

Камилавка – награда для священников. До революции ее жаловал Священный Синод, а в наше время она выдается епархиальным архиереем.

После камилавки священник получает следующую награду – наперсный крест. Носят его на груди, поверх рясы или богослужебной одежды, называемой фелонь. Наперсный крест, как награда, вручался не только православным, но и инославным священнослужителям [6,с.118].

После награждения наперсным крестом, крестом с украшениями, палицей, следовало награждение митрой, которая надевалась только во время богослужения [7,с.145].

Награды православным священнослужителям вручались во время воскресной или праздничной литургии святейшим патриархом или епархиальным архиереем.

Существуют награды для архиереев и митрополитов Русской Православной Церкви. Основными наградами являются пожалование креста на кубок, право ношения двух панагий и предношение креста во время богослужения [8].

С конца 1950-х годов в Русской Православной Церкви стала складываться своя орденская система, особенно развившаяся к настоящему времени. В число первых наград входит орден Св. великого князя Владимира, крестителя Руси в 988 году. Учреждение этой награды было приурочено к 40-летию восстановления патриаршества в ноябре 1917 года, когда Св. Тихон был избран на Поместном Соборе председателем Русской Церкви. Первым русским человеком, удостоенным высокой награды, стал Святейший Патриарх московский и всея Руси Алексий I [8].

Если орден Св. князя Владимира ознаменовал собой предстояние патриарха Алексия I, то пребывание на всероссийской кафедре святейшего патриарха Пимена прошло под покровом Сергия Радонежского, в честь которого также был учрежден орден. Награда была учреждена Священным Синодом Русской Православной Церкви 26 декабря 1978 года. Одновременно с орденом была учреждена и медаль преподобного Сергия. Орден I степени был вручен Святейший Патриарх московский и всея Руси Пимену – за выдающийся вклад в развитии взаимоотношений между православными церквями, экуменические и миротворческие заслуги.

1988 год – поистине «лето благодородное» для нашей Церкви и для всех православных христиан нашего Отечества. Церковь, подвергавшаяся гонениям, стала торжествующей. Когда в обществе царили раздор и смута, борьба за власть, в духовном обществе правили мир и любовь [9].

На заседании Священного Синода, состоявшемся 27-28 декабря 1988 года, было учреждено сразу три ордена.

Высшей наградой стал орден Св. апостола Андрея Первозванного с алмазной звездой. Звезда ордена носится на правой стороне и в верхней части груди. Все другие ордена носят ниже. Это высшая награда в Русской Православной Церкви и ей награждаются только по решению Патриарха и Священного Синода за выдающиеся заслуги по укреплению христианства.

Орден Св. благоверного князя Даниила Московского учрежден в память 1000-летия крещения Руси. В разное время, этой награды были удостоены мэр Москвы Ю.М. Лужков, министр обороны РФ И.Д. Сергеев, писатель А.И. Солженицын.

Третьей наградой стал орден Св. равноапостольной великой княгини Ольги. Выдается он за заслуги на различных поприщах служения и за труды на пользу ближних. В 1916 году знака отличия была удостоена В.Н. Панаева, потерявшая в сражениях первой мировой войны троих сыновей-офицеров [10].

Эти три ордена были не единственными в предстательстве святейшего патриарха Алексия II.

22 февраля 1995 года Святейший Синод учредил орден Св. мученика Трифона. Награждают им за активную деятельность по борьбе с вредоносными явлениями, разрушающими здоровье общества. Учреждена была также и одноименная медаль.

Орден Святителя Иннокентия митрополита Московского и Коломенского учрежден 27 декабря 1996 года. В связи с празднованием

200-летия со дня рождения митрополита Иннокентия, была учреждена медаль этого ордена.

3 апреля 2001 года были учреждены орден святителя Макария митрополита Московского и всея Руси и орден преподобного Андрея Рублева. Тем же указом были учреждены и медали этих орденов. 12 августа 2002 года к 10 – летию священнослужения орденом святителя Макария был награжден протоирей Максим Козлов, настоятель храма святой мученицы Татианы. В ходе визита Святейшего Патриарха Алексия в Костромскую епархию в августе того же года орденами святителя Макария были также награждены авторы «Православной энциклопедии» профессор Ю.В. Лебедев и научный сотрудник Н.А. Зотников.

Медаль Андрея Рублева получила первая в России организация – Фонд архитектурного наследия имени преподобного Андрея Рублева, созданный для возрождения отечественной традиции храмовой благотворительности (председатель попечительского совета – епископ Архангельский и Холмогорский Тихон). Аналогичными наградами были отмечены сотрудники фонда: президент В.А. Киселев, председатель Совета благотворителей А.Г. Тищенко, В.Б. Павловский, В.М. Веденеев, А.Ю. Карушев, архитектор фонда Г.И. Анисимова.

Орден Св. благоверного царевича Дмитрия учрежден 29 сентября 1997 года. Русская православная церковь учредила и другие ордена и медали: «Славы и Чести», святителя Алексия митрополита Московского и всея Руси, преподобного Серафима Саровского, Св. благоверного великого князя Дмитрия Донского. Среди первых награжденных были город Углич, храм царевича Дмитрия при Первоградской больнице города Москвы, а также ряд деятелей, например, создатель медицинского центра «Нежность» для детей-инвалидов Р.К. Скрынникова [10].

23 февраля 1999 года священному патриарху Алексию II исполнилось 70 лет. Архиепископ Солнечногорский Сергей (ныне митрополит), управляющий делами Русской Православной Церкви, огласил решение Священного Синода о награждении святейшего патриарха орденом Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского 1-й степени за его первосвятительские труды на благо всей нашей Церкви [11, с. 407-410].

В 2007 году был учрежден орден преподобной Евфросинии, великой княгини Московской. Орденом награждаются женщины, внесшие особый вклад в дело укрепления духовно-нравственных традиций в обществе и развитии социального служения Церкви, способствующие своими делами благу Православия. Впервые, награждение орденом

произошло 23 января 2008 года в рабочей резиденции Патриарха в Чистом переулке в Москве; ордена были удостоены А.Н. Пахмутова, народная артистка России, В.В. Терешкова, первая женщина-космонавт.

Литература

---

1. Православие. Полная энциклопедия. СПб., 2007.
2. Иерархические награды РПЦ [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Иерархические награды РПЦ.htm](http://ru.wikipedia.org/wiki/Иерархические_награды_РПЦ.htm) (дата обращения: 19.02.2009). – Церковные награды.
3. Мурашев Г. Титулы, чины, награды. М., 2004.
4. Кузнецов А.А. Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1999.
5. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2006.
6. Мурашев Г. Титулы, чины, награды. М., 2004.
7. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2006.
8. Награды Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ордена Русской Православной Церкви.htm](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ордена_Русской_Православной_Церкви.htm) (дата обращения: 24.04.2009). – Церковные награды.
9. О заседании Святейшего Синода [Электронный ресурс] // Официальный Web-сайт Московского патриархата. URL: <http://www.russian-orthodox-church.org.ru/rn910061.htm> (дата обращения: 12.10.1999).
10. Награды Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ордена Русской Православной Церкви.htm](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ордена_Русской_Православной_Церкви.htm) (дата обращения: 24.04.2009). – Церковные награды.
11. Православие. Полная энциклопедия. СПб., 2007.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛЯКОВ И РУССКИХ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Т. В. Иванова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.А. Фефелова, к.и.н., доц., зав. кафедрой истории России

Взаимоотношения соседних славянских государств - России и Польши на протяжении всей истории складывались неоднозначно. Актуальность данной теме придает общественно-политическая ситуация, связанная с изменением отношений между данными государствами, с ослаблением общекультурных связей, попытками акцентировать внимание исключительно на трагических моментах нашей общей

истории, что мешает развитию добрососедских отношений между странами.

В польских средствах массовой информации нередко разглашаются антироссийские настроения, аргументируя их чаще всего неправильной интерпретацией исторических событий. За столетия русско-польских контактов у двух народов накопилось немало взаимных претензий. XX век добавил к ним новые. Однако исторически два славянских государства являются ближайшими соседями, какие бы тени не омрачали их прошлое.

Поляки издавна оценивали Россию как деспотичную страну, противопоставляя польскую свободу русской неволе, польское безвластие – российской тирании. К началу XIX в. представления русских и поляков друг о друге имели глубокие исторические корни. Они основывались на многовековом соседстве, частых войнах между ними. Как любые представления о близком соседстве и историческом противнике, они строились на противопоставлениях «мы – они», «свое – чужое» [1, с.299].

Русские также имели свою историю представлений о поляках. Негативный образ поляка – притеснителя кристаллизовался в период Смуты, когда многие тысячи граждан Речи Посполитой воевали на территории Московского государства, поддерживая притязания королевича Владислава на царский трон. В русской литературе XVII в. запечатлелись «извечной лжи коварные кознодеи, злохитрые поляки», «иноверные, злые властные безбожники», грабившие и мародерствовавшие на русских землях [2, с.10].

Особо интересен тот факт, что до начала XIX в. исторические воспоминания о Смуте не казались актуальными. Образ соседа, пусть и негативный, не имел идеологической подоплеки. Кардинально ситуация изменилась после раздела Польши.

Во второй половине XVIII в. Россия предстает перед поляками в роли притеснителя, угрожающего независимости их страны. Присоединение большей части Речи Посполитой к самодержавному государству, подавление восстания Тадеуша Костюшко привели к тому, что образ русских стал, прежде всего, образом врага, захватчика [3, с.285].

Важно отметить то, что с начала XIX в. в отношении России и Царства Польского начинает вторгаться националистический фактор. Наполеоновские войны дали в Европе мощный толчок национальному развитию. В России с этого времени также стала формироваться национальная мифология – и сразу приобрела выраженный антипольский характер.

Особую актуальность русско-польская вражда приобрела в обстоятельствах 1812 г. К этому времени в государственном положении Царства Польского произошли благоприятные перемены. В 1807 г. на землях, отобранных Наполеоном у Пруссии, им было создано Великое герцогство Варшавское. В 1809 г. оно было увеличено за счет земель, отнятых Францией у Австрии. Польская государственность, таким образом, была восстановлена. Наполеон сделался кумиром поляков. Тысячи польских добровольцев спешили записаться в наполеоновскую армию и приняли самое деятельное участие в Испанской кампании, а затем и в войне с Россией. Воюющие на стороне неприятеля поляки воспринимались тем более болезненно, что, как писал современник «небезызвестно, что в нашей военной службе множество поляков, отцы и братья которых восстали против России, присоединились к французам». Таким образом, к концу войны накал русско-польской вражды приобрел очень острый характер, превратившись в «фатально неизбежную конфронтацию двух этносов», - не самый лучший фон последовавших вскоре событий [4, с.133].

В 1815 г. в Варшаве Александр подписал польскую конституцию, согласно которой Царство Польское имело все атрибуты государственности – армию, правительство закрепленное конституцией положение об использовании польского языка в сейме, делопроизводстве, суде, школе. Все государственные должности в Царстве могли занимать только поляки. Конституция содержала гарантии всех основных гражданских прав и свобод – равенство всех перед законом, свободы слова, печати и вероисповедания. Конституционная хартия включала положение об ответственности министров перед сеймом, вводила гласность сеймовых заседаний, распространяла избирательное право на самый широкий в Европе корпус избирателей. Господствующей религией на территории страны объявлялось католичество при широкой терпимости к другим концессиям. В Варшаве был создан университет. Была организована собственная армия. Она была поручена князю Константину Павловичу [2, с.127].

15 марта 1818 г., выступая на открытии первого польского сейма, Александр I говорил о «законно-свободных учреждениях», которые были предметом его непрестанных помышлений, и о том, что намерен «при помощи Божией» приобщить к ним в дальнейшем и другие страны, вверенные ему Провидением. Таким образом, Царство Польское превращалась в арену конституционного эксперимента, который со временем должен был быть распространен на всю империю [3, с.294].

Поляки же слышали в декларации монарха намек на столь желанную для них возможность присоединения к Царству Польскому

западных окраин России. Ведь действия Александра I в этом направлении не ограничивались туманными обещаниями: было создано специальное военное подразделение — Литовский корпус, два учебных округа (Виленский и Харьковский) были устроены по образцу польской образовательной реформы. [4, с.221].

В целом конституция оставалась либеральной лишь на бумаге. На деле ее действие постоянно ограничивалось императором, правительством и лицами, которые по воле царя контролировали ситуацию в Царстве Польском. Фактическим наместником стал великий князь Константин Павлович. «Порядок» в Варшаве постоянно охранялся дислоцированными там частями русской армии.

Предоставление Александром побежденным полякам автономии конституции, которых не имела титульная нация, вызывало раздражение в либеральной части русского общества. Очевидное предпочтение, выдаваемое императором своим польским подданным, раздражало многочисленных русских патриотов. Уже в 1816 г. в России возникает патриотическое тайное общество («Орден русских рыцарей»), имевшее одной из главных целей противостояние польскому влиянию [5, с.695].

Обращаясь к литературе, важно сделать вывод, что представления той эпохи требовали однозначного осуждения сообщества людей, в котором царят темнота и невежество, отсутствуют высокая мораль, законы и господствует грубая сила. У поляков сопоставление с русскими выражалось в противопоставлении польской «цивилизованности» и «московского варварства» [1, с.313].

Оказавшись под властью Константина Павловича, внедрившего в польскую жизнь тайный сыск, жестокие дознания и преследование за свободомыслие, польское общество почувствовало непривычное ярмо. Пугающими стали слова «кнут» и «Сибирь». [5, с.536]

Так, декабрист, А. Бестужев писал о поляках в довольно резких выражениях: «Был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене варшавской. Поляки никогда не будут искренними друзьями русских» [5, с.28]. Даже воспоминания о своих светских и дружеских, сердечных отношениях с поляками, русские офицеры делают оговорку, что эти отношения сложились вопреки разнице в политических убеждениях.

Справедливости ради надо отметить и другое. 1815-1830 гг. были богаты примерами плодотворного русско-польского культурного сотрудничества. Как ни парадоксально, именно ссылка А. Мицкевича в Россию, где он провел 1824-29 гг., способствовала признанию его таланта у себя на родине. Польский поэт, творчество которого стало

вершиной польской литературы, был «открыт» русскими литераторами, и только потом – соотечественниками. Развивались контакты в области науки и искусства, на польский язык переводились сочинения А.С. Пушкина, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина. С польской литературой были хорошо знакомы К.Ф. Рылеев, А.А.Бестужев, В.К. Кюхельбекер. Развитию культурных взаимосвязей способствовала деятельность ученых З. Доленги - Ходаковского, С.Б. Линде, И.Б. Раковецкого, журналистов Ф.А. Булгарина и В.Г. Анастасевича [5, с.564].

Рассматривая данную проблему, хотелось бы сделать вывод, что русско-польские отношения на протяжении нескольких столетий, далеко неоднозначны и противоречивы. В целом для русских в конце XVIII – начале XIX в. польский вопрос лежал преимущественно в сфере большой политики. Но то, что для России явилось проходным эпизодом, для Польши стало одним из трагических периодов истории.

Литература

---

1. Мартыанова Л. «Польские отравители» в 1830 – 1831 годах // Тартуские тетради. М.: ОГИ, 2005. 384 с.
2. Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. Статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 352 с.
3. История Польши. В 3-х Т. Т. 1. Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М.: Изд-во Академии наук, 1956. 1352 с.
4. Дегоев В.В. Венская система: испытание революцией 1830 – 1831 гг. // Россия в XVIII – XX веках. Страницы истории. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 256 с.
5. Ленский З. Польша в первой половине XIX века // История России в XIX веке. Дореформенная Россия. М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. 589 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Г. А. Кречетов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: П.Л. Нестеренко, к.и.н., доц.

Феномен «холодной войны» в истории советско-американских, в дальнейшем – российско-американских отношений, является одним из самых дискуссионных. Большое количество научной и мемуарной литературы не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, кто же начал это противостояние. Однако еще со времен зарождения «холодной

войны» и историки, и политические деятели – представители противоборствующих сторон пытались дать свою оценку тому, кто именно виновен в ее развязывании.

Актуальность изучения вопроса происхождения «холодной войны» приобретает дополнительную значимость в связи с современным уровнем взаимоотношений между Россией и США. К настоящему времени в российских политических и научных кругах бытует мнение, что внешняя политика США до сих пор развивается в том же векторе, что был задан на рубеже 1940 – 1950-х гг. Тезис об ответственности российской стороны за ухудшение двусторонних отношений столь же популярен и среди некоторых представителей американской политической и научной элиты.

Цель данной публикации – провести историографический анализ отечественной и американской оценок по вопросу возникновения и дальнейшего развития «холодной войны».

Считаем необходимым начать с анализа позиций отечественных политических деятелей и ученых. Одним из первых свою аргументированную точку зрения по этому вопросу высказал В.М. Бережков. В книге воспоминаний «Как я стал переводчиком Сталина» он пишет, что «холодную войну» начали США в тот момент, когда там пост президента занял Г. Трумэн, агрессивно настроенный по отношению к СССР. В свое время его предшественник – Ф.Д. Рузвельт оценивал СССР как равноправного партнера в международных отношениях. Но Ф.Д. Рузвельт, по мнению советского дипломата, предвидел «холодную войну», после окончания Второй мировой войны. В частности, В.М. Бережков отмечал: «Рузвельт в беседах со Сталиным неоднократно подчеркивал, что с наступлением мирного периода, активизируются силы, выступающие против сотрудничества СССР и США в послевоенное время» [3, с. 292].

В.М. Бережков четко формулирует мысль о том, что если бы Ф.Д. Рузвельт не умер бы в апреле 1945 года, то «холодную войну» можно было бы если не избежать вообще, то оттянуть на какой угодно срок. Тезис В.М. Бережкова сводится к следующему: «Если бы Рузвельт прожил бы дольше, то возможно отношения в послевоенный период сложились бы более благоприятно, не исключается что при наличии высокой степени доверия между Рузвельтом и Сталиным удалось бы избежать крайностей и опасных конфронтаций «холодной войны». Преждевременная смерть Рузвельта и приход в Белый дом Трумэна коренным образом изменили ситуацию, вызвав соответствующую реакцию советской стороны» [3, с. 306].

И здесь вполне очевидно напрашивается вывод о том, что «холодная война» была начата Соединенными Штатами, возглавляемые Г. Трумэн. Как считает автор, именно он и начал эту конфронтацию при подстрекательстве У. Черчилля, выступившего 5 марта 1946 года с речью «Мускулы мира», расцениваемую как «вызов», брошенный Советскому Союзу к этому противостоянию. Уже 13 марта 1946 г. И.В. Сталин дал свое интервью газете «Правда», в котором этот «вызов» был принят советской стороной.

Другой советский дипломатический работник – Г.М. Корниенко, придерживался той же точки зрения. Он, как и В.М. Бережков считал, что «не умри Рузвельт в столь ответственный для послевоенного развития момент и останься он на посту президента США до окончания своего четвертого срока в январе 1949 г., «холодная война» не возникла бы вовсе» [7, с. 200]. В начале «холодной войны» Г.М. Корниенко, как и В.М. Бережков, обвиняет Г. Трумэна, начавшего эту войну при подстрекательстве У. Черчилля.

Свое мнение по данному вопросу высказал и глава МИД СССР в 1957 – 1985 гг. А.А. Громыко. В своем труде «Внешняя политика США: уроки и действительность 60 – 70-е годы» он считает, что «холодная война» была начата США в период президентства Г. Трумэна. «Холодная война» американцами расценивалась как превентивная мера, направленная на сдерживание Советского Союза, готовившегося якобы к агрессии против Запада. Вот что он пишет по этому поводу: «США были основной силой развязавшей «холодную войну», направленную против СССР и других социалистических стран» [4, с. 3].

Таким образом, мы видим, что в оценке начала такого противостояния как «холодная война» советские политические деятели единодушно склонны обвинять США и их союзников.

Теперь проанализируем точки зрения отечественных историков. В коллективной монографии под редакцией академика В.Г. Трухановского «История международных отношений и внешней политики СССР» этому вопросу посвящена целая глава. И здесь так же есть склонность обвинять в развязывании «холодной войны» США и Великобританию. Сам труд выдержан в духе своего времени (1963 – 1964 годы) и в нем В.Г. Трухановский оправдывал официальную позицию СССР в вопросах внешней политики. Данное обстоятельство позволяет оценить эту работу во многом как тенденциозную. Тем не менее, здесь есть большое количество ценной информации по вопросам происхождения «холодной войны», особенно на ее начальном этапе. В своих оценках В.Г. Трухановский не отличался оригинальностью, приписывая ответственность за начало «холодной войны» США

при прямом участии У. Черчилля: «Роль инициатора в провозглашении агрессивного антисоветского курса политики была предоставлена бывшему английскому премьеру У. Черчиллю. Это выглядело не только признанием со стороны реакции его особой ненависти к СССР – выступление Черчилля должно было ознаменовать полное единство США и Англии в осуществлении враждебной СССР политики» [5, с.146].

Первые «выстрелы» и первые шаги в развязывании «холодной войны» сделали именно США и Англия, что аргументируется следующим утверждением В.Г. Трухановского: «... Черчилль произнес свою речь в Фултоне 5 марта 1946 г. на правительственном собрании, где присутствовали виднейшие руководители США во главе с Трумэном. Черчилль угрожал СССР атомным оружием (американским!) и призывал проводить по отношению к СССР жесткую политику. В его речи содержался своего рода ультиматум Советскому Союзу и странам народной демократии: под угрозой атомной войны признать господство англо-саксонских империалистов Черчилль призывал к созданию агрессивного союза империалистических государств для навязывания диктата Советскому Союзу если понадобится и военными средствами» [5, с. 146].

Как показали дальнейшие события, внешняя политика США по отношению к СССР развивалась именно в векторе, заданном в Фултонской речи Черчилля.

Позицию, альтернативную советской, по данному вопросу высказал в книге «Историческое недоразумение? «Холодная война». 1917 – 1990» бельгийский историк И.В. Берге. Автор утверждает, что «холодная война» началась ещё в 1917 году с момента Октябрьской революции в России и итогов Парижской мирной конференции, где обсуждался т.н. «русский вопрос». Именно после всех этих мероприятий у правительств Франции, Великобритании и США созрели русофобские настроения. Но ещё до этого был предпринят «поход 14 государств». Но после Парижской Мирной конференции многие западные страны в итоге были вынуждены признать СССР как государство. По мнению И.В. Берге, в этот момент и созрели предпосылки к «холодной войне». Вместе с тем, автор полагает, дипломатические отношения Советской России и Запада можно охарактеризовать как мирное сосуществование. Исходя из этого, Берге утверждает, что «холодную войну» начал Советский Союз тем, что после войны создал для стран – союзников провокационную ситуацию. Ее суть состояла в следующем: «Сталин прекрасно осознавал американское экономическое превосходство и собственную слабость. Его первой целью было экономическое

восстановление Советского Союза. Он надеялся осуществить его с помощью крупного американского займа, но ещё больше за счет 10 миллиардов долларов репараций с Германии, которые были обещаны в Ялте и Потсдаме. Чтобы иметь возможность получить репарации на эту сумму Советскому Союзу был нужен доступ ко всей Германии. В 1946 году англичане и американцы помешали ему в этом из-за чего началась «холодная война» [2, с. 81].

В свою очередь США и Великобритания создали из СССР образ врага, и, по мнению И.В. Берге, в этом деле большую роль сыграли Фултонская речь Черчилля и телеграмма Джорджа Кеннана. Но и Сталин, в свою очередь в интервью корреспонденту «Правды» сравнивал Черчилля с Гитлером. Но сильные действия, направленные на обострение конфликта были, с точки зрения И.В. Берге предприняты американской стороной – это и известная «доктрина Трумэна» 1947 года, и призыв к созданию антикоммунистического щита. Следствием этой доктрины, как считает автор, можно назвать и дальнейшие действия США, такие как «план Маршалла» и создание блока НАТО.

Позиции американских исследователей феномена «холодной войны» также представляются крайне важными. Начать следует с точки зрения, занимаемой американским историком Артуром Шлезингером. В своем труде «Циклы американской истории» он считает, что «холодную войну» начали безусловно страны Запада, такие как Англия и США, но начало «холодной войны» по нему было оправдано самыми благими целями. А. Шлезингер обосновывает тезис о том, что «холодная война» была смелым и необходимым ответом свободных людей на коммунистическую агрессию» [10, с. 241].

Начиная с президента Г. Трумэна большинство американских руководителей пытались представить СССР перед своими гражданами как ярого внешнего врага. А. Шлезингер отмечает: «Американское правительство продумало ложную советскую угрозу, чтобы страхом заставить уставших от войны американцев начать «антисоветский крестовый поход» [10, с. 307]. Но те слухи о том, что СССР это опасный враг Шлезингеру представляются преувеличенными. Как пишет американский ученый: «Холодная война» была последним по счету эпизодом в долгой цепи предсказуемых международных конфликтов, вызываемых империалистическими побуждениями американского капитализма. Подталкиваемый ненасытными потребностями экономической системы, которой ради её выживания необходима экспансия, Вашингтон, как считают ревизионисты после Второй мировой войны вступил на путь завоевания мирового экономического господства. Требуя открытых дверей для американской торговли и инвестиций по

всей планете, Соединенные Штаты задались целью «интегрировать» в мировое сообщество американскую экономическую систему. Советский Союз был серьезным барьером на пути у Америки. А посему американские руководители стали изображать эту слабую и многострадальную страну как источник военной и идеологической угрозы. Делалось это для того, чтобы оправдать свою политику ликвидации всего, что препятствовало завоеванию Америкой мировых рынков» [9, с. 279-280]. Общий вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что «Соединенные Штаты навязали бедному Советскому Союзу и всему миру «холодную войну» [9, с. 280].

Свои соображения о причинах и характере «холодной войны» высказал и бывший министр обороны США Р. Макнамара. В силу занимаемой им должности он видел и соглашался с тем, что «холодная война» была начата странами Запада, в первую очередь – США и Великобританией и имела своей целью «сдерживания» советской экспансии в послевоенной Европе. Одним из этих сдерживающих факторов было наличие ядерного оружия и его количественное превосходство над СССР. Р. Макнамара считал ядерную войну между странами вполне возможной и она могла бы возникнуть в трех случаях: «1961 г. – Берлинский кризис; 1962 – Карибский кризис; 1967 – в связи с событиями на Ближнем Востоке... – как пишет далее Макнамара – ни в одном из этих случаев, ни одна из сторон не хотела войны. В каждом из них мы приближались к ней рискованно близко» [9, с. 18].

Создается впечатление того, что олицетворением «холодной войны» и её символом было ядерное оружие и постоянная опасность его применения и как следствие начало ядерной войны. А внешняя политика США только и была направлена на её предотвращение за счет «сдерживания» или в случае начала. Как отмечает далее Р. Макнамара: «США должны добиться превосходства и заставить Советский Союз искать скорейшего прекращения военных действий на условиях, выгодных для Соединенных Штатов» [9, с. 29-30].

Общий вывод, к которому пришел бывший руководитель Пентагона, состоял в следующем – какая бы из сторон конфликта не нанесла бы первый ядерный удар, она получит гарантированный ответный удар, более сильный и разрушительный чем сама нанесла и ещё неизвестно, кому здесь придется хуже. Итогом размышлений Р. Макнамары стал тезис о необходимости избегать вооруженных конфликтов с СССР.

Еще один американский политический деятель – Генри Киссинджер в своём труде «Дипломатия» так же делает анализ происхождения

феномена «холодной войны». По сути дела, он повторяет точку зрения официальных кругов США – виновником и зачинщиком «холодной войны» был Советский Союз. Усиливая свое положение в послевоенной Европе он создал таким образом угрозу для капиталистических стран. Как отмечает Г. Киссинджер, «перед нами оказалась новая Россия, полностью отличная от той с которой мы имели дело год назад. Пока они нуждались в нас по ходу войны, и мы их снабжали, между нами были удовлетворительные отношения, но теперь, когда война закончилась они прибегают к агрессивной тактике и безапелляционно настаивают на политико-территориальных вопросах» [6, с. 592-595].

Но первые «выстрелы» в этой войне, согласно Г. Киссинджеру, сделали все-таки США. В первую очередь это – реализация «плана Маршалла» и создании НАТО. Вместе с тем, Г. Киссинджер дает им позитивную оценку, говоря что «план Маршалла» был предназначен для того, чтобы дать Европе возможность экономически встать на ноги. А организация НАТО обязана была проследить за её безопасностью» [6, с. 411]. Естественно, что советское правительство при таких условиях вынуждено было принимать адекватные ответные меры – создать в 1955 году Организацию Варшавского Договора. По логике Г. Киссинджера, действия США в «холодной войне» имели цель сдерживания экспансионистской внешней политики СССР не только в Европе, но и в остальном мире. Как отмечал автор, СССР также применял аналогичную политику и по отношению к США, и в Европе, и в остальном мире (Корейская война, война во Вьетнаме, Карибский кризис и т.д.).

Примечательно то, что в финале своей работы Г. Киссинджер меняет свою точку зрения относительно начала «холодной войны»: «С победой над общим врагом, коалиция стран, сплотившихся против этого врага, обычно умирает естественной смертью. Но с другой стороны такому союзу совсем не обязательно было быстро перерасти в «холодную войну», этого в мае 1945 г., я думаю Сталин не замыслил, как скорее всего и наши западные союзники. Но вот здесь и сыграли свою роль подозрительность и паранойя Сталина, так же как его коммунистическое мессианство и имперские амбиции» [6, с. 829]. Он также пишет, что «политика США давала для этого свои основания, одним из которых было создание ядерного оружия и бомбардировка ими в августе 1945 г. городов Хиросима и Нагасаки и ... еще и желание научить Советский Союз новым правилам игры на послевоенное время» [6, с. 829].

Динамика «холодной войны», по Г. Киссинджеру, была напрямую связана со сменой глав американского правительства. Начиная с Г. Трумэна, каждый последующий президент США (Д. Эйзенхауэр, Дж. Ф. Кеннеди, Л. Джонсон, Р. Никсон, Дж. Р. Форд, Дж. Картер, Р. Рейган) внесли свою лепту в улучшение или ухудшение советско-американского диалога в условиях «холодной войны».

Распад СССР пришелся уже на президентство Дж. Буша-старшего. В это время США поддерживали развал СССР и оказывали всяческую поддержку СССР и постсоветской России.

Отдельный интерес представляют новейшие историографические вопросы «холодной войны». Известный российский специалист в области изучения истории США В.И. Батюк в статье «Трансформация вооруженных сил НАТО и Россия: вызовы и перспективы», провел детальное исследование данной проблемы. Общий вывод автора состоит в том, что НАТО после окончания «холодной войны» взяло курс на усиление своих позиций в Европе, «в связи с чем, на протяжении 1990-х гг. Североатлантический альянс вновь стал для Москвы «врагом номер один» и было представление того, что ЕС лучше НАТО уже ввиду отсутствия там американцев и экспансия Евросоюза на восток может стать лучшей альтернативой аналогичной экспансии со стороны НАТО» [1, с. 61].

Как далее пишет автор, «в 2000-е годы в Москве уже осознали, что расширение НАТО на восток совсем не обязательно может привести к реальному усилению военной мощи альянса в силу того, что страны Восточной Европы и страны «второго призыва» не располагали крупными и современными вооруженными силами, которые бы могли внести реальный вклад в укрепление обороноспособности альянса» [1, с. 62].

Факторов, влиявших на потенциальную «реанимацию» «холодной войны» в период 1990-х и начале 2000-х гг. скопилось достаточно много. Это и разногласия в связи с агрессией войск НАТО в Югославию в 1999 году, и намерение США разместить базы ПРО в Польше и Чехии, и планомерное расширение Северо-Атлантического Альянса на Восток. Свой «вклад» внесла и российско-грузинская война в августе 2008 г. на территории непризнанной мировым сообществом Южной Осетии.

В 2009 году в США к власти пришел новый президент Барак Обама, правительство которого официально взяло курс на «Перезагрузку отношений с Россией» обозначенный в начале марта 2009 года. В задачи которой, как пишет В.А. Кременюк, входит «разрешение проблем модернизации России для США с наиболее оптимальным для

неё выбором из всех возможных вариантов» [8, с.10]. То есть уже самой американской стороной, взят положительный вектор на выстраивание американско-российских отношений, поэтому было также объявлено об отказе размещения баз ПРО в Польше и Чехии. Также Б. Обама совсем недавно заявил о намерении полного вывода американских войск из Ирака к концу 2010 года.

Тем самым у отечественных и зарубежных исследователей появляется новая возможность для детального и максимально объективного исследования феномена «холодной войны», а у политиков – перспектива формирования и развития новых, взаимовыгодных межгосударственных отношений. Их планирование невозможно без учета исторического наследия российско-американских достижений и противоречий. Выразим надежду, что второго витка «холодной войны» не будет.

Литература

---

1. Батюк В.И. Трансформация вооруженных сил НАТО и Россия: вызовы и перспективы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 5. С. 51 – 68.
2. Берге И.В. Историческое недоразумение? «Холодная война» (1917 – 1990 гг.). М.: Международные отношения, 1996. 304 с.
3. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. 400 с.
4. Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и действительность 60-70-е годы. М.: Международные отношения, 1978. 312 с.
5. История международных отношений и внешней политики СССР (1939-1945 гг.) / Под ред. В.Г. Трухановского // в 3 т. М.: Международные отношения, 1964. Т. 3. 867 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. 848 с.
7. Корниенко Г.М. «Холодная война» истоки причины и последствия. / Осмысление истории / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Просвещение, 1996. С. 199 – 213.
8. Кременюк В.А. Новая категория: система взаимодействия между Россией и США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 12. С. 3 – 16.
9. Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М.: Наука, 1988. 149 с.
10. Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Издательство «Прогресс-Академия», 1992. 688 с.

АВТОБИОГРАФИИ СТУДЕНТОВ 1930-1940-Х ГОДОВ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В. В. Макеев

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.В. Галкина, к.и.н. доц., декан ИГФ

Выбор темы научного исследования обусловлен профессиональным интересом будущего историка к биографической тематике. Как известно, еще в античной историографии биографии великих людей расценивались не только как жизнеописание отдельного человека, но и как способ сведения истории к деятельности отдельных выдающихся личностей. Хотя это положение неоднократно переоценивалось в теории «героев и толпы», положение биографического метода на протяжении XIX – XX вв. оставалось прочным и довольно широко распространенным в исторических исследованиях.

Перспективным представляется одна из разновидностей биографического метода – метод коллективных биографий, предложенный английским историком Л. Немиром в 20-х гг. XX в. Примечательным в этом методе было обращение к рядовому человеку. «Теоретический замысел метода коллективных биографий связан с уверенностью в том, что к пониманию причин действий и объяснению их характера можно пробиться лишь сквозь толщу биографических деталей, открывая таким образом не мнимые, а подлинные интересы человека. Единственный путь к этому – изучение всех подробностей его жизни» [1, с. 228]. Таким образом, скрупулезное изучение биографий не только выдающихся личностей, но и рядовых граждан приобретает значимую историческую ценность в реконструкции истории.

Применение метода коллективных биографий для написания Книг памяти о студентах, преподавателях и сотрудниках Томского государственного педагогического университета – участниках Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) представляется вполне обоснованным. Этот проект историко-географического факультета ТГПУ посвящен 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне.

Планомерная научная работа с архивными материалами началась в вузе в 2000 г. в связи с углубленным изучением истории ТГПУ. На научный потенциал личных дел студентов ТГПУ, а также преподавателей ТГУ обратили внимание исследователи О.О. Петунина [2] и М.В. Грибовский [3] в 2004 г. Однако специальных научных исследований, посвященных изучению автобиографий студентов как отдель-

ного делопроизводственного документа и исторического источника, не обнаружено.

Целью настоящей статьи является выявление потенциала авторской биографии студентов ТГПИ 1930-1940-х гг. как достоверного исторического источника.

Источниковедческой базой научного исследования являются документы из 26 личных дел студентов ТГПИ Н.М. Брусова (Д. 74), Н.П. Белоногова (Д. 88), А.А. Ведерникова (Д. 116), Ф.А. Гордионова (Д. 138), П.П. Голикова (Д. 139), А.И. Голосова (Д. 143), В.И. Чинько (Д. 154), Б.Ф. Голубева (Д. 163), Л.Н. Горшенина (Д.166а), К.Ф. Давыдова (Д. 170), Н.А. Зевакина (Д. 225), В.М. Истомина (Д. 231), А.И. Кожемякина (Д. 240), В.Ф. Краева (Д. 242), К.И. Машукова (Д. 453), Л.С. Копысова (Д. 484), Г.И. Тетерина (Д. 547), А. П. Дружинина (Д. 612), А.Я. Емлевского (Д. 616), Ф.Н. Неделько (Д. 732), Г.Д. Якимова (Д. 778), М.С. Каркунова (Д. 953), Г.Л. Карпова (Д. 954), В.Н. Коротина (Д. 985), М.Б. Зильберштейна (Д.1890), А.В. Старченко (Д. 4057), хранящихся в архиве Томского государственного педагогического университета [4].

Внешняя критика студенческих автобиографий показала, что это листы бумаги (зачастую тетрадные листы в клетку) от 1 до 4 листов, исписанные рукописью с применением чернил. Необходимо заметить, что за 60 лет хранения в архиве бумага пожелтела, имеет множество разрывов по правому краю документа, чернила поблекли, что представляет определенные трудности при работе с документами. При этом для некоторых из них, которые уже плохо читаются, публикация этих документов является, безусловно, их спасением. Обращает на себя внимание и создает дополнительные трудности неправильная техническая обработка личного дела, когда скрепляющая документы прошивка сделана прямо по «живому» тексту документов.

Что касается внутренней критики автобиографий, то при тщательном анализе создается впечатление одного и того же текста, в котором изменены только имена, географические пункты и даты. В этих автобиографиях отсутствует изложение личностных мотиваций, мировоззренческих установок, каких-то впечатлений, могущих помочь в воссоздании наиболее полной характеристики автора. Их похожесть друг на друга является, видимо, характерной для 30-40-х гг. XX в. И действительно, при анализе текстов были выявлены несколько признаков, имеющих во всех перечисленных выше автобиографиях: 1) время и место рождения (правда, в 42 % автобиографий не указаны число и месяц рождения); 2) принадлежность к социальной группе; 3) полученное образование (начальное, неполное среднее, среднее, специаль-

ное); 4) участие в Великой Отечественной войне. А вот такой признак как трудовая деятельность присутствовал только у 81% студентов, а сведения о родителях давали лишь 50% студентов. Перечисленные выше признаки являются общими типовыми признаками студенческих автобиографий 1930 – 1940-х гг.

Наряду с общими типовыми признаками в большинстве автобиографий были выявлены следующие признаки: 1) членство в ВЛКСМ; 2) членство в ВКП(б); 3) наличие репрессированных членов семьи; 4) наличие партийных взысканий; 5) наличие родственников за границей; 6) лишение избирательных прав родственников. Эти признаки можно с уверенностью отнести к признакам идеологического характера, характерным для этого времени.

Таким образом, выявленные общие типовые признаки и признаки идеологического характера являются структурными компонентами студенческих автобиографий, придающих им формализованный характер. Но в то же время эти документы являются яркими свидетельствами своего времени, когда автобиография с указанными признаками удовлетворяла требования властных структур к тем сведениям, которые должен был сообщить о себе гражданин СССР. При этом особое внимание обращалось на идеологическую часть автобиографии, а также на социальное происхождение абитуриента.

Таким образом, анализ автобиографического материала позволил сделать следующие выводы, ценные для восстановления истории ТГПУ. По своему составу студенческое сообщество 1930 – 1940-х гг. являлось выходцами из крестьян (70%), служащих, в том числе учительских семей (19%), рабочих (11%). Эти студенты прибыли учиться в ТГПИ из Томска, Томской, Омской, Новосибирской, Кемеровской, Саратовской, Смоленской и Усть-Каменогорской областей, Алтайского и Красноярского краев. Возрастной состав этой студенческой группы – от 20 до 36 лет, при этом большинство приходится на 25-28 лет, а 19% студентов имели возраст от 31 до 36 лет. Среди этих студентов – участников Великой Отечественной войны многие награждены орденами и медалями. Ф.Н. Неделько за боевые подвиги награжден орденами Славы II и III степеней, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [5, л. 21], а А.Я. Емлевский [6, л. 21] и М.Б. Зильберштейн [7, л. 26] дошли с боями до Берлина, получив медали «За освобождение Праги» и «За взятие Берлина».

При этом необходимо учитывать субъективный характер любой автобиографии и необходимости привлечения дополнительных документов для верификации данных. При выполнении этих условий ав-

тобиография может стать полноценным историческим источником. А дальнейшие исследования материала личных дел в архиве ТГПУ позволять сделать более обоснованные выводы на обширной источниковой базе.

Источники и литература

---

1. Смоленский Н.И. Теория и методика истории. М.: Высшая школа, 2008. 272 с.
2. Петунина О.О. Информационный потенциал личных дел студентов Томского государственного педагогического института (1930-е гг.) // Документ в меняющемся мире. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 273 – 275.
3. Грибовский М.В. Личные дела как источник по истории профессорско-преподавательского корпуса Сибирского государственного медицинского университета // Документ в меняющемся мире. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 280 – 282.
4. Архив ТГПУ. Ф. 566. Оп. 2.3. Д. 74, 88, 116, 138, 139, 143, 154, 163, 166а, 170, 225, 231, 240, 242, 453, 484, 547, 612, 616, 732, 778, 953, 954, 985, 1890, 4057.
5. Архив ТГПУ. Ф. 566. Оп. 2.3. Д. 732.
6. Архив ТГПУ. Ф. 566. Оп. 2.3. Д. 616.
7. Архив ТГПУ. Ф. 566. Оп. 2.3. Д. 1890.

ПРОБЛЕМА СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И ЕЁ РЕШЕНИЕ ИДЕОЛОГАМИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА СИБИРИ

М. И. Медякина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Р.А. Топчий, к.и.н., доцент

Развитие новых мультимедийных технологий и быстрого роста источникового материала ставит на одно из важных мест изучение вопросов социальной коммуникации. Как справедливо отмечает Р.Ю. Почекаев, исследователь истории связей с общественностью. «Проблема рассматривается во всем мире на фоне политических, экономических, социальных, правовых и культурных преобразований»¹

Здесь же автор упомянутого сочинения подчеркивает, что проблема существующая с древнейших времен стала предметом изучения сравнительно недавно, ссылаясь на европейский опыт и опыт других континентов. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время эта проблема рассматривалась частично на Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, прошед-

---

¹ Почекаев Р.Ю. История связей с общественностью. Москва, С-Петербург, Новосибирск и др. С. 26.

шей 25-26 октября 2007 года, прошедшей в Томском государственном университете.¹ Была отмечена важность изучения этих вопросов в связи с решением задач совершенствования процессов государственного управления, повышения его экономичности и эффективности.²

В этом плане необходимо отметить также издание, посвященное 400-летию г. Томска «Судьба регионального центра в России».

Исследуя становление Томска как научного центра, часть исследователей акцентируют внимание на роли интеллигенции в том числе и ссыльных в этом вопросе.

Отмечая важность и состояние изученности проблемы в целом необходимо отметить, что пока еще недостаточно уделяется внимания региональной, в частности сибирской тематике выдающимися представителями в изучение которой было областничество и его идеологи - Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Г.Е. Катанаев и др.

Заслуживают внимание вопросы, которые поставили областники: это вопрос об единстве мировых культурно-исторических процессов, что прямо связано с проблемой связи с общественностью, в том числе и местного, национального населения. Историческая концепция и проблемы социального развития, ставившиеся Г.Н.Потаниным, исследована в монографии Г.И. Пелих.³

В этом плане важно продолжение исследования о деятельности его соратников, в частности Г.Е. Катанаева, сделавшего много теоретически и практически для решения вопросов контактов с местным населением и интеллигенцией.

Деятельность Г.Е. Катанаева и его взгляды на существующий строй ещё недостаточно раскрыты в исторической литературе.

Катанаев Георгий Ефремович (1848-1921) - родился апреля (по ст.ст.) 1948 г. в только что основанной тогда в киргизской степи станице Атбасарской (ныне г. Атбасар) в семье казака (уроженца станицы Котуркульской Кокчетавского уезда бывшей Акмолинской области) По окончании Каркаралинской начальной станичной школы, в возрасте 8,5 лет он был отправлен в Сибирский кадетский корпус (г.Омск), который окончил успешно к 1865 г., но «за молодостью» был оставлен при корпусе еще на год. 8 августа 1866 г. Г.Е.Катанаев был произведен в чин хорунжего и оставлен в Омской учебной сотне Сибирского казачьего войска.

Г.Е.Катанаев сделал блестящую военную карьеру, пройдя путь от воспитанника кадетского корпуса до чина генерал-лейтенанта. В об-

¹ Документ в системе социальных коммуникаций. Томск, 2008, С. 1-446.

² Там же. Зоркова О.В. Вступительное слово.

³ Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск, 2006.

щей сложности он состоял на действительной военной службе 42 года: с 1866 по 1907 г. и с августа 1918 по январь 1920г. Участвовал в походах (в Среднюю Азию и Китай), но в сражениях не участвовал. Основное время службы провел на военно-административных должностях и при исполнении особых поручений. Особенно удачно служебная карьера Г.Е. Катанаева складывалась после принятого им предложения перейти на службу в личное распоряжение генерал-адъютанта Н.Г. Казнакова, назначенного 1 января 1875 г. на пост генерал-губернатора Западной Сибири. Так, если до поступления в распоряжение Н.Г. Сазнакова Г.Е. Катанаев прослужил в чине хорунжего и сотника, то за 4 года службы при новом генерал-губернаторе; при его активном содействии и покровительстве, дошел до чина майора. Г.Е. Катанаев исполнял обязанности старшего адъютанта Окружного штаба и штаб-офицера для особых поручений, был членом Комитета при Главном управлении казачьих войск в Петербурге (от Сибирского казачьего войска). Наконец, в течение 17 лет (1890-1907) он занимал должность председателя Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска.

Кроме того, Г.Е. Катанаев выполнял особые поручения: являлся членом и председателем многих комиссий и комитетов по благоустройству Сибирского казачьего войска и Степного края, в качестве «сведущего человека» и представителя интересов сибирского казачества принимал участие в работе министерских комиссий по выработке разного рода мероприятий и положений, касающихся Степного края и войска. Неоднократно участвовал Г.Е. Катанаев и в столичных депутациях по различным торжественным и знаменательным случаям. Так, он был членом депутации от Сибирского казачьего войска на торжестве по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых. В качестве «сведущего человека» он состоял при наследнике Цесаревиче, впоследствии Императоре Николае Втором, во время пребывания его в Омске с 14 по 16 июля 1891 года и проезде на лошадях от Омска до Оренбургской границы.

Но военная служба и среда не поработили казачьего офицера, вышедшего из рядов простого казачества. С юных лет он интересовался историей, имел несомненный литературный талант и в дальнейшем пытался в достаточной мере реализовать свои природные способности и наклонности. В 1864 г., будучи еще кадетом, он впервые встречается и отчасти знакомится с Г.Н.Потаниным и Н.М.Ядринцевым, начинает активно посещать литературно-музыкальные вечера, организуемые кружком молодых сибирских патриотов, постепенно увлекается просветительскими идеями последних. В 1866 г. состоялось личное зна-

комство Г.Е.Катанаева с Г.Н.Потаниным и Н.М.Ядринцевым, содержащимися в то время на омской гауптвахте по делу «сибирских сепаратистов». С этого времени между Г.Е.Катанаевым и «идеологами» областничества (которых он впоследствии назовет своими «духовными отцами» и наставниками в деле служения Сибири) завязываются дружеские отношения, поддерживаемые посредством переписки.

Вяния 60-х гг. XIX века, влияние Г.Н.Потанина и Н.М.Ядринцева на всю жизнь определили направление деятельности Г.Е.Катанаева и сделали из него незаурядного местного общественного деятеля и научного работника по вопросам краеведения, главным образом по истории и экономике Степного края и сибирского казачества.

В конце 1867 г. при содействии Г.Н.Потанина Г.Е.Катанаев уезжает в Москву для учебы в Петровско-Разумовской земледельческой Академии (ныне сельскохозяйственная академия им.Тимирязева), которая и продолжалась с января 1867г. по октябрь 1872г. (Г.Е.Катанаев был степендиатом Сибирского казачьего войска). По возвращению в Омск, с 1873 г. он начинает проводить популярные чтения по природоведению и физической географии в частной школе Ю.А.Соколовой, а в апреле 1874 г. поступает в Омскую военную гимназию в качестве воспитателя и преподавателя географии в младших классах, где в течение 3-х лет читает авторский курс «Родиноведения» (в основе которого лежала широко разрабатываемая Г.Н.Потаниным идея «областного» подхода на стадии первоначального образования или так называемая идея «концентрического родиноведения»).

С 1873 г. начинается сотрудничество Г.Е.Катанаева в качестве омского корреспондента в периодической печати - это первое из частных провинциальных изданий - «Камско-Волжская газета», а затем газета «Сибирь». В последующие годы его публикации достаточно часто появлялись как в столичных изданиях - «Голос», «Русский инвалид», «Дело», «Военный сборник», так и местных газетах: «Акмолинские областные ведомости», «Степной край», «Иртыш» и др.

Г.Е. Катанаев был активным членом многих научных обществ: членом-учредителем Общества любителей казачьей старины, действительным членом Военно-исторического Общества, Омского отдела Московского общества сельского хозяйства (ОМОСХ), Общества исследователей Западной Сибири. Но особенно длительным и дорогим было для него сотрудничество с Западно-Сибирским Отделом Императорского Русского Географического Общества, членом которого он являлся со дня основания Отдела в 1877 г. на протяжении более чем 30-ти лет Г.Н. Катанаев последовательно исполнял практически все обязанности по Отделу: был правителем дел Отдела (1878-

1881), библиотекарем(1883), членом распорядительного комитета, председателем распорядительного комитета (1887 -1893), исполняющим обязанности председателя Отдела(1891-1893) и председателем Отдела (1893-1897). Под его председательством Отделом был снаряжено несколько научных экспедиций, устроен ряд научно-показательных выставок, публичных лекций и курсов, построено собственное здание Отдела. В 1896 г. Отдел принял активное участие в работе 16-ой Всероссийской Промышленной и Художественной выставке в Нижнем Новгороде, где получил около 70 наград (сам Г.Е.Катанаев был награжден серебряной медалью за представленную подборку фотографий поXVI отделу: «Средняя Азия, торговля России с Персией»). В 1897 г. по предложению и под руководством Г.Е.Катанаева члены ЗСО ИРГО приняли участие в однодневной переписи г. Омска.

Еще более активно, чем в административной и организационной деятельности по Отделу, Георгий Ефремович принимал участие в научно-исследовательской работе. Он сделал более 40 докладов, опубликовал в «Записках» Отдела 17 работ, принял участие в ряде экспедиций и поездок и т.д.

Современники и соратники Г.Е.Катанаева по Отделу характеризовали его как самого ревностного и неутомимого исследователя в области этнографии, исторической географии и экономического быта населения Западной Сибири и Киргизских степей, как человека колоссального трудолюбия и необыкновенной энциклопедической эрудиции.

В 1907 г. в звании генерал-лейтенанта он вышел в отставку. Освобождение от службы превращает Г.Е.Катанаева в еще более активного общественного деятеля. В качестве Главного комиссара он принимает участие в организации и проведении 1-ой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки в Омске с 15 июня по 1 августа 1911 г. Еще в 1898 г. Катанаев был впервые избран гласным Омской городской Думы. Затем он постоянно переизбирался и оставался гласным Думы до 1918 г. Как гласный Думы он прежде всего выражал и защищал интересы Сибирского казачьего войска, уделял также большое внимание вопросам городского образования и культуры.

В 1914-1916 гг. Г.Е.Катанаев редактирует «Вестник помощи семьям призванных на войну», в январе 1916 г. избирается председателем войскового благотворительного комитета, занимается сбором пожертвований семьям воевавших казаков. В 1916 г. он становится редактором еженедельника «Сибирские войсковые ведомости».

После февральской революции 1917г. Катанаев принимал участие в качестве представителя от Сибирского казачьего войска в 1-м Общеказачьем съезде в Петрограде; в депутатии по делу генерала Л.Г.Корнилова.

В августе 1918 г. Г.Е.Катанаев возвращается на действительную военную службу -становится членом военного совещания при Временном Сибирском правительстве в качестве консультанта по административно-хозяйственному устройству казачества, а также редактирует журнал «Иртыш».

5 февраля 1918 г. Г.Е.Катанаев колчаковским правительством назначается председателем «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц».

В начале ноября 1919 г. он в числе других чинов Военного совещания «в служебном порядке был эвакуирован» в Иркутск. А в ночь с 4 на 5 января 1920 г. генерал был задержан, а его гостиничный номер подвергся обыску. В личных его вещах были обнаружены бумаги по «делу» Семенова. Г.Е. Катанаев был подвергнут «домашнему аресту» в особом гостиничном номере(гостинцы «Модерн»), а с 7 января содержался на гарнизонной гауптвахте. С 24 января по 11 февраля Катанаев находился в заключении в иркутской губернской тюрьме. Постановлением Чрезвычайной следственной комиссии от 7 февраля 1920 г. Г.Е.Катанаев в связи с состоянием здоровья был переведен в иркутский военный госпиталь (в качестве арестованного), а 2 марта постановлением той же комиссии освобожден «по дряхлости и совершенному отсутствию конкретных данных к какому-либо обвинению». Фактов, подтверждающих особую приверженность Катанаева колчаковскому правительству найдено не было.

В конце весны 1920 г. престарелый Катанаев возвращается в Омск. За все последующее время жизни он, по его собственным словам, «не только не принимал участия ни в каких противоправительственных выступлениях, но, наоборот, всеми остающимися жизненными силами и научными знаниями старался содействовать его разумным начинаниям в области культурного строительства.

Он становится заведующим 6-ой историко-экономической секцией Сибархива; составляет докладную записку по вопросам архивного дела в России вообще и в Сибири в частности; изучает фонды архивов и определяет среди них фонды союзного значения; ведет огромную работу по сохранению наиболее ценных документов.

Параллельно с работой в Сибархиве Катанаев возглавляет с июля 1920 г. и созданное в 1919 г. при ЗСО РГО особое отделение Истории

и Археологии. Именно он выдвигает идею создания при музее ЗСО РГО особого отделения, посвященного войне и революции в Сибири и тщательно разрабатывает программу его работ.

Интенсивная и плодотворная работа Г.Е. Катанаева в этой области продолжалась до дня его смерти - 18 декабря 1921 г. ЗСО РГО отметил особо важные заслуги Г.Е. Катанаева перед Обществом и в деле изучения Сибири избранием его своим почетным членом (и это при том, что за 50 лет своего существования (до 1927) Отдел избрал своими почетными членами всего 8 человек).

Г.Е. Катанаев справедливо называется официальным историком Сибирского казачьего войска и считается одним из самых интересных и значительных исследователей истории сибирского казачества, сыгравшим значительную роль в становлении и развитии местной исторической науки и исторического краеведения в Омском Прииртышье. Практически всю свою сознательную жизнь, параллельно со служебной и общественной деятельностью он работал над созданием трудов по истории сибирского казачества. С конца 70-х гг. XIX в. он целенаправленно занимался сбором материалов по интересующей его проблематике. В 90-х гг. XIX в. вышли в свет его первые печатные работы по истории казачества, последняя была издана уже после смерти автора. Среди его работ наибольшую известность и популярность получили следующие:

1. Еще об Ермаке и его сибирском походе (новая вариация на старую тему)//Записки ЗСО ИРГО. кн. 15. вып. 2.- 1893.- С. 1-36.
2. Киргизские степи, Средняя Азия и северный Китай в 17 и 18 столетиях//Записки ЗСО ИРГО. кн. 14. вып. 1.-1893.-С. 1-72.
3. Исторический очерк службы Сибирского казачьего войска (к вопросу о служебном старшинстве Сибирского казачьего войска в ряду других казачьих войск)//Военный сборник.» 1903.- №7.- С.42-60; №8.-С.47-66.
4. Киргизский вопрос в сибирском казачьем войске.- Омск, 1904.
5. Офицерство и рядовое казачество наше (к вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске).-Омск, 1918 и др.

Работа же Г.Е. Катанаева «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908 год)» (СПб., 1908) и по сей день не утратила значения одного из основных фундаментальных сочинений по истории

Кроме этого, сохранился ряд его неопубликованных рукописей по истории Сибири вообще и сибирского казачества в частности, составивших, наряду с другими личными материалами Г.Е. Катанаева, один из наиболее ценных личных фондов Государственного архива Омской области.

Основной вопрос работ Г.Е. Катанаева, вокруг которого разворачивается все повествование, – роль казачества в деле освоения Сибири и Средней Азии. Большое внимание в своих работах Г.Е. Катанаев уделял проблеме происхождения казачества, его роли в деле государственного строительства России, истории собственно службы сибирских казаков, вопросам землеустройства и образования в Сибирском казачьем войске.

В целом как историк Г.Е. Катанаев принадлежал к числу авторов буржуазного направления. Критика им отдельных правительственных мероприятий носила умеренный буржуазный характер и диктовалась, главным образом стремлением отстоять узкословные казачьи интересы в рамках Сибири.

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТОМСКЕ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (1991 – 2000-Е ГГ.)

Д. В. Пашкова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.А. Фефелова к.и.н., доцент, зав. кафедрой истории России

В 1991 году в истории Русской православной церкви (далее – РПЦ) наступает новый период. Теперь она является самой крупной религиозной организацией на постсоветском пространстве. Ранее РПЦ была лишена большей части собственности и подверглась массовым репрессиям, ее социальные функции были радикально усечены. Ей была разрешена лишь мистическая (совершение литургии, таинств), отчасти, психологическая и крайне ограниченная экономическая деятельность [1, с. 9].

В начале 1990-х гг. церковь оказалась в новой ситуации. Она получила возможность для самостоятельной деятельности на религиозной карте огромной страны. Научный интерес к проблеме изучения истории церкви во многом обусловлен общественной заинтересованностью в воссоздании религиозной жизни России и поисками оптимальной структуры государственно-религиозных отношений.

Возобновление активного изучения истории РПЦ связано с началом нового этапа в развитии отечественной исторической науки. Отличительными чертами современного периода в изучении истории православия является большое количество работ по ранее неисследованным, локальным проблемам, новые методологические подходы, введение в научный оборот неизвестных источников.

Изучение истории РПЦ в Томске связано, прежде всего, с именем известного томского краеведа, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии, этнографии Сибири Томского государственного университета Надежды Михайловны Дмитриенко. В своей статье «Изучение истории РПЦ в Томске (С середины XIX века до 1917 года)» Надежда Михайловна заявляет основные направления в изучении истории Томской епархии, которые остались невостребованными в советское время и которые нуждаются в тщательном исследовании. Так, например, автор подчеркивает роль «Томских губернских ведомостей», выходявших с лета 1857 года, а с июля 1880 по декабрь 1917 издания «Томских епархиальных ведомостей» в развитии и становлении историко-церковных исследований в Томске. Наряду с прочими материалами на страницах этих газет публиковались статьи по истории отдельных церквей, монастырей и других духовных учреждений [2, с. 132]. Надежда Михайловна выделяет публикации князя Н.А. Кострова, чье творчество исследует в отдельной статье, опубликованной в сборнике «Народы и культуры Томского и Нарымского Приобья» [3, с. 130].

Некоторые из тех публикаций в периодике вышли впоследствии в виде отдельных изданий, в частности, ныне популярные среди томских краеведов книги Константина Евтропова о Троицком кафедральном соборе и Михаила Побединского о Томском духовном училище. По мнению Надежды Михайловны также важно отметить, что в январе 1887 года на очередном епархиальном съезде в Томске епископ Томский и Семипалатинский Иссакий, выразил озабоченность сохранением церковной старины и предложил образовать в «Епархиальных ведомостях» особый отдел с целью печатать там сведения о церквях, монастырях и «обо всем, что дорого по своей древности». Что и было сделано в конце 1880-х – начале 1890-х годов [2, с. 133]. Таким образом, «Томские епархиальные ведомости» уже в конце XIX века становятся богатейшим источником, который может быть привлечен региональными исследователями, изучающими различные аспекты деятельности РПЦ в Томске. С 1990 года выпуск газеты возобновился. На современном этапе значение «Ведомостей» особенно

велико в связи с тем, что в местных светских периодических изданиях религиозная тематика представлена фрагментарно. Другие православные СМИ (телепередача «Храм. Город. Человек», сайты Томской епархии и Богородице-Алексеевского мужского монастыря) появились лишь в конце 1990-х годов и также освещают отдельные аспекты темы [4, с. 371]. Еще одна особенность данного источника связана с его целевым назначением. Церковь использует ведомости для православного просвещения населения. В связи с этим газета представляет интерес для изучения этого направления деятельности. Анализ ведомостей имеет большую научную значимость. Но при этом до сих пор отсутствует исследование этой газеты как исторического источника.

В своей следующей статье «Историко-церковные исследования в дореволюционном Томске» Н.М. Дмитриенко не могла не обратиться к творчеству Дмитрия Никаноровича Беликова, доктора богословия Томского Императорского университета на базе, которого на рубеже XIX – XX веков сложился мощный центр местных исследований. Перу Беликова принадлежит немало работ по истории раскола, томских храмов и монастырей. Эти труды, хранящиеся в НБ ТГУ, и в наши дни служат образцом местных исследований и предметом изучения томских ученых [5, с. 167]. Так, например, следует отметить кандидата исторических наук Кузоро Крестину Александровну и ее статью «Произведения Д.Н. Беликова о сибирском старообрядчестве в синодальной историографии начала XX века». По мнению Кристины Александровны синодальная историография в советское время считалась антинаучной, а потому – неактуальной и недостойной внимания историков, и только в последнее десятилетие ситуация начала меняться [6, с. 121].

Следует отметить, что целью данной статьи является рассмотрение историографии официальной православной церкви поэтому, рассматривая старообрядчество, как часть истории церкви необходимо подчеркнуть, что в Томске работают известные ученые – Ольга Николаевна Болотова, Елена Ерофеевна Дутчак, Людмила Николаевна Приль, Валерия Анатольевна Есипова.

По мнению В.А. Есиповой специфика преобразования церкви на территории Западной Сибири в период реформ и контрреформ XIX века, крайне мало изучена и требует более конкретных исследований [7, с.4].

В Кемеровском государственном университете сформировалась целая группа исследователей, занимающихся историей Томской епархии: В.А. Овчинников, А.М. Адаменко, О.Н. Устьянцева, Ю.Ю. Гизей, К.Ю.Иванов. Исследование В.А. Овчинникова, посвящено малоизу-

ченной историками проблеме – исследованию социально-карикативной деятельности православных монастырей и женских общин Томской епархии в конце XIX – начале XX века, занимавшей важное место в развитии юга Западной Сибири, формировании социокультурных характеристик региона. В ней впервые подробно рассмотрены организационная структура, система управления монастырями Томской епархии, проанализированы основные формы и методы их деятельности. В работе раскрыт процесс формирования структур отдельных монастырей и общин, прослежена динамика изменения систем управления и внешних связей. Ее с уверенностью можно назвать справочно-информационным изданием, содержащим самые полные данные о монастырях Томской епархии. Наиболее удалось автору исследование социального состава, динамики изменения численности монашеских общин, дополненное биографическими справками об их руководстве и членах. [8, с.]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные исследования, преимущественно, посвящены истории РПЦ со второй половины XIX века до 1917 г, поскольку от этого времени осталось достаточное количество источников, требующих новой интерпретации. В центре внимания ученых – взаимоотношения церкви и государства, официальной православной веры и старообрядчества, социальные функции духовенства, роль монашеских обителей в истории РПЦ.

Литература

---

1. Митрохин Н. Русская Православная Церковь: современное состояние, актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 648 с.
2. Дмитриенко Н.М. Изучение истории Русской Православной церкви в Томске (с середины XIX до 1917 года) // Труды Томского государственного историко-архитектурного музея. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1995. Т. XIII. С. 132 – 137.
3. Дмитриенко Н.М., Костров Н.А. Народы Томского и Нарымского Приобья. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2001. С. 158 – 159.
4. Телешева М.А. «Томские епархиальные ведомости» о деятельности православной церкви в Томской области (1990 – 2005 гг.) // Документ в парадигме междисциплинарного подхода / Под. ред. О.А. Харусь. Томск: Логос, 2006. С. 371 – 374.
5. Дмитриенко Н.М. Историко-церковные исследования в дореволюционном Томске (1860 – 1917 гг.) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1994. С. 56 – 62.
6. Кузоро К.А. Произведения Д.Н. Беликова о сибирском старообрядчестве в синодальной историографии начала XX века // XI Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образова-

ние». Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 98 – 102.

7. Есипова В.А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1996. 24 с.

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ НА ВОЛЫНИ В 1943 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ, УКРАИНСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Е. А. Перемитин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.А. Фефелова, к.и.н., доц., зав. кафедрой истории России

Современные отношения России, Украины и Польши характеризуются манипулированием спорными историческими событиями нашей общей истории в угоду определенным политическим тенденциям. Например, Катынская трагедия, как сложный вопрос в российско-польских отношениях, тема «голодомора» в Украине и России. А также разные взгляды на историю украино-польских отношений во Второй Мировой войне в Республике Польше и в независимой Украине на примере «Волынской резни». Подтверждением может служить постановление сейма Польши от 15 июля 2009 года «в отношении трагической судьбы поляков на Восточных Землях», который обвинил украинских националистов «в массовых убийствах, имеющих характер этнических чисток и обладающих признаками геноцида» [1]. А также в указе экс-президента Украины В.Ющенко о присвоении звания героя Украины лидеру украинских националистов С. Бандере «за несокрушимость духа в отстаивании национальной идеи» [2]. Данное событие вызвало огромный общественный и политический резонанс как в самой Украине, так и за рубежом. Причины появления этих политических актов обусловлены множеством факторов. Чтобы разобраться в них необходимо обращение к истории.

Украино-польский конфликт на Волыни является одним из трагических явлений в истории Великой Отечественной Войны, истории взаимоотношений славянских народов. Но до недавнего времени, эти события были практически не известны широкой общественности в нашей стране, являясь предметом изучения ученых Польши, украинской диаспоры за рубежом и с недавнего времени в независимой Украине. Именно малоизученностью в России тех страшных событий обусловлена актуальность данной статьи.

Цель исследования – объективное изучение деятельности Организации украинских националистов - украинской повстанческой армии (далее – ОУН-УПА), польских отрядов самообороны, вспомогательной полиции вермахта, советских партизан весной-осенью 1943 года на территории Волыни на основе опубликованных документов советского партизанского движения, документов ОУН-УПА и современной украинской, польской и российской историографии.

Истоки украинско-польской розни имеют давнюю историческую подоплёку. В XX веке особого накала отношения между двумя народами достигли во время Гражданской войны, а также в период существования Второй Республики Польской (1920 – 1939). Украинское меньшинство, проживавшее на Волыни и в Галиции, всячески притеснялось. Никакого подобия национально-государственной или национально-культурной автономии на территории западной Украины создано не было. Административно польская Украина была поделена на те же самые воеводства, что и остальная часть Польши. Получить высшее образование на украинском языке в 1919 – 1939 годах в Польше было невозможно, кроме того, далеко не во всех местностях, населённых преимущественно украинцами, существовали украинские школы и гимназии. Украинцы, в большинстве своём крестьяне, испытывали социальный гнёт со стороны польских помещиков. Польское население Западной Украины составляло меньшинство, но меньшинство по сути привилегированное. Дополнительными факторами розни служили историческая память и негативные стереотипы в сознании двух соседних народов. Поляк виделся украинцу спесивым угнетателем, а украинец поляку – диким головорезом. Вследствие действия этих факторов почва для антипольского протеста была полностью подготовлена уже к 1939 году. Поэтому часто украинские крестьяне во время похода Красной Армии высказывали советским командирам своё желание вырезать поляков и перебить пленных польских офицеров [3, с. 83].

Во время войны и оккупации украино-польские отношения, и без того напряженные, накопились до предела. 17 июля 1941 года Волынь решением Гитлера вошла в Рейхскомиссариат Украина, а Галиция в Генерал-губернаторство, в котором немцы больше доверяли, в том числе и оружие, украинцам, чем полякам. Среди польского населения, и так относившегося к украинцам с подозрением и враждебностью, ещё больше выросли антиукраинские настроения. Умело разыгрывая национальную карту, немцы проводили свою политику таким образом, что по ней полякам и украинцам надлежало уничтожать друг друга не покладая рук. Яснее всего на эту тему в конце 1943 года вы-

разился Э. Кох: «Нам необходимо добиться, чтобы поляк при встрече с украинцем хотел его убить, чтобы украинец, завидев поляка, тоже горел желанием убить его. Если же по пути они встретят еврея и убьют его, то это будет как раз то, что нам необходимо» [4, с. 210].

Начало организованных антипольских акций на Волыни украинскими националистами было положено решением о «деполонизации» Волыни в конце зимы начале весны 1943 года. 17-23 февраля руководство Организации украинских националистов (ОУН) проводит третью конференцию на которой, несмотря на возражения М. Лебеда, руководившего ОУН(б) после ареста немцами С. Бандеры, было принято решение об активизации деятельности и начале вооруженного выступления. Несмотря на призывы М.Степняка (руководителя ОУН на Западноукраинских Землях) к развертыванию широкого вооруженного восстания против оккупантов, большинство членов конференции поддержало Романа Шухевича, по мнению которого основная борьба должна быть направлена не против немцев, а против советских партизан и поляков [5, с. 110-111]. На этой же конференции было принято решение о формировании собственных вооруженных сил: Украинской повстанческой армии.

Во второй половине марта и начале апреля около 5 тысяч украинских полицейских по призыву ОУН перешли в УПА. УПА моментально получила несколько тысяч вооружённых и обученных бойцов. Это вызвало страх среди польского населения Волыни, в сознании которого прочно сидел исторический образ украинца – головореза. К тому же повстанцы начали первые акции уже в феврале-марте 1943 года. На место ушедших украинцев немцы быстро набрали поляков, шедших на службу в полицию отчасти из страха перед УПА, отчасти с типично коллаборационистской мотивацией.

По сообщениям советских партизанских отрядов нападения на поляков украинскими националистами начались уже в конце зимы. Так, например, в радиোগрамме Ровенского руководства Украинского штаба партизанского движения (УШПД) сообщалось: «В Ровенской области националисты приступили к активным действиям. 9-го февраля в деревне Поросна Владимирского района националисты уничтожили 21 семейство поляков, в деревне Сохи Домбровицкого района уничтожили 30 семейств поляков и группу партизан – 10 чел». [6, с. 61].

Командир партизанского отряда имени Хрущёва сообщал 14 апреля 1943 года: «...В местечке Черториск попы лично казнили 17 поляков. В селе Вердче-Большие местные националисты повесили учительницу, а детей её задавили руками... В Цуманском районе перед сотней национальной армии поставлена задача уничтожить поляков и

все их населённые пункты сжечь до 15 апреля. 25 марта вырубано население и сожжены пункты Заулок, Галиновск, Марьяновка, Перелесянка и др. 29 марта в с. Галиновка зарублено 18 чел., остальные ушли в лес. В этом селе поляку врачу <...> они отрезали уши, нос вырвали и начали сечь на куски. В селе Пундыки расстреляно до 50 поляков» [6, с. 65-66]. 28 апреля командование объединённых партизанских отрядов Ровенской области сообщало в Центр следующее: «...националисты проводят массовый террор в отношении польского населения и сёл, причём необходимо отметить, что националисты не расстреливают поляков, а режут их ножами и рубят топорами независимо от возраста и пола. В селе Трипутни националисты зарубили 14 польских семей, затем затащили убитых в дом и сожгли» [6, с. 76-77]. 22-23 апреля 1943 года отряд УПА напал на село Яновая Долина в Костопольском районе и уничтожил от 500 до 600 поляков.

18 мая 1943 года командир УПА Клим Савур (Дмитрий Клячковский) через листовки обратился к полякам: «...В настоящее время наша администрация оставила свои посты, чтобы у немцев не было доступа к нашим сёлам и они не могли нас уничтожить, как это было до сих пор. Вы первыми добровольно захотели занять их место и помогаете немцам проводить их бандитскую работу. Сейчас вы – слепое орудие в немецких руках, которое направлено против нас. Но помните, если польская общественность не повлияет на тех, кто пошёл в администрацию, полицию и другие учреждения так, чтобы они их оставили, то гнев украинского народа выльется на тех поляков, которые живут на украинских землях. Каждое наше сожжённое село, каждая наша жертва, которые будут следствием вашей вины, аукнутся вам... Поляки! Опомнитесь! Вернитесь домой. Те, которые сейчас служат и помогают немцам, ещё могут вернуться, но завтра уже будет поздно. Кто будет и далее служить и помогать гестапо, того не минует заслуженная кара» [7, с. 242].

В дальнейшем убийства только нарастали. ОУН-УПА приурочивало акции к разным знаменательным датам. Так, массовое нападение произошло 29 и 30 июня 1943 года (в день провозглашения в 1941 в Львове независимой Украины), генеральное наступление же началось 12 июля (День Петра и Павла) — одновременно было атаковано более 150 населённых пунктов с польским населением. Так только в польских колониях Новыны, Гуриг Дужий, Гуриг Малый, Выгнанка, Зигмунтивка и Витолдивка было уничтожено более тысячи человек. В отчёте о действиях 1-й группы УПА от 27 июля 1943 года указывалось: «1) В результате проведённой первой группой действий 17, 18, 19 июля ликвидированы села и колонии: Гута-Степань, Борок, Омеля-

ны, Ляды и хутора Камянок, Ромашково, Подселече, Поляны, Голинь, Тёмное. 2) Второй группой ликвидированы села и колонии: Вирка, Селисько, Сошники, Островки, Переспа, Выробки, Гали, Шимониско. Ужване, Зивка, Березина, Тур, Осовичи, Иванче, Длуге, Поле, Березувка» [8, с. 458-459]. Из-за действий УПА поляки в массовом порядке бежали из сёл. Они сосредотачивались в райцентрах, городах или больших лагерях в лесах, где их охраняли либо польские коллаборационисты, либо польские партизаны из Армии Крайовой, Батальонов Хлопских и других формирований [6, с. 77]. Десятки тысяч поляков с Волыни, а позже и из Галиции бежало на территорию оккупированной немцами Польши.

За лето 1943 года на Волыни были проведены широкомасштабные акции УПА по «очистке территории от польского элемента», жертвами которых стали более 36 тысяч поляков. Спасаясь от террора УПА и части украинского населения, поляки массово соглашались на отправку на работы в Германию [6, с.77]. В июне 1943 года на Волыни прошло 78 антипольских акций, в июле – 300 (из них 57 – 11 июля, 22 – 12 июля), в августе – 135, в сентябре – 39. К началу осени 1943 г. многие районы Волыни стали «этнически чистыми». В конце 1943 - начале 1944 года украинско-польское противостояние перекинулось в Галицию.

Многочисленные очевидцы, пережившие волынский кошмар, вспоминают, как украинские повстанцы выдвигали польскому селу ультиматум: в 48 часов покинуть место проживания. В случае невыполнения приказа всё население деревни уничтожалось, а дома сжигались.

Из воспоминаний свидетелей: Тадеуш Которский: «До 1939 года я проживал в Ковельском районе на Волыни... До конца 1942 года мы жили с украинцами добрососедски. Даже не испытывали обиды, когда в период немецкой оккупации нас в местных учреждениях заставляли говорить исключительно по-украински, поскольку всегда воспитывались в атмосфере уважения к украинской культуре и православной вере... Уничтожение поляков бандами УПА началось летом 1943 года, а под осень того же года трагедия достигла своей вершины. Первое действие трагедии имело место 10 июля 1943 года, когда польская делегация... отправилась на повторные мирные переговоры с представителями УПА с целью выяснения претензий со стороны оуновцев к польскому населению Ковельского округа. Как выяснилось позже, они были зверски убиты. Вторая трагедия произошла 27 августа 1943 года. В этот день на глазах жителей колонии и села Ружин были коварно схвачены и связаны колючей проволокой восемь беззащитных

молодых поляков... Позже в лесу Свинючинском была найдена могила с телами убитых молодых поляков...» [9].

Францишка Косинская: «Я проживала на Волыни в селе Дошно, что в 17 км от Ковеля. Соседние села Велимче и Датынь... С болью в сердце вспоминаю трагический день 28 августа 1943 года... Уже было достаточно светло, когда с ребенком подошла к окну и увидела страшную картину. Вдоль озера бежит Йозеф Савицкий, а за ним на коне мчится бандеровец с саблей в вытянутой руке. Когда лошадь догнала Савицкого, бандеровец взмахнул саблей и голова убегающего повисла на плечах... Я вышла из дома и побежала к двухсемейному дому моих дядей – братьев отца. Мои дяди Флориан и Петр Рубиновские и наш кузен Казимир лежали на полу лицом вниз, пробитые штыками. Под яблоней, недалеко от порога, лежали мертвые тетя с детьми. У нее и ее сына были разрублены головы. Тетя держала в объятиях наименьшего ребенка. Тетя Сабина, жена другого дяди, была совершенно голая. У нее также была разрублена голова, а у грудей лежали два восьмимесячных близнеца. Тут же я увидела бабушку Еву. Она стояла, прислонившись к стене лицом. Я подумала, что она жива. Оказалось, что она пробита штыком и в такой позе умерла, опершись о стену. Ошалелая, бегала я от дома к дому и, наконец, добежала до своих родителей. Отец лежал в комнате возле кровати в одном белье, пробитый штыками, лицом вниз... Дальше побежала по колонии к трем незамужним женщинам «Цырилянкам», как звали их в селе по имени отца – Цырыля... На огороде, где рос картофель, я нашла Михайлину с отрубленными руками и ногами. Стася и Ганя были замордованы в селе. В зернохранилище обнаружили обезображенное тело Каролины Единович со связанными руками, ее сына Тадеуша и падчерицы Юзи. Ее пасынок Бронислав проживал с женой и тремя детьми отдельно. Из дома их выгнали в стодолу и там превратили в неподдающиеся описанию изувеченные трупы» [9].

Однако действия украинских националистов не всегда оставались безответными. В достаточно крупных селах поляки практиковали создание мощных баз самообороны, укрепленных рвами и траншеями. Таких баз к лету 1943-го насчитывалось около 100. Однако по большей части судьба их была трагична, так как выстоять удалось лишь нескольким. Наиболее известными и эффективными оказались базы в населенных пунктах Гута Стара и Гута Степаньска, Пшебраже, Засмыки. Этим населенным пунктам удалось выстоять вплоть до прихода Красной армии [4, с. 222]. 31 августа 1943 года польскому отряду самообороны из села Пшебраже удалось разбить сильную группировку УПА, пытавшуюся уничтожить населенный пункт [8, с. 454-455].

Поляки из Пшебраже несколько раз удачно контратаковали, что позволило им уничтожить школу младших командиров ОУН в селе Омельно. Так же поляки из этой базы самообороны нападали на расположенные недалеко украинские деревни, контролирующиеся отрядами УПА. В ходе таких акций имелись и жертвы среди мирного украинского населения. Летом 1943 УПА разгромило самооборону Гуты Степаньской, в результате акции жертвами стало около 500 человек мирного населения, остатки которого едва успели добраться до Пшебраже [4, с. 223].

Помимо баз самообороны поляков защищали отряды польской вспомогательной полиции, набранной немцами и жандармерией, которую немцы перебросили на Волынь с Восточной Украины. Основу личного состава этой жандармерии составляли поляки-выходцы из Силезии, Познанщины и Поморья [7, с. 256]. Польская полиция, несомненно, принимала участие в карательных акциях против УПА и украинского населения Волыни. Наиболее часто в них принимали участие 107 и 202 шуцманшафтбатальоны. Один из полицейских так описывал деятельность подразделения: «село Пидлужне окружено и спалено полностью, все жители расстреляны» [10]

Другой формой защиты поляков от действий УПА стало тесное сотрудничество с советскими партизанами. За 1943 – 1944 гг. на Волыни в советских партизанских отрядах находилось около 5 тысяч поляков [11, с. 234]. Совместная деятельность поляков и партизан была вызвана, во-первых, оккупационной политикой немцев, которая вызвала ослепляющую ненависть к нацистам большинства польского населения. А красные партизаны были хорошо вооружены, организованы и обучены. Их основной задачей как раз и была борьба против гитлеровцев. Периодически советское сопротивление помогало польским отрядам оружием, взрывчаткой, боеприпасами и инструкциями в деле борьбы против немцев и УПА. Во-вторых, советские партизаны были врагами украинских националистов, которых поляки боялись и ненавидели больше, чем немцев. В-третьих, партизаны разработали специальную программу по вовлечению поляков Западной Украины в советское партизанское движение. Делалось это для того, чтобы оторвать их от Армии Крайовой, использовать в борьбе против немцев, а также, чтобы преждевременно не злить и не настраивать против СССР, несшего Польше советскую власть. Последней цели служил и специальный приказ для советских партизан – польские сёла не грабить, да и вообще, обращаться с поляками подчёркнуто тактично. В донесениях советских партизан, воевавших на Волыни и Полесье в 1943 году, присутствуют данные о враждебном отношении к ним ук-

раинцев и дружественном – поляков. В радиোগрамме партизанского командира Шитова в УШПД 14 апреля 1943 года значится: «Население в городах Водруй, Овелях, Градиче 70-80 % - украинские националисты, к партизанам относятся плохо. Поляки принимают исключительно хорошо партизан» [6, с. 66]. Наиболее известными польскими отрядами были «Смерть фашизму», имени Т. Костюшко, которые позднее влились в ряды советских партизан В.А. Бегмы и образовали 3-е Ровенское польское соединение, подчиненное Ровенскому штабу партизанского движения. Осенью 1943 года на базе польских партизанских отрядов было сформировано польское соединение под названием «Jeszcze polska nie zginela». Во главе стал Роберт Сатановский. Отряд принял участие в диверсиях на железной дороге Сарны-Коростов, взорвав два поезда и мост, вел разведывательную и диверсионную деятельность, а также занимался охраной польских беженцев от украинских националистов. [12, с. 107-109].

Жертвами польско-украинского конфликта на Волыни по самым скромным подсчетам стали от 50 до 60 тысяч поляков и около 10 тысяч украинцев. Отголоски этой страшной трагедии слышны до сих пор, отражаясь в отношениях независимых Украины и Польши, которые все еще не могут прийти к однозначной оценке событий 67-летней давности.

Источники и литература

---

1. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 lipca 2009 r. w sprawie tragicznego losu Polaków na Kresach Wschodnich. [Электронный ресурс] // URL: [http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/\\$file/2183_u.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/$file/2183_u.pdf) (дата обращения: 31.03.2010)
2. Указ Президента України № 46/2010 Про присвоєння С.Бандері звання Герой України. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.president.gov.ua/documents/10353.html#> (дата обращения: 31.03.2010)
3. Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. М.: Международный фонд Демократия, 1999. 608 с.
4. Яковлева Е.В. Польша против СССР 1939 – 1950 гг. / Е.В. Яковлева. – М.: Вече, 2007. 411 с.
5. Grzegorz M. Tak było w Bieszczadach: walki polsko-ukraińskie, 1943-1948. / M. Grzegorz. Warszawa: Volumen, 1999.
6. Літопис УПА. Нова серія. Том 4 / Сост. Кентій А., Лозицький В., Павленко І. Київ-Торонто: Видавництво Літопис УПА, 2002. 856 с.
7. Ільюшин І. Армія Крайова і українсько-польське протистояння в Західній Україні (1939 – 1945 рр.). / І. Ільюшин. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2009. 335 с.
8. Poliszczuk W. Dowody zbrodni OUN i UPA. / W. Poliszczuk. – Toronto, 2000. 426 s.

9. Краткая аналитическая справка о Волынской резне польского населения в Западной Украине. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/wolyn-sprawka.html> (дата обращения: 31.03.2010)
10. Мотика Г. Польська реакція на дії УПА: масштаб і перебіг каральних акцій. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ji.lviv.ua/n28texts/motyka2.htm> (дата обращения: 31.03.2010)
11. Torzecki R. Polacy I ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. / R. Torzecki. – Warszawa: WYDAWNICTWO NAUKOWE PWN, 1993. 392 s.
12. Забытый геноцид: Волынская резня 1943 – 1944 годов: сборник документов и исследований / Сост. А. Дюков. М.: Александр Яковлев, 2008. 144 с.

КОНЦЕПЦИЯ МЕСТОРАЗВИТИЯ В ТРУДАХ П.Н. МИЛЮКОВА

М. В. Семиколонов

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Н. Полухин, к.и.н., доц.

Основным источником данной статьи являются «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова. В статье используются Очерки разных годов издания как дореволюционные, так и эмигрантские. Это основной труд учёного, в котором воплотились его общие представления об историческом процессе, концепция русской истории [1, с. 366]. Также источником по данной статье является сборник «Континент Евразия», который содержит труды П.Н. Савицкого. Литература по жизненному и творческому пути П.Н. Милюкова достаточно обширна и включает в себя статьи Н.Г. Думовой, М.Г. Вандалковской, С. Брейара, М.А. Бирмана, А.Н. Медушевского и др.

Термин «месторазвитие» был введён в употребление ведущим идеологом евразийства П.Н. Савицким. Евразийцы – это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавшего ранее мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или «евразийским» [2, с. 81]. Под месторазвитием евразийцы подразумевали определённую географическую среду во всём её многообразии, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общности, развивающиеся в этой среде [3, с. 65]. Концепция месторазвития – это вариант структурно-функционального анализа. Рожденная в

1920–1930-е гг., она явилась предвестником эпохи структурализма, которая наступила в западной науке после Второй мировой войны.

П.Н. Милюков, не разделяя исторических выводов евразийцев, с удовольствием принимает их термин месторазвитие, который более близок к социологическому пониманию исторического процесса. Изучая месторазвитие русской истории, П.Н. Милюков приходит к выводу, что история развивается на европейской почве и в европейских линиях. Но процесс этот замедляется условиями «месторазвития» [4, с. 159]. В борьбе между двумя противоположными конструкциями русской истории, из которых одна выдвигала вперёд сходство русского процесса с европейским, доводя это сходство до тождества, а другая доказывала русское своеобразие, доводя это своеобразие до полной несравнимости и исключительности, П.Н. Милюков занимает примирительное положение. Он строит русский исторический процесс на синтезе обеих черт, сходства и своеобразия. При этом, однако, черты своеобразия подчёркиваются несколько более резко, нежели черты сходства. В этом сказалось, вероятно, по мысли П.Н. Милюкова, влияние его университетского учителя В.О. Ключевского – самого своеобразного из русских историков [5, с. 61].

П.Н. Милюков отмечает попытку евразийцев придать русскому индивидуальному явлению характер единичности и неразложимости [5, с. 68]. Для этого территорию русского развития выделили в особое целое – особый замкнутый мир, которому пытались придать вид чего-то неповторимого. Этот неповторимый мир был назван Евразией. П.Н. Милюков соглашается с тем, что всякое индивидуальное явление неповторимо, но возражает против этого словоупотребления и отмечает, что с антропогеографической точки зрения Европу нельзя объединить с Азией, потому что она представляет собой совершенно особое месторазвитие, которое является более благоприятным для человека. Европа больше расчленена на части, обладает умеренным климатом и лишена высоких плоскогорий, затрудняющих общение между человеком и природой [5, с. 69]. По мнению П.Н. Милюкова, на территории России соединяются, по крайней мере, три – четыре самостоятельные и законченные культуры разного характера, не говоря о культурах незаконченных. В свою очередь, эти культуры предполагают столько же различных месторазвитий. Соединить их в одно целое можно было бы лишь в случае государственного слияния [5, с. 77]. Более раннюю связь между этими культурами можно найти только в период доисторических движений народов. Сравнивая каждое месторазвитие с развивавшейся в нём культурой, учёный заметил, что сам порядок развития культур находится в зависимости от благоприятности климата той

или другой культуры. Следуя хронологии, древнейшие культуры развиваются в месторазвитиях, наиболее щедро обставленных природой. За ними следуют культуры по мере ухудшения антропогеографических условий. Ту же самую закономерность мы можем проследить и в пределах русского месторазвития. Первое место будет принадлежать территориям, наиболее близким к западной Европе, как географически, так и климатически. Возрастающая континентальность и пустыньность климата сказывается и на запоздании соответственных культур [5, с. 78]. Обширное протяжение российской территории приводит к разнообразию её месторазвитий.

Месторазвития, которые выделяет П.Н.Милюков схожи с идеями П.Н. Савицкого в статье «Степь и оседлость» 1922 г. Опираясь на взгляды своего конкурента, П.Н.Милюков трактовал эти идеи в ином смысле. П.Н. Савицкий находя сходства России с Европой, тем не менее пришёл к выводам, что Россия – это ни Азия, ни Европа, а особый географический мир. П.Н. Савицкий отмечает, что Россия в территориальном смысле является комбинацией областей, воспроизводящих географическую природу некоторых западноевропейских районов с простором стран по характеру существенно внеевропейских. Лесная и часть лесостепной полосы – земля кривичей, древлян, полян, северян – есть несколько видоизменённое подобие европейских стран вроде Германии, к востоку от Эльбы, с тем же, в общем, количеством осадков, теми же почвами и некоторой разницей в климате, не вызывающей, однако, различий в произрастании. Наиболее северная часть русского заселения – губ. Олонецкая и западная половина Архангельской – есть как бы часть Скандинавии, воспроизводящая все её основные черты в природе, но несколько «обездоленная» в климате [9, с. 122]. Теперь необходимо дать характеристику трёх центральных месторазвитий России выделенных П.Н Милюковым.

Первое, наиболее северное, находится в той области тающего ледника, в которой сам пейзаж сохранил следы своего ледникового происхождения. Эти местности между первой и второй, второй и третьей моренами (скопление обломков горных пород, образуемое передвижением ледников). Эта территория стала свободна для заселения после того как растаял ледник, то есть для данных мест не раньше 10000–12000 лет до Р.Х. Первоначальное заселение этого пояса было облегчено открытым характером пейзажа только что начинавших обсыхать болот и озёр (7000–5000 до Р.Х). Дальнейшая колонизация была замедлена в силу того, что на месте открытых пространств вырос лес, который позже принял характер тайги. Односторонняя обстановка обусловила для этой территории однородность и запоздалость

дальнейшего развития. Ввиду постепенности перехода между хвойным лесом и тундрой П.Н. Милюков не выделяет последнюю в особое месторазвитие.

Второе особое месторазвитие представлено в России территориями лесостепи и чернозёма. Она характеризуется образованием леса на месте отступивших частей ледника. Это район первоначального заселения средней и восточной Европы, заселения, несравненно более позднего в России, чем начало культуры на Рейне и за Рейном, но принёсшего к нам орудия и быт эпохи младшего палеолита (миолита). Лесостепь и лес наиболее оспариваемые территории колонизации. Поэтому здесь все этнические отношения и культурные явления наиболее сложны. Особенно тесна связь этой полосы с Западной Европой. Как на севере тайга с тундрой, так и здесь лесостепь с луговой степью принимается за единое месторазвитие: постепенность географического перехода обуславливает и на этой границе антропогеографическую связь и культурное взаимодействие. Между двумя указанными месторазвитиями Милюков отмечает переходное. Это промежуточная полоса, занимающая центральное окско-волжское междуречье. Он не выделяет эту полосу в отдельное месторазвитие, так как её роль передаточная. Примыкая частью к процессам северной полосы, русский центр, однако сам образует самостоятельные культурные формации. Смешанный лес, конечно раньше и больше поддаётся окультуриванию, чем северная тайга, но всё же эта полоса выступает на историческую сцену позднее лесостепи.

Третье месторазвитие представлено в России узкой полосой припонтного побережья, Крымом и Кавказом. Сравнительно позднее образование припонтных степей задержало развитие этой полосы. Черноморье долго остаётся пассивным воспринимателем древних средиземноморских и переднеазиатских культур. К созданию местной культуры эти отношения приводят не сразу [5, с. 180]. Таким образом, П.Н. Милюков, находя черты сходства Европы с русским месторазвитием, пришёл к выводу, что Россия – это Европа.

Теперь выясним, почему в сформулированной научной концепции П.Н. Милюкова Россия развивается в русле западноевропейских закономерностей с присущими ей замедленными темпами роста [7, с. 9].

Во-первых, Россия последняя из европейских держав перешла из рук природы в руки человека. Тогда как в Западной Европе человек жил, по всей вероятности, уже в «третичную эпоху». Большая часть России была в это время покрыта сплошным льдом [6, с. 37].

Во-вторых, передвижение этнографических масс на Западе улеглось к VIII–IX вв.; таким образом, Европа уселась на месте к тому

времени, когда только что началась наша история. Процесс слияния главных племенных элементов Западной Европы к этому времени также уже почти закончился [6, с. 53].

В-третьих, со времени переселения народов на западе Европы каждый клочок земли имеет своего владельца, у нас же процесс расселения жителей проходил на пустых и никому не принадлежащих пространствах [6, с. 53].

В-четвёртых, в Западной Европе с XIV в. началось распадение натурального хозяйства, и совершилась замена его хозяйством меновым, при котором производитель выбирает какую-нибудь одну специальность, нужную для всех, и продукты своей работы обменивает на нужные для себя продукты работы других специалистов [6, с. 68].

В-пятых, занятие промышленностью носило вполне домашний характер, т.е. сосредотачивалось в деревне. В Европе быстрый рост промышленной жизни, быстрое развитие технических приспособлений скоро повели к расширению этих производств, к увеличению затрат на материал и орудия. В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей новая форма производства могла держаться только искусственными средствами [6, с. 84].

В-шестых, в отличие от Запада социальное и экономическое развитие России, по Милюкову, шло главным образом под воздействием государства, сверху вниз [6, с. 177].

П.Н. Милюков отмечает, что в концепции месторазвития употреблён метод наложения всех изучаемых процессов на те условия реальных месторазвитий, где они должны были совершаться, без употребления данного метода сама постановка этих проблем была бы невозможна. Всякий отход от единственно правильного методологического пути, «в область ли чисто социологического отвлечённого схематизма или в обратную сторону признания, готовых изначала, независимо от реальной среды, национальных типов должен считаться недопустимым возвращением к приёмам прошлого. Эти приёмы могут вести лишь к рецидивам старых ошибок и к тупику гипотез, не допускающих, в противоположность применяемым здесь, никакого дальнейшего объяснения» [5, с. 328]. Концепция месторазвития — это «связь явлений» и «синтез наук», и только в таком ключе её надлежит рассматривать [8, с. 62].

Литература

---

1. Вандалковская М.Г. Милюков Павел Николаевич // Историки России. Биографии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 362 – 368.

2. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
3. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
4. Милюков П.Н. Социологические основы русского исторического процесса // Отечественная история. 2006. № 1. С. 158 – 165.
5. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: соч. в 3 т. М.: Прогресс, 1993. Т.1. 528 с.
6. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: соч. в 3 т. СПб.: Мир Божий, 1900. Т. 1. 239 с.
7. Вандалковская М.Г. Павел Николаевич Милюков // Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М.: Современник, 1990. С. 3 – 37.
8. Полухин А.Н. Концепция месторазвития П.Н. Савицкого в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2007. 300 (III). С. 61– 62.
9. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 332 – 341.

ЦИРКУЛЯРЫ ПОПЕЧИТЕЛЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А. А. Сеченова

Томский государственный педагогический университет

Конец XIX – начало XX веков является периодом модернизации в сфере российского образования, когда изменяется не только система образования, но и структура ее управления. Для изучения истории образования данного периода существует много источников как опубликованных, так и неопубликованных, как официальных, так и неофициальных. Среди официальных опубликованных документов наиболее известными являются Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения (МНП), Своды законов и распоряжений Российской империи, Журналы МНП, Циркуляры попечителей учебных округов. Среди вышеперечисленных документов особое место занимают Циркуляры попечителя учебного округа - объективный официальный источник, в котором наиболее полно представлены распоряжения правительства относительно конкретного учебного округа. Журналы МНП, Своды законов и Своды распоряжений Российской империи публиковали, в основном, распоряжения, касающиеся всех учреждений определенного типа или разряда, и лишь изредка содержали документы регионального значения.

Циркуляры попечителя издавались в каждом учебном округе. В Западно-Сибирском учебном округе они стали издаваться практически с самого открытия округа (1885г.). С 1886 по 1916 годы документы печатались ежемесячно или раз в два месяца по решению попечи-

теля округа Типо-литографией Михайлова и Макушина в городе Томске.

Структура Циркуляров попечителя Западно-Сибирского учебного округа иерархична: от Высочайших повелений императора до приказов заведующих учебными заведениями. Изданные номера Циркуляров состоят из пяти основных разделов: 1. Высочайшие повеления; 2. Указы Правительствующего сената; 3. Распоряжения МНП; 4. Распоряжения попечителя учебного округа и 5. Разные известия. Иногда публиковались не все разделы, а только те документы, которые были в наличии. Так не всегда в номерах присутствовали разделы «Высочайшие повеления» и «Указы Правительствующего сената».

В разделе «Высочайшие повеления», в основном, представлена информация, касающаяся всей сферы российского образования или отдельных типов и разрядов учебных заведений, однако встречаются распоряжения относительно конкретного учебного округа или даже отдельного учебного заведения.

Указы Правительствующего сената касались, главным образом, вопросов возведения в звание почетного гражданина, производства в чины и утверждение «в оных за выслугу лет». Благодаря этим сведениям можно проследить карьерный рост педагогов и служащих Западно-Сибирского учебного округа.

Самым объемным и значительным по содержанию издаваемых Циркуляров был раздел «Распоряжения МНП». Они касались всех сторон деятельности учебных заведений, попечителя учебного округа, педагогического состава, отдельных категорий или всех служащих, студентов и учащихся, воспитанников тех или иных образовательных учреждений Западно-Сибирского учебного округа.

Распоряжения попечителя учебного округа чаще всего были направлены на решение конкретных вопросов отдельных учебных заведений. Этот раздел позволяет исследователю проследить историю открытия учебных заведений, организацию учебно-методической работы в них, материальную оснащенность и т.п.

Последним в Циркулярах был раздел «Разные известия», в котором печатались сведения о пожертвованиях на нужды образования, об открытии частных учебных заведений и обществ попечения о начальном образовании; отчеты обществ попечения о начальном образовании; списки лиц, «которым Управлением и учебными заведениями Западно-Сибирского учебного округа выданы свидетельства на звание» учителей и учительниц; перемены в личном составе учебных заведений, расписание о доходах и расходах МНП по Западно-Сибирскому учебному округу, извлечения из отчетов попечителя о

состоянии учебных заведений Западно-Сибирского учебного округа и т.п.

В некоторых номерах Циркуляров можно встретить раздел «Определения Правительствующего синода», в котором помещены указы, касающиеся церковно-приходских школ [1].

Циркуляры попечителя дают исследователю объективную картину развития народного просвещения и позволяют проследить основные тенденции развития образования относительно органов управления образованием, учебно-методической и внеучебной деятельности, социальной поддержки служащих учебного округа. Некоторые вопросы, представленные в разделах Циркуляров схожи, их отличают лишь уровень масштабности и значимости. Этот факт показывает, что управление народным образованием было четко структурировано и регламентировано. Так, например, на всех уровнях управления системой образования решались финансовые вопросы. Высочайшими повелениями освобождались от платы за обучение в средних учебных заведениях дети лиц, «несущих службу на театре военных действий». Как известно, при МНП был образован Школьно-строительный фонд и установлены правила выдачи пособий на соответствующие надобности начальных училищ. По опубликованным документам можно проследить «движение» средств, например на нужды начального образования и на покрытие расходов по мастерским Томского ремесленного училища [2].

Документы позволяют рассмотреть и сведения частного характера, например, о передаче именных стипендий из одного учебного заведения в другое, о назначении по распоряжениям МНП отдельным лицам прибавочных жалований за службу в Сибири. Интересными являются сведения личного характера о назначении высочайшими указами отдельным лицам стипендий. Особенно много стипендий МНП, как можно проследить по документам, было учреждено в 1914 году в память о войне 1812 года.

Из документов видно, что введение платы за обучение в образовательных учреждениях и увеличение ее размера было в ведении МНП, однако в отдельных учебных заведениях было достаточно распоряжения попечителя учебного округа [3]. Также распоряжения попечителя дают представление о расходовании средств конкретных учебных заведений на разного рода цели: на жалованье отдельным преподавателям за проведение дополнительных занятий, на приобретение необходимого дидактического материала, оборудования и т.п. С годами подобного рода «разрешений» попечителя становилось больше, что

связано с ростом численности образовательных учреждений и увеличением их доходов [4].

Циркуляры МНП и Высочайшие повеления дают представление о размерах материальной поддержки педагогов: при выходе в отставку, в случаях потери кормильца в семьях педагогов. Некоторым категориям бывших педагогов полагалась «усиленная» пенсия. Лицам, служившим по ведомству МНП, предоставлялась возможность бесплатно воспитывать детей в учебных заведениях данного ведомства, либо выделялось особое пособие на образование детей [5].

Опубликованные документы позволяют рассмотреть вопросы кадрового обеспечения ведомства и полномочий различных структур в этом отношении. На высочайшем уровне назначались министр народного просвещения, товарищ министра народного просвещения и другие высокого звания чиновники МНП. Так же устанавливались штаты различных подразделений, учреждались или упразднялись отдельные должности, корректировались функциональные обязанности служащих ведомства. В университетах вводились и упразднялись должности инспекторов студентов и их помощников, учреждались должности проректоров, окружных инспекторов и т.п. Высочайшими повелениями регламентировались даже многие «частные» вопросы, например, о форменной одежде для членов гражданского ведомства. Распоряжениями МНП назначались сверхштатные учителя в конкретные учебные заведения или вводились дополнительные должности. Попечитель учебного округа назначал, перемещал и увольнял учителей и профессоров, утверждал членов попечительских советов учебных заведений и звания почетного блюстителя [6].

В связи с ростом количества учебных заведений большое внимание уделялось подготовке педагогических кадров, что также нашло отражение в документах разного уровня происхождения. Высочайшими указами учреждались одногодичные и краткосрочные курсы для подготовки учителей и учительниц. В связи с нехваткой педагогов в большинство начальных и средних учебных заведений были допущены к преподаванию лица женского пола. В 1906 году подписан приказ о приеме детей старообрядцев в учительские семинарии с предоставлением им казенных стипендий. В 1912 году вышло распоряжение МНП об обществе взаимопомощи учащим и учившим в начальных училищах. МНП решало вопросы выдачи свидетельств на звание учителя и т.д. В целях повышения квалификации и «с научной целью» профессоров университетов и отдельных педагогов других образовательных учреждений командировали по России и за границу. С 1914 года учащихся «специальных для подготовки учителей учеб-

ных заведений» освобождали от действительной военной службы и зачисляли в запас армии [7].

Учащимся некоторых учебных заведений предоставлялась отсрочка по отбыванию воинской повинности; от действительной военной службы освобождались зачислявшиеся в запас армии лица, поступающие в учебные заведения по подготовке учителей [8].

По документам, собранным в Циркулярах можно судить об организации и содержания обучения. В разделе «Распоряжения МНП» представлены приказы о начале занятий, примерные планы и программы преподавания отдельных учебных предметов [9]. В разделе «Определения ученого комитета МНП» и «Определения особого отдела ученого комитета МНП» содержатся списки учебной литературы для разных типов учебных заведений. Отдельно печатались списки книг, рассмотренных Ученым комитетом и признанных «заслуживающими внимания». В 1912 году вышло распоряжение МНП о принятии «решительных мер» против частой смены учебников [10].

Распоряжениями МНП утверждались формы итоговых документов об образовании (свидетельств и аттестатов об окончании курса в государственных и частных учебных заведениях), документы по отчетности о состоянии образовательных учреждений [11]. МНП регламентировало вопросы численности учащихся в округах, например, в одном из циркуляров будущим абитуриентам рекомендовало держаться при поступлении в университеты своего округа [12].

Опубликованные документы позволяют рассмотреть состояние внеучебной деятельности. Во все милостивейшем рескрипте на имя управляющего МНП в 1902 году была изъявлена монаршая воля о связи образовательных задач государственной школы с воспитательными целями. «Истинное призвание учителя» было напрямую связано с его обязанностью «содействовать нравственному развитию ученика». Именно этим определялось «высокое общественное назначение педагогической службы» [13]. Среди разного рода распоряжений учебного характера находятся документы об устройстве публичных спектаклей, концертов, вечеров, литературных чтений и т.п. в учебных заведениях; об учреждении «детских союзов» для защиты птиц и животных от жестокого с ними обращения и тому подобных [14].

Конец XIX, а особенно начало XX века отмечаются в России стремлением широких слоев населения к образованию, распространением благотворительности на нужды просвещения отдельных меценатов и обществ. При учебных заведениях на частные и общественные средства утверждались стипендии, средства перечислялись на счет отдельных учебных заведений или училищ определенного вида. Из

благотворительных средств поощрялись особо отличившиеся педагоги за «плодотворную педагогическую деятельность», «усердную и полезную службу в учебных заведениях». Отличившихся учеников награждали золотыми и серебряными медалями с изображением Петра Великого и памятными подарками. В благотворительном движении принимали участие и педагоги, как правило, проведением «бесвозмездных занятий» [15].

В целях поощрения движения благотворителей, правительством и местными властями жертвователям объявлялись благодарности, их возводили в различные чины и звания. Среди благотворителей были и высокопоставленные чиновники. Так, например, Л.И. Лаврентьеву, попечителю Западно-Сибирского учебного округа, в 1911 году было присвоено звание почетного гражданина г. Ново-Николаевска и выражена благодарность министра народного просвещения [16].

Опубликованные Циркуляры попечителя относятся к числу наиболее объективных источников информации, позволяют проследить основные тенденции развития образования в России и в отдельном регионе. Однако, при работе с материалами, касающимися конкретных фактов и явлений, таких как фамилии, наименование небольших населенных пунктов и отдельных учебных заведений, датирование частных событий, следует учитывать возможность опечаток и неточностей, что требует от исследователей дополнительной проверки по иным опубликованным или архивным источникам.

Источники и литература

---

1. Циркуляры попечителя Западно-Сибирского учебного округа.- Томск : Типо-Литолграфия Михайлова и Макушина, 1890. - № 8
2. там же 1887. - № 4; 1906. - № 5-6; 1906. - № 8; 1906. - №9; 1907. -№ 2; 1907. - № 3; 1907. - № 9; 1913. - № 9-10; 1914.- № 5-6 ; 1914. - № 9-10
3. там же 1887. - № 4; 1906.- № 5-6; 1906.- № 8; 1906. - № 9; 1907. - № 2; 1907. - № 3; 1907. - № 9; 1913. - № 9-10; 1914.- № 5-6 ; 1914. - № 9-10
4. там же 1895. - № 1; 1895. - № 5; 1896. - № 2; 1900. - № 1; 1901. - № 2; 1906. - № 9; 1907. - № 9; 1911. - № 5-6
5. там же 1906. - № 5-6; 1907. - № 2; 1911. - № 9-10; 1914. - №5-6
6. там же 1906. - № 10; 1907. - № 2; 1907. - № 7-8; 1907. - № 10; 1908. - №7; 1911. - № 5-6; 1911. - № 7-8; 1911. - № 11-12; 1912. -№ 7-8; 1914. - № 11-12
7. там же 1900. - №11; 1907. - № 7-8; 1904. - № 11; 1912. - № 5-6; 1914. - № 5-6
8. там же 1906. - № 5-6; 1907. - № 11-12; 1913. - № 7-8; 1913. - № 9-10
9. там же 1904. - № 7-8; 1906. - № 8; 1906. - № 10; 1907. - № 2; 1907. - № 9; 1913. - № 7-8; 1913. - № 9-10
10. там же 1907. - № 9; 1911. - № 5-6; 1912. - № 7-8
11. там же 1902. - № 6-7
12. там же 1904. - № 11; 1907. - № 2
13. там же 1906. - № 9, 1907. - № 2; 1907. - № 9

14. там же 1900. - №3
15. там же 1908. - № 4; 1909. - №7; 1911. - № 9-10; 1911. - № 11-12
16. там же 1911. - № 9-10; 1911. - № 11-12.

РЕЛИГИЯ СЛАВЯН

О. В. Скурихин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С.Л. Кинев, к.и.н., доц.

Русский народ создал уникальную культуру, подарившую миру шедевры народного творчества. Цель доклада – выяснить, каким образом сложилась культура современного русского народа.

Славяне отделились от индоевропейской общности в I тысячелетии до н. э., поэтому их мифология и религия сходны по своей структуре с мифологией и религией других народов общего с ними происхождения. Формирование славян было очень длительным процессом. Оно прошло три периода:

1) праславянский. Праславяне – гипотетический единый народ - предок славян, живший в начале I тыс. до н. э.;

2) древнеславянский. В конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. Выделились собственно славяне с уникальной культурой и религией. Если верить «Повести временных лет», славяне изначально жили на Дунае, на территории современной Венгрии и Болгарии. Вот как говорится в «Повести...»: «Так одни сели на реке Морава, и называются Морава, а другие назвались чехи. А вот ещё славяне: белые хорваты, сербы и хоругнаны. Славяне сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки. <...> А другие сели по Сейму и Днестру и назвались северянами...». [2, с. 89 - 92] В археологии же прародиной славян считают территорию Польши, на которой найдены археологические культуры (Лужицкая, Пшеворская и др.);

3) феодальный. С 6 в. н. э. началось расселение славян и разделение их на три части – западных, восточных и южных. Это время образования славянских государств, в том числе и Древнерусского со столицей в Киеве (9 в.). [5, с. 373 - 374]

Религия. Славянское язычество – комплекс воззрений, верований и обрядов. Оно уходит своими корнями в первобытные воззрения, когда ещё обожествляли отдельные явления природы. Сохранилось очень мало письменных источников об этих верованиях, в основном это летописи, заметки греческих и арабских авторов; в устной форме память о них сохранилась в форме сказок (например, «Машенька и

медведь», «Иван-царевич и серый волк», в которой осталась память о духе-покровителе – волке, который помогает Ивану-царевичу в его злоключениях). Язычество официально просуществовала до конца 10 в. (до крещения Владимиром Руси), а в виде двоеверия оно просуществовало до 16 – 17 вв., и в несколько измененном виде (праздники, поверья) существует и в наши дни. Славянское язычество прошло три этапа:

1 этап – Культ берегинь

2 этап – Культ Рода и рожаниц

3 этап – Культ Перуна [9, с. 10 11]

Первый этап показывает, что славянское язычество берёт своё начало из первобытных верований в добрых и злых духов (первобытный анимизм), которых им приходилось задабривать. Берегини – духи-покровители, которые были олицетворением природы и жили везде: в озёрах, реках, лесах и т. д. В позднейших представлениях под ними стали понимать русалок и вил – утопленниц. По поверьям, русалки выходили из воды и могли защекотать до смерти проходящего мимо них путника. Поэтому, купаясь, славянин никогда не снимал с себя оберега. Вера в духов сохраняется и в более поздние времена. В 6 веке Прокопий Кесарийский отмечал, что славяне «почитают реки и нимф, и всякие другие божества». Второй период характеризуется появлением культа Рода, повелителя Вселенной, мира, природы, вершащего судьбы людей. Его постоянными спутницами были рожаницы – покровительницы женщин и новорожденных. Род и рожаницы были неперсонофицированными, отождествлялись с определенными стихиями (вода, гроза, ветер и т. д.). По одним версиям, культ Рода был заимствован у греков, с которыми восточные славяне постоянно контактировали. Но Род был известен также южным и западным славянам. По мнению О. Н. Трубакова, «род» производное от индоевропейского «Hordhu» - обозначающее потомков. Из этого можно сделать вывод, что Род не был заимствованным богом и считался не только прародителем всех славян. Впоследствии культ Рода и рожаниц заменён на несколько более мелких культов, из которого выделился культ Перуна – покровителя князя и дружины. Это третий этап. С увеличением дифференциации общества, с развитием ремёсел боги становятся персонофицированными: богов стали представлять в виде людей. Но славянские боги не имели чётко зафиксированного образа, как, например, у древнегреческих богов. Не было и чёткого канона создания идолов. При создании идола ему просто придавали некоторое сходство с человеческим лицом (рот, нос, глаза). Женское божество от мужского отличали только по наличию бороды. Создавая лицо идола, ему

просто придавали некое сходство с человеческим лицом (нос, глаза, рот, иногда бороду). Каждый бог является покровителем определенного вида деятельности. Например, Велес – покровитель земледельцев, Перун – покровитель воинов-дружинников. По другой версии, сначала был бог Сварог. При Свароге люди научились всем ремёслам. Потом Сварога сменил его сын Дажьбог. При Дажьбоге началось образование государственности. Непроста автор «Слова о полку Игореве» называет русских воинов «Даждьбожьими внуками». Эта версия менее приемлема, потому что остаётся непонятным, почему государственность зародилась во времена Дажьбога, а верховным богом стал Перун. В 10 в. князь Владимир решил провести религиозную реформу, по которой он создавал общегосударственный пантеон, во главе которого поставил Перуна. Вместе с Перуном в новый пантеон вошли Хорс и Семаргл – божества иранского происхождения, был введён в пантеон для показания дружественных отношений к ираноязычным племенам, жившим южнее Руси, Дажьбог, Стрибог, Макошь (Мокошь) – богиня финоугорского происхождения. Дажьбог был богом солнца, Стрибог – богом ветра, Семаргл – богом плодородия, Макошь была покровительницей женщин и женских работ. [7, с. 95 - 96] Выдвижение Перуна, как покровителя князя и дружины ознаменовало начало распада родоплеменных отношений вследствие расселения славян по большой территории, в результате которых происходили военные конфликты с коренными народами. Но он был почитаем только дружиной и князем. После образования государства у восточных славян каждое племя продолжало поклоняться своему богу-покровителю. Но, несмотря на это, наравне с богом-покровителем все славянские племена почитали Велеса – бога, покровителя скота и одновременно бога загробного мира, противника Перуна – бога неба и войны. Он так же являлся богом богатства. [3, с. 379 - 382] Основным же богатством был скот, т. к. скот давал еду, шкуру для одежды. А так как основное население было занято в сельском хозяйстве, скот был и основной тягловой силой. Все боги делятся на небесных – Перун, Златая Баба (тишина, покой), Световид, Знич (начальный огонь), Белбог (благо), Дажьбог, Лед (война) и т. д., земных – Тригла (земля), Велес, Родомысл (податель благих советов), Зевана (богиня звероловства, наподобии греческой Артемиды), преисподних богов – Чернобог (бог отмищения), Баба Яга, Кикимора (бог сна), и водных богов – Царь морской, Чудо морское, русалки, водовики, водяные черти. [4, с. 91 - 94] Наравне с представлениями о богах у славян также были представления и о низших духах и демонах (леших, водяных). Лешим и водяным, также как и богам приносили, жертвы (например, первую добытую на

охоте добычу оставляли на пне). В реках, по представлениям славян, также жили русалки. Одним из древнейших культов является культ Змея. По представлениям, у Змея было две головы, одна из которых проглатывает вечером солнце, которое выходило утром из другой. Он живёт в океане, окружающем всю сушу. Более всего у славян был развит культ предков. Родоначалником славянского рода считался щур. С распадом родоплеменного строя он стал ассоциироваться семейным предком – домовым. Культ предков был прямо связан с представлениями о загробном мире. Славяне не различали ада и рая, а верили в единый загробный мир, который находился то на небе, то в подземном мире, то за далёким океаном, и даже в брюхе у Змея, где душам усопших светило солнце, проглоченное змеем. На севере очень сильно почитался культ Волка. Волк считался покровителем врачевания. Жрецы и воины северных племён считались хорошими врачевателями. Охотники почитали Медведя, по праву считающимся самым сильным в лесу, хозяином леса. Некоторые животные отождествлялись с богами. Например, вепрь был священным животным Перуна. Во время праздника даже производилось ритуальное поедание вепря. В лесах были найдены дубы (священное дерево), на которых на уровне нижних веток обнаружены вросшие в кору челюсти кабана. Как и охотниками, так и земледельцами почитался конь. До сих пор считается, что найденная подкова коня приносит удачу. Для свершения обрядов, славяне приходили на особые места (капища), находившиеся под открытым небом – священные рощи, холмы. [6, с. 30] Также около каждого поселения были жертвенные ямы, куда приносили жертвоприношения. Они видимо посвящались богине Тригле (земле).

Служители культов. Естественно, что у славянской религии были свои жрецы, служители культов, гадавшие, проводившие обряды, приносящие жертвоприношения и сообщающие людям «волю богов». У каждого культа был свой жрец - волхв (от «волх» - волк, т. к. во время проведения обрядов они надевали волчью шкуру). В разных местах их называли по-разному – в одних местах кудесниками, в других волкодлаками и т. д. У западных славян были «кнежы» - князья, одновременно выполнявшие обязанности жреца. В обязанности жрецов входили проведение обрядов, жертвоприношения, прославление богов. В качестве жертвоприношений использовались вино, продукты питания, часть урожая. Были и человеческие жертвоприношения (обычно Перуну). Прокопий Кесарийский отмечал, что славяне не верили в судьбу и не могли предсказывать будущее, а во время гаданий спрашивали пособничества в том или ином деле. Источники всё же указывают на существование у славян представления о судьбе. На-

пример, в легенде о смерти Вещего Олега упоминается предупреждение волхва о смерти Олега от своего коня. Славяне гадали по полёту птиц, воде, вытягивали жребий, испрашивая волю богов. Как и у любого народа, у славян были свои суеверия: они верили в «чих» (чихание человека), «потык» (спотыкание человека или коня), «грай» (полёт птиц) и т. д.

Праздники и обряды славян. Каждый праздник славяне проводили в соответствии со временем года. Год славяне делили на две части: лето и зиму. Весну и лето они считали началом лета и зимы. Рубежом, отделявшим один сезон от другого, были летнее и зимнее солнцестояние, осенний и летний солнцеворот. Во время летнего солнцестояния праздновали день Купалы (23 июня). Перед зимним солнцестоянием проводились Коляды («чёрные дни»). Считалось, что в это время по улицам бродила нечисть и чтобы отпугнуть их, люди переодевались («рядились»), чтобы отпугнуть их, и в таком виде бродили по домам и колядовали. На заходе и восходе в эти дни гадали на суженых. Новый год начинался 1 марта. [9, с. 39 - 40] Весной, за 7 дней до весеннего равноденствия и 7 дней после, праздновали Масленицу. В эти дни праздновали проводы зимы, сжигали чучело зимы, олицетворявшее не только зиму, но и саму смерть (Морану). Весной и летом проводились тризны по предкам – весной «радуница», летом «русалии». У славян было принято многожёнство. Оно преобладало в основном у зажиточных людей. Жених должен был умыкнуть свою будущую жену, обычно по взаимному согласию с обеих сторон: «...и ту оумыкашу жёны себе с нею же кто свещатся. Имашу же по две три жены». Умыкание часто проводилось во время праздника. У некоторых славянских племён было принято трупосожжение. Когда славянин умирал, его сжигали и пепел ссыпали в специально приготовленный для этого сосуд: «Сожжаху и посем собрате кости, вложашу в судину малу». После этого проводилась тризна по умершему со всевозможными состязаниями. [1, с. 14] Ибн-Фадлан пишет, что вместе с умершим славянином сжигали одну из его жён, которая соглашалась добровольно пойти за мужем в загробный мир. В течение 10 дней до сожжения она гуляла и веселилась. Потом перед сожжением её зарезали. Всё имущество, которое было у славянина при жизни, делили – часть оставляли с прахом умершего, часть отдавали его родственникам.

С принятием христианства, чтобы не было конфликта с народом и народной культурой, народные праздники объединили с христианскими: день Купалы с днём памяти Иоанна Крестителя, Коляды с Рождеством, Масленицу сократили до недели и календарно отнесли на-

зад, чтобы не совмещать языческий праздник с Великим постом. В России христианство настолько сплелось с языческими верованиями, что порой очень сложно отделить одно от другого и приходится обращаться к первоисточникам, чтобы с большей долей вероятности определить, где кончаются языческие пережитки и где начинается собственно христианство, как таковое. Из всего вышесказанного следует, что на основе язычества была создана уникальная, не имеющая аналогов, культура.

Источники и литература:

---

1. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 560 с.
2. Сборник документов по истории СССР. М.: Наука, 1989. 150 с.
3. Баландин Р.К. Сто великих богов. М.: Вече, 2007. 427 с.
4. Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. СПб.: Надежда, 1993. 319 с.
5. Мартынов А.И. Археология. М.: Высшая школа, 2008. 447 с.
6. Назаренко А.В. Язычество эльбо-одерских славян. М.: Наука, 2008. 150 с.
7. Платонов С.Ф. История России. М.: Аст Москва, 2007. 815 с.
8. Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времён до конца 17 века. М.: Просвещение, 2006. 335 с.
9. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 350 с.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ АСПИРАНТУРУ В СССР (1920 – 1930-Е ГГ.)

Н. П. Цеховой

Томский государственный университет

В первой половине 1920-х гг. в вузах страны остро ощущалась нехватка научно-педагогических кадров. Поэтому проблеме подготовки кадров для высшей школы в СССР с начала 1920-х гг. начинает уделяться большое внимание. Согласно «Положению о научных работниках вузов» 1921 г. в научно-исследовательских институтах для лиц, готовящихся к научно-педагогической деятельности, были установлены должности научных сотрудников второго разряда.

В следующем «Положении» 1924 г. указывались более конкретные требования к лицам, подготавливающимся к научной и педагогической деятельности. Они должны были работать в соответствии с указаниями советов научно-исследовательских институтов и предметных комиссий вузов. После выполнения некоторых научных заданий и прочтения пробной лекции они получали право преподавания в вузе.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. закладывались основы новой государственной системы подготовки научно-педагогических кадров. Однако, многие вопросы оставались неясными. Главным недостатком в подготовке кадров был неорганизованный характер подготовки. По выражению Ш.Х. Чанбарисова существовало «кустарничество» в подготовке молодых научно-педагогических кадров [3, с. 178].

С созданием аспирантуры в дело подготовки научных кадров было внесено централизованное плановое начало. В июне 1925 г. Наркомпрос РСФСР утвердил «Положение о порядке подготовки научных работников при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях». Это «Положение» было разработано специальной Комиссией по подготовке научных работников при ЦК РКП (б), которая проработала и обобщила накопленный опыт в деле подготовки научно-педагогических кадров, и в итоге предложила учреждение института аспирантуры.

Согласно «Постановлению» Наркомпроса 1925 г. срок подготовки аспиранта устанавливался в три года, по истечении которого он должен был представить диссертационную работу. За это время аспирант также должен был углубленно изучить основные вопросы по избранной специальности, освоить методики и методологии исследования, заниматься изучением иностранных языков и общественного минимума. Кроме того, аспирант должен был работать в области приложения данной дисциплины в промышленности, сельском хозяйстве и других областях практики. Выполненная работа по рекомендации предметной комиссии и факультета представлялась на защиту, которая проводилась в открытом заседании предметной комиссии. Успешно прошедшие аспирантуру лица приобретали право преподавания в вузах в качестве ассистентов или доцентов.

Если раньше выбор кандидата для подготовки к научной деятельности всецело зависел от профессора, то теперь представление кандидатов осуществлялось предметными комиссиями вузов через отборочные комиссии. Участие вузовской общественности (партийных, комсомольских, профсоюзных организаций) стало обязательным пунктом при выдвижении и обсуждении кандидатов в аспирантуру. Этим преследовалась цель обеспечения регулирования социального состава аспирантуры и тем самым подготовки новой советской интеллигенции.

Однако, не исключалась возможность представления кандидатов научно-исследовательскими учреждениями, а также подача индивидуальных заявлений со стороны отдельных лиц, желающих быть зачис-

ленными в аспиранты. Характерно, что в аспирантуру было разрешено принимать лиц в возрасте от 20 до 35 лет «как окончивших вузы, так и не окончивших вуз вовсе» [4, с. 22-23], но обладающих требуемыми для аспиранта знаниями.

Руководство аспирантурой возлагалось на специальную Комиссию по подготовке научных работников в составе М.Н. Покровского, А.К. Тимирязева, И.Д. Удальцова, О.Ю. Шмидта, В.П. Волгина и других, созданную при Государственном ученом совете Наркомпроса (ГУС). Эта комиссия рассматривала распределение аспирантских стипендий по вузам и научно-исследовательским институтам, устанавливала порядок отбора и утверждения аспирантов, рассматривала и утверждала кандидатов в аспирантуру и т.д. В соответствии с указаниями ГУСа при вузах создавались отборочные комиссии по приему аспирантов в составе ректора, декана соответствующего факультета и представителей общественных организаций.

Наркомпрос установил в 1925 г. 800 аспирантских стипендий по стране, в следующих 1926 и 1927 гг. по 600 стипендий. В 1927 г. в высших учебных заведениях СССР обучалось всего 892 аспиранта [2, с. 27]. Вначале аспирантура была учреждена в вузах РСФСР, а затем и в других республиках Советского Союза.

Поначалу результаты работы института аспирантуры, как нового способа подготовки научных работников, были неудовлетворительными. Так, из 800 аспирантов первого приема в системе Наркомпроса РСФСР с программой справились и получили научную квалификацию лишь 89 человек (11%), 177 человек оставили аспирантуру, 348 человек были сняты со стипендии за невыполнение программы и 186 аспирантам было разрешено продолжать заниматься 4-й год [3, с. 181]. Такое положение было связано с тем, что в это время происходил поиск наиболее рациональных приемов в организации работы аспирантов. Первоначально предпочтение отдавалось коллективным формам занятий, когда над одним общим заданием работала определенная группа аспирантов. Однако, постепенно стало очевидным преимущество индивидуального научного руководства аспирантом со стороны квалифицированного ученого. Повышалась также личная ответственность аспиранта за результаты своей деятельности.

Недостатком первого положения об аспирантуре было отсутствие четких требований к лицам, оставляемым для подготовки к научной деятельности, что затрудняло подбор соответствующих кандидатов. В апреле 1926 г. Наркомпрос дополнил инструкцию указанием о том, что кандидат в аспирантуру должен представить письменную работу – реферат по специальности и пройти коллоквиум с целью выяснения

его общеметодологической подготовленности и знакомства с основной литературой по научному социализму.

В годы первой пятилетки, с началом индустриализации проблеме подготовки кадров уделяется все больше внимания. В 1928 г. пленумы ЦК партии потребовали «в кратчайший срок расширить кадры молодых научных работников (аспирантуры), коренным образом улучшив их подбор и руководство научной работой, а также их материальные условия». В июне 1929 г. СНК СССР принимает решение увеличить в 1929-30 учебном году контингент аспирантов по техническим специальностям не менее чем вдвое. Так, из статистики состава аспирантов Томского университета видно, что в 1929/30 учебном году количество аспирантов увеличилось до 38, тогда как в 1928/29 учебном году обучалось только 9 человек [5, л. 30].

Социальное положение учитывалось в первую очередь при приеме в аспирантуру в 1920 - начале 1930-х гг. в СССР, зачастую в ущерб академической подготовленности кандидата в аспиранты. Формально, все ограничения, связанные с социальным происхождением, для лиц поступающих в учебные заведения были отменены только в 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы» в связи с «изменением соотношения классовых сил в СССР».

Важную роль в улучшении подготовки научно-педагогических кадров в стране сыграло Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», в котором впервые закон устанавливал единый для всей страны порядок подготовки научных работников через аспирантуру. В соответствии с постановлением с этого момента в аспирантуру могли быть приняты только лица, имевшие высшее образование. Подготовка аспирантов сосредотачивалась в наиболее крупных вузах, способных готовить научно-педагогические кадры высшей квалификации. Теперь больше внимания стало уделяться не количественной, а качественной стороне дела подготовки аспирантов.

Основные положения об аспирантуре были оформлены в постановлении СНК СССР от 13 января 1934 г. «О подготовке научных и научно-педагогических работников». Этим постановлением закреплялась практика представления и защиты аспирантами диссертационной работы. В Сибири, например, право приема к защите диссертаций получили Томский и Иркутский университеты, Омский сельскохозяйственный институт, позднее Иркутский и Томский медицинские институты и Омский ветеринарный институт.

В Томском университете заседание Ученого совета, положившее начало защита диссертаций, состоялось в начале 1935 г. На нем диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук были представлены А.А. Соколовым и И.Ф. Колесниковым [6, с. 354].

Однако, лишь небольшое количество аспирантов выпускалось с защитой диссертации. Такая ситуация была характерна для всех вузов страны. Среди причин такого явления были огромная преподавательская и общественная нагрузка, недостаточный контроль со стороны руководителей за выполнением индивидуальных планов аспирантами, плохие материальные условия и другие.

Так, с 1935 по 1941 г. из 14 аспирантов Томского университета, руководимых профессором В.Н. Кессенихом, в срок защитили диссертации 4 человека, а из 10 аспирантов профессора В.Д. Кузнецова в срок не уложился никто. В 1939 г. аспирантуру Томского университета закончили 12 аспирантов, 6 из них – с защитой диссертации, четверым защиту перенесли на начало 1940 г. [6, с. 355]

В 1938 г. из 86 аспирантов Ленинградского университета в срок защитили диссертации только 13 человек. В Саратовском университете сравнительно долго не было никакой защиты диссертаций аспирантами. Первая группа аспирантов этого университета защитила диссертации лишь в 1936 году [7, с. 369].

Улучшению качества подготовки аспирантов способствовало «Положение об аспирантуре», принятое СНК СССР 31 марта 1939 г. В нем подчеркивалось, что «аспирантура является основной формой подготовки научных и профессорско-преподавательских кадров».

Были изменены методы руководства: введены индивидуальные планы работ аспирантов, установлена ответственность профессоров-руководителей, а также заведующих кафедрами за состояние аспирантской подготовки на кафедре, введены обязательные семинарские занятия по философии, педагогике, иностранным языкам. Каждый из аспирантов был с первого года прикреплен к научному руководителю, имевшему ученое звание профессора или ученую степень доктора наук. К одному научному руководителю могли быть прикреплены, как правило, не более 5 аспирантов.

По «Положению об аспирантуре» 1939 г. общее руководство подготовкой аспирантов возлагалось на Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Это было сделано для того, чтобы уменьшить расхождения в требованиях, предъявляемых к аспирантам и снизить нарушение плановости подготовки научно-педагогических

кадров, возникавшие из-за того, что вузы СССР принадлежали различным ведомствам [8, л. 9, 10].

В том же году было утверждено «Положение о заочной аспирантуре», которым предусматривалось обучение без отрыва от производства. Срок подготовки в заочной аспирантуре также устанавливался в 3 года. Для аспирантов-заочников, успешно выполняющих свой индивидуальный план, был установлен ежегодный дополнительный отпуск по месту работы с сохранением содержания до 30 учебных дней для сдачи экзаменов, подготовки и защиты диссертации [7, с. 113].

Принципы функционирования аспирантуры, как главного института в подготовке научно-педагогических кадров в нашей стране были заложены и в основном сформированы в 1920-30-е гг. Эти принципы с небольшими изменениями составляют основу деятельности аспирантуры и в настоящее время.

Литература

---

1. Ментова Л.Ф. Партийное руководство формированием научно-педагогической интеллигенции Сибири (1917 – 1928 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1981. 223 с.
2. Лебин Б.Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. М.-Л.: Наука, 1966. 287 с.
3. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988. 256 с.
4. Ананов И.Н. Правовое положение научных работников. Нижполиграф, 1928. 59 с.
5. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) Ф. 607. Оп. 1. Д. 1203.
6. Дедюшина Н.А. Подготовка научно-педагогических кадров в сибирских вузах (1920 – 1941 гг.) // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917 – 1941 гг.). Новосибирск, 1980. 368 с.
7. Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Советская наука, 1958. 377 с.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 260.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ШЕГАРСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. Д. Юркив

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.В. Галкина, к. и. н., доцент

Древняя история Западной Сибири представляет большой интерес для реконструкции этнических процессов, происходивших на этой территории. Исследования археологов показывают, что территорию

Западной Сибири издавна заселяло значительное число различных народов. Однако они не имели своей письменности, поэтому их прошлое, культура, места жительства нам малоизвестны.

Данная статья написана в рамках работы «История Шегарского района», исследование которого без изучения древней истории не представляется возможным.

В разные годы выходили публикации, в которых затрагивались вопросы исследования древней истории Шегарского района. Об этом писали такие авторы как В.М. Флоринский, А.П. Дульзон, Л.М. Плетнева, Л. А. Чиндина, Я.А. Яковлев. Однако обобщающая работа на эту тему отсутствует.

Цель данной работы проследить хронологически археологические исследования Шегарского района Томской области, дать характеристику археологическим памятникам.

Начало исследованию Шегарского района в конце XIX века положил Василий Маркович Флоринский (1834 – 1899 гг.), научная деятельность которого в 1890-е годы была посвящена археологии. Флоринский организовал сбор археологических материалов, опубликовал первую сводку древностей Томской земли, к которой вошло описание археологических памятников Шегарского района. При описании Малобрагинского могильника он указывал, что в нем обнаружены человеческие кости, уборы конской сбруи, узды, седла, стремяна, изделия из желтой меди и белого металла (белой бронзы), а также медная квадратная пластинка с изображением женщины [1, с. 84]. На территории Шегарского района были открыты Подобинское городище и Богородский могильник, датированные поздним средневековьем (XVIII век). Там был найден костяной наконечник стрелы черешкового типа.

Несмотря на интересные находки, В. М. Флоринский не признавал за местным населением высокой культуры. Выявленные им достижения в период бронзовой и железной культур, по его мнению, могли принадлежать только наиболее одаренному племени древних славян [2, с. 10].

В 20-е годы XX века на территории Шегарского района работал археолог И. М. Мягков. Изучение Сибири для Мягкова стало настоящим призванием, которому он посвятил всю свою долгую жизнь. В «Обзоре деятельности Томского краевого музея (1927 – 1928 гг.)» есть сведения, что Мягковым были осмотрены Брагинская курганная группа [3, с.167], которая находится на левобережье р. Оби, неподалеку от деревни Малобрагино.

В 1926 г. краеведом Д.П. Славниным обнаружены Ингинские находки, между поселками Новоказанским и Новоильинским. Были

найжены 16 фрагментов керамики и каменный отщеп. Датировано поздним бронзовым веком. Исследования показали, что данные предметы относятся к еловской историко-культурной общности [4, с. 84]. Основными формами хозяйственной деятельности еловцев были охота и рыбная ловля. Рыболовецкий тип хозяйства давал возможность иметь надежный источник питания, но и от занятия охотой еловцы не отказывались.

В 1950-е годы большой вклад в составление археологической карты Томской области внес профессор Томского Государственного Педагогического института А.П. Дульзон, отметивший и археологические памятники в Шегарском районе Томской области [5, с. 89-101].

Период 1960-х годов отличался широким развитием археологии в Сибири, возникновением новых центров исследования, открытием Сибирского отделения АН СССР. Археологические открытия Шегарского района в данный период связаны в основном с работами экспедиции Томского университета под руководством Владимира Ивановича Матющенко. В 1959 Матющенко открыл ряд памятников в Шегарском районе: Поздняковское поселение I, Поздняковское поселение II [2, с. 114], которые располагаются на краю деревни Поздняково; селище Золотая Горка (памятник открыл В.И. Матющенко, но исследован он был Я.А. Яковлевым), он располагается на правом берегу Оби, на западной окраине п. Победа; поселение Победа [2, с. 116], Побединская курганная группа I [2, с. 114], располагаются на краю п. Победа.

В 1960-е гг. в Шегарском районе работала Людмила Александровна Чиндина. В 1966 г. она открыла селище Оськино [2, с. 116]. Датировано ранним средневековьем. Л. А. Чиндина отнесла селище к релкинской культуре, которая существовала в VI – IX веках. Релкинцы жили семейными общинами по берегам водоемов в местах, удобных для рыбной ловли. Развитие получили военная организация и кузнечное дело.

Большой вклад в исследование Шегарского района внес Яков Александрович Яковлев. Им были обследованы в 1977 г: селище Золотая горка, поселение Победа, селище Оськино. Интерес заслуживает селище Золотая Горка. Памятник находится на западной окраине с. Победа Шегарского района Томской области. Здесь были обнаружены железные, костяные и роговые предметы, а также керамика [2, с. 116].

По мнению Я.А. Яковлева и Ф.И. Меца, селище Золотая Горка датируется в пределах развитого и позднего средневековья. Во время исследований обнаружено 7 фрагментов керамики эпохи поздней бронзы и 1, который ориентировочно можно отнести к раннему сред-

невековью. Но находки не дают возможности этнической оценки населения, заселявшим Золотую Горку. Однако керамика позволяет увязать первый этап существования селища (XI – XIV вв.) с тюркским компонентом, второй (XVI – начало XVII вв.) с селькупским компонентом [6, с. 151].

В 1978 г. В.А. Рябцевым было открыто Балашевское поселение. Здесь, в маленькой бухте, были собраны фрагменты керамики, украшенные лунками, линиями и кости животных. Керамический материал позволяет датировать памятник эпохой бронзы [7, с. 8].

В постсоветский период исследований практически не проводилось, за исключением Малобрагинского городища. В 2001 г. здесь прошла разведка Северной археологической инспекции. Обнаружены не только курганы, но и городище [4, с.3]. В 2003-2005 годах здесь работала экспедиция под руководством Людмилы Михайловны Плетневой. По керамике, ее орнаментации, по орудиям труда, по устройству оборонительных сооружений городище Малобрагинское отнесено к релкинской культуре, которая занимала Нарымское Приобье. Население этой культуры считают предками селькупов [9, с.18].

Таким образом, археологическое исследование Шегарского района Томской области на протяжении более 100 лет носило крайне неравномерный и долговременный характер. В 1956 г. А.П. Дульзон опубликовал 7 археологических памятников Шегарского района, а через 40 лет было выявлено еще 5 памятников (по археологической карте, опубликованной Л.А. Чиндиной в 1993 г.). Поэтому Шегарский район является своеобразным «белым пятном» на карте Томской области. Не определены датировки многих памятников. Это определяется рядом причин: сложностью археологических разведок в тайге, трудоемкостью раскопок в лесных условиях. Но основная причина заключается в отсутствии перспективного археологического планирования изучения территории Томской области. Нужно помнить, что и те немногочисленные памятники, которые отмечены на Археологической карте Томской области [Приложение 1], в большинстве своем уже уничтожены хозяйственной деятельностью человека. В связи с этим для изучения древней истории Шегарского района и сохранения археологических памятников, необходимо планомерное систематическое исследование данного района для воссоздания полной картины исторического освоения, этнической принадлежности и жизнедеятельности населения этого района.

 Археологические памятники, отмеченные на археологической карте А.П. Дульзоном в 1956 г.
 Археологические памятники, отмеченные на археологической карте Л.А. Чиндиной в 1993 г.
 Археологический памятник, раскопанный в 2003-2005 гг. Л.М. Плетневой

1. Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Известия Томского университета. 1889. Отдел 2. С. 58 – 86.
2. Чиндина Л.А. Археологическая карта Томской области / Л.А. Чиндина, Я.А. Яковлев, Ю.И. Ожередов / Под ред. Л.А. Чиндиной Томск: Издательство Томского университета, 1990. Т. 1. 338 с.
3. И.М. Мягков как исследователь Сибири / Галкина Т.В., Чиндина Л.А., Лукина Н.В., Горюхин Е.Я. // Труды Том. гос. объедин. ист.-архит. музея. Томск, 1995. Т. 8. С. 165 – 181.
4. Археологическая карта Томской области / Ю.И. Ожередов, Я.А. Яковлев / Под ред. Л.А. Чиндиной. Томск: Издательство Томского университета. 1993. Т.2. – 206 с.

5. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области. Отдельный оттиск // Труды Том. обл. краевед. музея; Т. 5. Томск, 1956. С. 89 – 101.
6. Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н.э.) // Археологические исследования в Среднем Приобье / Под ред. Л.А. Чиндиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 129 – 151.
7. Рябцев В.А. Отчет о полевых исследованиях Южного отряда археологической экспедиции Томского университета за 1978 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 773.
8. Косов В. Тайны Варвариного бора // Шегарский вестник. 2004. 12 авг. № 101. С. 3.
9. Плетнева Л.М. Малобрагинские городище и могильник / Л.М. Плетнева // Судьба земли Шегарской: сборник краеведческих очерков к 70-летию Шегарского района / Л.Т. Вдовина, В.Н. Косов; Адм. Шегарского р-на, Шегарский краев. Музей. Томск Мельниково, 2006. С. 17 – 21. Плетнева Л.М. Погребение позднего времени на Малобрагинском городище // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Томск: Издательство ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 144 – 150.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ

М. В. Громова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.И. Некрасова, старший преподаватель

Политические и экономические изменения, произошедшие в России в конце 80-х – 90-х гг. XX века, оказали большое влияние на все сферы жизни общества, в том числе и на ее историю. То, чем гордились многие поколения наших соотечественников – победы в войнах, деятельность великих полководцев, подвиги героев – стало рассматриваться исключительно с критических позиций. Наиболее болезненными для общества стали: растущая популярность националистических идей в молодежной среде; преступность, алкоголизм и наркомания; рост числа молодежных организаций откровенно фашистской ориентации. Произошла резкая переоценка ценностей, изменилось отношение к труду, к своей роли в обществе, к истории своей

страны. В связи с этим значительно возросла роль образовательных учреждений, детских и молодежных организаций, в рамках которых происходит духовно-нравственное становление детей и молодежи, подготовка их к самостоятельной жизни, стала понятна и необходимость такой важной составляющей воспитательной работы как патриотизм.

Патриотическое воспитание можно реализовать с помощью разнообразных форм и методов. Однако, на наш взгляд, особое место в системе развития патриотизма занимает *поисковое движение* которое в настоящее время по своему содержанию является военно-патриотическим, культурно-историческим и благотворительным движением.

Цель данной исследовательской работы – изучить влияние поисковой деятельности на развитие патриотизма школьника.

В связи с этим в работе поставлены следующие **задачи**:

- дать определение поисковой деятельности, определить ее цели;
- выявить влияние поисковой деятельности на формирование и развитие личности и патриотизма участников.

Поисковое движение – это общественное движение в деле увековечения памяти павших защитников Отечества 1941 – 1945 г.г., которое в настоящее время по своему содержанию является военно-патриотическим, культурно-историческим и благотворительным движением.

Основными целями поискового движения считаются поиск, сохранение и увековечение памяти погибших солдат в годы Великой Отечественной войны, установление имен пропавших без вести, мест их захоронения, ведение научной и учебной деятельности в области военной истории, археологии и краеведения.

Министерство образования Российской Федерации уделяет большое внимание работе поисковых отрядов образовательных учреждений. Ведь значительную роль в поисковом движении России играют именно отряды, созданные педагогами-поисковиками в школах, вузах, техникумах, колледжах, профтехучилищах, учреждениях дополнительного образования детей, клубах по месту жительства. Таких отрядов насчитывается сейчас более 500, это основная часть состава всего поискового движения страны. Они объединяют десятки тысяч подростков, представителей студенческой и рабочей молодежи.

Поисковые отряды образовательных учреждений выявляют места исчезнувших солдатских могил периода Великой Отечественной войны, принимают участие в обнаружении и захоронении останков со-

ветских воинов, не погребенных с военного времени, занимаются установлением имен погибших и поиском их родственников, работают по письмам-запросам о судьбах, пропавших без вести, ведут работу в военно-исторических архивах и музеях, тесно сотрудничают с редколлегиями Книг Памяти, Советами ветеранов Великой Отечественной войны. Большинство поисковых отрядов имеют созданные своими руками музеи, посвященные боевым и трудовым подвигам героев-земляков, ставшие центрами воспитательной работы с учащимися и населением по месту жительства. Как правило, это лучшие в своих территориях военно-исторические музеи [1]. В результате работы участник получает умение вести исследовательскую работу по историческому краеведению, работу в архивах, обобщать собранный материал, анализировать его, т.е. формирует научно-познавательные навыки. Полученные навыки могут быть использованы в системе школьного образования.

Поисковое движение получило свое развитие и в Томской области. С 1984 года в Томске существует поисковый отряд «Прометей», основал который И.Г.Харченко. С 1985 года отряд стал работать на местах, где шла Великая Отечественная война. За все время существования отряда было поднято 4673 война, найдено 164 солдатских медальона.

Иван Григорьевич уверен, что патриотами не рождаются, ими становятся, если ребят увлечь интересной работой [2, с. 3]. По словам И.Г.Харченко, каждый день экспедиции – это день потрясений. «Это не описать никакими словами, не выразить никакими чувствами. Как будто с помощью машины времени отбросило на 60 с лишним лет назад, заставило пережить все, что пережили солдаты, polegшие там, на полях и болотах. Время останавливается для нас. Мы работаем с утра до позднего вечера, без выходных. Никто из ребят ни разу не пожаловался на усталость, болезнь, тяжелый труд. Сложнее всего поднимать останки солдат из воронок, заполненных водой. Чтобы достать останки, мы вычерпываем воду ведрами, а это 600-700 ведер воды. При всякой работе мы ставим свечки, и усталости не чувствуем. О том, что на этой земле шли ожесточенные бои, нам рассказывает не только земля, изрытая воронками. Остались блиндажи и окопы, провода телефонной связи, гранаты, немецкие и наши ящики от мин и снарядов, винтовки. Каждый день гремят взрывы найденных мин и снарядов. Особую опасность представляют детонаторы от гранат. Мы находим обрывки истлевших шинелей, петлички, хорошо сохраненные ремни, и очень мало медальонов» [2, с. 27-30].

В 2008 – 2009 годах отряд «Прометей» совершил очередные экспедиции. В этих экспедициях нами были обнаружены и захоронены

останки 153 солдат и командиров. Найдено 5 медальонов, один из которых был прочитан, и в настоящее время выдуться поиски родственников погибшего и считавшегося без вести пропавшим солдата. Для многих война в экспедиции превращается в живую действительность, участники могут прикоснуться к живой истории, увидеть войну собственными глазами, пережить некоторые ее моменты. Во время поисковых работ приходит понимание того, что солдат – это тоже человек, как каждый из нас, только сделавший в своей жизни главное. Несомненно, это понимание влияет на патриотические чувства участников.

Пришедшая в поисковые отряды молодежь сохраняет память о Великой Отечественной войне, не на словах, а на деле проявляет свою любовь к Родине, ее защитникам, уважение к отечественной истории, добровольно и активно участвует в благородной социально-значимой деятельности по увековечиванию памяти павших защитников Отечества.

В рядах поискового движения объединились для работы по увековечению памяти погибших при защите Отечества люди разных возрастов и профессий, разного социального положения. Здесь вместе работает и молодежь (в том числе и так называемая «трудная»), и ветераны войны. Поисковое движение сегодня является живой связью между поколениями, способствует предотвращению раскола общества по возрастному и национальному признаку.

Трудности экспедиционной жизни легче переносятся там, где ребята добровольно занимаются делом, нужным людям, и где складываются хорошие личные отношения, где есть забота, взаимовыручка, открытое и доброжелательное общение не только внутри группы, но и с местными жителями – все это заставляет участников поисковых отрядов посмотреть на себя со стороны, ощутить самоуважение. Обычно этому способствует мнение окружающих, что ребята делают святое дело, хотя для самих поисковиков соприкосновение со следами смерти это часто естественное и повседневное дело.

Ребята-поисковики, по наблюдению педагогов, очень быстро взрослеют, хотя и не теряют черт, присущих детству и юности. Их взросление выражается в появлении самой серьезности. Она выражается в более ответственном отношении к тому, что они делают, и к окружающим людям [3, с. 24].

Поисковые экспедиции – это наиболее мощный фактор формирования нравственного стержня личности, так как за короткое время рождается коллектив единомышленников, объединенный благородной целью – воскресить имена пропавших без вести и предать земле останки павших защитников Родины. Возрастная психология утверждает

ет, что совместная деятельность подростка или молодого человека в группе, с ее целями и способом организации, а также складывающимися у ее участников отношениями, способна стать мощным воспитывающим фактором, формирующим устойчивую жизненную позицию человека. И поисковая работа не является исключением. Здесь важно все: и поиск останков павших, и участие в ритуалах воинского захоронения, и встречи с участниками войны, очевидцами боев, родственниками погибших, представителями Церкви, и с поисковиками из других отрядов. Работая в поисковом отряде, подросток приобретает опыт любви к Отечеству, а значит, формируются его гражданские и патриотические позиции.

Таким образом, поисковое движение – это педагогический феномен и серьезнейшая молодежная политика, так как оно воспитывает уважение и благодарность к павшим бойцам, учит пониманию подвигов, совершенных нашими дедами и прадедами, наполняет сердца подростков верой в правое дело. Это наиболее яркая и доходчивая форма передачи молодежи боевых традиций старших поколений. Поиск формирует общечеловеческие нормы гуманистической морали, способствует объективной самооценке и саморегуляции поведения, позволяет каждому подростку реализовать себя как личность и конечно формирует патриотические позиции человека.

Литература

---

1. Иванова Е. И. Поисковая работа в системе дополнительного образования детей [М., 2007]. URL: <http://otechestvo.ipian.kazan.ru> (дата обращения: 22.04.2010).
- Харченко И. Г. Мужай и здравствуй томский «Прометей». Томск, 2003. 94 с.
Лишин О. В., Лишина А. К. Это нужно живым. М. : Педагогика, 1990. 208 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ГОРОДА ТОМСКА В ТОМСКИХ ШКОЛАХ

Г. А. Кречетов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.И. Некрасова, ст. преподаватель

Каждый человек с большим интересом относится к тому, что его окружает, в определенном возрасте появляется интерес к истории родного края и родного города. Школа должна отвечать на запросы и потребности формирующегося человека, и школьная дисциплина «история» дает возможность реализовать эти потребности человека, так

как преподавание истории отечества, всегда предполагает неразрывную связь с историей родного края, родного города и т.п. Благодаря этому изучение истории России становится личностно значимым для учащихся.

В связи с необходимостью изучения истории родного края и истории родного города школы включают краеведение в свои учебные планы. Но краеведение относят к региональному или школьному компоненту и поэтому в настоящее время существует большая пестрота в изучении краеведческих курсов в томских школах. Поэтому целью данной работы является изучение особенностей преподавания истории города Томска в томских школах, для последующего формирования собственной позиции по изучению данного краеведческого курса. Для достижения этой цели должны быть сформулированы цели и задачи изучения истории города Томска и определены критерии отбора содержания материала и методы и приемы его изучения.

Анализ современной ситуации в этом вопросе позволяет сделать вывод, что ещё не так давно в большинстве томских школ информация и знания об истории родного края давались самые фрагментарные. Для анализа данной проблемы были взяты учебные программы школ: МОУ СОШ № 4 им. И. Черных, МОУ СОШ № 14 им. А. Лебедева, МОУ СОШ № 23, и МОУ СОШ № 53.

Анализ программ данных школ показал, что по своим целям и задачам все анализируемые программы направлены на развитие у учащихся интереса к истории родного края, патриотическое воспитание учащихся, формирование у них активной жизненной позиции, воспитание чувства патриотизма и познание истории повседневной жизни человека. Но есть и свои особенности, цели и задачи программы МОУ СОШ № 23 предполагают реализацию вышеназванных целей через формирование целостного представления об истории строительства Томска [3].

Во всех школах, программы которых изучались, есть обязательный краеведческий курс по истории Сибири и истории города Томска. Курс «История Сибири» изучается в школах №14; 4; 53 в V классе и изучение данного курса носит обязательный характер. А изучение истории непосредственно Томска ведется в IX классе, но на базе элективного курса.

В МОУ СОШ № 14 Лариной Е.Д. разработаны для 9 класса элективные курсы «Русские предприниматели и меценаты», «Предприниматели Томска» [2], её программа носит экспериментальный характер. А в МОУ СОШ № 53 курс истории Томска имеет ознакомительный характер [1]. В школе № 4 учителя не создали авторских программ, а

пользуются программами, размещенными в интернете, на сайте Томского Областного Института Повышения Квалификации Работников Образования. Одна из таких программ предполагает изучение истории Сибири (с центром в Новосибирске) для какого класса? [5]. В другой программе, для преподавания истории города взяты отдельные главы (3-13), пригодные для преподавания истории родного города [4].

Постольку поскольку в ходе достижения поставленных целей, выполняется такое важное требование как формирование компетенций, так как анализируемые цели и задачи предполагают воспитание чувства патриотизма и активной гражданской позиции, что осуществляется через соответствующие методы и приемы обучения данному краеведческому курсу. Данное требование весьма актуально, в связи с переходом современного отечественного образования со знаниевой на компетентностную систему.

Изучения истории города Томска, как следует из анализа программ, направлено не сводится к изучению фактического материала по истории Томска, а ставят задачи обучения школьников умениям применять полученные знания на практике. Для реализации этой задачи широко применяются такие методы как обучения как экскурсии, походы, встречи с ветеранами, участие в детско-юношеских патриотических мероприятиях. Школьники совершают экскурсии в городские и школьные музеи и по городу. Учащиеся, например, школы № 4, участвуют в таких мероприятиях, как движение «Память» и «Пост №1», изучают историю жизни и подвига своего земляка И.Черных, чьё имя носит данная школа (как и школа №14 им. Лебедева). Как следует из анализа рассмотренных программ подготовка к экскурсиям и встречам, и осмысление полученной информации происходит на лекциях, уроках-семинарах, «круглых столах», во время игр.

Особенности формирования компетенций в школе № 14 заключаются в том, что это осуществляется через элективный краеведческий курс, а в школе № 23 через кружок «музейное дело», «История строительства Томска» на уровне школьного музея. Хорошо бы включить материал как организовано обучение в кружке и школьном музее. Почему это приводит к формированию умений применять знания. Данная функция выполняется только на базе школьного музея, изучающего, в рамках кружка, историю строительства города с XVII в. и до наших дней, кружок состоит из двух групп.

Таким образом, в каждой школе понимается значимость изучения истории родного края для формирования личности ребенка, наряду с общими принципами построения программ по истории города Томска, в каждой программе имеются свои особенности.

1. Вдовкина М. В. Программа курса «История Сибири» МОУ СОШ № 53 г. Томска. Томск., 2005.
2. Ларина Е. Д. Программа элективного курса «Русские предприниматели и меценаты. Предприниматели Томска» (экспериментальная). МОУ СОШ № 14 им. Лебедева г. Томска. Томск., 2007.
3. Петрик Н. С. Программа элективного курса МОУ СОШ № 23 «Музейное дело» г. Томска. Томск., 2007.
4. Поникарова Н. М. Отечественная история и традиционная культура Интегрированный курс для начальной и основной школы [Электронный ресурс] / Томский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. Томск. 2009. Режим доступа: <http://edu.tomsk.ru/teachhelp.html?num=8> свободный.
5. Программа по истории Сибири (Новосибирск) [Электронный ресурс] / Томский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. Томск. 2009. Режим доступа: <http://edu.tomsk.ru/teachhelp.html?num=8> свободный.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

К. Ю. Ли

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О. Ю. Назарова, к.п.н., доцент

Современный технический прогресс существенно влияет на качественный уровень школьного образования, он позволяет совершенствовать методы обучения в школе. К сожалению, возможности технического прогресса в современной школе еще не используют в полном объеме. Мне хотелось показать возможности и преимущества современных технических средств обучения, прежде всего персонального компьютера, экрана и проектора, и как за их счет можно существенно повысить качество знаний школьников.

Самые первые экранные пособия были несовершенны, и требовались определенные условия для показа фотографических снимков, картин, памятников, портретов, схем, карт, фильмов. Кабинет, в котором должна была проходить демонстрация, должен был быть оснащен специальным оборудованием: безупречным или быстродействующим затемнением (т.е. плотные шторы), экраном или чисто побеленной стеной, постоянными подставками для проектора [3, с. 230], аппаратурой для проецирования на экран изображения – эпидиаскоп и многое другое. Демонстрация велась в затемненной комнате, поэтому учителя нередко боялись за нарушение дисциплины учащихся в до-

вольно непривычной обстановке [6, с. 113], что и являлось одним не самым благоприятным результатом использования фильмоскопа. При любом нарушении работы фильмоскопа учитель должен был быть готов занять внимание учащихся полезным делом: беседой, дополнительным рассказом, решением логических задач [6, с. 121].

В XXI веке, веке постоянного технического прогресса, для нас применение технических средств в жизни стало естественным. Сегодня центральное место в процессе обучения играет компьютер. Ключевой составляющей в применении технических средств обучения является демонстрация наглядных пособий. В настоящее время произвести показ различных видов наглядных пособий – изображений, портретов личностей, памятников культуры, исторических фильмов стало гораздо проще, достаточно нажать пару клавиш на компьютере, чтобы запустить нужную программу. Методические центры разработали сегодня достаточно интересные программы: наглядные пособия и учебники, энциклопедии и фильмы.

При подготовке к уроку с использованием технических средств перед учителем стоит 2 задачи: первая (методическая) – отобрать исторический материал в соответствии с учебным планом, для показа его учащимся, и вторая, (техническая) – продемонстрировать выбранный материал. Упрощение работы с техническими средствами сегодня привели к усложнению методической работы по подготовке урока, производить отбор нужного исторического материала стало сложнее, вследствие великого множества научных трудов, разных оценок и точек зрения на событие или явление в истории, и разной, по достоверности, исторической информации.

Успешность усвоения знаний зависит от того, как эти знания преподносятся. Самым лучшим способом подачи исторического материала является компьютер. Большой эффект в повышении качества обучения дают электронные пособия, такие как электронные энциклопедии, компьютерные учебники. Электронные энциклопедии позволяют использовать их как справочный материал, и чаще всего выполняют иллюстративную функцию. Среди них можно отметить такие пособия как «Государственная символика России», «История России. 862 – 1917 года». Компьютерные учебники содержат иллюстративный материал и включают в себя дополнительный материал – биографические справки, словари, например: «История древнего мира».

Самой популярной формой работы на сегодня является слайдовые презентации. Мультимедиа-презентации создаются в программе PowerPoint и позволяют существенно повысить наглядность изложе-

ния материала и привлечь внимание обучающихся к изучаемой теме. Они позволяют раскрыть творческий потенциал учителя и объединить вокруг себя таких же творчески настроенных учеников. Одним из очевидных достоинств мультимедийного урока является усиление наглядности. Использование мультимедийных презентаций обеспечивает не только аудиальное, но и визуальное восприятие исторической информации, обеспечивает последовательность рассмотрения темы. Демонстрируя иллюстрации на экране проектора, все учащиеся могут рассмотреть мелкие детали художественного произведения. Преимуществом применения новых компьютерных технологий является и то, что это ускоряет учебный процесс и заинтересовывает детей.

Благодаря мультимедийному занятию учитель экономит учебное время, нежели при работе у классной доски. Экономя время, учитель может увеличить плотность урока, обогатив его новым содержанием. Снимается и другая немаловажная проблема. Когда учитель отворачивается к доске, он невольно теряет контакт с классом. В режиме мультимедиа учитель видит реакцию учеников, может вовремя реагировать на изменяющуюся ситуацию.

Применение наглядных и технических средств обучения способствует не только эффективному усвоению соответствующей информации, но и активизирует познавательную деятельность обучающихся, развивает у них способность связывать теорию с практикой, со своей повседневной жизнью, формирует навыки технической культуры и стимулирует дальнейшее освоение компьютера, психологически облегчает процесс усвоения материала школьниками, воспитывает внимание и аккуратность, и наконец, повышает интерес к учению и делает процесс обучения более доступным.

Применение компьютера делает урок привлекательным и настоящим современным, ведь «новизна» сама по себе способствует повышению интереса к учебе. Исторические факты, представленные школьникам наглядно через мультимедиа вовлекают учащихся в процесс познания исторического прошлого. Учащиеся на таких уроках более продуктивно работают, устанавливается прочная «обратная связь» в системе учитель – ученик. Каждый учитель знает, что процесс обучения зависит не столько от деятельности учителя, сколько от активности учеников и их желания получать знания. Без желания и учебной мотивации самих школьников изучение истории не возможно, потому что учащиеся активно включаются в процесс обучения тогда, когда у них есть мотивы для ее постижения. Развитие мотивации школьников к учению в современной школе основывается на постоянном подкреплении мотива. Это отражается на самооценке способ-

ностей учащихся: помимо интереса к истории на нее начинает действовать новый фактор – ориентация на реальные достижения.[4, с. 125]. Мотивация строится на достижении успеха [7, с. 196], и сводится к обычной формуле – «самооценка = успех» [7, с. 195]. Иосиф Гликман, автор работы «Как стимулировать желание учиться?» был прав – «Ситуация успеха – самый эффективный стимул познавательной деятельности»[2, с. 142]. Компьютер, выступая в роли технического средства обучения нового поколения [5, с. 75], является главным орудием в повышении мотивации школьников.

Универсальность компьютера позволяет решить с его помощью главную задачу школьного образования – научить ребенка учиться. Он усиливает желание школьников внимательно слушать учителя, решать задачи различного содержания и уровней сложности, и запоминать полученный материал. Используя компьютер, мы сможем достигнуть высоких результатов в обучении:

1) четкое структурирование учебного материала облегчает его восприятие. Если одни идеи вытекают из других, если ясна связь и обоснована последовательность сообщаемых сведений, школьники их легче воспринимают, осознают и запоминают;

2) логическое, яркое, увлекательное изложение побуждает школьников слушать то, что говорит учитель, полностью включиться в мир познания;

3) своевременное чередование различных умственных занятий, более напряженных умственных действий и кратковременных расслаблений, дающих необходимый отдых, укрепляет работоспособность детей и их желание овладевать знаниями [2, с. 139]. Излагаемый учителем материал откладывается в умах школьников системно, другими словами он систематизируется. Историческое прошлое выстраивается в верной хронологической и логической цепочке, вследствие чего прошлое понимается в правильных связях и отношениях, что дает необходимые основы для понимания и осмысления современного состояния мира. Ведь изучение истории заключается не в знании фактического материала, а история выступает особым инструментом, с помощью которого мы анализируем окружающую нас современную действительность. Умея работать с компьютером, человек информационного общества приобретает не только новые умения (умение устанавливать логико-функциональные отношения между понятиями, проводить абстрагирование и обобщение понятий) [1, с. 87], но и новое видение мира.

Направление учеников на творческую работу наилучшим образом способствует включение в школьную программу уроки с примени-

ем компьютера. Современные мультимедийные компьютерные программы открывают учащимся доступ к нетрадиционным источникам информации – электронным учебникам, энциклопедиям, образовательным сайтам и т.п., что призвано повысить эффективность развития познавательной самостоятельности и дать новые возможности для творческого роста учащихся. Применение современных технических средств обучения, в том числе и информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), на уроке истории способствуют: 1) формированию у обучающихся умения самостоятельно работать с исторической информацией; 2) стимулированию познавательного интереса к предмету; 3) развитию логического мышления, при работе с информацией в интернете; 4) умению сравнивать информацию разной достоверности, которая потом преобразуется в привычку постоянно перепроверять информацию; 5) формированию мировоззрения.

Однако применение современных технических средств обучения имеют не только положительные стороны. Работа с компьютером связана с воздействием на школьника целого комплекса факторов, главным из которых является возрастание зрительной нагрузки. Для того чтобы не возникало у обучающихся большой утомительности следует делать перерывы, - по мнению медиков.

Компьютер это вовсе не замена учителя, насколько бы он не был современным, универсальным и уникальным. Учитель был и будет основным действующим лицом на уроке. И компьютер нужно воспринимать как составляющую урока.

В ходе изучения материалов для написания данной работы я не обнаружила работ, в которых бы авторы отмечали, что современные технические средства в обучении экономят учебное время. А это, на наш взгляд, действительно так, так как применение компьютера в изучении нового материала не требует от учителя повторов при разъяснении. А это может быть использовано на детальное рассмотрение каких-либо других интересных вещей в курсе истории.

Таким образом, на сегодняшний день уже стало ясно, что человек не сможет жить в информационном обществе, не владея так называемой компьютерной компетентностью, то есть умениями управлять компьютером, вести с ним информационный диалог, использовать его в повседневной жизни. При этом нужно иметь в виду, что главное в компьютере то, что он «интеллектуальное орудие». Внедрение современных технических средств в обучение и в целом в систему образования – процесс необратимый, поскольку развиваются и широко применяются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые являются основной тенденцией мирового развития и научно-

технической революции последних десятилетий. Но, несмотря на все вышесказанное, современные технологии будут сильным дидактическим средством лишь в умелых руках педагога.

Литература

---

1. Воронкова И. В. Особенности учебной мотивации и интеллектуального развития старших подростков, обучающихся в разных дидактических системах // Психологическая наука и образование. 2003. № 4.
2. Гликман И. Как стимулировать желание учиться? // Народное образование. Российский общественно-педагогический журнал. 2006. № 2.
3. Гора П. В. Методические приемы и средства наглядного обучения истории в средней школе. М., 1971.
4. Журавлев Д. Мотивация и проблемы в обучении // Народное образование. Российский общественно-педагогический журнал. 2002. № 9.
5. Коробов В. Компьютер в школе: какой будет его судьба? // Директор школы. 1996. № 3.
6. Никифоров Д. Н. Наглядность в преподавании истории. М., 1964.
7. Скороходова Н. Мотивация к учению: как управлять ее развитием // Народное образование. Российский общественно-педагогический журнал. 2006. № 4.
8. Степанова М. Как обеспечить безопасное общение с компьютером // Народное образование. Российский общественно-педагогический журнал. 2003. № 2.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КЕЙС-СТАДИ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ

А. В. Петухова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. И. Некрасова, старший преподаватель

Модернизация педагогического процесса на современном этапе направлена на формирование компетенций. В соответствии с современной государственной образовательной политикой основными результатами деятельности общеобразовательных учреждений и педагогов, в частности, являются не сами по себе знания, умения, навыки, которые приобретают учащиеся в процессе учебной деятельности, а набор компетенций в интеллектуальной, гражданско-правовой, информационно-коммуникативной и других сферах жизни общества.

У выпускников должны быть сформированы:

- политические и социальные компетенции (способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты мирным путем);

- компетенции, необходимые для жизни в поликультурном обществе (толерантное отношение к иным национальностям и народам, способность жить с людьми других культур, языков, религий);
- коммуникативные компетенции (владеть монологической и диалогической речью, иностранным языком, навыками беглого чтения текстов, уверенно отстаивать свою точку зрения, выслушивать доводы оппонентов, поворачивать исход ситуации в свою сторону и др.);
- компетенции, связанные с возникновением информационного общества (владение информационно-коммуникативными технологиями, критическим мышлением);
- когнитивные компетенции (готовность учиться на протяжении всей жизни) [3].

История, как школьная дисциплина, должна внести свой вклад в формирование компетенций. Необходимо подчеркнуть, что в последние десятилетия произошли большие изменения в системе историко-обществоведческого образования:

1. Наряду с наработанными десятилетиями материалами, построенными на формационном подходе в образовательный процесс стали внедряться учебно-методические комплекты, основанные на цивилизационном, культурологическом, антропологическом подходах.
2. Возросло значение историко-обществоведческого образования как средства гражданского и нравственно-патриотического образования.
3. Усилено внимание к изучению духовной жизни общества и человека в истории вместо приоритетного изучения социально-экономической истории [1].

Из вышесказанного становится понятно, что наметившиеся изменения повлекли за собой масштабную перестройку всей системы историко-обществоведческого образования. Для продуктивной перестройки понадобятся соответствующие средства и методы реализации поставленных цели и задач.

Компетенции невозможно сформировать, используя традиционные методы при обучении, потому что они в основном нацелены на получение учащимися конкретных знаний, а не приобретение требуемых современностью компетенций. Для выхода из сложившейся ситуации стали применять новые, совершенно непохожие методы, инновационные, которые стали удовлетворять потребности общества, его социальный заказ. «Инновация, применительно к педагогическому

процессу, означает введение нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности учителя и учащегося для более эффективного и продуктивного течения учебного процесса» [2, С. 544]. А главное, что ведущая роль учителя при использовании таких методов отходит на второй план, а на первом появляются учащиеся, учитель лишь направляет учебный процесс в нужное русло.

Один из эффективнейших инновационных методов на сегодняшний день - это метод Кейс-стади. Его появление обусловлено сложившейся ситуацией в обществе и государстве, когда требуются люди, способные принимать решения в ситуации выбора.

Метод кейс-стади – это не просто методическое нововведение, а это необходимый шаг на пути к нахождению рационального выхода из сложившихся проблем. Следует сказать, что метод направлен не только на усвоение конкретных знаний или умений. Главное, на что он нацелен – это формирование навыков компетентности и самостоятельности в принятии решений, постоянное совершенствование ранее достигнутого уровня, нестандартные, креативные подходы к разрешению сложных ситуаций.

Метод кейс-стади может быть назван методом анализа конкретных ситуаций. Суть метода довольно проста: для организации обучения используются описания конкретных ситуаций (от английского «case» - случай). Учащимся предлагают осмыслить реальную жизненную ситуацию, описание которой одновременно отражает не только какую-либо практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений, кроме того, она может содержать сознательно введенную ошибку, для максимального напряжения учащихся при решении подобного рода задач. Основная функция метода case-study – научить студентов решать сложные проблемы, которые не решаются аналитическим путем. Кейс позволяет активизировать учащихся, развивает, главным образом, аналитические способности, способности к самоорганизации.

Кейс – это не просто какая-либо ситуация, которую можно излагать в любой последовательности. Существуют определенные требования к построению структуры кейса:

- 1) Сюжет – описание ситуации, которая содержит информацию, позволяющую понять контекст, условия протекания событий, некоторые фактологические уточнения:

- Наличие реально существующей ситуации, которая является основой для разработки кейса;
- Имена главных персонажей;
- Какой-либо определенный временной отрезок истории, на который указывают факты, содержащиеся в ситуации.

2) Информация, которая поможет правильно понять развитие, ход событий:

1. Важные моменты в истории;
2. Краткое описание проблемы, желательно привести несколько различных точек зрения;
3. Определённая хронология развития ситуации;

3) Методология – объясняет место данного кейса в структуре учебной дисциплины, формулирует задания для студентов по анализу кейса и показывает каким образом преподавателю подать ситуационный материал.

Кроме того, выделяют определенные этапы работы с кейсом – различают внеаудиторное время и аудиторное. Вне аудитории определяют место кейса в системе образовательных целей, определяют тему кейса, проводят исследование, подготавливают кейс, разрабатывают вопросы к аудитории – по-другому этот этап можно обозначить как подготовительный. Далее аудиторный: презентация кейса, организация работы малых групп по анализу кейса, презентация работы групп, анализ и оценивание результатов.

Процедура решения кейса – текст кейса должен быть роздан учащимся заранее, до занятия для ознакомления, самостоятельного внимательного изучения и подготовки ответов на вопросы; далее преподаватель проверяет уровень знания и понимания материалов кейса. Затем учащиеся, при помощи преподавателя выделяют главную проблему, лежащую в основе кейса. Следующий этап – это разделение на малые группы для коллективной подготовки вариантов решения, в течение определенного времени. Каждый член малой группы выдвигает собственный вариант решения проблемы, затем аргументы суммируются, выдвигается «спикер» от группы, который будет представлять решение. На данном этапе следует отметить то, что варианты решения должны различаться, иначе кейс был разработан преподавателем неверно, некорректно. Далее спикеры презентуют совместно принятые решения, непременно, выступления должны содержать анализ ситуации, также оценивается содержание и техника презентации. Роль преподавателя в этом процессе лишь направляющая. С окончанием обсуждения, преподаватель завершают дискуссию, анализирует процесс обсуждения, а так же работу всех групп, активность каждого из их членов,

рассказывает и комментирует действительное развитие событий, подводит итоги.

В ходе каждого обсуждения учащиеся должны освоить новую информацию, методы анализа ситуации, научиться работать с текстом, соотносить теоретические и практические знания, развивать коммуникативные способности, строить собственную систему доводов, грамотно отвечать на вопросы. Кроме того, учащиеся создают авторский продукт, достигая личностно поставленные цели, повышают уровень компетенции, приобретают опыт принятия решений, действий в критической ситуации, решают неотложные проблемы. Так же следует отметить положительное влияние метода кейс-стади на преподавателя: практическая организация групповой деятельности, организация коммуникации, проблематизация, консультирование при решении сложных вопросов, рефлексия, самостоятельное исследование и выделение исследовательских методов. Для преподавателя метод кейс-стади не только поле для реализации своих способностей, но и дальнейшее их совершенствование.

Метод case-study относят к инновационным методам обучения, который по сравнению с традиционным имеет ряд преимуществ:

1. В процессе решения конкретных ситуаций учащиеся приобретают навыки решения реальных проблем (не разобравшись в прошлом, невозможно понять настоящее, и тем более, заглянуть в будущее), кроме того, учащиеся не заучивают материал с последующим пересказом, а умело оперируют полученными знаниями в любой другой ситуации, аргументируют свое мнение.
2. Получение навыков командной работы (Team Job Skills).
3. Получение навыков выявления проблемы, ведения дискуссии, умения формулировать вопрос, аргументировать ответ.
4. Выработка навыков простейших обобщений [4].

Таким образом, становится понятно, что социальный заказ с каждым годом увеличивается, современности все больше требуются специалисты, способные принять решение в ситуации выбора. Огромную роль в поиске выхода из данной ситуации играет метод кейс-стади. При решении конкретной задачи малые группы, как в жизни, обсуждают проблемы, затруднения, приходят к рациональному варианту выхода из сложившейся ситуации. Ни один другой метод не способствует выработке столь широкого спектра умений и навыков, которых так не хватает для правильного понимания и успешного действия в сложных жизненных ситуациях. Каждому современному педагогу необходимо освоить данный метод для рационального построения образовательного процесса и получения более качественного результата.

Литература

---

1. Новые педагогические технологии как ресурс формирования ключевых компетентностей на уроках истории и обществознания. [М., 2006]. URL: <http://festival.1september.ru> (дата обращения: 27.04.2010).
2. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Шиянов; Под ред. В. А. Сластенина. 4-е изд., стереотип. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 576 с.
3. Формирование ключевых компетенций на уроках истории и обществознания. [СПб., 2008]. URL: // http://tata.rusedu.net/post_ru (дата обращения: 27.04.2010).
4. Case study. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.elitarium.ru> (дата обращения: 27.04.2010).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ИСПОЛНЕНИЕ ДЕКОРАЦИЙ С УЧЕТОМ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПОСТРОЕНИЯ

И. Г.Бурцева

Томский государственный педагогический университет

Театральная **перспектива** (сценография) зародились в Древней Греции с появлением театральных постановок. Начиная с XV века, возникла ренессансная (итальянская) сцена, которая за последующие два века превратилась в «сцену – коробку», а зрительный зал приобрел форму ярусного театра – появились профессиональные художники, писавшие живописные перспективы, создававшие архитектурные фантазии. [4,с.3].

Итальянский театр на рубеже XV — XVI вв. создал новую систему оформления спектаклей – *перспективное построение, сценической картины*. [3,с.385]. Театральная перспектива применяется для того, чтобы в ограниченном объеме сцены создать и вызвать у зрителя иллюзию большой глубины пространства, реальности сценического пейзажа, архитектурных сооружений. С учетом перспективного сокращения выполняются театральные декорации. [3,с.380].

В России до эпохи Петра I не было профессионального театра. Благодаря реформам Петра I и Екатерины II Россия пережила насильственную европеизацию и поспешно переняла создававшиеся веками концепции Западной Европы. Спустя столетие в России появились и школы живописи профессиональный оперный и балетный театр. [1,с.10].

К началу XIX века лучшими архитекторами и театральными художниками были итальянцы. В середине XIX века прекрасная перспектива, была заменена более роскошными формами постановки с изобразительными излишествами. Одновременно в любой спектакль вводились позднее - романтические зрелища, костры, взрывы. Смешение стилей постановок приводило к эклектизму в прическах, обуви и одежде.

«Тысячи аршин холста» на постановки бутафорских сооружений дошли до того, что декоративные склады театров стали гораздо больше самих театров [1,с.12]. **Возник вопрос об «очищении» русского театра от излишеств конца XIX века. Чтобы не рассеивать вни-**

мание зрителя по всей сцене, помочь сосредоточиться на авторе и действии, возникла необходимость в оформительской системе.

После снятия императорской монополии на русскую сцену в 1882 году появилось множество серьезных частных групп. [1,с.14]. В середине XIX века генералы искусства считали декоративную живопись близкой к живописи вывесок – унижительной для себя. Только в 80-х годах ведущие мастера живописи пришли в эту область – их пригласил в свою частную оперу С.И. Мамонтов. Декорации к его спектаклям писали В. Васнецов, В. Поленов, И. Левитан, М. Врубель, В. Серов и будущий художник МХАТа В. Симон. Вклад их начавшееся обновление сцены был высок.

Величайший режиссер Станиславский К. создал специальную лабораторию (МХАТ, 1898 г) где вместе с художником искал новые принципы оформления, новые технологические приемы, новые фактуры. [4,с.4]. Идеи Станиславского «очистить театр», подхваченные в Петербурге и Москве, помогли освободить русское декорационное искусство от громоздких элементов наследия XIX века [1,с.13]. Подлинные эксперименты и нововведения в декорациях и костюмах были осуществлены русскими, а не западными художниками. [1,с.23].

Многие художники, проводившие свои «ученические» годы с Мамонтовым или Тенишевой, позднее добились славы как оформители знаменитых трупп на Западе и в России. Многие из них – Головин, Коровин, Рерих — были тесно связаны с группой «Мир искусства». Основанная Дягилевым и его друзьями группа многое сделала для разработки и распространения оформительских экспериментов [1,с.18].

Фольклор Древней Руси, изгнанный из профессиональной сцены в процессе европеизации, не исчезал. В XVIII – XIX веках важнейшей частью русской народной культуры был балаган. Его театральные возможностями заключались в подвижной сцене, разнообразии действий, участие в действии зрителей. Возрождение художниками – модернистами балагана лежит в основе театрально – декорационного искусства.

В сохранившихся иллюстрациях к Русским балетам Дягилева, прослеживается эволюция декорационного искусства от декоративного довоенного периода (с 1909 года) до более «модернистского» периода 1920-х годов. Ведущую роль в первых сезонах Русских балетов играли Бенуа и Бакст (илл. 2), с конфликтующими подходами к оформлению сцены. С 1914 года с антрепризой Дягилева работали лидеры русского авангарда – Гончарова и Ларионов [1,с.18].

В предреволюционное десятилетие в Петербурге и Москве было множество театриков, ночных клубов и ресторанов, называвших себя кабаре.

Такие условия, как близкое расстояние между публикой и актерами, маленькая сцена, постоянно меняющийся репертуар, необходимость молниеносно менять декорации или продолжение декоративной системы на стенах и на крыше, требовало от художника нового дизайнерского решения. Художественное оформление кабаре порой заключалось либо в создании программки и костюмов (для персонажей живых картинок по темам лубков и фарфоровых статуэток), либо в применении специальных технических эффектов. [1,с.22].

Художник современного театра призван наряду с режиссером, актером, раскрыть идеи будущего спектакля средствами своего изобразительного искусства. [6,с.9]. Театральный художник обязан владеть и сценической машинерией, он должен не только написать перспективу на заднике, но и придумать, как «разрушится» замок при ударе молнии, или как спустится с театральных небес облако с хором ангелов. [4,с.3]

Художник театра «организует» сценическое пространство в пределах сценической коробки. Для построения в перспективе театральных декораций задаются основные элементы картины с учетом размеров портала и зрительного зала.

Картина – это плоскость *портала* (от лат. *porta* – вход, ворота) – наружного проема стены, выходящей в зрительный зал.

Линия *горизонта* задается на расстоянии 1,5м от нижнего края портала сцены и она определяет высоту точки зрения, которая, при создании декораций располагается по оси зрительного зала, на 1/3 его длины от сцены или в центре *партера* ((франц. *parterre*) – плоскость пола зрительного зала с местами для зрителей, обычно ниже уровня сцены)).

Главная точка картины задается на линии горизонта в середине ширины сцены в соответствии с положением точки зрения.

При небольшом зрительном зале художник строит сценическую картину интерьера комнаты с одной главной точкой зрения. Наглядное изображение комнаты в сценической коробке при одной точке зрения представлено на рис. 1. Эти же построения выполняются на ортогональном чертеже (рис. 1), с учетом положения точки зрения.

На продольном разрезе и на плане комнаты (рис. 2, а) из проекций точки зрения (s' , s) проводятся проекции лучей в углы дальней стены комнаты, а из проекций главной точки (P' и P) – в углы портала сцены. При их пересечении определяются углы фронтальной стены и

объем всей комнаты. На ее стены переносятся размеры окон, двери, шкафа, направив из точки зрения лучи в углы этих объектов,

Перспективное изображение комнаты строится, как и ее профильная проекция (рис. 2, б). На основе перспективного изображения комнаты и ее чертежа выполняется развертка стен с потолком (рис. 3).

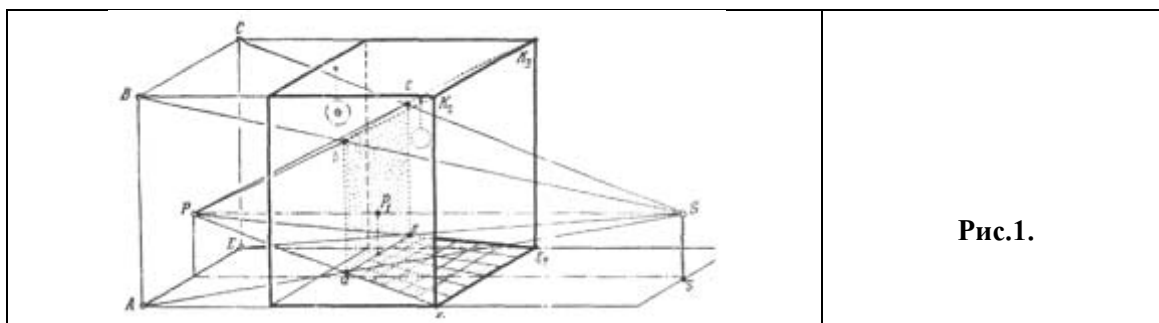

Рис.1.

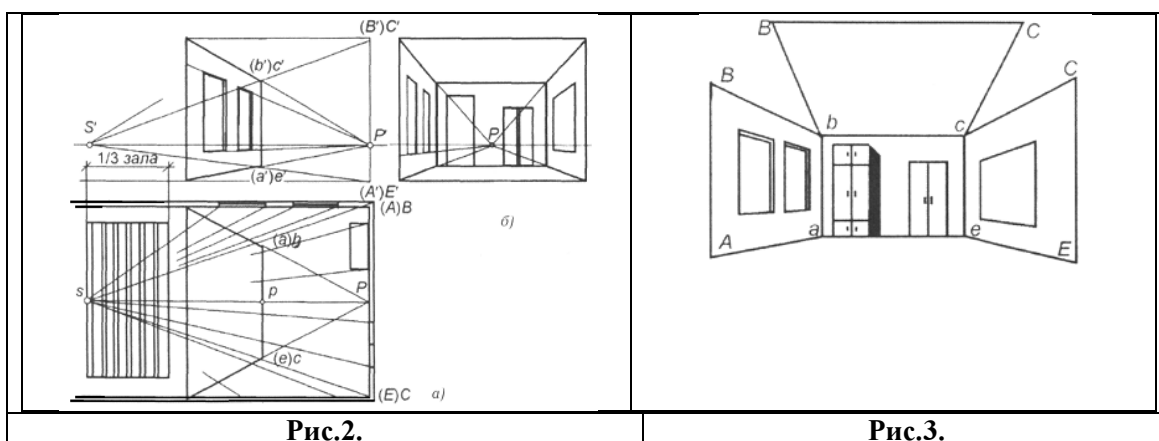

Рис.2.

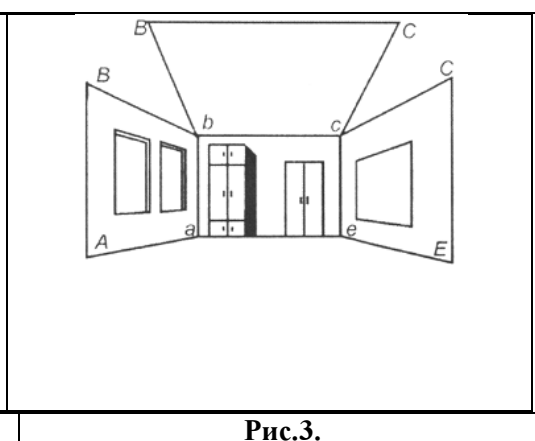

Рис.3.

ис. 1, 2, 3. Этапы построения театральной перспективы.

При использовании четырех точек зрения: (в середине партера, на уровне балкона бельэтажа, справа и слева у задней стены зрительного зала), боковые плоскости декораций (кулисы) значительно развернуты к зрительному залу. Этим обеспечивается наилучшая обозреваемость и усиливается иллюзорность глубины сцены [3,с.380].

При разработке декорации с пейзажным изображением выполняют эскиз данной сценической картины, в которой предусматривают живописные прорезные и аппликационные планы (илл. 2), а также расстановку натуральных предметов (скамейки, ограда, осветительные фонари и пр.). По эскизу пейзажа каждый план выделяют и его изображают в отдельности. С учетом воздушной перспективы определяется градация четкости очертания контура предметов, изменение их цвета, тональности.

Дальний план сцены – это задник – (замыкающая декорация), который является фоном, перед которым находится (второй) прорезной задник. Еще ближе к portalу располагается арочная прорезная кулиса и боковые кулисы, определяющие порталную раму сцены. Напомним, *кулисы* – живописные декорации, расположенные по бокам сцены.

Кулисы природного характера выполняются в виде аппликаций на декорационной тюли. *Художник – декоратор решает оформление всех видов кулис: фронтальных, наклонных, нижних, верхних, стационарных.*

Разработанные художником декорации, задействованные в спектакле, хранятся в прилегающих к сцене частях помещения. Во время антракта или в процессе действия декорации спускаются с чердака, поднимаются из подвала через трапы пола, а из боковых коридоров перемещаются на сцену театра.

В каждом конкретном случае любая сцена требует своего пластического решения. Для единого образного решения спектакля необходимо учитывать соотношение человека и пространства, закономерности визуального восприятия и воздействия пространства на актеров. В большом пространстве сцены актер – персонаж будет маленьким. Для укрупнения фигуры актера – персонажа, пространство сцены моделируют: ограничивая его, разбивая на планы, трансформируя во время действия, рассекая на небольшие массы, создавая крупные объемы на первых планах. [7,с.22]. Глубокая сцена удаляет и уменьшает фигуру человека. Не глубокая «плоская» сцена приближает актера – персонажа к зрителю, способствует созданию крупных планов. Для увеличения глубины малых сцен, все архитектурное пространство одевают в черный бархат, прибегают к иллюзорным построениям. [7,с.30].

Художники извлекают из свойств материалов максимум сценических возможностей, делая их слагаемыми создаваемого образа, который воздействует на зрителей системой сложных ассоциативных связей. [5,с.36].

Актер, действующий на сцене, приближаясь к ближним и дальним фрагментам декораций, может нарушать создаваемую иллюзию картинного пространства, изображенного средствами театральной перспективы. Поэтому при разработке декораций следует учитывать действия актера на сцене и его перемещение на основе сюжета спектакля. [3,с.390].

Для создания декораций необходимы точные чертежи плана – планировка сцены, продольного разреза (профильного разреза) и фасада сцены – (профильной проекции сцены).

Поиски образного решения художник осуществляет в «кроках» – первоначальных набросках. Эскизные наброски декораций к каждой сцене спектакля выполняются в масштабе 1:20. [3,с.390]. Здесь определяются опорные пункты планировки, находят пространственные расположения основные мизансцены. Первоначальную работу художник осуществляет в тесном сотрудничестве с режиссером. [6,с.14]. По наиболее удачному наброску делается перспективный эскиз декорации, в цвете, с прорисовкой деталей. [3,с.390]. Объемное решение динамической среды помогает найти макет. Снятая с макета планировка является основой плана будущих декораций. Подмакетник – модель сцены, изготавливается в масштабе 1:20 и демонстрирует инженерии сценических устройств, служит для расположения в ней макета. Композиционные и инженерные решения декораций уточняются на выгородках – черновых декорациях. [6,с.14].

Одновременно разрабатываются эскизы костюмов исполнителей [3,с.390].

Литература

---

1. Джон Э. Боулт, Художники Русского театра 1880 – 1930 / Джон Э. Боулт. – М. : Искусство, 1990. 104 с., с ил.
2. Ванслов В. В. О традициях советской театрально-декорационной классики // О художниках театра, кино и телевидения: Сборник статей / Составитель и редактор В. В. Ванслов. М.: Художник РСФСР, 1984 – с. 9 – 25. 256 с.: с ил.
3. Макарова, Н. П. Перспектива: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Изобразительное искусство», / Н. П. Макарова - 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академический Проект, 2006. – 480 с.: цв. илл. + 16 с. вкл. – (Gaudeamus).
4. Михайлова, А. А. Художник и режиссер. (О некоторых чертах современной сценографии) / А. А. Михайлова. – М. : Знамя, 1986. – 48 с.
5. Пожарская, М. Н. Основные тенденции современного театрально-декорационного искусства (33– 50) // О художниках театра, кино и телевидения: Сборник статей / Составитель и редактор В. В. Ванслов. М. : Художник РСФСР, 1984 – с. 9 – 25. 256 с.: с ил.
6. Понсов, А. Д. Конструкция и технология изготовления театральных декораций. Уч. пособие для театральных вузов / А. Д. Понсов, – М. : Искусство, 1988. 293 с.
7. Френкель М. Н. Пластика сценического пространства. / М. Н. Френкель, – Киев : Мистецтво, 1987. 184 с.

ЛАНДШАФТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

И. Г. Бурцева

Томский государственный педагогический университет

Задачей ландшафтного дизайна является гармонизация среды обитания.

Дачи, сады – являются переходным элементами в окружающей человека среде – от жилища к естественному ландшафту. [4. с. 4]. Дачные участки в процессе планирования «приписывают» к полуприродным ландшафтам, зачисляя их на положительную часть территориального экологического баланса [1. с. 257].

Ландшафтный дизайн сада, это благоустройство и озеленение территории сада. [3. с. 373].

Ландшафтная перспектива — это организация пейзажного пространства вместе с архитектурными объектами, выполненная с учетом правил и законов перспективы. Согласно закономерностям линейной перспективы «уходящие» от нас параллельные линии сходятся на горизонте в одной точке. В ландшафтном дизайне глубина пространства – это существующая реальность. Применение линейной перспективы усиливает и создает необходимые иллюзии углубления или сокращения предметного пространства. [3. с. 371].

При разработке сценария психологического воздействия ландшафтных композиций необходимо продумывать размещение точек обзора. [2. с. 128].

Используя законы перспективы, можно создавать различные видовые композиционные изображения. Можно разрабатывать многообразные ландшафтные композиции, варьируя положение точки зрения (правее или левее), линии горизонта (выше или ниже), дистанционного расстояния, то есть удаленности от зрителя (ближе или дальше). [3. с. 373].

Перспектива в ландшафтном дизайне может «указывать» направление взгляда зрителя и сосредотачивать внимание на определенном объекте, вызывать при обозрении пространства ощущение покоя или движения. Некоторые перспективные сочетания объектов могут определять статичность их положения (при обозрении только с одной позиции). Другие виды ландшафта раскрываются с нескольких точек зрения при движении зрителя по саду. [3. с. 372].

Охватываемое ландшафтное пространство сада как бы обрамляется тремя плоскостями (подобно интерьерному пространству). Плоскость основания земли – это «пол» сада, который может быть горизон-

тально ровным, наклонным или в виде разного уровня террас. Вертикальная плоскость – это «стены» сада, образованные подстриженной листвой кустарника, рядами деревьев, «глухим» забором или декоративной изгородью. Верхняя плоскость – это «потолок», которым в саду является небо или полог листвы раскидистых и развесистых деревьев. [3. с. 372].

В ландшафтном дизайне (при небольших размерах сада) применяются структурные элементы театральных декораций. Так, для увеличения глубины пространства создается система промежуточных планов из растений, составляющих кулисы (как на сцене театра), которые направляют взгляд зрителя к горизонту. При этом группы деревьев или кустарников размещают так, чтобы по мере удаления от зрителя их размеры резко сокращались. Высокий и глухой забор сада также используют как кулисный задний план, который часто маскируют и покрывают различным сочетанием по цвету, фактуре и форме вьющихся растений, образующих декоративное панно.

Для усиления перспективной иллюзорности, на территории сада комбинируют размещение разной по величине растительности (деревьев, кустарников, цветников, газонов). [3. с. 372].

При подборе растительных группировок учитывают архитектурно-художественные свойства растений: высоту, форму кроны и характер листвы; контраст по высоте форме кроны различных деревьев. [2. с. 44].

По мере удаления от наблюдателя происходят визуальные изменения в яркости и четкости контура предметов. Появляется глубокая дымка, окутывающая дальний план пейзажа. Изменяется насыщенность цвета. Такие явления основаны на закономерностях воздушно-цветовой перспективы. При разработке ландшафтного дизайна эти реальные природные явления надо учитывать, а при необходимости «поправлять» их средствами воздушно-цветовой перспективы. Создавая архитектурно – дизайнерские композиции, архитектор решает ряд задач, связанных с формированием художественного образа искусственной среды с использованием средств ландшафтного дизайна: растительности, водных устройств, рельефа камней, малых архитектурных форм, геопластики, декоративного покрытия и освещенности. [2. с.104].

Применение разнообразных водных устройств усиливает эстетическое воздействие ландшафтных композиций, оказывает существенное влияние на микроклимат, улучшает его экологические параметры. [2. с. 63].

Вопросами вертикальной планировки для решения архитектурно-художественных задач занимается геопластика. Современная техника позволяет создать практически любой рельеф. Пластические формы земли, обладая пространственно-организующими свойствами, могут использоваться при формировании различных пространств, обозначая и ограничивая территорию. Макрорельефная форма, холмы, насыпи, откосы, подпорные стенки, кратеры, каньоны, наилучшим образом осуществляют зонирование любой территории, создавая уютные замкнутые пространства различного функционального назначения. [2. с. 78].

Средства ландшафтного дизайна служат для оформления как открытых, так и закрытых ландшафтных пространств. Они могут размещаться в различных интерьерах и экстерьерах. Наиболее распространенным элементом являются малые архитектурные формы. [2. с. 86]. Основные приемы освещения ландшафтных объектов и территории могут быть различными. [2. с. 97].

Ландшафтный дизайн сада должен создавать общую композиционно-цветовую гармонию на основе объединения в единое целое не только архитектурные постройки с окружающей растительностью, но и внутренние помещения с интерьерами комнат, веранды, балконов, террас.

Окраска дома и его декоративная отделка, ограды сада, покрытие дорожек и площадок также должны создавать общую цветовую гамму и колорит, композиционную целостность восприятия его ландшафта. [3. с. 372].

Часто в разработках ландшафтного дизайна создается интерьерность дачной территории, которая ограничивается отдельными зонами (на пример: декоративными стенками и фасадом дома) с декоративными переходами с одного места на другое.

Главная идея творческого замысла дизайнера воплощается в эскизах и выполняется как в ортогональных проекциях, так и в аксонометрии или в перспективе. [2. с. 122].

Ортогональная проекция дает условное изображение ландшафтного объекта в определенном масштабе. В ортогональной проекции выполняются:

генеральный план, дендроплан, фасад, развертки, фрагменты и др. В целях приближения творческого замысла к реальности выполняется макет. [2. с. 104].

Перспектива и аксонометрия служат для объемно-пространственного изображения ландшафтного объекта, построения многоплановых картин и теней. Важно иметь навыки в выполнении

антуража – заполнения пространства. [2. с.106], знать способы изображения деревьев: конструктивным, силуэтным, орнаментальным. [2. с. 114].

Существуют некоторые графические приемы выполнения видовых рисунков и перспектив. Самая простая из них так называемая «военная перспектива» (в которой вычерчивались фортификационные и военные объекты). При этом план дома и участка даются в масштабе без искажения, а затем «подняты» на натуральную высоту в масштабе так же без искажения. Зритель наблюдает сад с земли, и восприятие объемной композиции осуществляется с уровня высоты человеческого глаза (в среднем 1,5...1,7 м) [2. с. 122].

Широкое применение находит линейная перспектива, подробно изучаемая студентами художественных специальностей

Ландшафтная графика опирается на начертательную геометрию, использует средства графического искусства, строится на основе знаний дендрологии и психологии. [2. с.106].

Ландшафтный дизайн сада для каждого конкретного объекта являются индивидуальными и неповторимыми. [3. с. 373].

Литература

---

1. Колбовский, Е. Ю. Ландшафтоведение: учеб. Пособ для студ. высш. учеб. Заведений – 3-е изд., стер / Е. Ю Колбовский.. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 480 с.
2. Крижжановская, Н. Я. Основы ландшафтного дизайна , / Н. Я. Крижжановская. – Ростов н / Д. : Феникс, 2005. – 204 с. : ил. – (Строительство и дизайн).
3. Макарова, Н. П. Перспектива: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Изобразительное искусство», / Н. П Макарова - 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академический Проект, 2006. – 480 с.: цв. илл. + 16 с. вкл. – (Gaudeamus).
4. Павленко Л.Г. Ландшафтное проектирование. Дизайн сада / Серия «Строительство и дизайн». / Л. Г Павленко. – Ростов н / Д. : Феникс, 2005. – 192 с.

МЕСТО И РОЛЬ ФОТОГРАФИИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ И КОММУНИКАЦИИ

В. С. Гвоздева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В.Г. Ланкин, д. филос. н., профессор

Массовая культура как специфический феномен XX века чрезвычайно сложна и противоречива, чтобы дать ей какое-то однозначное, удовлетворяющее всех определение. В некоторых изданиях перечисляются такие ее направления и проявления, что создается впечатление, что массовая культура в сущности все человеческое бытие: и политика, и социальная жизнь, и спорт и собственно культура как таковая. Разумеется, такая трактовка имеет определенные основания, поскольку массовая культура действительно проникает во все сферы человеческого существования. Однако простой перечень этих сфер вряд ли может объяснить, почему массовая культура так стремительно распространилась и продолжает устойчивое бытование, несмотря на острую критику, а иногда на полное неприятие и отрицание ее как явления культуры.

При всем разнообразии концептуальных вариаций ее «происхождения» несомненным является то, что ее появление связано с развитием техники и массовых коммуникаций, поскольку именно они являются ее проводниками и аккумуляторами. Культура становится массовой в контексте своего функционирования в техноцентричном обществе.

Вместе с развитием массовых коммуникаций происходят существенные изменения всей художественной культуры, что связано с появлением новых, так называемых «технических искусств»: фотографии, кинематографа, телевидения и других форм экранной культуры. Причем они развивались и развиваются настолько бурно, что на протяжении одного поколения можно проследить революционные скачки в их развитии.

Безусловно, изобретение фотографии изменило мир. Появление и развитие фотографии изменило взгляд человека на мир и жизнь, повлияло на то, каким способом люди стали видеть, преобразая этот процесс от просто фиксирования реальности до умения ее конструировать на композиционной плоскости. Изобретение и развитие фотографии – это не просто техническое новшество, как и ряд других, созданных в пышном девятнадцатом веке. Фотография – это новый способ взаимодействия человека и мира.

Возникла фотография благодаря взаимодействию, казалось бы несовместимого. Ее изобретение и развитие – это совместный вклад и труд художников, ученых и инженеров. Фотография являет собой разноплановый, многогранный, разновеликий предмет. В истории ее развития тесно переплелись и искусство, и техника, и наука. На развитие фотографии влияли художественные веяния, сама фотография влияла на них. Именно поэтому, история развития мировой фотографии – это влияние на фотографию достижений науки и техники, искусства, а так же культурной и общественной жизни человечества.

Возникновение фотографии связывают с именами француза Жозефа Нисефора Ньепса (1765 – 1833) и парижского диорамиста Луи-Жак-Манде Дагера (1787 – 1851). Если первому удалось прежде всех других зафиксировать фотографическое изображение, нареченное гелиографией (это был вид, запечатленный в 1826 году из чердачного окна фотографа в городке Шалон – результат восьмичасовой экспозиции), то второй под именем дагерротипии в 1839 году обнародовал свой метод. Речь шла о «спонтанном воспроизведении образов природы, полученных в камере-обскуре», или о таком «химическом и физическом процессе», который позволял природе «воспроизводить самое себя». Однако основы современной фотографии были заложены английским ученым и художником Генри Фоксом Тэлботом (1800 – 1877): благодаря изобретению им негатива, позволявшего делать потенциально бесконечное число отпечатков, фотография и стала массово воспроизводимым изображением, обретя наконец то отличительное свойство, которого не знали за ней ни Ньепс, ни Дагерр.

Это правда, что фотография является сочетанием физических и химических процессов, по отдельности давно известных человечеству, однако потребовался такой момент общественного развития, когда эти процессы могли быть сведены воедино, чтобы получилась фотография как «светопись» (такова ее этимология), а эта последняя, в свою очередь, пала на подготовленную производством почву. Можно без преувеличения сказать, что фотография является искусством индустриального мира.

Впрочем, статус фотографии как искусства не раз подвергался сомнению. Отрицать за фотографией какую-либо художественность и вместе с тем расценивать ее как искусство, пришедшее на смену живописному, позволяет одна и та же черта – присущая ей документальность. Ибо для одних фотография была квинтэссенцией самой действительности, а для других – ее (реалистического) отображения при помощи адекватных выразительных средств. Но если сегодня мы и склонны рассматривать фотографию как искусство – и это несмотря

на явную ее «подручность»: служебную функцию фотографии в обществе трудно переоценить, – то подспудным критерием ее художественной оценки выступает не что иное, как живопись, с иерархией ценностей, характерной для этой последней.

Фотография на многих уровнях обнаруживает двойственность: если это искусство, то в осовремененном смысле буквально проявленной «технэ», из чего вытекает множественность ее определений – фотография есть одновременно техническое, научное и художественное достижение. Впрочем, сам способ толкования фотографии зависит от социального контекста и от того места, которое фотография занимает в нем. В нашей сегодняшней жизни фотография прочно утвердилась в качестве регистратора скрытых от глаза процессов, а также социальных личин и событий. Это произошло потому, что благодаря своей технической подоплеке она расценивается обществом как аналог самого реального.

Двойственность фотографии является предметом размышлений теоретиков этого вида искусства. В знаменитом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1935 – 1936), а также в «Краткой истории фотографии» (1931) Вальтер Беньямин обсуждает фотографию как такую разновидность массово репродуцируемого образа, которая приводит к разрушению «ауры», или уникальности, свойственной прежним, по преимуществу живописным, изображениям. Однако он признает, что «первые репродуцированные люди» все еще полны ауратичности, даже если в данном случае речь идет лишь о некоем средовом эффекте восходящего социального класса: «Дело в том, что в этот ранний период объект и техника его воспроизведения так точно совпали друг с другом, в то время как в последующий период декаданса они разошлись» [1, с.49].

Двойственность фотографии как принципиальную черту последней прослеживает и Ролан Барт, говоря об этом сначала в терминах «фотографического сообщения (посыла)», а потом и специальной «аффективной» феноменологии, выстраиваемой им для фотографии в качестве особого типа репрезентации в его последней книге «Camera lucida» (1979) [2]. Отмеченная двойственность передается понятием «фотографического парадокса»: в то время как фотография является в своей основе прямым незакодированным сообщением (его содержанием выступает «сама сцена», или «буквальная реальность»), над ним надстраивается второе – коннотированное – сообщение, которое сосуществует с первым. Кодирование фотографии происходит на этапе ее изготовления, когда вступают в силу разнообразные профессиональные, эстетические и идеологические нормы, но точно так же и то-

гда, когда она становится объектом чтения, невольно попадая в принятую обществом систему знаковых координат. Таким образом, фотография предстает одновременно «объективной» и «нагруженной», «естественной» и «культурной».

Социальные аспекты фотографии и связь последней со сложившимися системами экономического и политического подавления подробно рассматриваются в хрестоматийной книге «О фотографии» (1973) американской писательницы Сьюзен Зонтаг. Исследованием природы фотографического изображения, способов его кодирования, связанных в том числе и со скрытой репрессивностью, заняты сегодня не только теоретики этого вида репрезентации, но и сами фотографы, неуклонно наращивающие критический и рефлексивный потенциал своего искусства.

Если говорить о новейших тенденциях в развитии фотографии, то на первый план, пожалуй, выходит ее роль свидетельства, или документа. Даже в случае откровенно постановочных изображений, когда документируемое является заведомой «фальсификацией», фотография самой своей природой словно призвана придать ему недостающую реальность. Эта тенденция подтверждается и тем, что в концептуальном искусстве, боди-арте и хэппенинге из объекта искусства фотография превращается в «документацию», чем продлевается не только само действие, но и его возможные интерпретации.

Производство современных средств массовой коммуникации сложно представить без огромного количества фотографий, но при этом нельзя сказать, что человек живет в мире изображений. Каждый иконический знак, расположенный на полосе журнала или рекламном плакате, непременно сопровождается вербальным сообщением. Если мы хотим обнаружить изображения, не сопровождаемые словесным комментарием, то нам, очевидно, следует обратиться к изучению обществ с неразвитой письменностью, где изображения существуют, так сказать, в пиктографическом состоянии. Между тем с появлением книги текст и изображение все чаще начинают сопутствовать друг другу [2, с.104].

Природа газеты, изначально текстовая, со временем приобрела словесно-визуальный характер. И если признать визуальные формы передачи информации более ранними, чем письменные, то, окинув взглядом современную периодику, можно сделать вывод: «диалектическая спираль» развития СМИ завершает очередной виток, роль визуальной коммуникации сегодня необыкновенно велика, и ее значение, по прогнозам ученых, будет возрастать. Газеты сегодня уделяют особое внимание аппарату ориентирования читателя, процессам фотоиллюстрирования. Фотоиллюстрации – один из существеннейших эле-

ментов графической модели газеты. Размещение снимков – также очень важный этап при создании типовых макетов, макетов-стандартов. Любая газетная полоса имеет идею, оформительскую в том числе, главный материал, являющийся одновременно и графической доминантой. Нередко в качестве такой доминанты выступает фотография (зрительно-смысловой центр).

Фотография в массовой коммуникации может выступать не только как визуальное сопровождение к статье или изданию, но и быть вполне самостоятельным сообщением. Так можно сказать, что фотоаппарат, как кисть художника или перо писателя является лишь инструментом в производстве сообщения, при этом отличительными являются уровни сообщения. Ни кого не вводит в заблуждение изображение человека движущегося к двери вместо надписи выход или изображение взлетающего самолета со стрелкой, говорящее о выходе на посадку. Однако чуть более усложненные изображения, как и фотографии, уже начинают вызывать дискурс об их знаковой природе. Если касаться изображения, то сама его денотативная природа способствует зарождению в нем всевозможных метафорических построений. Согласно теории Дерриды, обозначающее всегда становится обозначаемым в другой системе [3, с.85]. В результате в самом знаке нельзя обнаружить значение, поскольку оно всегда рассеяно, подчиняется другому значению и отложено. Если брать текст, то все обозначающие являются недостаточными. Любое обозначающее содержит следы другого обозначающего, что составляет сущность метонимической цепочки.

Подводя итог, можно заметить, что фотография воспринимается человеком не только как произведение искусства, а как некоторое сообщение, составленное из знаков. Знаки не есть слова или буквы в аналогии с вербальным сообщением, а представляют собой «иностранные слова» которые будут переведены на понятный язык с учетом используемого словаря. То есть, большую роль играет социально-исторический аспект, который позволяет интерпретировать изображение в назначенном русле. Некоторые слова понятны на всех языках мира, так и некоторые образы на фотографии воспринимаются одинаково во все времена и во всех странах. В других случаях для «прочтения» текста фотографии требуется некоторая «помощь», в качестве которой может выступить вербальное сообщение, сопровождающее фотографию. При всем вышесказанном, не стоит забывать, что современная фотография находится на службе СМИ, и иногда предназначена не только для изображения свершившихся фактов, но и для рождения и поддержания имиджа того или иного человека или события.

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1992.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
3. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. М., 2000.

ФОТОСЪЕМКА ПЕЙЗАЖА И ДИЗАЙН СРЕДОВОГО ЛАНДШАФТА

М. А. Головина

Томский институт бизнеса

Научный руководитель: А.П. Герасимов, ст. преп.

Бытует мнение, что пейзажная фотосъемка – одна из самых простых. Не надо выстраивать сложные схемы освещения, не надо работать с моделью, устанавливать множество приспособлений и аксессуаров. Фотографирование пейзажа привлекает богатством и разнообразием темы, поэтому вполне понятно стремление фотолюбителей запечатлеть красоты природы.

Однако фотографирование – это не только механический процесс. Чтобы сделать снимок пейзажа выразительным, необходимо любить природу, понимать и чувствовать ее, обладать художественным вкусом и хорошо владеть фотографической техникой. Снимок пейзажа – это рассказ об окружающем нас пространстве. Когда рассказ является зрителю живым и правдивым, он вызывает глубокие чувства преданности и безграничной любви к тому самому архетипическому, близкому нашему подсознанию образу Матушки-Природы.

Джон Фаулз, английский писатель, романист, эссеист, рассматривает в своем эссе два предрассудочных подхода к изображению ландшафта: отстраненный и романтический [3].

Отстраненный подход «покорителя и завоевателя природы» предполагает уверенность человека в том, что природа есть, прежде всего, неуправляемая стихия, враждебная и индифферентная. С такой природой нужно бороться, ее необходимо покорять, осваивать. Редкие природные феномены престижно коллекционировать. Подобного рода «туристский» взгляд на пейзаж вызван издревле присущим человеку стремлением завоевывать и осваивать новые земли.

Основная цель фотографа при создании такой фотографии – получить изображение-протокол, свидетельство его пребывания в этом месте. Фотограф при этом, не особо заботясь о деталях композиции, снимает кадр, для того, чтобы сэкономить время на всматривание в

реальный ландшафт, чтобы не тратить усилий на то, чтобы смотреть. В будущем для такого фотографа важнее будет то, что именно он был в том или ином месте, а не то, что он там был. Подобный отдаленный, «общий» пейзаж – это некоторое издевательство над зрителем, ибо такой пейзаж как бы приглашает человека в гости, но в то же время явно дает понять, что приход в гости практически невозможен.

По мнению Фаулза, быть в пейзаже – значит пространственно и энергетически соединиться и сливаться с пейзажем. Это радикально отличается от позиции стороннего наблюдателя, бездумно фиксирующего кадры через видоискатель фотоаппарата.

Второй порицаемый Фаулзом распространенный подход к изображению пейзажа состоит в неоправданном очеловечивании природы и природных феноменов. Изображение пейзажа романтическим способом вызвано гедонистическим стремлением фотографа очеловечить и романтизировать окружающую его природу, передать ее характерное «выражение лица». Результатом такого подхода является стремление отобразить ландшафт в виде максимально красивой картины. Пейзаж преподносится как эстетический объект, предназначенный для создания приятных ощущений. Техническое совершенство исполнения такой фотографии является главным критерием её оценки. Стремление обнародовать приятные чувства, возникшие при просмотре пейзажа, с тем, чтобы доставить удовольствие публике, приводит к искажению реальности. Такой пейзажист демонстрирует пейзаж в рафинированном, «натюрмортном» виде.

Мгновенность и непредсказуемость – вот какой должна быть временная характеристика фотографии. Через эту спасительную способность улавливать быстротечность бытия становится возможным существование и сосуществование человека в природе. Именно искренность и спонтанность видения окружающей действительности обеспечивает человеку стабильность в изменчивом мире, управляемом случайностями. Способность уловить мгновение, точно отражающее волнение автора в момент соприкосновения с природой, дает возможность ощутить бытие между заботами, болезнями и суетой. Нет смысла многократно воспроизводить давно и широко известные общие планы горных вершин, очертания исторических архитектурных сооружений и т.п. Гораздо интересней снимать пейзаж, представляющий собой случайно увиденный уютный уголок, который создает у фотографирующего неповторимое ощущение именно в краткий миг находки. Стремление находить такие уголки издревле присуще человеку. Оно основано на базовом инстинкте поиска «земли обетованной», «райского уголка», места, где безопасно, комфортно и уютно.

Интересный пейзаж всегда чем-то напоминает охотничьи рассказы, художник, работая над ним, напряженно наблюдает за деталями. Зрителю же приятно вглядываться в эти детали, проникая внутрь ландшафта по его фотоизображению. Ближе и интимнее для восприятия оказывается тот пейзаж, на котором удастся узнать и определить растущий на переднем плане цветок, а не пейзаж, на котором каждый зритель может легко распознать очертания всем известной горной вершины или архитектурного сооружения.

Настоящий пейзаж позволяет пройти все уровни и ступени от микрокосма человека до макрокосма Вселенной в характерно обозначенных при этом временных рамках. Чудо реальной фотографии состоит в том, что на ней, во-первых, заторможено время и уловлен неповторимый момент, а во-вторых, изображение преподнесено в мельчайших подробностях, создавая для зрителя иллюзию реальной действительности. В эти редкие мгновения человек чувствует, что жизнь происходит, а не проходит мимо.

Многое решает здесь точное и выразительное построение рисунка изображения, исключение из кадра всего лишнего, создание акцента на главном объекте, гармоничное размещение элементов рисунка в пределах рамки кадра и т. д. Закономерности, по которым строится фотографический снимок, объединяются общим понятием «композиция кадра».

Рассмотрение фотокомпозиции для фотографов должно начинаться, прежде всего, с изучения общих теоретических основ, знание которых – необходимая база для практической деятельности фотографа. Эти знания помогают мастеру найти те формы выражения творческих замыслов, которые делают снимок жизненно правдивым, изобразительно законченным. В то же время они оставляют место для проявления индивидуальности мастера, своеобразия и оригинальности его творчества.

Но знание принципов композиционного решения кадра само по себе отнюдь не гарантирует получения хорошего снимка. Эти знания лишь помогают оформлению и выражению авторских замыслов, дают возможность легче преодолевать трудности начальных этапов творчества, передают опыт предшественников и освобождают от поисков того, что уже давно найдено и освоено в творческой практике.

Зная все возможности фотографической палитры, изобразительные средства и приемы построения кадра-картины, фотограф свободен в их выборе и использует, естественно, только те из них, которые необходимы ему в данном конкретном случае. Композиционные структуры могут варьироваться в самых широких пределах и конкре-

тизируются лишь в процессе творческой практики: каждая новая тема, новый сюжет и материал и, что очень важно, отношение к этому материалу фотографа подсказывают ему и особые точки съемки, и ракурс, и перспективные построения, и световой рисунок. Так что в композиционном творчестве огромное значение приобретает личный опыт фотографа, постоянная практика.

Таким образом, для получения превосходного результата фотоснимка мало оказаться в нужном месте в нужное время. Для этого необходимо научиться чувствовать самую суть происходящего. Нужно войти ощущениями в сердце событий, войти в резонанс с ними. Искусство пейзажного фотографа – это искусство состояний. Фотография становится независимым свидетелем внутренней работы автора, выступает в качестве инструмента в работе над самим собой, над своим восприятием. Если снимки звучат, значит, направление верно и можно идти дальше. Уходя высоко в горы, в лес, пустыню или степь, погружаясь в макромир, фотограф изучает себя. Полученные фотографии отражают, в первую очередь, его мироощущение, тайну, с которой он соприкоснулся, чудо, свидетелем которому он был. Фотоаппарат превращается из средства для делания фотоснимков в инструмент для работы над собой.

Искренность – вот что подкупает более всего в нашем мире. Осознанно или неосознанно все решения и выборы, которые делает человек, он делает движимый именно этой силой. Реклама не была бы двигателем торговли, политики не побеждали бы на выборах, бизнесмены не проводили бы успешных переговоров и не заключали бы выгодных сделок. Исключением не является фотография, и мы уже в этом убедились. Сейчас фотография уже не творчество ради творчества. Она давно уже успела стать и чисто коммерческим явлением.

Интерьеры и экстерьеры зданий, ландшафтный дизайн – все это можно отнести к единому классу объектов фотосъемки. Для успешной фотосъемки таких объектов профессиональный фотограф должен быть крайне наблюдательным. Необходимо не просто найти красивый ракурс, но и передать его душу. А о душе пространства лучше всего могут сказать характерные детали, без которых жизненное пространство выглядит мертвым.

Основные потребители таких фотографий – риэлторские агентства, компании-строители, архитектурные бюро, магазины, рестораны, банки, гостиницы. Разворачивая работы по строительству элитного поселка, застройщик считает нужным иметь фотографии, презентующие красоту природы окружающей местности. Тысяча слов – ничто по сравнению с одной фотографией.

В связи с особенностями определенной местности перед фотографом зачастую стоят разные задачи. Например, если требуется выполнить фотосъемку небольшого парка, окружающего усадьбу, показать ансамбль малых архитектурных форм (беседок, балюстрад, галерей), создать ощущение уютного, ухоженного и разнообразного ландшафта, располагающего к отдыху и спокойному мирозерцанию, фотографировать ландшафт желательно в ясный солнечный день. При этом при фотосъемке могут возникать определенные проблемы: участок, по сравнению со зданием усадьбы может быть небольшой. При этом с нескольких сторон к нему могут примыкать соседние особняки, достроенные или недостроенные, закрывающие от солнца значительную часть участка. В этом случае фотосъемка выполняется в различных частях парка в разное время суток, в зависимости от перемещения солнечного света по участку в течение дня: от раннего утра до сумерек, и даже до полной темноты. Выбираются наиболее интересные, яркие сюжеты и такие точки съемки, откуда практически не видны окружающие здания.

В ряде случаев фотосъемка пейзажа одной местности может происходить посезонно: весна, лето, осень, зима. Особенности подобных работ заключаются в полноте презентационных материалов. Для профессионального фотографа это интересная творческая задача.

Очень важно, чтобы фотограф в своей учебной практике развил свое представление о фотоснимке как о художественной картине, а о прямоугольнике видоискателя или матового стекла фотоаппарата – как о картинной плоскости, в пределах которой он будет «рисовать», компоновать свою картину-снимок. Фотограф, как и художник-живописец, не копирует действительность, он творит ее по законам своего искусства. Рождение выразительного кадра происходит не в краткое мгновение экспонирования светочувствительного материала – оно начинается задолго до того, как будет произведен спуск затвора фотоаппарата. Съемка – вовсе не миг в 1/50 или 1/100 долю секунды. Это процесс иногда довольно короткий, иногда достаточно длительный. До момента экспозиции сделано очень многое. Наконец, подмечен и схвачен тот решающий, может быть, единственный момент, в который сюжет раскрывается с необычайной полнотой и точностью. В событии – это его кульминация. В портрете – характерное выражение лица, выразительный жест. В спортивной снимке – точно пойманная фаза движения, как бы высеченная из непрерывного действия. В пейзаже – порыв ветра, отклонивший ветку дерева, или солнечный блик, неожиданно упавший на желтые листья осенних кленов. Теперь можно нажать пусковую кнопку затвора. Знание принципов композицион-

ного решения кадра, правильное освещение, настроение, перспектива и завораживающие детали, а так же самое главное: творческое видение, чувство, состояние, искренность фотографа – все это в купе рождает великолепные снимки, поистине шедевры фотографического искусства.

Литература

---

1. Дыко Л.П. Основы композиции в фотографии, 1988.
2. Иванов-Аллилуев С.К. Фотосъемка пейзажа. М.: Искусство, 1971.
3. Пашис А.В. Джон Фаулз о способах отображения пейзажа в фотографии. 2003.
4. http://www.geophoto.ru/?action=show_item&id=200

ОБРАЗНОСТЬ И МАГИЗМ КАК ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

О. А. Диденко

Томский государственный педагогический университет

Обращаясь к проблеме мифологического сознания, исследователи неоднократно пытались выявить характерные особенности этого типа сознания, которые бы позволили отграничить его от других. Данная статья посвящена выделению и осмыслению двух существенных характеристик мифологического сознания: образности и магизму. Как представляется, именно эти качества позволяют создавать неповторимую картину мира и определять законы, которым подчиняется мифологическая реальность.

Прежде чем переходить к характерным особенностям мифологического типа сознания, следует определиться с тем, что собственно понимается под этим термином. Подобный шаг является необходимым, поскольку часто ученые в своих исследованиях четко не разграничивают мифологическое сознание и миф, что порождает существенные затруднения при изучении этих явлений. Такая ситуация становится возможной потому, что если рассматривать миф не как текст, рассказ или конкретное верование, сопровождающееся ритуалом, а как особый тип духовной активности и рефлексии человека, к нему вполне применим термин «мифологическое сознание». Подобный подход считает вполне приемлемым В.М. Пивоев, говоря, что следует различать «... миф сам по себе как субъективное явление, существующее в сознании древнего человека, и миф, выраженный в одной из знаковых систем. Говоря о первом, употребляется термин «мифологическое сознание» [1, с.11]. Однако же, будучи тесно

связанными друг с другом, миф и мифологическое сознание нетождественны. По мнению В.М. Пивоева, «...следует различать мифологическое сознание – как специфическое иррациональное отражение мира и миф – как объективацию мифологического сознания в вербальных (словесных) или иных знаковых формах (танец, жест, изображение, музыка), в обрядах» [1, с.11]. Принимая точку зрения этого исследователя, мы, говоря о мифологическом сознании, будем подразумевать под ним в первую очередь процесс освоения мира, в ходе которого формируется его специфический образ, формирующийся в сознании человека.

Характеризуя специфику мифологического сознания, следует в первую очередь обратиться к проблеме создания мифологических образов и метафоричности языка мифа, которая создает неповторимое сочетание, рожающее мифологическое повествование.

Исследуя мифологические сюжеты разных народов, исследователи часто приходят в недоумение от обилия божеств, выполняющих, на первый взгляд, одинаковые функции, и отличающихся друг от друга лишь некоторыми эпитетами, например, «... встречая целый сонм «солнечных» богов или богов плодородия, сосуществующих вполне мирно в одно и то же время...» [2, с.104]. Эту проблему многие ученые стремятся разрешить путем классификации и обобщения, пытаются представить все многообразие различных божеств одного типа «... как некое единое божество, как бы носящее разные имена, и даже порой приходят к выводу о «несущественности» имен и личностей богов... » [2, с.105], которые, именуясь одинаково, отличаются друг от друга порой лишь эпитетами. Исследователи стремятся рассматривать мифологию через призму научных методов и логических операций обобщения и классификации, находя в божествах логические и онтологические функции и выделяя подобие метафорических образов. В качестве наиболее яркого примера выступают образы солнечных богов, перемещающихся по небу в ладье или на колеснице (таким образом, мифологическое сознание отражает движение солнца по небу), сражаются с вредоносными, часто хтоническими существами (в случае победы которых наступает затмение) и, наконец, всегда имея указание на принадлежность к свету и возможность одарения им (светлые блестящие волосы, сияющий диск, огненные очи и т.д.). Однако ни один человек с мифологическим сознанием не придет к подобному заключению, так как для него непререкаемой истиной будет понимание того, что это – разные боги, поскольку иное имя создает иной образ, а, следовательно, и иной миф [3, с.108, 113].

Различать многочисленных божеств и таким образом длить существование мифов о них позволяет метафоричность – основное свойство мифологического языка. При этом метафоричность отнюдь не является следствием лексической бедности языка [2, с.106]; скорее она отражает специфику мифологического мировосприятия, создающего понятия-образы, окруженные сложносоставными именованиями, которые и позволяют человеку с мифологическим сознанием «... четко различать множественных божеств, относящихся, на первый взгляд исследователя, к «одному типу» [3, с.133]. А сложные именования создаются как раз посредством метафор, поэтому «... язык мифа оказывается метафорическим языком...» [3, с.4]. Однако именно «Ассоциативно-метафорический способ закрепления опыта уменьшает возможность трансляции...» [1, с.49], то есть сохранения разнообразных «однотипных» мифологических образов, а с ними и самих мифов. Получается, что метафоры, создающие тончайшие оттенки характеров и свойств мифологических персонажей, одновременно затрудняют их понимание. И если в архаических обществах это часто является необходимостью, поскольку истина в полном объеме открывается только посвященным, то для современных исследователей метафоры порождают трудноразрешимую проблему классификации многочисленных божеств, которые, казалось бы, так легко сводятся к общему знаменателю.

Однако следует отличать метафору, являющуюся специфической особенностью древнего языка и сознания, от метафоры как выразительного средства языка, используемого авторами художественных произведений. Если наличие первой объясняется особенностями функционирования мифологического языка и сознания, то вторая служит в основном средством привлечения внимания читателя, а также инструментом воздействия на его эмоциональную сферу.

Таким образом, метафоричность языка мифа, создающего сложные многослойные «портреты» мифологических персонажей, представляет собой специфическую черту мифологического сознания, которое, ориентируясь на получившиеся в результате освоения окружающего мира образы, маркирует ими границы изведенного, постепенно формируя специфическую, мифологическую картину мира.

К основным чертам, характеризующим мифологическое сознание, также следует отнести магизм. Жизнь первобытного человека неразрывно связана с магией. Согласно его представлениям, все в мире связано между собой посредством особой энергии, пронизывающей мироздание. Тот, кто способен овладеть ею, может оказывать влияние на предметы, животных и людей. Чтобы такое стало возможным, челове-

ку необходимо постичь тайные знания, выучить специальные ритуалы и словесные формулы, которыми они сопровождаются – заклинания.

Человек с мифологическим мышлением, по мнению Дж. Дж. Фрэзера, в своем поведении во многом руководствуется двумя принципами: «Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом соприкосновения или заражения» [4, с.19]. На основании этих принципов исследователь выделяет два вида магии – гомеопатическую и контагиозную. Гомеопатическая магия базируется на законе подобия, тогда как контагиозная – на законе соприкосновения [4, с.19, 43].

Специфическое – магическое, восприятие реальности порождает у первобытного человека иное, нежели у человека цивилизованного общества, отношение к объектам окружающего мира. Так, например, закон подобия проявляется в том, что «... первобытные люди и даже члены уже достаточно развившихся обществ, сохранившие более или менее первобытный образ мышления, считают пластические изображения существ, писанные красками, гравированные или изваянные, столь же реальными, как и изображаемые существа» [5, с.37]. Более того, «Изображение так же живет, так же может быть благодатным или страшным, как и сходное с ним существо, которое замещается изображением» [5, с.40].

Закон соприкосновения (в сочетании с законом подобия) проявляется в представлениях первобытных людей об именах. Поскольку считается, что жизненная, а часто (в отношении существ иного мира: богов, духов) и магическая сила существ заключена в их именах, то первобытные люди и к собственным именам относятся необычайно трепетно: они «... рассматривают свои имена как нечто конкретное, реальное и часто священное» [5, с.41]. Это приводит к наличию ряда ограничений на употребление имен, как чужих, так и своего собственного: «Нельзя произносить ни свое собственное, ни чужое имя, ни особенно имена покойников... Коснуться чьего-либо имени – значит коснуться его или существа, которое носит это имя. Иными словами, посягнуть на него, учинить насилие над его личностью, принудить его явиться, что может стать большой опасностью» [5, с.41]. Таким образом, в отношении имени действительно может идти речь о проявлении обоих законов, так как, с одной стороны, имя тождественно его носи-

телю, а, следовательно, так же реально, а с другой – имя, являясь частью конкретного существа, находится с ним в постоянном контакте.

Именно магизм порождает особые способы противодействия дурным влияниям или неблагоприятным ситуациям, которые могут произойти в будущем, что мы можем наблюдать на многочисленных примерах, приводимых учеными. Часто для этих целей используют гомеопатическую магию, пытаясь «... предотвратить зло путем подражания ему» [4, с.42]. В этом случае речь идет о том, что человеку необходимо «... самому, собственными руками, осуществить более или менее полно то несчастье, которого человек ожидает ... Так угрожающая беда подменяется эквивалентом» [6, с.551]. В случае избавления от зла при помощи контагиозной магии осуществляется «... перенесение дурного влияния (которое представляется одновременно и как духовное, и как материальное) на существо или предмет, которые уносят его подальше. В результате этого люди чувствуют себя очищенными» [6, с.550].

При этом магия как таковая отличается от мифологического сознания тем, что не создает картину мира, а лишь позволяет человеку определенным образом – опосредованно, – влиять на уже существующую, воспринимаемую сознанием реальность.

Вера в магию и возможность опосредованного влияния на объекты, явления и события окружающего мира является неотъемлемой составляющей мифологического сознания. Магическое видение реальности позволяет человеку ощущать себя в мире комфортно, поскольку он не является игрушкой в руках тайных сил, управляющих Вселенной, а способен сам влиять на происходящие в настоящем и будущем события. Образность мифологического сознания позволяют человеку с этим типом сознания конструировать особую реальность, которая населена существами, чьи образы возникают во многом благодаря метафорическим конструкциям языка. В то же время эта реальность пронизана тесными взаимосвязями предметов, явлений и субъектов, что, в свою очередь, позволяет человеку, воздействуя на один элемент, оказывать влияние на другой. Синкретизм мифа позволяет мифологическому сознанию соединять в себе образность и магизм – особенности, характерные для различных типов сознания и деятельности: творчества и магии.

Литература

---

1. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.

2. Пашина Д.П. Неопределимость мифа и особенности организации мифопоэтической картины мира // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2001. № 6. С. 88 – 106.
3. Козолупенко Д.П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры). Научное издание [Текст]: монография. М.: Канон +, 2005. 212 с.
4. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 7 – 372.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 373 – 553.

ЗАКОН УЧАСТНОГО ВНИМАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

О. А. Диденко

Томский государственный педагогический университет

Мир, создаваемый мифологическим сознанием, в котором протекало существование древнего человека, был изоморфен человеческой реальности, и в итоге – самому человеку. Поэтому на уровне мифологического сознания противопоставления «человек-природа», «человек-мир» отсутствовали. Все части Вселенной жили собственной жизнью, с которой человек соприкасался, вступая в контакты с персонифицированными образами отдельных элементов мироздания. Существование в мире, настолько схожем с ним самим, приводило первобытного человека к невозможности безразличного отношения к окружающей реальности.

Поэтому не случайно, что определяющую роль во взаимоотношениях человека с окружающим миром играет закон партиципации или сопричастности, выведенный Л. Леви-Брюлем, который отмечает, что дать точное определение этому закону довольно сложно, но если попытаться максимально приблизиться к его сущности, то закон можно сформулировать следующим образом: «... предметы, существа, явления могут непостижимым для нас образом быть и самими собой, и чем-то иным. Не менее непостижимо они излучают и воспринимают силы, способности, качества, мистические действия, которые ощущаются вне их, не переставая пребывать в них» [1, с.62]; то есть для первобытного человека все существа, предметы и явления оказываются

связанными между собой и пребывают в постоянном взаимодействии, будучи сопричастны друг другу. При этом те или иные существа сближаются и соединяются мифологическим сознанием «главным образом по их мистическим сопричастностям» [1, с.108], и «... действуют и реагируют друг на друга непрерывно при помощи своих мистических свойств, сопричастных друг другу или взаимно друг друга исключаящих» [1, с.106].

Развивая идею Леви-Брюля, современная исследовательница мифа Д.П. Козолупенко называет закон партиципации законом небезразличия или участного внимания, перенося акцент с «механического», в некотором смысле, взаимодействия существ, на отношения окружающего мира и человека, как равно ответственной части реальности. По ее мнению, мир внимательно относится к любым изменениям, с участием относясь к любому существу, появляющемуся в нем, поскольку «... в мифологическом мире все не все равно и главный закон его может быть назван законом небезразличия или законом участного внимания» [2, с.63]. Человек в таком мире является активным участником событий, к которому обращаются как к равному; он волен, как и остальные существа, «поступать во вред или на пользу другим соответственно, и с ним будут поступать так же» [2, с.63].

Поскольку человек ощущает свое единство с окружающим миром, он не может относиться безучастно к событиям, происходящим в нем, и, следовательно, постоянно оказывается в ситуации «вызов-ответ»: на каждое действие, событие, происшествие обязательно приходится реагировать, так как «неважных», «ненужных» или «случайных» моментов мифологическая реальность не содержит. Поэтому человек внимательно относится к любым явлениям и существам, возникающим на его пути, пытаясь делать именно то, что от него ожидают. В результате человек с мифологическим сознанием, поведение которого в значительной степени определяется законом участного внимания, чувствует ответственность за каждый свой шаг и находится в ситуации постоянного диалога с миром [2, с.165].

Закон партиципации (или участного внимания) создает ситуацию невыделенности человека из мира, провоцируя его на постоянное смысловое и живое взаимодействие с другими частями окружающей реальности. Это позволяет человеку испытывать чувство стабильности, сопричастности бытию. Он не задается вопросом о смысле и необходимости собственного существования, так как миф четко определяет место человека во Вселенной.

Возникновение и проявление закона участного внимания возможно благодаря особому типу мышления – мифологическому, который

определяет функционирование мифологического сознания, выстраивая определенные конструкции, которыми оно затем оперирует, в рамках которого и действует закон партиципации.

Одной из наиболее удачных попыток образного описания способа функционирования мифологического мышления следует считать модель К. Леви-Строса, который в качестве его основной характеристики выбирает бриколаж – термин, использующийся для обозначения неожиданного движения, отскакивания и смены направления [3, с.126]. Развивая свою идею, Леви-Строс подробно описывает деятельность бриколера, который для создания чего-либо использует полуспециализированные элементы, которые «... собираются и сохраняются по принципу «это может всегда сгодиться» [3, с.127], то есть бриколер чаще всего имеет дело с частями, остатками, которые в его руках образуют нечто новое. Мифологическое мышление, считает Леви-Строс, представляет собой нечто вроде интеллектуального бриколажа; и суть его состоит в том, чтобы «выражать себя с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но все же ограниченного; как никак, приходится этим обходиться какова бы не была взятая на себя задача, ибо ничего другого нет под руками» [3, с.126]. Оно также использует в своей деятельности не целостные элементы, а осколки, остатки прежних структур: «... мифологическое мышление, этот бриколер, разрабатывает структуры, расставляя события или скорее, остатки событий...» [3, с.130].

В свою очередь, Д. П. Козолупенко вносит некоторые дополнения в характеристику механизмов деятельности мифологического мышления, созданную К. Леви-Стросом. По ее мнению, образ «бриколерского калейдоскопа» как аналога мифологического мышления является не совсем точным, поскольку не акцентирует внимание на двух существенных моментах: «Во-первых, того, что изменение картинки каждый раз изменяет её составляющие, наделяя их новым звучанием. «Кусочки опыта» не остаются прежними, как в калейдоскопе или наборе инструментов бриколера, но меняются сообразно картинке. Иными словами, взаимосвязь части и целого здесь ближе к органической, нежели к механической ... Во-вторых «набор инструментов» постоянно пополняется, ибо с появлением новых образов старые не исчезают, а, напротив, лишь множатся в видоизменениях» [2, с.70]. То есть, в отличие от механического соединения осколков в калейдоскопе, в отношении мифологического мышления речь идет о контактах взаимодействующих частиц, которые, сталкиваясь, изменяются, множа образный ряд мифологического сознания.

Если мы обратимся к другим характеристикам мифологического мышления, выделенных и описанных исследователями, то окажется, что мифологическое мышление конкретно, поскольку имеет установку на особенное, что приводит к улавливанию частностей; это, в свою очередь, снижает возможность обобщения [2, с.71]. Кроме того, мифологическое мышление мало склонно к анализу, и коллективные представления, образуемые им, существенно отличаются от понятий в сторону конкретности и малоопределенности [1, с.64, 88].

Для мифологического мышления важную роль играет память, поскольку создаваемые им сложные и объемные коллективные представления передаются именно благодаря ей; при этом «Она одновременно очень точна и весьма аффективна. Она воспроизводит сложные коллективные представления с величайшим богатством деталей и всегда в том порядке, в котором они традиционно связаны между собой...» [1, с.91]. Информация, полученная в состоянии сильного эмоционального возбуждения, например при прохождении инициации, участия в различных ритуалах, прочно «впечатывается» в сознание человека и способна храниться в нем длительный период времени.

Таким образом, мифологическое мышление, отличающееся конкретностью, вниманием к особенностям, действуя по принципу «органического взаимодействия», создает образы, которые использует мифологическое сознание, определяя направления его «исследований» и позволяя закрепить их результаты в коллективных представлениях, сохраняемых и передаваемых памятью.

Выступая в качестве основания для взаимодействия и взаимоопределенности существ, мыслимых в качестве объектов мифологической реальности, закон партиципации (участного внимания) поддерживается силой мифологического мышления, которое в конструировании элементов этой реальности опирается не на привычную нам логику и причинно-следственные связи, а применяет технику бриколажа, перемешивая и соединяя кусочки опыта и создавая в итоге ранее не существовавшие субъекты, объекты и явления, по-особому организуя мифологическую картину мира.

Литература

---

1. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 7 – 372.
2. Козолупенко Д.П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры). Научное издание [Текст]: монография. М.: Канон +, 2005. 212 с.

3. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Леви-Строс К. Первобытное мышление. Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. С. 111 – 336.

РОЛЬ ТОТЕМНЫХ ЖИВОТНЫХ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ

А. И. Ермилов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Бернатоните, к. искусствоведения, доц.

Традиция поклонения священным животным, которые часто являлись тотемом племени, идет с древнейших времен, когда люди еще не придумали столь сложные объяснения мироустройства, связанные с божествами и духами. Связь с животным миром оказалась столь тесной, что не умирала никогда и переходила в новое качество. Например, у многих божеств имелись их животные двойники, в которые они якобы могли обращаться, или которые являлись их символом.

Хотя изначально все божества представлялись в облике животных, а в последующем большинство богов изображались в зооморфном облике (полностью либо частично), сами животные никогда с богами не отождествлялись [1, с.34].

Наиболее распространенными были культы кошки, быка, жука-скарабея, крокодила, ибиса, сокола, коршуна и павиана; культы остальных животных носили локальный характер. Часто бывало так, что некоторым животным, считавшимся священными, поклонялись на всей территории Египта, другим – в отдельных частях страны, третьим – только в какой-то одной местности. Нередко животных могли убить, и это влекло за собой вражду между жителями разных областей. Для ухода за животными каждой породы были назначены особые служители из египтян – жрецы, должность которых переходила по наследству. Умершее священное животное, если смерть наступала в центре его культа, бальзамировали, клали в саркофаг и предавали погребению, обычно при храме.

Египтяне считали кошку одним из самых священных животных. Она была воплощением богини Бастет, которая считалась покровительницей плодородия и материнства, хранительницей домашнего очага, а также богиней радости и веселья. Ее изображали обычно с телом женщины и головой кошки, в руках она держала священный систрум, музыкальный инструмент типа погремушки.

Кошка называлась по-египетски «мау», что значит зрячий, от глагола «мау» – видеть. Культ кошки достиг своего расцвета во время

двенадцатой и тринадцатой династий египетских фараонов. В 945 году до нашей эры Бубастис стал столицей всего Египта, и оттуда культ богини Бастет распространился по всей стране. Храм богини Бастет находился в восточной части дельты Нила. Он располагался в центре города и был виден со всех сторон. Храм огражден стеной, украшенной рельефами, а внутри – роща с деревьями, которыми было обсажено высокое храмовое здание со статуей богини. Внутри храма в красиво украшенном святилище шириной 30 метров, окруженным ровом с водой, возвышалась статуя богини [2,с.133].

Священный храм богини Бастет стал местом паломничества. Египтяне со всех частей царства приносили в дар богине символы преданности в форме маленьких кошачьих фигурок из керамики и бронзы. Ежегодно тысячи египтян приплывали в Бубастис на торжества, посвященные богине кошек. Женщины гремели систрумами – символами плодородия, пели и хлопали в ладоши. На территории храма начинался веселый праздник, на котором жители Египта танцевали и пели ритуальные песни, совершали жертвоприношения Бастет, а так же выпивали больше вина, чем за весь год. Это было самое крупное ежегодное паломничество в древнем Египте, иногда собиралось до 700 тысяч участников.

Для того чтобы заботиться о благосостоянии кошек, обитающих в храме, была организована каста жрецов. Слуги Бастет занимали высшие государственные посты. Жрец, обвиненный в неприемлемом обращении со священными кошками, сурово наказывался [1,с.69].

Кошка была настолько священным животным, что египтяне с легкостью могли проиграть битву, чем убить кошку. В 525 году до нашей эры египтяне потерпели поражение в битве у Пелузиума. Персидский царь Камбис II использовал коварный военный прием: он велел отловить кошек и привязать их к щитам своих солдат. Камбис выступил с этим живым «божественным» оружием против египтян. Фараон Псамметих III капитулировал, и персы без потерь вступили в Пелузиум [3,с.171].

В других городах тоже строили храмы, посвященные богине Бастет, а многие египтяне носили деревянные, глиняные или металлические амулеты этой богини. Амулеты должны были принести их обладателю успех в любви и уберечь от зла и темных сил. В каждом доме стояла статуэтка Бастет, приносящая, по преданию, счастье в дом и защищающая от злых духов. Почти у каждого египтянина дома жила кошка, за ней ухаживали как за самым дорогим существом. Если в доме начинался пожар, то кошку выносили из огня даже раньше, чем

детей. Когда она умирала, вся семья надевала траурные одежды, пела погребальные песни, а в знак скорби люди выщипывали себе брови.

Главным центром египтян стал огромный некрополь близ храма богине Бастет. Здесь они хоронили бальзамированных умерших кошек. Умершее животное натирали благовонными маслами и бальзамировали – только тогда, по представлению безутешных хозяев, душа их любимой кошки могла вновь вернуться в свое тело. В церемонии бальзамирования трупа животных принимали участие все члены семьи. Мумию кошки заворачивали в пестрое погребальное платье, укладывали в украшенные саркофаги из дерева, бронзы, известняка и золота. Потом забальзамированное тело передавалось в руки жрецов для осуществления обрядов. Блистательность похорон зависела от зажиточности владельцев умершего животного. Для того чтобы кошка хорошо чувствовала себя в загробном мире, к ней в могилу клали игрушки и еду (мумифицированных мышей). Траурная процессия несколько дней спускалась вниз по течению Нила к месту погребения [1,с.116].

Сельскохозяйственные работы – ежедневный труд древнего египтянина, в связи с этим и появляется культ быка. Прежде всего, культ быка связан с тем, что это животное использовалось при сельскохозяйственных работах. На быках пахали, и поэтому они считались олицетворением плодородия. Египтяне верили, что священный бык, выпущенный на поля, повышает их плодородие. Один раз в год, при начале сельскохозяйственных работ, Аписа запрягали в плуг, и сам фараон вспахивал на нем первую борозду. Чаще всего культ быков встречается в местностях Дельты, ведь в то время Дельта была богата своими широко раскинувшимися пастбищами. Коровы также почитались как подательницы пищи. Их культ был связан с культами Исиды и Хатхор и с представлением о небе как о Небесной Короле. Считалось, что Апис оплодотворяет Небесную Корова и от него она рождает золотого теленка – солнечный диск [1,с.207].

Во времена второй египетской династии царем Кайехом был установлен культ Аписа – священного быка. Первоначально Апис почитался в качестве воплощения Птаха, бога Мемфиса. Апис должен был существовать в теле реально существующего быка, а после смерти переселяться в тело нового быка. Так же Апис считался священным быком Осириса, Апис являлся одухотворенным изображением Осириса.

Чтобы быка признали священным, он должен был соответствовать определенным канонам, которые могли знать только жрецы. На лбу быка должен был присутствовать белый треугольник, на шее – пятно, напоминающее орла, а на боку пятно в форме растущей луны. Истин-

ный Апис должен был иметь хвост, раздвоенный на конце, а под языком – особенный узел, который жрецы называли жуком. В Мемфисе Апис жил в загоне перед храмом Птаха – творца Вселенной и там принимал подношения от поклоняющихся ему и давал пророчества [1,с.233].

Когда Апис умирал, его бальзамировали и хоронили в подземных галереях Серапеума. Мумии священных быков помещали в монолитные саркофаги из розового гранита, известняка или базальта, достигавшие 4 метров в высоту и весившие до 70 тонн. В саркофаги клали различные украшения и амулеты. После смерти предыдущего быка, символизировавшего Аписа, жрецы, после длительного поста отправлялись на поиски нового. Новый Апис должен был происходить от коровы, которая после отела уже никогда не сможет иметь другого теленка. По словам египтян, на эту корову с неба нисходит луч света, и от него она рождает Аписа. Нахождение нового быка праздновалось во всей стране. Когда поиски заканчивались, нового Аписа торжественно везли по реке в Мемфис, в храм Птаха, а жители выходили на берег и приветствовали священного быка.

Апис был не единственным обожествленным быком в Египте. В Гелиополе широко было распространено почитание солнечного быка Мневиса. Мневис считался душой гелиопольского Ра и живым воплощением бога Солнца. Подобно Апису, он держался в особом помещении, после смерти его мумифицировали и хоронили, как Аписа.

В Гермонте обожествлялся белый бык с черными отметинами Бухис, почитавшийся как воплощение бога войны Монту. Считалось, что шерсть Бухиса росла не как у обычных животных, а в противоположном направлении, при этом меняя цвет ежечасно, в зависимости от фазы суточного пути Солнца. После смерти Бухиса на его роль избирался особый бык, при жизни окружавшийся соответствующими его божественной природе почестями. Умершего священного быка мумифицировали и торжественно погребали в саркофаге в местном некрополе Бухеуме [1,с.245].

Быки белой и черной масти были редкостью и потому строго оберегались. Приобретение в частном порядке и тем более убийство быка с признаками, которые могли рассматриваться как священные, строго карались.

Ни с каким определенным местным культом не было связано в исторические времена поклонение скарабею. Это насекомое во все времена истории Египта играло огромную роль в религии и мифологии. Скарабей один из самых почитаемых символов Древнего Египта. Считалось, что маленький жук повторяет путь Солнца: подобно тому, как

Солнце совершает путешествие по небу, излучая свет и тепло, создавая условия для возрождения жизни во всем сущем, скарабей перекачивает свой шар с яйцами с востока на запад, пока зародыши полностью не созреют и не родятся на свет.

Скарабей был олицетворением Хепри, одного из древнейших египетских богов, символизирующего утреннее восходящее солнце. Как и остальные божества Солнца, Хепри имел функции творца мира, вселенной и человека. Скарабей как великий символ и сильнейший талисман сопровождал египтянина в жизни и после смерти. По легенде, скарабей выходит из головы Осириса, погребенной в Абидосе, возвещая его воскресение из мертвых в мире небесном. С тех пор фигурка маленького жука становится символом импульса возрождения и воскресения, готовности начать новое существование.

Кроме того, скарабей символизировал сокровенную силу Сердца, которую человек должен был пробудить в себе, для того чтобы родиться, умереть и вновь воскреснуть, победить свои недостатки и преодолеть любые испытания, ожидающие его в жизни и после смерти. В Египте изображения и фигурки скарабея встречались почти везде. Они могли быть сделаны из зеленого базальта, гранита, известняка, зеленого мрамора, голубой глины, фаянса, покрытого пурпурной, голубой и зеленой глазурью. На основании фигурки обычно наносили священные символы и изречения, связанные с таинством возрождения. Иногда скарабей имел человеческое лицо или голову [4,с.151].

В более поздние времена погребальные скарабеи помещались в фаянсовые нагрудные украшения, выполненные в виде пилонов, на некоторых имелся рисунок красками или рельефное изображение Ладьи Солнца. В Египте во время мумификации вместо настоящего сердца в мумию вкладывали сердце из керамики, камня или другого освященного материала с амулетом скарабея наверху или замещали настоящее сердце фигуркой скарабея. Это делали для того, чтобы в теле умершего находился один центральный символ нетленной сущности, бессмертия и воскресения.

Скарабей также был символом ученика и его пути к мудрости. Подобно тому, как крошечный жук настойчиво и упорно превращает бесформенную, вязкую массу навоза в шарик, чтобы заложить в него семена жизни, ученик, идущий по пути мудрости, должен трансформировать бесформенную и вязкую массу своих недостатков и ограничений в совершенную, идеальную, прозрачную и огненную сферу, отражающую свет Духа.

Скарабей, имеющий крылья и держащий своими лапами огненный шар, стал символом нового молодого восходящего солнца весны. Его

два крыла символизируют два глаза – один ночной, видящий в темноте, связанный с луной, и другой дневной, дающий жизнь всему существу, связанный с солнцем. На спине его знаменитый символ «тау», в центре которого находится точка, где встречаются Небо и Земля. Выполнив свою миссию на земле, скарабей-Солнце расправляет крылья и обретает способность подняться к небу, к истокам, которые породили его.

Египтяне верили, что они окружены силами добра и зла. Все происходящее считалось проявлением воли богов. Согласно верованиям, боги могли вселиться в посвященных им животных. Жизнь каждого египтянина была тесно связана с верой и многие их поступки и деяния были исполнены глубоко религиозного смысла. Ни в какой другой мифологии животные не связаны с богами так тесно, как в египетской.

Литература

---

1. Рак И.В. Мифы древнего Египта. СПб: Петро-РИФ, 1993. 270 с.
2. Соколова З.П. Животные в религиях. СПб: Изд-во Лань, 1998. 288 с.
3. Бадж У. Легенды о египетских богах. Москва: Изд-во Ваклер, 1997. 304 с.
4. Морэ А. Цари и боги Египта. Москва: Изд-во Алетея, 2001. 240 с.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОДЕЖДЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Т. В. Калашникова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.Д. Волкова, к. и. н., доц.

Во все времена человека интересовало будущее. Он задавался вопросом, что ждет его после смерти, конец ли это или начало новой жизни? Это вечная тайна, разгадывать которую человеку было интересно с незапамятных времен.

Когда-то всему приходит конец, и человек не исключение. Так чем же является смерть? Что происходит, когда заканчиваются наши земные тяготы и заботы?

Существует два основных понятия в общечеловеческом мировоззрении, касающихся темы смерти. Первое говорит о том, что смерть – итог, окончание, после которого не предполагается дальнейшая жизнь, которое вызывает чувство страха и скорби. Второе говорит о смерти, как о промежуточном состоянии, наступлении покоя, после которого следует перерождение в новом статусе.

Восточные славяне принадлежали ко второму типу восприятия. То, что смерть для них являлась одним из этапов перехода в другой мир, можно выявить, изучив погребальные обряды. В данной работе особое внимание уделяется погребальной одежде, в особенности ее цвету.

В разных науках ученые по-разному определяли понятие цвета, но всегда выделяли нечто общее – это его психологические и физиологические составляющие.

Опираясь на материалы, собранные учеными-этнографами на рубеже 19-20 веков о погребальных обрядах в крестьянской среде, а также придерживаясь наблюдений философов, искусствоведов и психологов, можно сделать некоторые выводы, касающиеся отношения к смерти восточнославянских народов, а, следовательно, и их мировоззрения.

Огромное влияние на данную статью произвела работа Н.В. Серова «Цвет культуры», где очень широко представлены различные понятия о цвете, его связь с психологией, физиологией, культурой и жизнью человека. А так же не менее ценным источником послужила работа Г.С. Масловой «Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах девятнадцатого – начала двадцатого века».

Белый цвет – память прошлого

По этнографическим материалам, описывающим погребальные обряды, можно без труда сделать вывод, что самым распространенным цветом, наиболее часто встречающимся как в одеянии покойника, так и в траурном одеянии близких, является белый. Мужской погребальный костюм состоял из белой рубахи, белой сорочки, белой войлочной шапки и онучей, белых штанов, женский из белой рубахи, сорочки, белого сарафана, плахты и т. д., в общем-то одежда погребальная от обыденной отличалась только цветом, если не учитывать особенности изготовления, такие как направление и форма стежка, а так же определенный орнамент на отдельных предметах. Трауром для близких людей служила обычная одежда, но без украшений, в женском гардеробе встречалась «печальная понева» (Рязанская, Тамбовская губернии), а также белая рубаха и касталан. Женские головные уборы, в частности сороку, шили из отбеленного холста, по очелью вышивали белыми нитями (Рязанская, Тверская губернии) [1, с.96].

Так что же символизировал белый цвет? Чтобы это узнать, нужно определить, как он воспринимается в общекультурном пространстве.

Еще со времен первобытного общества этот цвет ассоциировался с «духом предков», наделялся свойствами божественной силы, при-

шедшей из глубины веков. Ярким примером могут послужить племена пигмеев Новой Гвинеи. В этих племенах судьбу будущих браков решают мужчины. Во время праздников головы их украшаются султанами из белых перьев. Это служит знаком того, что от лица этих мужчин говорят духи предков, а так же подчеркивается традиционность происходящего события. В обычные дни этот цвет олицетворял цвет Великой Матери, цвет женщины.

По своей природе белый цвет как бы нейтрализует остальные цвета, тем самым словно символически уничтожает полихромный материальный мир. Память о прошлом стирается, а настоящее уже не беспокоит усопшего.

Во многих культурах распространены понятия, такие как: белоснежная зима, белая память прошлого. Еще в Древней Греции обыденная реальность ассоциировалась с пестротой, тогда как мир божественный и упорядоченный, Космос связывали с белым цветом. Поэтому этот цвет присутствовал в одеждах мудрейших и выдающихся граждан, позднее эту тенденцию переняли римляне. Белый цвет погребальной одежды говорит о порядке и гармонии происходящего. Получается, что после смерти человека ожидает что-то великое, постоянно повторяющееся, заложенное самой вселенной, а не всеобъемлющая скорбь и окончание всего.

Черный цвет – цвет конца, страха, мудрости, неизвестности

Ткань черного цвета применялась обычно для верхней одежды. В начале XX века этот цвет начал активно проникать в погребальную и траурную одежду восточнославянских народов. Это нововведение пришло с запада, точнее из Польши. Сначала оно распространилось среди городского населения, затем среди сельских жителей. У западных славян этот процесс смены цвета так же наблюдался [1,с.97].

В символике Византии и православия черный цвет в противовес белому означал завершение, конец любого действия или предмета. В иконописи только глубины пещеры, символ ада и могилы закрашивали черной краской. Также черный – цвет Дьявола и греха, и его искупления Христом. Отсюда скорбь и аскетизм также символизировались черным цветом, об этом так же говорят черные одеяния монахов [2,с.161]. Интересны рассуждения И.Е. Даниловой насчет черного цвета в иконописи. Дело в том, что в теории композиции отмечается свойство черноты искажать форму предмета, давать ей неправильное восприятие, т.к. черный цвет заглушает светотень, поэтому черные предметы всегда кажутся тяжелее остальных. В иконописи черный выступает как символ мрака, символ тьмы внешней. Возможно, эта тьма изображалась в русской иконе неправильной формы как анти-

свет, антицвет и поэтому антиформа, ибо свет – это добро, то, что дает форму, тьма – зло, то, что уничтожает форму [2,с.161].

В буддизме черный характеризуется темнотой скрытого бытия. В конфуцианстве женская категория «инь» ассоциировалась с этим цветом. Индуизм же связывает черны цвет с чувственным движением вниз.

Английский этнолог В. Тернер связывает черный с бессознательным состоянием, опытом помрачения, затмения сознания [2,с.159].

Интересно, что женщины на востоке в будние дни носят черную одежду, когда как женщины западной культуры предпочитают белую, светлую. Но все меняется, когда дело касается ухода в «Мир иной»: западные женщины одевают черное, а восточные – белое.

Западная и восточная культуры по-разному воспринимают понятие смерти, стоит хотя бы посмотреть на различие в ассоциациях, возникающих при рассмотрении белого и черного в погребальной одежде.

Белый траур востока, смерть – это обращение к предкам, перерождение, часть вечного круговорота Вселенной, где все повторяется и жизнь вечна.

Черный траур запада – это конец всего, страх перед неизвестностью, скорбь о необратимой утрате жизни.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что до XX века у восточнославянских народов сохранялись исконные, восточные традиции, в том числе и в погребении, а вместе с этим и восточное восприятие смерти. Двадцатый век принес великие потрясения, вместе с ним стали уходить исконные традиции и обычаи у славян. Влияние западной культуры проявилось во всех сферах жизни, даже в обрядности. Сейчас мы уже привыкли к черному трауру, «черному» восприятию смерти, но для наших предков ее просто не существовало, не существовало в том отношении, как ее привык воспринимать Запад.

Литература

---

1. Маслова Г.А. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19 – начала 20 вв.
2. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003. 672 с.

СТО ЛЕТ БРИТАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

М. И. Кобзева, А. О. Осипова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Г. Агафонова, ст. преподаватель кафедры английского языка

Кино – одно из самых молодых и в то же время одно из самых массовых искусств. Его история по сравнению с тысячелетней историей музыки, живописи или театра коротка. Вместе с тем, миллионы зрителей каждый день заполняют залы кинотеатров, и еще больше людей смотрят кинофильмы по телевидению. Кино оказывает мощное воздействие на сердца и умы людей.

Мнения о британском кино достаточно противоречивы. В разные эпохи развития британского кинематографа оно удостоивалось различных оценок, переживало свои расцветы, застои и падения. И для каждого явления существовали свои причины, предпосылки и сопутствующие условия. В разное время в их роли выступали объемы финансирования, влияние Голливуда, война, международное сотрудничество, государственная поддержка и другие.

В период своего зарождения – конце XIX – начале XX века – английское кино в области производства и по уровню мастерства считалось передовым. Основой его явилась Брайтонская школа. В 1898 году в курортном уголке Брайтон начинают снимать фильмы Дж.А. Смит (*George Albert Smith*), Дж. Уильямсон (*James Williamson*). Все они по профессии были фотографами и поэтому быстро освоили технику киносъемок, сделав немало ценных открытий в области новых выразительных средств кино. Смит (*George Albert Smith*) в своих лентах «Бабушкина лупа» (*Grandma's Reading Glass*, 1901) и «Что видно в телескоп» (*As Seen Through a Telescope*, 1900) ввёл чередование планов разной крупности, что положило начало технике монтажа. Уильямсон (*James Williamson*), начинавший работу кинооператором хроники, использовал в своих лентах репортажную технику: свободное перемещение действия с одного места на другое, съёмки на натуре и др.[1]

В 1908 наметился кризис кинематографа. Большая часть средств направлялась на эксплуатацию кинозалов, а не в кинопроизводство. В прокате появлялись преимущественно зарубежные фильмы. К 1915 году положение британского кино улучшилось: количество выпускаемых фильмов возросло в несколько раз по сравнению с предыдущими годами. Большую часть, выпускаемых фильмов составляли экранизации театральных постановок и литературных произведений. Но

к середине 20-х гг. британская киноиндустрия в результате жесткой конкуренции уступила Голливуду. Преимуществом Голливуда являлся более крупный и развитый внутренний рынок кинопроизводства. К 1926 году количество британских фильмов, транслируемых в Британии, сократилось до 5 процентов. И в 1927 году в поддержку национального кино был принят «Закон о квоте», который обязывал выпустить в прокат определенный процент национальных фильмов. Производство фильмов действительно увеличилось, в 1929 году производство составило более ста фильмов. Вместе с тем, этот закон привел к созданию низкопробных и малобюджетных фильмов, снимаемых только для того, чтобы соответствовать квоте.

Появление звукового кино в начале 30-х годов способствовало подъему кинематографа. Альфред Хичкок (*Alfred Hitchcock*) снял первый озвученный фильм «Шантаж» (*Blackmail*, 1929). Именно он перенес литературный детективный жанр в кино. Но, сняв несколько фильмов в Великобритании, в 1940 году он переехал в Голливуд. Второй выдающейся фигурой 30-х годов стал режиссер Александр Корда (*Alexander Korda*), основавший кинокомпанию «Лондон филмс» (*London films*, 1932). Он снял ряд исторических фильмов, самым успешным из которых стал «Частная жизнь Генриха VIII» (*The Private Life of Henry VIII*, 1933). Пиком этого подъема стал 1936 год: количество выпущенных в этот год фильмов составило 192. Появление звука в кино также усилило и влияние уже популярных американских фильмов.

После недолгого периода расцвета кинопроизводство Великобритании пошло на спад. Причиной послужила непопулярность английских фильмов на внутреннем рынке, где господствовала американская продукция. 1937 год стал критическим для британской киноиндустрии. Из 640 действующих в период с 1925 по 1936 год британских кинокомпаний только 20 продолжили свое существование в 1937 году. Можно сказать, что Закон о квоте нуждался в пересмотре. Второй закон о квоте призывал к созданию фильмов более высокого качества, пусть и в меньшем количестве, и предусматривал возможность вложения иностранного капитала в английские фильмы. Важным результатом этого закона стало создание совместной англо-американской кинокомпания в Герфордшире, которая выпустила несколько успешных фильмов: «Янки в Оксфорде» (*A Yank at Oxford*, 1939), «До свидания, мистер Чипс» (*Goodbye Mr. Chips*, 1939).

Вторая мировая война как будто вдохновила британских режиссеров. Все чаще в фильмах использовалась документальная съемка. Режиссеры-документалисты начали создавать более реалистичные кар-

тины: «В котором мы служим» (*In Which We Serve*, 1942), «Миллионы таких, как мы» (*Millions Like Us*, 1943), «Погружаемся на рассвете» (*We Dive At Dawn*, 1943), которые создавали популярный национальный образ военных [2].

Тяжелое послевоенное положение не мешало развиваться киноиндустрии. В 1945 году после долгого правления партии тори к власти, одержав сенсационную победу на выборах, пришли лейбористы. Ими были проведены социальные реформы, которые положительно повлияли на начало длительного расцвета киноиндустрии.

Во время правления партии лейбористов (1945-1950 гг.) продолжался «Золотой век» британского кино. Успех фильмов этого периода улучшил международную репутацию британского кинематографа. Фильм «Красные туфли» (*The Red Shoes*, 1948) стал самым коммерчески успешным фильмом в США, а картина «Гамлет» (*Hamlet*, 1948) стала первым неамериканским фильмом, получившим премию американской киноакадемии как лучший фильм года. Другие успешные фильмы этого периода: «Большие надежды» (*Great Expectations*, 1946), «Оливер Твист» (*Oliver Twist*, 1948), «Третий человек» (*The Third Man*, 1949) [2].

В начале 50-х годов телевидение становится альтернативой кинотеатрам. Это заставило киноиндустрию выпускать конкурентоспособные картины. Основу коммерческого кино составлял детективный жанр, в том числе экранизации произведений Агаты Кристи об Эркюле Пуаро и Мисс Марпл, знаменитые фильмы о Джеймсе Бонде, комедии, военные фильмы и фильмы ужасов. В 1957 году киностудия *Hammer Films* начинает выпускать серию цветных фильмов ужасов, которые имели огромный успех. Коммерческий успех первых картин вдохновлял режиссеров на выпуск сиквелов. Всего в серию вошло более 40 картин, основными героями которых стали: Франкенштейн (*Frankenstein*), Дракула (*Dracula*) и Мумия (*The Mummy*).

Для характеристики фильмов 1955-1963 годов используют термин «Новая волна». Менее жесткая цензура позволила затронуть в кино запретные ранее темы, такие как аборт и гомосексуализм. На режиссеров «новой волны» повлияло движение документального кино «Свободное кино», основанное Л. Андерсоном (*Lindsay Anderson*) в 1956 году. Также свое влияние оказала группа писателей «Рассерженные молодые люди» (*Angry Young Men*). Все пьесы писателей были объединены общей идеей. Как правило, главным героем был человек из среднего, рабочего класса, который протестовал против окружающей его действительности. Лидерами этого движения считали Джона Осборна (*John Osborne*) и Кингсли Эмиса (*Kingsley Amis*). Успех

фильмов этого периода («Вкус меда» *A Taste Of Honey*, 1961; «Кожаные парни» *The Leather Boys*, 1964) привлек иностранных инвесторов в британскую киноиндустрию.

Вторая половина 60-х годов отмечена привлечением зарубежных режиссеров. В Великобритании польский режиссер Роман Полански снял свои фильмы «Отвращение» (*Repulsion*, 1965) и «Тупик» (*Cul-de-Sac*, 1966), а французский режиссер Франсуа Трюффо (Francois Roland Truffaut) снял здесь свою единственную англоязычную картину «451° по Фаренгейту» (*Fahrenheit 451*, 1966) [3].

После столь успешного периода уже в конце 60-х – начале 70-х в национальной киноиндустрии произошел спад. Отток американских инвестиций приводит британский кинематограф к очередному кризису. Крупномасштабное британское кинопроизводство становится всё более единичным и часто кажется устаревшим по сравнению с американским. Из наиболее успешных британских картин этого времени критики отмечают экранизации романов Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе» (*Murder on the Orient Express*, 1970) и «Смерть на Ниле» (*Death on the Nile*, 1978). Некоторые другие примечательные фильмы этого периода, такие как «Посредник» (*Go-between*, 1971), который завоевал «Золотую ветвь» Каннского фестиваля в 1971 году, последний фильм А. Хичкока «Безумие» (*Frenzy*, 1972), триллер Николаса Ру (*Nicolas Roeg*) «А теперь не смотри» (*Don't look now*, 1973) также имели успех. Остальные картины приносили британскому кинематографу лишь неудачи [3].

Снижение цензуры в 70-х гг. привело к незначительному подъему создания малобюджетных картин и появлению такого жанра как «мягкая порнография» («Исповедь чистильщика окон» *Confessions of a Window Cleaner*, 1974). Также благодаря ослаблению цензуры, в британской киноиндустрии появился ряд сомнительных и спорных фильмов «Демоны» (*The Devil*, 1970) Кена Рассела (*Kenneth Alfred Russell*), «Заводной апельсин» (*A Clockwork Orange*, 1971) Стенли Кубрика (*Stanley Kubrick*). Эти фильмы вызвали резонанс и неоднозначную реакцию в обществе.

К началу 80-х кризисная ситуация кинематографа усугубилась. Британская киноиндустрия находилась в худшем положении, чем когда-либо. За 1980 год был выпущен всего 31 фильм! Это составляет половину производства за предыдущий год и самый низкий уровень кинопроизводства с 1914 года. Однако появление кинокомпании *Goldcrest* и ее продюсера Дэвида Паттнема (*David Puttnam*) изменило ситуацию. Фильмы «Огненные колесницы» (*Chariots of Fire*, 1981), «Местный герой» (*Local Hero*, 1983), «Ганди» (*Gandhi*, 1983) получи-

ли международное признание и награды и принесли видимый успех британскому кинематографу. Этот успех побудил британцев снимать более крупнобюджетные фильмы («Поездка в Индию» *A Passage to India*, 1984; «Комната с видом» *A Room with a View*, 1986). К сожалению, дальнейшие попытки снимать «большое» кино на экспорт заканчивались провалом. Вскоре компания Голдкрест обанкротилась, а британская киноиндустрия снова пришла в упадок [2].

Но с наступлением 90-х гг. ситуация в мире британского кино изменилась – появилось принципиально новое кино. Киноиндустрия этих лет переживала возрождение. Год за годом английские фильмы получали международный успех и признание («Жестокая игра», *The Crying Game*, 1992), «Английский пациент» (*The English Patient*, 1996). Этот успех привлек внимание и вновь вызвал интерес иностранных инвесторов – была создана серия совместных британских фильмов с США и Францией: «Интервью с вампиром» (*Interview with the Vampire*, 1994), «Звездные войны эпизод I: скрытая угроза» (*Star Wars Episode I: The Phantom Menace*, 1999), «Пятый элемент» (*The Fifth Element*, 1997).

Новое столетие открыло британскому кинематографу новые перспективы. Кинокомпании создают успешные коммерческие проекты, которые приносят престиж и международный успех британской киноиндустрии: «Дневник Бриджит Джонс» (*Bridget Jones's Diary*, 2001), «Гордость и предубеждение» (*Pride and Prejudice*, 2005), «Последний король Шотландии» (*The Last King of Scotland*, 2006). Огромный успех британскому кино принесла также экранизация произведений Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. А в 2008 году всемирную известность приобрел фильм «Миллионер из трущоб» (*Slumdog Millionaire*, 2008), он был снят в Мумбаи (Бомбее) преимущественно с индийскими актерами, однако режиссер, продюсер и сценарист были британцами. Это первое кино с момента создания британского «Гамлета» в 1948 году, снятое полностью на британские средства. «Миллионер из трущоб» завоевал множество международных кинопремий, что в очередной доказало способность Великобритании снимать качественное кино.

Тенденция последних лет повлияла на отношение к британскому кино. Можно сказать, английское кино получило, наконец, мировое признание, а вера в существование британской киноиндустрии и подлинное уважение к ней вернулись.

Сегодня британское кино широко и разнообразно: костюмные драмы о монархах – от Елизаветы I до Елизаветы II, гангстерский юмор Гая Ричи, фантастические сказки о Гарри Поттере. Кстати, фильмы о Гарри Поттере – прекрасный пример того, как британские

идеи, основанные на британском материале, воплощенные на пленку британскими актерами на британских студиях, но на американские деньги, завоевывают мир. При таких условиях за судьбу британского кино можно не беспокоиться.

Литература

---

1. Английский кинематограф // Учебно-научный центр РГГУ «История и экранная культура»: сайт. 2009. URL: <http://kinocenter.rsuh.ru/lib/GB/ENGLAND.htm> (дата обращения: 11.02.2010)
2. Cinema of the United Kingdom // Wikipedia: the free encyclopedia. 2010. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Cinema_of_the_United_Kingdom (дата обращения: 14.03.2010).
3. Cinema Britain: сайт. 2004. URL: <http://webpace.webring.com/people/gj/jlinwood/index.htm> (дата обращения: 11.02.2010)

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ БРИТАНИИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА В НОВУЮ ВЕРУ

С. С. Косторева, М. Л. Шеина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Г. Агафонова, ст. преподаватель кафедры английского языка

История средневековой Британии полна интереснейших событий, многие из которых до сих пор остаются загадкой. Некоторый свет проливают немногочисленные рукописные источники и еще более редкие археологические находки. К одному из таких событий относится и так называемая вторая волна христианизации Англии – процесс, достаточно длительный и болезненный, процесс, продолжавшийся более полувека и сопровождавшийся конфликтами и кровопролитными войнами.

Напомним, что Британия уже переживала первую волну христианизации в период римского нашествия с 43 года до н.э. по 410 год н.э. Но в 410 году римлянам пришлось оставить Британию, поскольку Римская империя подверглась нападению германских племен. Местное население вступило в ожесточенную борьбу с небольшими группами римских солдат, которые остались на границах для сохранения порядка. Это сопротивление переросло в гражданские войны и страна оказалась в ослабленном положении, что позволило германским племенам очень легко захватить власть на острове. Страна вновь погру-

зилась в пучину варварства и язычества, где наибольшим почетом и уважением пользовался бог войны Водан.

Германское (или англосаксонское) завоевание коренным образом отличалось от римского. Германцы сгоняли местное население с насиженных мест, а тех, кто сопротивлялся и отказывался уходить, убивали. Так как англосаксы заняли лидирующие позиции на территории Британии, они повлияли и на формировании культуры и религии местного населения.

К концу VI века на территории Британии сформировалось семь королевств: Нортумбрия на севере, в центральной части – Мерсия, к востоку от нее – Восточная Англия, к югу – Эссекс, Суссекс и Уэссекс и на юго-востоке – Кент. Наиболее могущественными из них на тот момент были Кент, Мерсия, Нортумбрия и Уэссекс с поочередным доминированием Кента, Нортумбрии, Мерсии, а затем и Уэссекса. Помимо них существовала масса крошечных королевств-однодневок [1, с.16 – 18; 2].

Начало христианизации англосаксов описано в «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного (673-735 гг.) и в «Житии святого Уилфрида», в которой рассказывается, как папа римский Григорий I в начале зимы 590 года направил в Британию миссию для проповедования Евангелия во главе с бывшим настоятелем монастыря святого Андрея в Риме – епископом Августин. В начале 597 года миссия прибыла в Кент ко двору короля Этельберта, правление которого ознаменовалось для Британии восстановлением того курса, на который она была направлена до германского завоевания.

Этельберт был женат на дочери короля франков, что помогло создать династический союз между островом и континентом. Жена Этельберта – Берта, как и все ее придворные, проповедовали христианскую веру, и именно этот союз давал католической церкви отличную возможность восстановить христианство на территории Британии [2; 3, с. 16– 17].

При помощи жены короля Августину удалось склонить Этельберта к христианству, и в результате этого получить разрешение проповедовать и обращать население в свою веру. Миссионеры ревностно взялись за дело и к Рождеству 597 года окрестили около 10 тысяч язычников. Узнавший об этом папа поручил Августину устроить два архиепископства: на севере, в Йорке и второе – в Лондоне. Но поскольку столица Этельберта располагалась в Кентербери, то Августин изменил первоначальный план и разместил архиепископство в этом городе. В 601 году Папа Григорий I пожаловал Августину сан архи-

епископа Кентерберийского. С тех пор этот титул носит верховный иерарх английской церкви [1, с. 19].

Под давлением короля Кента новую веру вскоре приняли зависимые от него короли Эссекса и Восточной Англии. Редвальд, король Восточной Англии, в отличие от Этельберта решает поклоняться и христианским, и языческим богам сразу. Поэтому в одном королевском храме были установлены и языческие, и христианские алтари, что естественно, приводило к ситуации двоеверия.

После смерти короля Этельберта в 616 году по Кенту, Эссексу и Восточной Англии прокатилась волна языческой реакции. Судя по краткому сообщению Беды Достопочтенного, сыновья и наследники короля Эссекса обратились к старым богам и изгнали Лондонского епископа и всех его сподвижников. Лауренцию, преемнику Августина на посту архиепископа Кентерберийского, с большим трудом удалось убедить принять крещение нового кентского короля Эадбальда, который был убежденным язычником.

Значительную роль в христианизации англосаксов сыграли представители северной ветви раннесредневековой церкви Великобритании – кельто-ирландской. В отличие от Британии, где положение христианства в начале VII века еще не вполне определилось, в Ирландии уже к середине V века церковь была хорошо организована и довольно влиятельна. Христианизация самой Ирландии связана с проповедью святого Патрика. Основным отличием ирландского христианства стала его специфическая организационная структура. В Ирландии, где отсутствовали города, епископские кафедры строились, главным образом, на монастырской основе, и епископы осуществляли власть не над определенным территориальным диоцезом, как это было на континенте, а над совокупностью связанных между собой монашеских общин. Преобладающее влияние монашества в кельто-ирландской церкви сделало ее более аскетичной по своему характеру, чем римская, а ирландские отшельники были известны по всей раннесредневековой Европе своей строжайшей дисциплиной и личной святостью. Но эти две церкви разделял и гораздо более существенный вопрос – о дате празднования Пасхи. В ирландской и римской церквях она праздновалась в разные дни в зависимости от того расчетного цикла, которым пользовались священнослужители. Это противоречие вскоре переросло в ожесточенный догматический спор и на долгое время стало главным предметом межцерковных дебатов [2].

В 20-х гг. VII века римская Церковь приступила к миссионерству на северных территориях Великобритании, в частности, в Нортумбрии. Посланцы Кентерберии, возглавляемые одним из спутников Ав-

густина – священником Паулином – появились в Нортумбрии в 619 году, когда нортумбрийский король Эдвин посватался к Этельбурге – сестре короля Кента Эадбальда. Эадбальд отказал владыке Нортумбрии, указывая на то, что исповедующей христианство Этельбурге невозможно сочетаться браком с язычником. На что Эдвин пообещал не только разрешить ей и ее близким свободно отправлять христианские обряды, но и подумать о собственном крещении. Паулин в течение нескольких месяцев после свадьбы уговаривал короля Эдвина сдержать обещание и принять крещение, но он отказывался, не помогали даже увещательные письма папы Бонифация V. В канун Пасхи – 12 апреля 627 г в Йорке в церкви святого апостола Петра, наскоро построенной из дерева, состоялось крещение короля с семьёй и свитой.

Под влиянием кентского короля христианство было вскоре восстановлено и в Восточной Англии; в этом королевстве появляются собственные епископы, формально подчиненные Кентерберии.

Приобщение северных англосаксов к христианству было прервано в 633 году, когда король Эдвин был убит в сражении с объединенными силами королевств Гвинед и Мерсии при Хэтфильде. Последовал короткий период реставрации язычества, а затем в страну прибыли кельто-ирландские миссионеры. Новый король Нортумбрии Освальд получил воспитание у монахов на острове Айона. Вступив на престол, он обратился к своим учителям с просьбой прислать епископа для восстановления христианства. Выбор пал на священника Айдана. При активном содействии Освальда он основал монастырь неподалеку от королевской резиденции Бамборо, на острове Линдисфарн, который стал центром распространения канонов и литургической традиции ирландской церкви. Айдан стал одновременно и аббатом новой обители, и епископом Нортумбрии. Освальд сам принимал деятельное участие в христианизации королевства, был личным переводчиком и помощником Айдана, сопровождал его во всех миссионерских поездках.

В Уэссексе начало проповеди христианства связано с именем святого Бирин, которого папа Гонорий I перед его миссионерским путешествием сделал епископом. В 634 году Бирин прибыл в Уэссекс, избрав для своей кафедры г. Дорчестер, и в следующем же году при поддержке нортумбрийского короля Освальда крестил уэссекского короля Кинегильса со всеми его подданными. Освальд стал одновременно и крестным отцом и зятем Кинегильса, женившись на его дочери [2].

Иначе обстояло дело в королевстве Мерсия, где трудности евангелизации и становление церковной структуры были связаны с личностью его правителя Пенды, который поддерживал язычество на госу-

дарственном уровне. В отсутствии того, что бы сейчас назвали «применение административного ресурса», широкомасштабная миссионерская деятельность и уж тем более массовая христианизация населения в Мерсии была невозможна. От рук воинственного и жестокого Пенды пали многие англосаксонские короли. Трое из них, как мученики, пострадавшие за Христа и его веру, были позднее причислены христианской церковью к лику святых. Это уже упомянутые нами первый христианский король Нортумбрии Эдвин, его преемник Освальд и король восточных англов Сигеберт [4].

Между тем, Пенда, будучи сам убежденным язычником, не был враждебен к христианству как таковому и постоянно воевал, по мнению исследователей, не столько против новой веры и ее носителей, сколько против королей-сюзеренов и за господство своего королевства на острове. Он даже разрешил креститься своему сыну и соправителю Пеаде. Преемники и последователи святого Айдана, пользуясь благосклонностью Пеады, успешно продолжали проповедь без страха быть убитыми или выгнанными не только в центре Англии, где правил сын Пенды, но и на более южных территориях вплоть до Темзы.

Вместе с тем, распространение нортумбрийцами новой веры по восточному побережью вновь свидетельствовало о господстве Нортумбрии и сулило Мерсии положение вассала. В 655 году Пенда развязал очередную битву с нортумбрийским королем Освиу, сменившим Освальда на царском троне. Для правителя Мерсии эта битва оказалась последней, а со смертью Пенды, как показала история, в Мерсии – последнем оплоте язычества – умерла и старая вера [2; 3, с. 24 – 25].

К концу VII века христианизация наиболее мощных англосаксонских племен была формально завершена. Архиепископство Кентерберийское формально оставалось во главе англосаксонской церковной организации. Что касается северных регионов Англии, то здесь господствовала кельто-ирландская церковь, которую поддерживали могущественные владыки Нортумбрии.

VII и VIII века в Англии были временем расцвета христианской жизни, монашества, культуры, литературы, учености. Новая церковь ввела Англию в систему тесных связей с Римом и континентальными единоверцами, что способствовало обогащению англосаксонской культуры новыми элементами. Латинский язык снова приобрел популярность на английской земле. Цивилизация, искусство, письменность, которые были потеряны из-за германского завоевания, вернулись вместе с христианской верой. Благодаря христианству, в Англии начала формироваться новая культура, началось фиксирование исторических событий, повсеместное распространение образования.

1. Бурова И.И. Две тысячи лет истории Англии. СПб.: Бельведер, 2002. 544 с.
2. Павлинов П.С. Великобритания [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия: электронная версия. 2009. URL: http://www.pravenc.ru/text/150119.html#part_11 (дата обращения: 01.03.2010).
3. Green J.R. A Short History of the English People. London: Macmillan and Co., 1894. 872 p.
4. Лапа Д. Британские мученики [Электронный ресурс] // Православие.RU: сайт. 2010. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/31127.htm> (дата обращения: 25.02.2010).

ПЕСЕННЫЙ МАТЕРИАЛ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ (СРЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ОБУЧЕНИЯ)

Е. В. Красикова

с. Парабель, МОУ «Заводская СОШ»

Аудирование – очень сложный вид речевой деятельности, вызывающий у учащихся ряд сложностей, испытывая которые учащиеся теряют всякий интерес к данному виду деятельности. Если слушающий испытывает потребность слушать, то это ведёт к максимальной мобилизации его психического потенциала: обостряется речевой слух, более целенаправленным становится внимание, повышается интенсивность мыслительных процессов.

Мотивация является главным условием при формировании навыков аудирования [1, с. 237]. Одним из эффективных средств создания мотивации к изучению иностранного языка являются тексты, отражающие предпочтения школьников той или иной возрастной группы. С большим интересом слушают тексты о любви и дружбе, о жизни народов других стран, о природе. Другим средством создания мотивации являются тексты, посвященные молодёжным проблемам. Хорошим стимулом успешного аудирования является внесение в аудиотексты элементов юмора. Юмор способствует созданию атмосферы непринуждённости, релаксации. Важно опираться на страноведческий аспект, содержащийся в текстах, по средством которого развивается кругозор учащихся, воспитывается чувство симпатии к другим народам.

Правильно подобранный текст мотивирует учащихся при обучении аудированию. Это должны быть не трудные, но и не лёгкие, интересные тексты содержательного характера, небольшие по объёму.

Слишком трудные тексты могут вызвать разочарование учащихся, лишить их веры в успех. Слишком лёгкие аудиотексты тоже нежелательны. Отсутствие момента преодоления трудностей делает работу неинтересной, не говоря уже о том, что она не может быть развивающим фактором в процессе обучения иностранному языку.

Весьма эффективным является использование на уроках песен на иностранном языке. С помощью песен, при правильном их подборе и использовании, учитель может сформировать у учащихся необходимые навыки и компетенции, и развить умения, а также дать знания, в том числе страноведческого, лингвострановедческого и культурно-эстетического характера. Музыка является средством развития всех психических процессов ребенка, пробуждает и стимулирует творческие силы, эмоциональную отзывчивость.

Использование песен на уроке повышает интерес к предмету, содействует эстетическому воспитанию, развитию музыкального слуха, памяти, снижает утомляемость учащихся. Литературный текст песен дает учащимся возможность обогатить свой словарный запас новыми лексическими единицами, активизировать уже известный языковой материал, облегчает усвоение труднодоступных звуков, звукосочетаний, совершенствует умения экспрессивной устной речи.

Проанализировав учебный материал, представленный в отечественных учебниках, выяснилось, что песни редко используются на уроках английского языка. В учебниках же зарубежных авторов существует данная практика. В методической литературе данная тема представлена слабо, имеются лишь немногие разработки учителей-новаторов. По их словам, дети с удовольствием включаются в работу над песней, выполняют все задания, чувствуют себя увереннее и намного быстрее усваивают новый лексический и грамматический материал, не боятся говорить на изучаемом языке [4, с. 16]. И все это благодаря интересным и творческим заданиям к песням. Если раньше учащимся предлагали прослушать песню, а затем прочитать ее текст и перевести, то сейчас существует новая методика, которая предлагает работу перед прослушиванием песни и после него. Как нам кажется, работа с песней, как и с любым другим текстом, должна проходить в три этапа: перед, вовремя и после прослушивания.

Одним из условий успешного использования песенного материала является его отбор и методическая организация. Существуют следующие принципы его отбора [2, с. 41]:

- принцип аутентичности;

- принцип воздействия на эмоциональную и мотивационную сферу личности с учетом возрастных особенностей и интересов учащихся;
- принцип методической ценности для формирования базовых речевых навыков и умений учащихся, который обеспечивается соответствием песенного материала тематике устной речи и чтения и другим программным требованиям обучения на данном этапе.

В соответствии с первым принципом все песни нужно заимствовать из оригинальных источников. Принцип аутентичности реализуется также в отборе лексического материала используемых песен, который не был адаптирован. Это отображается в том, что в текстах используемых песен сохраняются такие языковые явления:

- наличие слов и сокращений, характерных для разговорного стиля;
- пропуск или добавление букв в целях сохранения рифмы и ритма и отражение этого явления в орфографии;
- грамматические отклонения, инвертированный порядок слов и т.д.

Подобные лингвистические особенности характерны и для разговорной речи. Тем самым при использовании данного песенного материала в качестве учебного, создается база для понимания живой разговорной речи на слух.

С целью благоприятного воздействия на эмоциональную и мотивационную сферу обучаемых, отбирать нужно песни с яркой и запоминающейся мелодией.

Согласно принципу методической ценности отбираются песни, предполагающие знакомство с праздниками, государственными символами, героями сказок и т.д.

Хотелось бы привести ряд эффективных приемов работы с песней [3, с. 25]:

а) до прослушивания:

- ❖ На доске выписаны слова из песни. Слова читаются вслух, переводятся, происходит работа над произношением.
- ❖ Дальнейшая работа проходит в парах или в микро-группах. Задание: срифмовать слова (показать на примере). Дети зачитывают свои рифмы.
- ❖ Сочинить стихотворение, употребив получившиеся рифмы.

б) вовремя прослушивания:

- ❖ Слова песни раздаются на карточках. Задача учащихся поднимать карточку, когда они услышат свои слова, при этом

можно вставлять.

- ❖ Каждому учащемуся выдается строчка из песни. Нужно внимательно слушать песню и вовремя петь строчку.

в) после прослушивания:

- ❖ На этом этапе происходит анализ текста песни. Ответы на вопросы: о ком идёт речь? Что делает действующий персонаж? Как он это делает и др. в зависимости от содержания песни.
- ❖ Дети рассказывают содержание песни.

Предлагается следующая методика работы над песенным материалом – работа по карточкам с предложениями:

- раздать карточки и дать ученикам следующие указания:
  - ❖ Попробуйте понять отдельные предложения. Что они выражают?
  - ❖ Попробуйте затем так составить карты, чтобы получилась интересная история;
- запишите историю;
- прослушайте песню;
- записать затем на доске то, что поняли ученики.
- раздать текст песни и дать прочитать перед новым прослушиванием.

Дать задание: Какая карточка с предложением соотносится с какой строчкой из песни? Так как карточки с предложениями содержат упрощённую версию песенного текста, это задание хорошо разрешимо.

С помощью карточек с предложениями не только направляется внимание учеников на важные моменты в тексте песни, но и устраняются возникающие трудности при понимании.

Практически к каждому уроку можно подобрать песню, которая бы отвечала потребностям и целям урока. Эффективность работы с песенным материалом очень высока: повышается мотивация учащихся, в игровой форме достигаются цели урока, ученики раскованнее ведут себя на уроке, из песни они могут узнать о жизни носителей изучаемого языка. Значение данной работы трудно переоценить.

Интересно, что аудированию до недавнего времени уделяли недостаточно внимания, так как считали его лёгким умением. Существовала точка зрения, что, если при обучении устной речи преподаватель сосредоточит все усилия на говорении и обеспечит владение этим умением, то понимать речь учащиеся научатся стихийно, без специального целенаправленного обучения. Однако исследования показали, что через слуховой канал информация сохраняется в памяти прочнее, чем в любом другом случае. Таким образом, одним из основ-

ных путей получения учебных сведений в классе является аудирование. Поэтому очень важно, какие тексты будут предъявлены для прослушивания.

Литература

---

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учебное пособие для студентов лингвистических университетов и факультетов иностранных языков высших пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
2. Комарова, Ю. А. Использование современного песенного материала в обучении иностранному языку учащихся старших классов // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 4. С. 41–46.
3. Моргулёва, А. А. Гуманизация обучения общению на французском языке на основе поэтических и музыкальных произведений // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 1. – С. 25–28.
4. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие / Е. А. Маслыко, П. К. Бабинская, А. Ф. Будько, С. И. Петрова. – 4-е изд., стереотип. – Мн.: Выш. шк. – 1998. – 522 с.
5. Никитенко, З. Н. Аутентичные песни как один из элементов национально-культурного компонента содержания обучения иностранного языка на начальном этапе / З. Н. Никитенко, В. Ф. Аитов, В. М. Аитова // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 4. – С. 14–17.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕСЕН В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (СРЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ОБУЧЕНИЯ)

Е. В. Красикова

с. Парабель, МОУ «Заводская СОШ»

Как известно, все, что пережито эмоционально положительно, надолго остается в памяти людей. Поэтому во время занятий необходимо воздействовать не только на сознание обучаемых, но и на их эмоциональную сферу. Одним из средств, способных привлечь учащихся, вызвать у них интерес, и, вместе с тем, стимулировать их учебную деятельность, является песня. Так, еще в Древней Греции многие тексты разучивались пением, а во многих школах Франции и Индии это практикуется и в настоящее время.

Методические преимущества использования песен в обучении иностранному языку очевидны. Песня является великолепным средством повышения интереса, как к стране изучаемого языка, так и к самому языку. Это также эффективный способ повторения языкового материала. Песни служат более прочному усвоению и расширению

лексического запаса, так как в текстах песен содержатся новые слова и выражения. Одним из проявлений духовной культуры народа являются песни, в них часто встречаются географические названия, имена собственные, реалии страны изучаемого языка, что способствует приобщению учащихся к иноязычной культуре. Песни помогают учащимся закрепить грамматические явления и после активизировать в речи.

Использование песен на уроке обеспечивает тренировку механической памяти, способствует совершенствованию навыков иноязычного произношения, развитию музыкального слуха. «Разучивание и исполнение коротких, несложных по мелодическому рисунку песен с частыми повторами помогают закрепить правильную артикуляцию и произнесение звуков, правила фразового ударения, особенности ритма и т.д.» [3. С. 45].

Песни способствуют созданию благоприятного психологического климата на уроке. Они помогают разгрузить сознание учащихся, снять негативные эмоции, создать дружественную атмосферу в классе. Песни также играют важную роль в нравственном воспитании личности.

Как и любой другой учебный материал, песни следует подбирать с учетом целей и задач конкретного урока, возрастных и индивидуальных особенностей учащихся. Их можно применять в качестве дополнительного и основного материала на уроке, организуя различные виды работы.

Таким образом, в зависимости от методической задачи отдельного этапа урока песенный материал используется:

- 1) для фонетической зарядки на начальном этапе урока;
- 2) на этапе введения, первичного закрепления, а также тренировки детей в употреблении лексического и грамматического материала;
- 3) на любом этапе урока как стимул для развития речевых навыков и умений;
- 4) как средство релаксации в середине или в конце урока, когда учащимся необходима разрядка, снимающая напряжение и восстанавливающая их работоспособность [1. С.195].

Так, например, при закреплении грамматических конструкций на средней ступени обучения можно использовать песню “The More We Get Together”.

The more we get together, together, together,
The more we get together, the happier we'll be.
For your friends are my friends
And my friends are your friends;

The more we get together, the happier we'll be.
Oh, how's for getting friendly, quite friendly, real friendly?
Oh, how's for getting friendly, both your friends and mine?
If your friends like my friends
And my friends like your friends;

We'll all be friends together, now won't that be fine [2. C.17].

Данная песня является подходящей при изучении сравнительной степени прилагательных. При знакомстве с первым типом условных предложений подойдет песня "Hush, Little Baby".

Hush, little baby, don't say a word,
Daddy's going to buy you a mocking-bird,
And if that mocking-bird won't sing,
Daddy's going to buy you a diamond ring.
And if that diamond ring turns brass,
Daddy's going to buy you a looking-glass,
And if that looking-glass gets broken,
Daddy's going to buy you a billy goat.
And if that billy goat won't pull,
Daddy's going to buy you a cart and bull,
And if that cart and bull turn over,
Daddy's going to buy you a dog named Rover.
And if that dog named Rover won't bark,
Daddy's going to buy you a horse and cart,
And if that horse and cart fall down,

You'll still be the sweetest little baby in town [2. C.22].

При разучивании лексического материала можно использовать песню "Englishman in New York" в исполнении Sting. В этой песни отображена привычка британцев пить чай, при этом в определенное время [5]. Данный тип песен способствуют расширению лингвострановедческого кругозора учащихся. Для развития эстетической культуры учащихся подойдет песня "Song 5" из мюзикла "Only Love is Spoken Here".

Thank you for saying "thank you".
That's very nice thing to do.
Thank you for saying "thank you".
And you are welcome too.
In a world that's, oh, so busy,
Impersonal and tough,
There're two words like "thank you".
That's never said quiet enough.
So, thank you for saying "thank you".

It's a very nice thing to say,
Thank you for saying "thank you",
Yes, in every way.
It's a thing we should remember
And not forget to say,

So, thank you for saying "thank you" today [4. С.141].

Методика использования каждой песни предусматривает предварительное введение, активизацию и закрепление лексико-грамматического материала используемых песен.

Примерная последовательность работы с песней:

- 1) несколько вступительных слов о песне (её характер, стиль, основное содержание, история создания и т.д.), установка на первое восприятие песни;
- 2) первое музыкальное предъявление песни; знакомство с музыкальной стороной песни: особенностями мелодии, ритма, деление на музыкальные фразы;
- 3) проверка понимания содержания песни (дословный перевод текста учащимися под руководством учителя);
- 4) фонетическая отработка текста песни (на начальном этапе обучения иностранному языку целесообразно применять в этих целях в основном способ имитации);
- 5) повторное прослушивание песни (работу на этом этапе целесообразно проводить с опорой на текст);
- 6) чтение текста песни с дальнейшей отработкой звуков и интонации;
- 7) разучивание мелодии в процессе совместного исполнения песни с использованием фонограммы, а также аккомпанемента [1. С.195-196].

Таким образом, песня является важным функциональным средством в обучении иностранным языкам. Использование песен способствует не только развитию коммуникативной компетенции, творческих способностей, формированию активности личности, внесению на урок эмоционального колорита, но и помогает погружению учащихся в иноязычную культуру, воспитанию чувства уважения к культуре другого народа, способствует формированию личности, желающей вступить в межкультурную коммуникацию.

Литература

---

1. Виноградова, Л. Е., Щугорева, О. В. Работа над песней – один из путей повышения языковой компетенции учащихся // Устойчивое развитие не-

- прерывного образования в условиях его модернизации. – Томск. – 2003. – С.193-197.
2. Здорова, Б. Б. Запевай! : Сб. песен на англ. яз. для учащихся сред. шк. / Сост. Б. Б. Здорова. – Москва. – 1990. – С. 17, 22.
  3. Кудравец, О. В. Музыка и песни на уроках немецкого языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2. – С.45-50.
  4. Уроки английского языка. СПб. – 2000. – С. 141.
  5. <http://festival.1september.ru/articles/506238/>

СОЗДАНИЕ СТЕРЕОТИПА В КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-Х И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ КИНО

А. А. Ковальский

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Бернатоните, к. искусствоведения, доц.

Американский кинематограф чрезвычайно популярен. Его влияние на зрителей всего мира берет начало в 30-е годы. Тогда же, формируются и основные актерские типы: плохой парень, гангстер, повеса, грубый мачо, герой-любовник, шпион.

Но главной чертой американского кино, которая определяет его успех, является создание звездного актерского мифа. Мифа, который живет отдельно от актера в сердцах зрителей. Миф об актере создавался и формировался непосредственно зрителями, их представлениями о сущности актера. Зритель, безусловно, это одно из самых главных составляющих актерского успеха. И тот миф, в который поверит зритель, тот миф, который будет приемлем для всех – будет жить. Но ирония в том, что миф, который является выгодным для публики, зачастую является полным кошмаром для самого актера. С этого момента актер постепенно сужает круг исполняемых ролей, он становится чем-то шаблонным и общепринятым. Существуют определенные шаблоны и принципы формирования звезды в американском кинематографе. Эти принципы зависят от актерского амплуа, образа в котором зритель желает видеть своего героя. А герой в свою очередь становится стереотипом [5, с.290]. Потому что та роль в которой зритель любит своего героя в итоге и становится роковой для актерской личности. Сам образ актера в его персонаже становится стереотипом, так как образ, созданный звездой изначально, должен соответствовать потребностям публики. Ведь если нет, то жизнь звезды «заканчивается». Типология звезды американского кино сложилась еще в далекие тридцатые годы, когда волна нового кино стала вызывать новый интерес. Интерес, который неустанно поддерживался, благодаря чему нашел свое отражение в 21 веке. Актеры как старого американского ки-

но, так и нового, часто используют свою внешнюю привлекательность вместо актерской игры. Этот факт нельзя считать требованием нашего времени. Это требование было всегда.

Период конца 1920-х и начала 1930-х является фундаментальным периодом в формировании звездного типажа. Именно в эту эпоху появляются первые звезды кинематографа. Потому что люди начинают иконизировать личность, культивировать ее. На опыт ставших уже классическими звезд, опиралось еще ни одно поколение. Ярчайшим примером можно считать актера немого кино Рудольфо Валентино (1895–1926). Своей задумчивостью, средиземноморскими чертами лица, пронзительным взглядом Валентино смог завоевать целый легион верных поклонников. История жизни и смерти Рудольфо Валентино, первого секс-символа в истории кино, изобилует всевозможными легендами, анекдотами и, конечно, тайнами. Многие из них порой неправдоподобны: как слух о его отношениях со сценаристкой Джуин Матис, в чьей могиле он якобы сейчас лежит между ее телом и телом ее мужа. Порой откровенны, как история о его погубленной молодости и подозрение в гомосексуальности; порой таинственны, как рассказы о женщине в черном, которая каждый год приносила цветы на его могилу. Все эти истории лишний раз доказывают, какое огромное влияние имел и имеет до сих пор Валентино на воображение зрителей. Актер привлекал зрителей своей некоторой леностью и неопределенностью. Эти черты стали его визитной карточкой [1, с.583].

Считается, что Рудольфо Валентино первый актер, сделанный киностудией, т.к именно в период его популярности в 1920-е годы, кино стало популяризировать своих героев. Выставлялась напоказ их закулисная жизнь, выдумывались нелепые истории о специфических чертах характера, о сексуальных предпочтениях актеров. Все это, безусловно, способствовало популярности актера. Киностудия с большой охотой разогревала интерес общественности к своим актерам. Таким образом сразу выяснялось, кого нужно снимать, а кого не стоит. Кто подойдет для той или иной роли. Выстраивалась целая рейтинговая система популярности. Организовывались личные почтовые ящики актеров киностудии, чьи адреса печатались в популярных журналах. Некоторым актерам приходило по сотне писем в день, некоторым меньше, другим и вовсе ничего. Такой путь выживания актеров поддерживается в «Голливуде» и по сей день. Невиданная популярность Рудольфо Валентино в 20-е невозможно ощутить сегодня. Говорят, что на самом деле было захоронено не настоящее тело Валентино, а восковая имитация. Его семья боялась, что возбужденные фанаты просто разорвут тело своего кумира. Таковую бешеную популярность

сегодня можно сравнить лишь со столь же шумной смертью Майкла Джексона (вокруг которой не меньше легенд) или, например, с нездоровым фанатизмом к группе «The Beatles» в 70-х... Как женщины, так и мужчины были очарованы Рудольфо Валентино. Они замирали при его появлении – и все это происходило на фоне сексуальной свободы и раскрепощенности 1920-х годов. Здесь можно отметить, что формирование шаблонов кинематографа, границы поведения актера во многом связаны с социальными явлениями, которыми сопровождается то или иное время. Запреты и раскрепощение в кино неразделимы с общественной жизнью. Чего только стоит «Кодекс Уилла Хейса», который тогда наделал много шума.

Кодекс был введен политиком-республиканцем Уиллом Хейсом в 1930 году. Это был свод строгих правил цензуры для поддержания моральных стандартов в фильмах. Кодекс изменил философию кино. До тех пор фильмы раздвигали границы допустимого. Но вдруг Голливуд стал превращаться в верную слугу существующего порядка. Для борьбы с федеральной цензурой Уильям Хейс разработал политику «открытых дверей». Он наладил связи с авторами и актерскими организациями («Актерский профсоюз», «Американские драматурги», «Американская федерация музыки», «Лиги авторов», «Клуб Кинокамеры», «Гильдия сценаристов» и т.д.), объединившимися под эгидой Лиги по распространению и защите искусств и литературы, которая выступала за свободу выражения. Были введены специальные рекомендации для актеров. Следует избегать:

- неприличных ситуаций;
- показа торговли женщинами;
- показа внебрачных взаимоотношений, который оправдан лишь в том случае, если добродетель вознаграждена, а порок наказан;
- неоправданного показа обнаженного тела, ибо он опасен;
- некоторых форм танца, которые не подходят для экрана;
- в обязательном конфликте между добром и злом часто приходится показывать подонков общества, но следует по возможности избегать использования яда;
- преступления и порока, ибо это – свидетельства дурного вкуса;
- в пьянстве нет ничего привлекательного, и оно не должно занимать на экране заметного места;
- отвратительные стороны жизни могут быть показаны время от времени, но они не могут составлять основы сюжета.

В 1960-е годы студии отказались от соблюдения запретов устаревшего кодекса, и в 1967 году он был упразднен [4, с.144].

У каждого времени свои кумиры, у каждого времени свои каноны, по которым выбирают кумиров. Звезды сменяются, но шаблон остается. Он совершенствуется и принимает новые формы. Меняется лишь система, технология которой становятся все более совершенной. В отличие от 20-х годов, современный кинематограф поднялся на несколько ступеней выше в плане пиар-индустрии своих актеров. Если раньше, для того что бы стать звездой и заработать себе репутацию, актер должен был играть в кино, то сегодня и этого может быть много. В наши дни «звездой» можно стать, не прилагая собственных усилий. Промо-индустрия сделает «суперзвездой» кого угодно. Нужен лишь хороший пиар-ход, скандал в прессе, интересные фотографии в интернете и капля везения. Парадокс в том, что такая «звезда» – это «звезда-однодневка». Массовое сознание ждет зрелищ и проглатывает буквально все, что предлагается массовой культурой. А массовая культура знает, как привлечь к себе внимания. Максимальное упрощение для понимания создает иллюзию интересного и необходимого. В какой-то степени так зритель и попадает на удочку киностудии, которая предлагает новую звезду, звезду в таком виде, в котором ее хочешь именно ты! Такие «звезды» сгорают не успев разгореться, они падают и не оставляют после себя даже следа [2, с.300].

Актеры сменяются, а шаблон остается, он просто совершенствует свою форму в зависимости от того, в каком времени находится. А зритель, в свою очередь, выбирает, каким образом должны выглядеть любимые звезды. Киностудия ориентируется на мнение массы, т.к в этом залог успеха. Студии и агенты 40-х, 50-х и 60-х годов контролировали, кто с кем встречается. Таким образом, они выстраивали приемлемый фасад для прессы. Сегодняшние звезды в какой-то степени обманывают себя, когда думают, что сами решают, с кем и в какой компании им проводить время.

Актеры привлекают зрителя своими образами, поэтому многим из них приходится скрывать свое истинное «Я» от прессы, что сегодня сделать крайне нелегко. Из-за этого зрителю становится труднее раздвигать свои фантазии. Чем больше ты знаешь о личной жизни актера, тем труднее фантазировать о том или ином, конкретном человеке, которого играет актер. Все чаще современные актеры играют на экране самих себя, а зрителю трудно увидеть себя в таком персонаже. Скорее всего, эта проблема не исчезнет со временем. Потому что все, что угодно, может происходить за закрытыми дверями, но правительство американского кино сделает все, что бы скрыть правду о Голливуде, правду, которая может сломать устоявшиеся веками стереотипы, понятия и образы.

1. Шнайдер С.Д. 501 КиноStars – Биографии и роли самых великих актеров мира. М.: Эксмо, 2008. 640с.
2. Гринин Л.Е. Звезды без грима. Кумиры шоу-бизнеса, кино и спорта. М.: АСТ Астрель, 2007. 383с.
3. Кто есть кто в мире. Большой биографический справочник. М.: Philosophическое общество «Слово»; М.: Эксмо, 2007. 390с.
4. Кукаркин А., Бояджиев Г., Шнеерсон Г., Чегодаев А. Кино, театр, музыка, живопись в США. М.: Знание, 1964. 346с.
5. Актерская энциклопедия. Кино Европы. М.: НИИ киноискусства, 2009. 408с.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТВОРЧЕСКОГО УРОКА МУЗЫКА

Е. Е. Ланкина

Томский государственный педагогический университет

Развитие творческого потенциала школьников возможно только в особых организационных формах, в учебных заведениях, по отношению не только к одаренным, но и к тем детям, педагоги и родители которых берут на себя усилие заботиться о художественно-эстетическом образовании. Все дети нуждаются в эстетически-творческом развитии. Поэтому требуется создавать педагогическую среду творческого развития, в том числе и в тех рамках, которые предоставляет для этого современная массовая школа. А это заставляет искать творчески-развивающие формы, применимые и в пространстве урока. И прежде всего здесь необходимо обратиться к ведущему компоненту системы творчески-развивающей музыкальной деятельности - детскому музицированию - импровизации, деятельно-игровым приемам, сочинению и досочинению, пластическим движениям и рисованию под музыку. И, соответственно, - к тем условиям и факторам, которые обеспечивают эффективную методику использования этих форм. Для того, чтобы эти виды музыкальной деятельности стали доступными всем детям младшего школьного возраста, очевидно, они должны основываться на освоении элементарных форм музыкальной выразительности, на формировании соответствующих им элементарных навыков музицирования (владения голосом или инструментом), на распределении этих видов музицирования по степени трудности соответственно способностям и склонностям детей и выделение на этой основе основных типов организации внеурочной музыкальной деятельности.

Импровизация является специфической формой обучения младших школьников. В ней более важен сам творческий процесс, нежели его результат. Импровизация, зарождающаяся в опыте спонтанного самовыражения детей, ведет через различные направления музыкально-импровизационной деятельности к созданию собственных композиций. В этом смысле большой интерес представляет опыт Б.Л. Яворского, который еще в 1920-х годах, разрабатывая новую систему музыкального воспитания школьников, особое внимание уделял вопросам детского музыкального творчества. Рассматривая импровизацию, как одну из ступеней "введения в творчество", Яворский классифицирует ее по следующим параметрам: двигательные импровизации, игра на детских ударных инструментах, групповое музицирование на фортепиано, дирижирование, где в основе лежат двигательные реакции детей; двигательные импровизации, связанные со звуковысотными ощущениями и игра на детских музыкальных инструментах, развивающая тембровый слух; изобразительные импровизации развивающие зрительные реакции детей: свободный спонтанный или живописный рисунок, графическая схема; создание литературных зарисовок, теоретических работ, сочинение небольших сценок и т. д., направленные на развитие литературно речевых связей [3].

Позднее импровизация, как один из компонентов детского музыкального творчества, находит свое освещение в исследованиях Н.А. Ветлугиной (в рамках дошкольной музыкальной педагогики), Г.С. Ригиной (музыкальная импровизация входит в структуру урока музыки в начальных классах), А.А. Пиличаускаса (музыкальная импровизация на основе инструментального исполнительства) и др. Большое внимание развитию навыков импровизации - ритмических, мелодических, инструментальных, пластических и других - уделяется в современных методиках развития музыкального слуха (П.Вейс, М.Микита, М.Долматов и другие), а так же в методиках обучения игре на фортепиано для начинающих.

Д.Б. Кабалевский относился к импровизации и сочинению музыки очень осторожно. В своей программе он писал: "Активизация творческой фантазии и творческой деятельности учащихся зависит, конечно, в первую очередь от подготовленности к этой работе самого учителя, от уровня его собственного творческого развития, музыкального вкуса, теоретической подготовки. Поэтому импровизацию нельзя рассматривать как обязательную часть программы школьных занятий музыкой, и отсутствие ее не может рассматриваться как недостаток в проведении уроков музыки" [4]. С одной стороны, правомерность

вышесказанного несомненна. А с другой стороны, это же высказывание подталкивает к мысли о необходимости импровизации, а не о необходимости ее, - справедливо считает В.А.Школяр [8]. "В импровизирующем музыканте" слиты композитор и исполнитель. В ходе импровизации исполнителя, по-видимому, самым непосредственным и оперативным путем реализуется композиторское воображение музыканта... Ребенок развивается не только как музыкант, но и как личность вообще", пишет В.Г. Ражников [6].

Отмечая в качестве основных видов импровизации - вокально-хоровую, инструментальную, музыкально-пластическую с элементами театрализации - подчеркнем, что она создает благоприятные условия как для внутриклассной индивидуализации музыкального обучения младших

школьников, так и для складывания внеклассных - собственно индивидуальных форм музыкального обучения и музыкальной деятельности.

Так, любой из указанных видов импровизации может найти свое решение в той или иной организационной форме. В частности, в условиях фронтальной работы класса можно использовать двигательные (ритмические) импровизации или импровизационный аккомпанемент к музыкальному фрагменту на ударных детских инструментах; творческие работы в виде изобразительных рисунков, цветовой палитры или линейного изображения в процессе восприятия детьми музыкального произведения.

Значение импровизационного творчества для музыкального развития ребенка и роль импровизации как вида учебной работы подчеркивал еще Б.В.Асафьев: "человек, испытавший радость творчества даже в самой минимальной степени, углубляет свой жизненный опыт и становится иным по психическому складу, чем человек, только подражающий актам других" [1]. "Самым необходимым делом в данном направлении я считаю развитие способности к импровизации" [2].

В импровизации, как и в любом другом виде музыкальной деятельности, органически сплетаются два момента: радость творчества и тот музыкальный опыт, который выражается в конкретном освоении ребенком музыкального языка, в приобретении и усвоении им определенных музыкальных знаний и навыков. Практический опыт введения импровизации в структуру музыкальной деятельности показывает не только большую заинтересованность детей процессом творчества, высокую их мотивацию в деятельности, но и несомненное положительное его влияние на музыкальное и художественно-творческое развитие учащихся в целом.

Эти выводы вполне согласуются с замечаниями Г.С.Ригиной, осуществившей еще в 70-е годы опыт интенсивного включения элементов импровизации в программу уроков музыки в школе. В своей книге "Уроки музыки в начальных классах" (1979) она писала: "Импровизация - одно из самых любимых занятий младших школьников. С удовольствием импровизируют не только те, кто умеет хорошо петь, но и слабо интонирующие дети, недостаточно владеющие своим голосом. В импровизации ребенок как бы раскрепощается, ему не надо подражать пению других, что часто бывает очень нелегко. Выступая с собственной мелодией, ребенок не боится спеть ее неверно и продемонстрировать тем самым свое неумение. Было замечено, что пробудить интерес ребенка к пению бывает легче именно в ходе импровизации" [7]. Таким образом, музыкальная импровизация выступает мощным и незаменимым фактором мотивации в музыкальной деятельности и музыкально-художественном развитии именно и прежде всего для учащихся младших классов средней школы.

Г.С.Ригина в своей методике использования импровизаций в школьном музыкальном обучении делает акцент на элементарных приемах вокальной импровизации ("музыкальный разговор", досочинение мелодий, сочинение подголосков, мелодизация стихотворных текстов). Но систематическое и направленное занятие импровизацией предполагает формирование навыков музицирования инструментального – во-первых, столь же свободного в мелодическом движении, как и вокальное (это задача - задача параллельного освоения элементарного интонирования голосом и на инструменте - вполне достижимая уже в первом классе), во вторых, использование гармонизирующего баса и интервала, придающих мелодической интонации функциональный смысл, ритмический пульс и эмоционально-динамический характер (эта задача после определенной подготовки становится реальной во 2-3 классе).

Позитивный в целом опыт Г.С.Ригиной и ее собственные выводы говорят, пожалуй, и о том, что ограничивать элемент импровизации только пространством урока и только импровизацией вокальной не вполне логично - именно в свете той роли, которую эта форма музыкальной деятельности может сыграть в плане художественно-творческого развития учащихся. Не менее, а, пожалуй, еще более привлекательна для детей и импровизация инструментальная (на инструментальном музицировании, в частности, делал акцент в своей системе детского музыкального воспитания К.Орф). В свою очередь инструментальная импровизация, как, впрочем, в некоторой степени и вокальная, требует определенной предварительной подготовки и, та-

ким образом, специального обучения хотя бы некоторым элементарным приемам музицирования. Само привлечение в учебном процессе такой формы музыкальной деятельности, как импровизация, заставляет расширять пространство этого обучения и включать в него хотя бы в минимальном объеме индивидуальную работу, в том числе, возможно и за пределами обычного урока музыки в школе.

С импровизацией тесно связано сочинение. Оно не только второй, более строгий и технически оснащенный авторский момент в творческой музыкальной деятельности детей, но и первичное средство приобретения импровизационных навыков. Именно элементарно облегченные формы сочинения и досочинения создают опору для того, чтобы свободное музицирование могло превратиться в осмысленную импровизацию. Когда речь идет об элементарном музицировании, границу между импровизацией и сочинением провести довольно трудно; эти виды деятельности способны соединяться в рамках выполнения творческих заданий.

В качестве одного из примеров творческих заданий приводим сочинение танца по сюжету любимой песни. Детям было предложено принести на следующий урок цветные зонтики, при этом не говорилось, для чего они будут предназначены. На уроке была спета песня, в которую дети включились с первой же фразы, подпевая весь текст ("Песенка крокодила Гены В. Шаинского). Творческое задание сочинить танец приветствовалось детьми, и они сами догадались, для чего нужны зонтики. В первом куплете (на слова запева) учащиеся имитировали упругие прыжки "через лужи" друг за другом, зонтики при этом слегка покачивались над головой. Перед припевом дети останавливались, на слове "такой" опуская зонтики на пол. На слова "Я играю на гармошке..." - изображали руками игру, поворачиваясь в стороны и выставляя попеременно ноги. На слова "К сожалению, день рождения..." - крутили перевернутые зонтики, прыгая поскаками галопа вокруг. Во втором куплете один из ребят догадался изобразить волшебника в вертолете, прокручивая зонтик над головой, другая рука на поясе, при этом продвигаясь вперед поскаками. Дети решили передать удивление от появления волшебника - на слова "Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете" всплескивали руками, прикладывая их к голове, затем хлопая на слова "и бесплатно покажет кино". На слова "с днем рождения поздравит" дети испытали затруднение, тогда мы подсказали волшебнику придумать подарок, за чем последовала имитация вручения букетика цветов девочке, следом - изображения раздачи мороженого всем по кругу ("волшебник" двигался боковым галопом внутри круга детей). Все движения класса при этом

осуществлялись на одном месте ("пружинки", слегка приседая). На припеве - новь игра на гармошке и кружение вокруг зонтиков. В третьем куплете на слова "Чебурашка, дружочек" дети изобразили персонажа, покачиваясь вбок, изображая при этом руками уши Чебурашки. На слова "Не пришли ко мне гости,..." - разводили руками, затем брали зонтики и усаживались по двое напротив друг друга с зонтиками над головой. Это движение требовало быстроты, поэтому отработка шла с помощью педагога, включая размещение детей по залу. На припеве дети вновь повторяли движения игры на гармошке, только уже в парах: один играет, другой танцует вприсядку (мальчики), кружась (девочки). Дети попросили играть сопровождение к песне еще раз, чтобы завершить танец. Они сделали круг галопа с зонтиками над головой, причем движение постепенно останавливалось вслед за ведущим, и дети "спрятались" за выстроенную из зонтиков "стену", из-за которой вдруг радостно подпрыгнули в конце отыгрыша на заключительном аккорде "сфорцандо" (Разработка Е.Ланкиной) [5].

Другой пример - графическое моделирование песни «Василек». Учитель исполняет детям несложную песенку, затем просит их прохлопать ее ритмический рисунок большими и маленькими хлопками ("блинчики" и "оладушки"). Далее предлагает изобразить ритмический рисунок на доске мелом с помощью длинных и коротких черточек в виде "заборчика" или "тире" разной длины, по желанию детей. Следуют неправильные и правильные варианты, учитель подбадривает детей, класс помогает справиться с заданием, прохлопывая метроритм. Затем учитель обращает внимание школьников на то, что мелодия имеет какое-то движение (какое?). В результате приходят к правильному ответу ("движется сверху вниз, как бы спускаясь по лесенке"). Дети заинтересованно определяют, сколько звуков повторяется на одной высоте. Вместе с учителем рисуют разные лесенки (вертикальную и ступенчатую) на альбомном листе. Педагог предлагает изобразить звуки цветочками, дети рисуют цветочные головки васильков. Дается задание расположить их правильно по высоте звуков, учащиеся размещают их на лесенках. Для лучшего закрепления узнавания длинных и коротких звуков можно использовать цветовой прием: предложить детям долгие звуки изобразить синими васильками, а короткие - фиолетовыми (или наоборот). Целесообразно долгие звуки к тому же изобразить более крупными васильками для лучшего воздействия зрительных ассоциаций. В итоге получается интересная графическая модель - красочная схема песенки. Результат закрепляется пропеванием всех трех куплетов с поддержкой гармоническим аккомпанементом, исполняемым учителем (возможно, мелодию в верхнем

регистре продублирует умеющий играть на фортепиано ребенок), что еще интереснее. (Разработка Е. Ланкиной)

Такие несложные задания представляются ценными для развития музыкального и художественного мышления детей, музыкальных способностей (чувства ритма, мелодического и гармонического слуха, ладового чувства, усвоения элементов музыкальной и нотной грамоты).

Литература

---

1. Асафьев Б.В. О музыкально-творческих навыках у детей // Из истории музыкального воспитания. – М.:1990.
2. Асафьев Б.В. Организация преподавания музыки в общеобразовательной школе. // Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Изд 2., Л., 1973 – 75 с.
3. Баренбойм Л. Путь к музицированию. Исследование. Изд.2-е, доп. – Л.: Советский композитор, 1979, - 352 с.
4. Кабалевский Д.Б. Основные принципы и методы экспериментальной программы по музыке. – М.: 1978.
5. Ланкина Е.Е. Лекции по методике музыкального воспитания. Бийск, БПГУ, 2002 – 52 с.
6. Ражников В.Г. Резервы музыкальной педагогики. – М.: Знание, 1980, - 96 с.
7. Ригина Г.С. Уроки музыки в начальных классах / Под ред. Л.В.Занкова. – М.: Просвещение, 1979. – 160 с.
8. Программно-методические материалы. Музыка. Начальная школа / Сост. Е.О.Яременко. – М.: Дрофа, 2001, - 288 с.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОДХОДОВ В МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

М. С. Медведицкая
ИК ТГПУ

Ранний возраст – это время, когда закладываются основы физического, психического, личностного развития человека. Потери, допущенные в этот период, невосполнимы в полной мере в последующей жизни. Это обстоятельство накладывает особую ответственность на взрослых за судьбу растущего человека. Музыкально-эстетическое воспитание направлено на совершенствование многих свойств личности ребенка. Педагоги, опираясь на данные физиологии и психологии, должны заботиться об оптимальном выборе и соотношении воспитательных воздействий, поскольку от этого зависит их эффективность. Н. А. Ветлугина пишет: « Если дети воспитываются в духе отзывчивости на все прекрасное в жизни, если они получают разнообразные

впечатления, занимаются различными видами музыкальной деятельности, то и их специальные способности к музыке развиваются плодотворно и успешно. Эти принципиальные положения кладутся в основу при организации различных видов музыкальной деятельности детей». Занимаясь пением, слушанием музыки и музыкально-ритмическими движениями, необходимо опираться на знания особенностей психики детей младшего возраста, природы возникновения их эстетических чувств, потребностей, склонностей.

Основой теории музыкального воспитания детей являются огромные воспитательные и познавательные возможности музыкального искусства. Впечатления детства глубоки и сильны, порой неизгладимы; использование музыкального искусства для углубления этих впечатлений - вот важная задача, которую стремятся осуществить педагоги в процессе воспитания детей раннего возраста. Они пользуются музыкой как одним из средств эмоционально-образного познания ребенком окружающей среды, формирования его личности. Цель педагогов - воспитывать средствами музыкального искусства чувства ребенка, его характер и волю, способствовать тому, чтобы музыка проникала в его душу, вызвала эмоциональную ответную реакцию, живое осмысленное отношение к окружающей действительности, глубоко связывала его с ней. Познание мира через художественный музыкальный образ обогащает личность ребенка, способствует всестороннему развитию и формированию его мировоззрения. Ребенок, усваивая способы музыкально-художественной деятельности, всесторонне обогащает свою личность. При этом очень важно то, что переживание образа создает определенное отношение к нему, формирует моральные оценки, имеющие гораздо большую силу, чем оценки просто сообщаемые и усвояемые. Следовательно, музыкальное воспитание необходимо использовать в целях формирования мировоззрения детей. В результате всей суммы разнообразного музыкального воздействия в детстве человек должен стать подлинным любителем музыки, культурным слушателем, способным иметь о ней собственное суждение. Музыкальный материал для детей должен быть тщательно подобран. Н.А. Ветлугина, рассказывая о международной конференции по музыкальному воспитанию детей и юношества, пишет:

« Крупнейшие музыканты мира – композиторы, музыковеды, педагоги, раздумывали, какой должна быть музыка для детей. По мнению многих из них, творческие деятели должны иметь ясное представление о передовых идеалах нашего времени и создавать глубокую демократическую музыку, яркую в ее жанровой характеристике... Детей, особенно маленьких, надо воспитывать на народной песне с яр-

ко выявленной ладовой основой. Писать следует в традиционно-классической манере, но совершенствуя ее приемы. Музыканты-педагоги в первую очередь используют для работы с детьми произведения, отображающие картины и явления природы, народную музыку. Музыкальный материал также тщательно подбирается с точки зрения его воспитательной и художественной ценности. Произведения, используемые в работе с детьми дошкольного возраста должны отвечать следующим художественно-педагогическим требованиям:

1. Быть высокоидейным; способствовать пробуждению и развитию гуманных чувств;
2. Быть художественными;
3. Эмоционально насыщенными;
4. Содержательными и занимательными по содержанию;
5. Мелодичными.

Мало только уделить внимание технически точному использованию произведения. Необходимо подчинить технику сознательно-выразительной интерпретации для того, чтобы помочь детям более глубоко воспринять музыкальный образ, осмыслить его содержание. В связи с этим первостепенное значение в процессе музыкального воспитания играют принципы **сознательности и активности**. Ничто не должно быть заучено без понимания смысла и значения, выразительных свойств, музыкальных явлений. Отсюда вытекает необходимость использования принципа **наглядности**, т.е. образования музыкальных впечатлений на основе конкретных музыкальных образов. И, наконец, все приобретенные детьми знания должны найти себе применение в **практической музыкальной деятельности**, соответствующей возрасту ребенка.

Огромный вклад в музыкальное воспитание детей внёс известнейший композитор и методист Карл Орф (Австрия). Его замечательное пособие «Шульверк», изданное в 6 томах и объемно охватывающее материал для различных видов творческой деятельности детей, любят педагоги всего мира. Из его последователей назовём Йоса Вуйтака (Бельгия), занимавшегося методическими разработками по канонам Карла Орфа (музыкальная прогрессия). Развил активный и креативный подход в музыкальном воспитании, основанный на принципах Карла Орфа, который признал Вуйтака, как ведущую фигуру в этом подходе. Его деятельность в музыкальной педагогике внесла значительный вклад в музыкальное воспитание международного уровня. Один из его наиболее выдающихся вкладов в музыкальное воспитание является его система активного слушания и оценки музыки. Й. Вуйтак так же является автором большого числа instrumen-

тальных и вокальных произведений для хора, блокфлейт, ударных и оркестра. По вопросам музыкального воспитания Йос Вуйтак написал много статей и книг, которые **изданы в различных странах.**

Интерес представляет собой методика **Т. Э. Тютюнниковой (г. Москва)**, создавшей программу «Элементарное музицирование с дошкольниками» и на протяжении вот уже второго десятилетия дающей мастер-классы по методике. Эта программа разработана на основе сочетания принципов творческого импровизационного музицирования австрийского композитора Карла Орфа с достижениями отечественной детской музыкальной педагогики. Занятия с детьми старшей и подготовительной к школе групп систематически проводятся в течение двух лет. Вариативность программы позволяет адаптировать ее к работе с детьми младшего и более старшего возраста.

Коротаева Светлана Алексеевна (г. Санкт-Петербург, детский сад), занимающаяся музыкальным воспитанием детей в системе «арт-терапии», разработала игровую методику музыкального воспитания, которая направлена на развитие певческих, танцевальных навыков, слушания музыки и игре на музыкальных инструментах. Лечение всеми видами искусств. Регулярное, последовательное, пошаговое, дозированное, не терпящее торопливости, натаскивания. Музыкальное воспитание – это не основная цель, а средство. Система лечит, не терпит суеты, ведь иногда музыка может и навредить. Для детей с задержкой психического развития и речи. Ее методика состоит в том, что «Делай как я» – не соответствует, поможет такой материал, где все равные (игровой), который приведет его в положительный эмоциональный комплекс. Она сама является автором слов и песен которые звучат на ее уроках, материал очень доступный (прост в пении, движениях, приятная музыка) и его можно использовать для детей любого возраста. Изюминка ее занятий в том, что разбирая какой-либо танец, вальс, польку или песню, все сначала делаем под речь, вообще введение речи во всю музыкальную деятельность. Лекарство для таких детей – похвала, даже нужно перехвалить, если даже не за что (за одежду и т.д.). Все это давать доступным музыкальным материалом, что бы у ребенка получилось, он успешен, его самовыражение в эмоциях и простых движениях в конечном итоге. Развить понимание себя и других, формирование коммуникативных навыков (общение с детьми, сопереживание, доброжелательность, взаимодействие).

КУЛЬТУРНАЯ ИНДУСТРИЯ ТАТАРСТАНА

С. Д. Мурзенкова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.Д. Волкова, к. и. н., доц.

Родоначальником теории культурной индустрии можно считать немецкого философа, представителя умеренного марксизма, Вальтера Беньямина. Несмотря на то, что он никогда не употреблял это словосочетание, он первым заинтересовался серийным производством продуктов искусства и его влиянием на восприятие произведения искусства. Кроме того, немецкий философ изучает связь, которую новое искусство, отныне массово производимое, имеет с обществом. С точки зрения Беньямина, массовое воспроизводство искусства является признаком эмансипации масс, которые отныне могут принимать участие в культурной жизни общества. Происходит своего рода демократизация потребления продуктов искусства.

Такое понятие как «культурная индустрия» стало актуальным для Татарстана в последние десятки лет, в первую очередь в процессах, связанных с внедрением проектного подхода к разного рода культурным активностям. Новые ассоциации и объединения, информационные и ресурсные центры, фестивали и ярмарки – эти и другие возможности реализации идей стали модернизировать практику традиционных культурных институтов [1,с.15].

В таком крупном культурном центре как Казань, городе с большим «культурным слоем» и сложившимися традициями культурная индустрия играет важную роль.

Культурный уклад жизни общества в Татарстане вплоть до конца XIX века не подразумевал развития развлекательной, массовой, популярной культуры.

Индустрия развлечений, потребительская, коммерческая культура стала появляться, когда возникли новые аспекты взаимоотношений между экономикой, искусствами и культурой в крупных городах XIX-го века, связанные с развитием индустриальной эпохи.

Национальная культура татарского народа, как и других народов, создавалась в течение многих веков. Ее составной частью являются многообразные виды и жанры поэтического творчества [2,с.103].

Многочисленные премьеры, концерты, вернисажи, международные фестивали и конкурсы – вот лишь наиболее яркие приметы культурной жизни Татарстана, насыщенной событиями и талантливыми именами.

В республике действуют 7 творческих союзов, 14 государственных театров, которые ежегодно предлагают около 60 новых постановок, единственный в России филиал Государственного Эрмитажа, десятки выставочных залов и галерей, Татарская государственная филармония им. Г. Тукая и Большой концертный зал Республики Татарстан им. С. Сайдашева, на базе которых работают творческие коллективы высочайшего профессионального уровня – Государственный симфонический оркестр, Государственный ансамбль песни и танца, Государственный оркестр народных инструментов, Государственный струнный квартет и многие другие [3,с.30].

В Татарстане гордятся творческими династиями – Монасыповых, Якуповых, Нигматуллиных-Рогожиных и многих других, победами музыкантов, мастеров сцены и представителей творческой молодежи республики на международных фестивалях и конкурсах. Благодаря этим творческим достижениям культура Татарстана сегодня успешно интегрируется в мировое культурное пространство.

Широкое признание получили такие культурные бренды Татарстана, как Международный оперный фестиваль им. Ф. Шаляпина, Международный фестиваль классического балета им. Р. Нуриева, Казанский международный фестиваль мусульманского кино «Золотой Минбар», Международный фестиваль современной музыки «Европа–Азия» и др.

Использование культурных достижений в формировании позитивного международного имиджа Татарстана, поддержка художественного творчества и забота о развитии творческого потенциала молодежи входят в число приоритетных задач Министерства культуры в области профессионального искусства [1,с.24].

Наиболее развитой культурной индустрией в Татарстане сегодня можно по праву считать театр, который известен на мировом уровне благодаря международным фестивалям и гастролям. В отдельном ряду среди театров, несомненно, стоит Татарский государственный академический театр им. Г. Камала – уникальный национальный продукт, сохраняющий свои традиции из поколения в поколение.

Русский театр в Казани ведет свое летосчисление с 1791 года, когда по инициативе казанского губернатора князя С. Баратаева здесь была создана труппа, дававшая регулярные представления для горожан в специально арендованном для этой цели помещении. В те времена Казань называли «Поволжскими Афинами». Татарский драматический театр, имеющий общие глубокие корни с богатейшими традициями татарского просветительства, зародился в начале XX века

на любительских подмостках, на представлениях полубродячих татарских трупп. Уже к середине двадцатого столетия Татарский театр утвердился как яркое самобытное явление со своей эстетикой, драматургией, актерской и режиссерской школами [2,с.208].

В годы первой российской революции зародился профессиональный татарский театр. На рубеже двух веков татарская молодежь активно организовывала литературные встречи и вечера, показывала домашние спектакли.

Организаторы домашних спектаклей из-за отсутствия пьес на татарском языке преимущественно играли переводные произведения. Эти пьесы обычно приспосабливались к татарскому быту.

22 декабря 1906 года в Казани состоялся первый публичный спектакль на татарском языке. Эта дата и считается днем рождения татарского театра. Актеры-любители представили тогда драму турецкого автора Намика Кемаля «Жалкое дитя».

Становление профессионального татарского музыкального театра связано с открытием в 1939 году в Казани театра оперы и балета и постановкой на его сцене первой татарской оперы «Качкын» («Беглец») Н. Жиганова и первого татарского балета «Шурале» Ф. Яруллина. В зарождении национальной школы оперного исполнительства большая заслуга принадлежит Московской консерватории и выпускникам созданной при ней татарской оперной студии [4,с.38].

Международный театральный фестиваль тюркских народов «Науруз» – один из самых распространенных в Татарстане. Впервые татарстанские театры приняли участие в фестивале «Науруз» в 1993 году в Ашхабаде, где были представлены постановки «Бичура» Фарита Бикчантаева и «Слуга двух господ» Марселя Салимжанова. В 1998 году столица республики сама стала хозяйкой театрального события. В 2009 году фестиваль, который традиционно проводится под эгидой международной организации ТЮРКСОЙ, гостил в столице Татарстана уже в четвертый раз. В этом году в Казань приезжали театральные коллективы из Тывы, Хакасии, Башкортостана, Чувашии, Оренбуржья, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции. Выступали они на пяти площадках – в театрах имени Камала и Тинчурина, русском и татарском тюзях, а также в театре кукол «Экият».

Это важное событие в жизни республики. По своей концептуальной направленности и идеологии «Науруз» обходит другие фестивали Татарстана. Одной из целей, конечно, является поддержание, развитие и сохранение тюркских языков.

Кроме того, в рамках «Науруза» был проведен «круглый стол» по актуальным вопросам драматургии и режиссуры тюркских народов, а

также мастер-классы ведущих театральных деятелей России и зарубежья. Освещали работу фестиваля все театральные издания РФ, телеканал «Культура», радиостанция «Эхо Москвы» и СМИ Татарстана.

Театральное искусство в Татарстане проявляется в самых разных формах. Его отличительная особенность – многообразие школ и направлений, режиссерских систем, теорий сценического искусства, актерской игры.

На сегодняшний день в Республике Татарстан работают более полутора тысячи театральных коллективов; это и профессиональные труппы, чья деятельность направлена на пропаганду национальной культуры в России и за рубежом, и народные, самодеятельные коллективы, чей бескорыстный труд возвращает нас к ее истокам. Труппы театров Татарстана активно гастролируют по России и за рубежом, становятся участниками фестивалей и призерами театральных конкурсов.

В Республике существует несколько драматических театров. Они являются одними из самых общественно активных феноменов культуры, так как сама специфика драматического театра требует зрительской заинтересованности, эмоционального контакта между сценой и публикой, актуальности отображаемых событий.

Особое место в их ряду занимают татарские драматические театры. Постановка пьес на татарском языке способствует установлению единства между сценой и залом. Родная речь и специфическая «народная» тематика обладают способностью оказывать всестороннее эстетическое воздействие, вызывать интеллектуальное и душевное сопереживание к жизни татарской нации. Основанный на богатейших традициях татарского просветительства и всей национальной культуры, татарский театр сегодня является художественно зрелым, многогранным и глубоко самобытным явлением, без которого невозможно представить современную панораму российской театральной жизни.

В отдельном ряду стоят театры для детей и молодежи – театры кукол и Театр Юного Зрителя. Они отличаются своеобразием актерского мастерства и режиссуры, силой образного языка спектакля.

Особо стоит упомянуть такой феномен как «народный театр». В республике существует несколько учебных театров для студентов театральных училищ, самодеятельные театры коллективов крупных государственных предприятий, которые благодаря своему профессионализму со временем получают статус государственных.

С 2003 года проводится конкурс «Новая татарская пьеса», его цель – популяризация современной татарской драматургии, открытие новых имен, поиск новых драматургических произведений, а также соз-

дание банка пьес для театров республики. Организаторами литературного состязания выступают Министерство культуры Республики Татарстан, Союз писателей Татарстана, Татарский государственный академический театр имени Г. Камала. По многим произведениям, которые являются лауреатами конкурса, поставлены спектакли в профессиональных и самодеятельных театрах республики. По итогам предыдущих конкурсов был издан альманах «Яна татар пьесасы» («Новая татарская пьеса») в 6 томах.

Сегодня только в столице республики работает семь профессиональных театров. Три из них носят звание «академический». Наряду с казанскими театрами, свой вклад в развитие театральных традиций и современного сценического языка вносят государственные театры Альметьевска, Набережных Челнов, Нижнекамска, Бугульмы, Мензелинска, Буинска [3,с.73].

Еще одним из подтверждений развития лучших традиций татарского театра стали успешные гастролы Татарского академического драматического театра имени Г. Камала в Лондоне, приуроченные к 100-летию национального театрального искусства.

Ежегодно академический государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля выезжает на гастролы по странам Западной и Восточной Европы (Великобритания, Германия, Австрия, Швеция, Швейцария, Люксембург, Голландия, Португалия, Дания, Франция), где казанская труппа дает более 100 оперных и балетных представлений в год, уступая «пальму первенства» среди российских музыкальных театров только Мариинке. Наконец, это единственный театр в России, на протяжении многих лет хранящий традицию проведения двух крупных международных фестивалей – оперного имени Федора Шаляпина и балетного имени Рудольфа Нуриева [5,с.6].

Культура Татарстана, воплощая богатые традиции и духовную самобытность народов, проживающих на территории республики, одновременно олицетворяет общечеловеческие ценности и является частью мирового культурного наследия.

Знаковым событием 2009 года стало проведение в столице Татарстана VI Совещания министров культуры государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) под председательством министра культуры Российской Федерации Александра Авдеева. При этом Казань стала не просто "местом проведения" столь представительного форума, а площадкой для знакомства именно с татарстанским опытом по воспитанию молодежи в духе уважения к многообразию культур и развитию межкультурного диалога в сфере культурной индустрии.

Специфика культурной индустрии Татарстана обусловлена историческими условиями развития культуры в республике в сочетании с национальными особенностями и с учетом современных тенденций.

Культурное производство в современном Татарстане не стоит на месте, развиваясь с каждым днем. Каждая отрасль получает все новые и новые возможности, благодаря которым развиваются культура и искусство Татарстана и России в целом.

Сегодня, когда Казани переданы исключительные права на наименования «третья столица России», «третья столица», «третий город России», «третий город», «Russia third capital», перед креативным классом республики стоит очень важная цель – объединиться, чтобы развивать самые разные культурные индустрии, предлагать неожиданные творческие решения многих социальных проблем и, невзирая на колоссальное сопротивление среды, своими действиями преобразовать окружающую действительность.

Литература

---

1. Нугманов Р.Г. Перспективы развития культуры в Татарстане. Казань, 2003. 42с.
2. Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 468с.
3. Благов Ю.Л. Театральная жизнь Казани 1920-х гг. Казань, 2006. 75 с.
4. Кантор Г.М. Музыкальный театр в Казани XIX-начала XX века. Казань: Карпол, 1997. 187с.
5. Классический и национальный репертуар Татарского академического театра оперы и балета имени М. Джалиля. Казань, 1999. 11с.

ОРАНЖЕВЫЙ БУНТ: ОШО, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

С. А. Селиванов

Томский государственный педагогический университет

*Да, Я – начало чего-то нового,
Но не новой религии.
Я – начало новой религиозности,
Не ведающей ни названия, ни границ.*

Ошо

Двадцать лет назад в 1990 году, находясь в аспирантуре МГУ, совершая свой очередной «променад» по книжным магазинам, где-то на «Полянке», мне на глаза попадается книга под названием: «Жизнь, любовь, смех. Дар Атиши». Она была в мягкой обложке, не толстая, не броская...но жизнь, судьба моя – все вдруг оборвалось, полетело под откос. И хотя теперь поверхность жизни моей, для посторонних

глаз, может выглядеть несколько хаотическим калейдоскопом преподавательской деятельности, влюбленности в женщин, поэзию, живопись, рок-н-ролл, но там, где-то в глубине сердцевины, вдруг обнаружилось некое пространство, тишина, некая нить, на которую все это гармонично нанизывается – это ОШО. И теперь, по прошествии двадцати лет, я осознаю, что никто и ничто в моей жизни не занимало и, вероятно, уже не займет континуума этого «романа» и влюбленности. Даром, которым мне так хочется с вами поделиться.

Ошо, известный также как Бхагван Шри Раджниш – просветленный мастер XX века. Слово «Ошо» можно перевести как «океанический», «благословенный». Его вклад в эволюцию человеческого духа просто бесценен, а теперь можно сказать, и беспрецедентен в человеческой истории. Ошо появился на свет 11 декабря 1931 года в Индии, джайнской семье со скромным достатком. С раннего детства он отличался мятежным и независимым духом. Он бросал вызов всем общепризнанным религиям, он подвергал сомнению социальные и политические традиции. Ошо всегда считал, что поиск истины – это глубоко личное переживание, что каждый человек должен искать самостоятельно, а не признавать истины в готовом виде, заимствуя ее у других. Он не верил в ценность заимствованных знаний и убеждений.

В 1951 году Ошо поступил учиться в Джайнский колледж, а после его окончания – в Джабалпурский университет на философский факультет. В 1953 году 21 марта, когда Ошо было 21 год, он пережил просветление. Самое важное открытие, которое принесло Ошо просветление, состояло в том, что все мы рождаемся уже просветленными, что оно заложено в нашей природе и искать того, что уже есть, совершенно бессмысленно. Он говорил: «Я больше ничего не ищу... Бытие распахнуло передо мной все двери... Я слился с бытием, я в нем растворен, я – его частица» [3, с.198].

Ошо с отличием закончил философский факультет университета. Он стал победителем Всеиндийского конкурса дебатов: его точка зрения на различные вопросы была всегда необычной, шокирующей – в полемике всегда достигал успеха. В 1956 году Ошо поступил в аспирантуру Суагарского университета и после защиты докторской диссертации в 1958 году становится профессором философии Джабалпурского университета. После девяти лет профессорской деятельности в университете Джабалпура, он начал ездить по стране и выступать с лекциями, в которых критиковал ортодоксальных религиозных лидеров, ниспровергал традиционную систему ценностей. Обладая ярко выраженным талантом полемиста и красноречием оратора, он охотно участвовал в публичных дебатах с известными политиками

и промышленниками, писателями и художниками, людьми из сфер услуг и религиозными деятелями. Ошо обращался и к пятидесятитысячным громадным аудиториям, и к маленьким группам. Но самое значительное событие произошло в 1962 году, когда он организовал свой первый медитационный лагерь, а потом и последующие, куда потянулись искатели всей Индии, а впоследствии Азии, Европы и Америки. В 1966 году Ошо почувствовал, что наступило время освободиться от университетской работы и сосредоточиться прежде всего на своем новом призвании – на медитационных кэмпх (медит. техники, проводимые в определенное время).

Эти медитационные лагеря со школами – кэмпами, его стиль и оригинальность, его острый ум и мятежная природа, его парадоксальные дискурсы и вся его харизма мгновенно сделали Ошо необычайно популярным. Все больше людей начали чувствовать любовь и интерес к нему.

В 1970 году Ошо прекращает выездные лекции и начинает работать только с единомышленниками, постепенно ограничивая себя пространством одного помещения. Именно в это время приобретает популярность разработанная им «динамическая медитация» – техника, помогающая освободить ум, позволив ему предварительно пройти катарсис. Динамическая медитация становится «визитной» карточкой Ошо.

Второй, не менее известной «визитной карточкой» Ошо становится идея «нео-саньясы». Впервые слушателями лекций, а затем и последователями Ошо стали образованные люди Европы, Америки, Японии. Версия, предложенного Ошо института неосаньясы, коренным образом отличается от традиционных представлений, в которых «саньяса – отречение от мира, от материальных ценностей, всех земных связей и страстей, и существование на пожертвования мирян» [4, с.102]. Саньяса у Ошо становится «...отречением от навязанных миром условностей – от религии, касты, ...Бога и священных писаний ...от всего, что навязано извне, где вы будете жить сами по себе, начнете новую жизнь – свежую, юную, незапятнанную» [5, с.68]. Ошо приветствовал стремление неосаньясы – наслаждаться всеми дарами жизни, но и требовал от них определенной отдачи, которая заключалась в ношении одежды оранжевого цвета и «мала» особого ожерелья из 108 бусин и медальона с его портретом. Кроме того, Ошо давал каждому посвященному новое имя. Это было «имя-качество» человека. Все эти «требования» нужны лишь для того, чтобы неофит, постоянно помнил, что он уже не прежний. Ошо говорил: «когда кто-то готов принять саньясу, это означает, что он готов начать великий поиск. Это

знак мне, что он готов сделать прыжок. И когда кто-то готов измениться, потерять свое старое «я» и переродиться в новое существо – когда кто-то готов ...я готов толкнуть. Он не обязательно достигнет, но чудо в том, что он начнет» [1, с.38].

Когда Ошо стал привлекать все больше и больше людей с Запада, стало ясно, что он распространяет свое внимание и сострадание на весь мир. Из первых нескольких сотен западных искателей, которые вступили в соприкосновение с Ошо, почти пятьдесят процентов стали его соратниками на всю жизнь. Большинство из них приезжали в Индию как гости на короткий срок. Ошо полностью понимал искателей, приходящих к нему – природу, качество и глубину их исканий. Он посвящал их в свои дальнейшие эксперименты, интересовался деталями их быта и заботился о внесении духовной трансформации в жизнь этих искателей. А затем они возвращались назад на Запад, чтобы разобраться со своими личными проблемами и подготовить себя к выполнению определенной части работы Ошо. Они служили медиумами, посредством которых он путешествовал по миру, распространяя свое духовное учение. Сотни людей, вступившие в контакт с этими неофитами, рано или поздно приходили к решению быть с Ошо, вовлечься в его сферу и стать частью его расширяющей «семьи».

Третьей «визитной карточкой» Ошо становится идея «коммуны», получившая реализацию в 1979 году в городе Пуна (Индия). Идея была реализована посредством строительства интернациональных коммун, где процветал дух неосаньясы. План коммуны включал: медитационные залы, терапевтические комнаты, отель, кинематографический институт, колледж музыки, танца, живописи, драматического искусства, скульптуры и других ремесел. Также планировалось строительство мультиуниверситета. Ошо рассматривает коммуну как обрамление, внутри которого ее члены могут переживать духовное пробуждение. Коммуна и ее окружение, которое Ошо называет «поле Будды», должна способствовать деятельности, происходящей на духовном, творческом и любовном пути. Вся работа состоит в поощрении духовного роста благодаря позволению индивидуальности быть открытым к изумлению. На этом пути коммунная жизнь должна приобрести эстетическое качество. Она должна стать непрерывной игрой (лилой). Здесь каждая личность будет рассматриваться как носитель нераскрытого потенциала, и которой необходимо создать благоприятные возможности для раскрытия его (или ее) божественности. Новая коммуна станет фоном, на котором сможет появиться новый вид человека.

Образование нового человека (*homo novus*) – это четвертая «визитная карточка» Ошо. «Я объявляю *homo novus*. Старый человек умирает, и нет никакой необходимости помогать ему оставаться в живых. Старый человек находится на смертном одре: не плачьте об этом – помогите ему умереть. Потому что только со смертью старого может родиться новый. Прекращение старого даст начало новому [4, с.150].

По мнению Ошо, жизнь современного человека нельзя назвать истинной или полной. Человек живет псевдожизнью, вполсилы, словно он пребывает в тяжелой болезни и никак не может вылечиться. Ошо сравнивает такую жизнь с заключением в тюремной камере. Нет необходимости жить в подобном страдании, тем более что тюрьма создана его же собственным воображением. Люди находятся в темнице потому, что сами себя заперли, они не знали иной жизни и решили, что тюрьма и есть единственная форма существования.

Коммуна должна создать пространство, контекст для рождения этого нового многомерного человеческого существа. И будущее принадлежит этому новому человеку: «Мой труд в новой коммуне состоит в создании человека, который стал бы не частичным, а был бы тотальным, целостным, святым – человек должен быть ими всеми тремя вместе. Он должен быть так же точен, как ученый, он должен быть так же чувственен и сердечен, как поэт, он должен быть также укоренен в своем существе, как мистик. Он не должен выбирать, он должен позволить всем этим трем измерениям существовать вместе» [1, с.294]. Ошо предвидел появление нового, нерасщепленного, интегрированного, цельного человека и назвал его Зорба – Будда.

Ошо видел человека, связывающего Запад и Восток. Кто такой его «грек Зорба»? Символ наслаждения земными удовольствиями и высочайшего потенциала науки и техники Запада. Ошо говорил, что смысл быть Зорбой в том, что, только исчерпав любое земное наслаждение, можно осознать его тщетность. Зорба предвосхищает Будду потому, что очень быстро позволяет почувствовать пустоту земли, если нет небес. По Ошо, Будда всегда спит в Зорбе. Просто его надо разбудить. Никто не может пробудить человека/Будду, кроме самой жизни.

Частицей нового человека должен стать Будда – символ молчаливой безмятежности и величайшей мудрости Востока. И Будда и Зорба – не целое, говорит Ошо. Оба – половины. Если изучить их самое глубокое ядро, то обнаружится, что у Зорбы отсутствует душа, а у Будды отсутствует тело. Ошо учит нас встрече Зорбы и Будды, встрече земли и неба, видимого и невидимого, встрече всех полярностей: мужчины и женщины, дня и ночи, лета и зимы, секса и экстаза. Только так на

Земле появится «новый» человек. «Новый» человек превзойдет все барьеры рас, религий, цветов кожи. Он не будет разделять Восток и Запад, он всю Землю сделает своим домом.

Старое человечество, по мнению Ошо, должно уступить место новому. «Объявить его приход во владение: это мое последнее послание к вам. Радуйтесь! Новый человек приходит, старый уйдет. Старый – уже на выходе, а новый – уже на горизонте» [4,с.154]. И Ошо видит себя как повивальная бабка, помогающая новому прийти в этот мир, где его пока не хотят принимать. Время пришло, плод созрел, наступает время родов, самый подходящий срок. Сейчас новое уже может утвердиться, прорыв стал возможен.

Незадолго до своего ухода, Ошо сказал: «Моя вера в бытие абсолютна. Если в моих словах есть хоть какая-то истина, она сохранится в веках. Факел подхватят те, у кого сохранится интерес к моей работе, но я никому ничего не хочу навязывать. Для своих людей я останусь источником воодушевления... Я хочу чтобы они росли сами по себе, чтобы они сами воспитывали в себе самое главное: любовь, вокруг которой не будет создана церковь, осознанность, которая не становится чьим-то исключительным достоянием, а еще – веселье, радость и свежие, по-детски удивленные глаза... Я хочу, чтобы мои люди познали себя, а не становились кем-то по чужому приказу. Главный путь ведет внутрь» [2,с.349].

И скоро будет уже двадцать лет, как где-то там, внутри... рядом с
сердцем

«Ошо

Никогда не рождался

Никогда не умирал

Просто гостил на этой планете

С 1931 по 1990»

Литература

---

1. Бхагван Шри Раджниш. Избранные беседы. Т. 4. Новочеркасск: Изд-во Лагуна, 2001. 254 с.
2. Ошо. Автобиография духовно неправильного мистика. М.: Изд-во ИД, 1994. 317 с.
3. Ошо. Мятеж. Революция. Религиозность. Киев: Изд-во Янус, 2001. 224 с.
4. Ошо. Путь белых облаков. СПб: Изд-во Афины, 2007. 192 с.

КЛЮЧ ДЗЕН

С. А. Селиванов

Томский государственный педагогический университет

*Только однажды за всю историю
Развития человеческого духа
Возникло нечто подобное Дзен*

Ошо

Дзен родился в Индии, вырос в Китае и расцвел в Японии. Сама эта ситуация – большая редкость. Почему случалось так, что он родился в Индии, но не смог там развиваться и вынужден был искать иную почву? Он стал взрослым деревом в Китае, но не мог там цвести. И снова он должен был искать новый, иной климат. И, наконец, в Японии он, как вишневое дерево, зацвел тысячью цветов. Это не простое совпадение, это не случайность, все имеет глубокое основание.

Индия породила дхьяну – медитацию (кит. – чань, яп. – дзен). В течении тысячи лет духовная жизнь Индии шла по пути дхьяны, пытаясь научиться освобождаться от любых мыслей и достигать чистого ничем незамутненного сознания и полностью очищать сознание. Семя типично для Индии. Гений Индии может порождать семена удивительной потенциальной силы, но не может предоставить им почву роста. Индия – духовный интроверт. Она утверждает, что внешний мир реально не существует, а существует лишь как иллюзия, как сон. Все силы интеллектуальной Индии были направлены на то, чтобы понять, как убежать от внешнего, как замкнуться на самом себе, как стать независимым, одиноким, как забыть о существовании всего, что находится за пределами своего «Я».

Семя дхьяны рождалось много раз до Будды Гаутамы, но не могло укорениться, оно разлагалось и исчезло. И только Будда Гаутама спас ситуацию. Как утверждает легенда, на Грифовой горе Будда должен был произнести перед учениками речь о сущности просветления. Когда Будда предстал перед ними, он держал в руках цветок. Время шло, но Будда молчал и только смотрел на этот цветок. Ученики начали серьезно беспокоиться, и только один из них – Махакашьяпа, понял суть происходящего и, не сдерживая себя, громко рассмеялся.

Таким образом, все чаньские/дзенские наставники возводят свою духовную генеалогию к одному из самых просветленных учеников Будды – Махакашьяпе, унаследовавшим от Будды не букву, а сокровенную суть его учения. Это именно то, что учителя чань/дзен называют «безмолвной передачей истины» – истина передается без слов, без записей, вне сознания. Будда передал цветок Махакашьяпе, и ни-

кто не мог понять, что произошло. Ни Махакашьяпа, ни Будда никогда не говорили об этом, но буддисты повсюду в течение двадцати пяти веков задают один и тот же вопрос: «что Будда передал Махакашьяпе? В чем ключ к его учению?»

Современные ученые говорят, а мистики это утверждали всегда, что цветы более чувствительны, чем мы, люди. Цветок – сердце растения, он выражает его суть. Когда Будда смотрел на цветок, его сущность, его разум, знания, мир, экстаз, внутренний танец – все это коснулось цветка. Будда хотел что-то передать этому цветку, цветок вошел в Будду, а Будда вошел в цветок. Теперь это уже был не цветок – это была сущность Будды, его внутренний мир. Естественно возникает вопрос, почему цветок Будда предал Махакашьяпе, ведь среди окружающих Будду учеников было несколько авторитетных персоналей: Шарипутра, Субхути, Манджушри, Маугальяна, сын Рахул, двоюродный брат Ананада, Махакашьяпа вообще до этого случая не был ни кому известен.

Относительно исторического прошлого Махакашьяпы известно только то, что он стоял у истоков буддистского монашества и был, по-видимому, настроен еще более мистически и аскетически, чем Будда.

Ключ своего учения Будда не мог передать путем вербального общения. Ключ не может быть передан разумом. Молчание и смех – это ключи: молчание внутри, смех снаружи. Со смехом Махакашьяпы появилось новое течение в буддизме, где Будда был источником, а он первым учеником дзен.

По сложившейся традиции дзен ведет свое происхождение от двадцати восьми индийских патриархов. В этом списке «апостольского наследования» Будда и Махакашьяпа значатся как первый и второй патриархи, и на протяжении тысячелетия их сменилось уже двадцать пять, прежде чем на арене истории появился двадцать восьмой Бодхидхарма.

Бодхидхарма, который спас семя/ключ учения Будды, которое никак не прививалось на интровертной индийской почве, Бодхидхарма взял семя, взял все то, что дала Индия и принес в Китай. Он сделал одно из самых великих дел в истории духовной культуры: он нашел подходящую почву для семени, которое принес в мир Будда. Китай, в отличие от Индии и Японии – сбалансированная страна. Благо здесь обозначает умеренность. Конфуцианская рационалистическая мораль предписывает во всем придерживаться середины: быть не интровертом и не экстравертом, не думать слишком много ни об этом, ни о поустороннем мире.

Мистическое крыло китайской культуры представляли даосы: Лао-цзы, Джуан-цзы, Ли-цзы, но из-за своей неконформистской позиции, влияние на общество уступило конфуцианству. Настоящие мистики были достаточно посредственными учителями. Поэтому в Китае сложился вакуум духовной жизни, который и заполнил буддизм, проникший туда за шестьсот лет до прихода Бодхидхармы. Постепенно буддизм стал ведущей духовной силой в культуре Китая. Прагматара, наставница Бодхидхармы, повелела ему идти туда, ибо почва была подготовлена, и Китай очень нуждался во втором Будде Гаутаме. Бодхидхарма был первым просветленным буддистом, мастером и учителем, пришедшим в Китай. Дхьяна, которую принес Бодхидхарма, находилась как раз по середине между учениями Будды и Лао-цзы. Случилось воистину прекрасное сочетание – брак дхьяны и дао. Это – кульминация, выход за пределы как индийского, так и китайского гения, дхьяна и дао объединились в один поток, так что разделить их уже не возможно – это не просто синтез интеграции. От этой встречи и был рожден чань/дзен: это не буддизм и не даосизм, это и то, и другое.

Эксперимент Бодхидхармы был поистине велик. Росток дхьяна/чань пророс в дерево и достиг небывалых размеров.

Бодхидхарма основал течение китайского чань/дзен, однако только шестой патриарх – Хуэйнен – придал чан/дзен новое направление, которому он следует и поныне. Хуэйнен был малообразованным монахом, однако, благодаря силе духа, яркости речи, совершенной ясности и простоте своего духовного послания дал китайскому чань/дзен бунтарский импульс против буддизма. Он был подлинным основателем китайской Реформации, без которой светское искусство, литература и философия, скорее всего были бы невозможны. «Хуэйнен стал главенствующим в линии преемственности чань/дзен в Китае. Он считал, что пустота не есть вакуум. Пустота заполнена Вселенной вещей, людьми и всем нашим миром. Он учил нас сохранить ум, непривязанным, при этом не подавляя мышления» [1, с.12]. Самое главное положение в учении Хуэйнена – идея о внеземной природе просветления, обретенного в результате интуитивного импульса. Хуэйнен творчески переосмыслил основные принципы, заложившие основу традиции дзен: ничто не существует вечно, отдельно или независимо. Исходя из этой посылки шестой патриарх заявил, что ни одна концептуальная интерпретация не может быть вполне корректной. Поэтому призвал отказаться от условных концепции в пользу естественного восприятия, свойственного человеческой природе, которую он считал природой

Будды. Взгляды Хуэйнена оказались своеобразной вершиной дерева чань/дзен, выросшего на китайский почве.

Но, несмотря на то, что дерево чань/дзен становилось все больше, на нем не появлялось цветов потому, что им нужна была экстравертная страна, ибо цветы раскрываются наружу. Такой страной оказалась Япония. Здесь даже не только мышление, но и сам стиль жизни был экстравертен. Дзен пришел в Японию издалека. За время своего пути он получил множество проявлений, множество откровений и новых методов. В Японии он, наконец, достиг своего пика, цветения. И что интересно – еще один перекрестный брак: на этот раз с синтоизмом и адаптировавшимся в Японии конфуцианством. Японский дзен дал жизнь многому. Ни одно другое явление в мире не было таким творческим, таким продуктивным. Дзен создал свое оригинальное искусство: поэзию, литературу, архитектуру, а так же парадоксально глубокие религиозные, философские и экзистенциальные концепты. Пиком дзен была мысль о том, что истина может быть достигнута самыми разными способами.

Япония переняла дзен у китайцев, однако японцы задали развитию дзен новые направления и обогатили для мира саму ее практику. Одним из самых ярких основоположников дзен был Эйсай – основатель школы Ринзай. Другая школа – Сото – была создана «классиком» японского дзен Догеном. Невзирая на то, что обе школы различно трактуют многие положения учения, однако, каждая из них несет в себе подлинный дух дзен.

Если в Сото основное внимание уделялось особой практике медитации, называемой дзадзен («тихо озаренный дзен»), где основное предпочтение отдается собственно медитации самой по себе, а не конечной цели – просветлению. Школа Сото, в лице своего мастера Догена, утверждает: «сущностью истинной дхьяны является немотивированное действие (у-вей) – «сидение ради сидения», «ходьба ради ходьбы» [1, с.126]. Практикуемый школой Ринзай подход заключается в неумоимости стремления к просветлению и в постоянных поисках путей углубления дзенского опыта посредством медитации на коанах и поучительных историях (мондо) из жизни дзен-учителей, в которых приводится пример того, что они действительно обладали просветленным умом и в чем это выражалось. Самым ярким учителем и мастером данной школы был Хакуин. По его убеждению ничто не может сравниться с медитацией посреди деятельности. И, хотя он, не отрицал значения спокойной медитации в дзадзене, он считал, что гораздо важнее удерживать состояние глубокой медитации во время любых занятий.

Таким образом, и дзадзен Догена, и канонический дзен Хакуина свидетельствуют об открытости и не привязанности сознания, так же включают в себя практику самосознания. Тем не менее, как это не парадоксально, в дзене нет ни одной сутры и ни одного коана с подробным описанием пути достижения просветления – все они говорят лишь о необходимости полного слияния с просветлением в процессе повседневной жизни.

Путь дзен в Японии – это подход к жизни, который отражается на всякой стороне человеческого бытия, наполняя ее смыслом и значением. Дзенские искусства (каллиграфия, чайная церемония, аранжировка цветов, садоводство, хайку) развивались как реализация возможности живого переживания подлинного духа дзен. Практиковавшие эти искусства постигали дзен по мере того, как овладевали удивительным художественным мастерством. Влияние дзен не избежали и самураи, в среде которых культивировались различные боевые практики: стрельба из лука, фехтование мечом, единоборство без оружия. Японцы и здесь ухватили суть дзен – превратив все это в медитацию, которая позволяет быть погруженным в свою повседневную жизнь, но вместе с тем сохраняет полную восприимчивость.

Современный человек оказался в странном положении: старые идеологии, философии, религии рушатся, ибо были заблуждением (если не обманом), а новые еще не появились. Так возникла брешь, и современная интеллигенция пытается найти нечто, что не было бы очередной ложью, что не просто приносило бы нам утешение, но преображало бы нас. Дзен способен преодолеть эту громадную работу так, как является одним из самых реальных способов бытия во всем мире.

Литература

---

1. Алан В.У. Путь дзен. К.: Изд-во София, 1993. 320 с.
2. Ошо. Дзен: его история и учения. М.: Изд-во АСТ, 2004. 144 с.
3. Симкинс А. Дзен для начинающих. М.: Изд-во ФАИР-ПРЕСС, 2004. 208с.

МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА

С. А. Селиванов

Томский государственный педагогический университет

*Я должен практиковать преданность к женщине
пока не осознаю сущность просветления.*

Чандомахаросана – тантра

Великое дерево, которое началось с Гаутамы Будды более 2,5 тысяч лет назад, все же сохранило до наших дней несколько полноценных ветвей: Хинаяну, Махаяну, Дзен и Ваджраяну. Целью данного исследования будет рассмотрение той «ветви», которая зародилась в Индии (Будда, Рахул Бхадра, Шри Кирти, Сараха, Нагарджуна). Но данная ветвь окрепла и расцвела в Тибете (Падмасамбхава, Атиша, Тилопа, Миларепа) – тантрический буддизм «Ваджраяна» (Алмазная колесница).

В период между VII и XI вв. в Тибете распространились различные буддийские учения, причем миссионеры прибывали из Индии, Китая и Центральной Азии. Современная индийская традиция вытеснила китайскую и по мере развития получила название ламрин (этапы пути). Подход подразумевал поэтапное изучение трех колесниц (трияны). Фактически «три этапа» представляют собой интерпритацию основного учения ваджраяны, дополненную махаяной и хинаяной, а также, имеющую все черты тантрического культа. Так, основатель тибетского буддизма Падмасамбхава, прибывший в Тибет в 747 году, в Индии считался опытным адептом тантрического учения. Зарождавшийся тибетский тантризм сочетает в себе веру в авторитет духовного наставника, практику медитации и метафизику.

Точное происхождение тантры никому не известно. Техники тантры имеют многовековую историю, различные их формы обнаружены во множестве древних культур. Санскритское слово «тантра» означает «продолжительность», «поток» и «слияние», но этим его смысл не исчерпывается. Тантра включает в себя множество разнообразных техник, обычно ориентированных на объединение ума и тела. Практикующий учится воспринимать собственные ощущения и эмоции как окна, через которые можно заглянуть в высшие состояния сознания. Большинство тантрических практик служат средством преодоления эгоистической формы сознания и, соответственно, потребительского отношения к действительности.

Этот ум, это тело, этот мир и есть путь к нирване. Высший синтез представляет собой обычную жизнь и работу, наполненную устремле-

нием к просветлению. Путь к просветлению начинается тогда, когда вы меняете свой образ жизни. Отказавшись от всего негативного и устремившись к добру, практикующий тантру разрушает свой мир, производный от умственных построений медитации. Именно она открывает перед практикующими новые перспективы и новые ступени изменения сознания, освобождает скрытые способности и возможности человека. Он будет обладать способностью воспринимать жизнь по-другому: осознавать взаимосвязь между всеми людьми в мире, чувствовать свое единство со всей вселенной.

Тибетский буддизм предлагает учение, в которое включаются все стороны человеческой личности. Все качества человека должны быть использованы на пути к просветлению. Это значит, что и наши чувства, и наши инстинкты, и наш интеллект имеют значение, включая и женские и мужские стороны наших натур. Поскольку мужчина и женщина это два необходимых полюса единства, то посредством интимной взаимосвязи мужского и женского можно достичь более глубокого постижения именно в паре. Тантрические тексты поощряют мужчин практиковать вместе с женщинами, чтобы увеличить силы друг друга – это эффективный метод достижения просветления. «Сексуальный союз олицетворяет идею целостного восприятия реальности и низводит на ней концепцию личного «Я». Другими словами, во время полового акта мудрость и сострадание идут рука об руку. Мудрость постигает ложность идеи раздельного существования, а сострадание обеспечивает эмоциональную поддержку и ощущение неразрывной связи с партнером» [3, с.312]. В момент сексуального переживания оба партнера могут поддерживать медитацию. Если каждое мгновение соития осознавать ясно и отчетливо – это значит не только усилить собственное переживание сексуальной близости, но также приблизиться к просветлению.

Многие великие тибетские адепты Ваджраяны – Наропа, Марпа, Тилопа и другие практиковали вместе с женщинами, часто всю жизнь. Один из наиболее известных союзов – это взаимоотношение первого тибетского учителя буддизма Падмасамбхавы со своей ученицей Еще Цогель. Первые тибетские учителя Ваджраяны прекрасно осознают, что женщины могут точно так же учить их, как и учиться у них. И оба пола, таким образом, вместе вступают на путь просветления.

Женщинам была отведена особая символическая роль в пантеоне тибетских буддийских божеств. Эти женщины назывались «дакини». Слово «дакини» переводится как «идущая по небу», то есть, женщина, которая летает. Поскольку небо есть символ пустоты, то следует понимать так, что дакини – это те, которые путешествуют в пустоте.

Пустота есть пространство просветления, и женщина, путешествующая в пустоте, есть просветленное существо. Во многих письменных традициях тибетского буддизма дакини рассматриваются как женщины, обладающие неземной мудростью, и к ним часто обращаются, желая обрести понимание и проникнуть в суть вещей [2, с.94].

Тибетский буддизм стирает границу между божественным и человеческим. Дакини не являются исключением. Ваджрайогини – одна из основных божественных дакини, включенных во многие символические схемы тибетского буддизма. Ваджрайогини – это символ всего лучшего, что заключено в женщине. Она поощряет женщин к тому, чтобы они отождествляли себя с ней с целью обрести ее божественные качества.

Дакини также представляют собой женскую сторону единства «мужчина-женщина». Тибетская литература часто изображает мужские божества с их женскими эквивалентами. Эти образы символизируют осознание своей взаимосвязи с другими, приводящими нас в состояние цельного существа. Дакини необходимы, чтобы дополнить мужчин. Они есть то, чего не хватает для того, чтобы достичь полного просветления.

В учении Будды «мужчины и женщины равны на пути духовных достижений. Ибо дух не имеет пола, пол принадлежит миру форм [1, с.14]. В отличие от других форм буддизма, практика тибетской тантры использует эмоции, сексуальные инстинкты и страсти наравне с интеллектом, используя эти человеческие возможности на пути к мудрости. Просветление возможно в этом теле здесь и сейчас.

Литература

---

1. Буддийская мудрость / сост. В.В. Лавский. М.: Изд-во Март, 2007. 320 с.
2. Симпкис А., Симпкис С. А. Тибетский буддизм: Руководство к жизни по тантре. М.: Изд-во София, 2006. 208 с.
3. Томсон М. Восточная философия. М.: Изд-во ФАИР-ПРЕСС, 2007. 384 с.

МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ТРОПА СУФИЗМА

С. А. Селиванов

Томский государственный педагогический университет

В мире, но не от мира.

Идрис Шах

Не смотри в мое лицо,

Но возьми то, что у меня в руке.

Руми

Тысячи лет суфизм предлагал людям тропу, ведущую к великой цели – самореализации человека. Суфизм – это собрание учений, проявленных во множестве разнообразных форм, но имеющих одну общую цель: преодоление обычных личностных ограничений и несовершенств восприятий человека.

Суфизм – это не просто набор теорий или гипотез, разные источники описывают его как путь любви, путь преданного служения и путь познания. Благодаря проявлениям суфизма можно найти подход, помогающий преодолеть интеллектуальные и эмоциональные препятствия на пути духовного развития личности.

Историки обычно описывают суфизм как мистическую сердцевину ислама и относят его появление на историческую арену приблизительно ко времени становления ислама как мощной религиозной силы.

Значение суфийского мистицизма в жизни мусульман (и не только мусульман) вполне можно сопоставить со степенью его распространения во всей афро-евразийской ойкумене. В арабском суфизме мистицизм проявил себя уже в зрелой форме, что дает право говорить о более древних истоках этого явления. Один из выдающихся учителей суфизма в XX веке Идрис Шах утверждал, что суфии представляют собой древнее духовное братство, происхождение которого никогда не было установлено или датировано. До сих пор для исследователей остается не ясным: считать суфизм только мусульманским феноменом, или его можно встретить в любой другой религии. Сами же суфии часто называют ислам «оболочкой» суфизма только потому, что считают суфизм тайным учением всех религий.

Суфизм, так или иначе, приобрел восточный оттенок, так как очень долгое время существовал в рамках ислама. И все же, доминирует точка зрения, что подлинного суфия можно встретить и на Западе и на Востоке, что суфий может быть проявлен в самых различных слоях общества. Идеал суфия «быть в миру, но не от мира» – быть свободным от честолюбия, алчности, интеллектуальной спеси, слепо-

го повиновения обычаю или благоговейного страха перед вышестоящими лицами.

По разным причинам существует очень много объяснений, касающихся употребления слова «суфий», но для тех, кто присоединился к этим мистикам, единственное верное толкование сводится к тому, что это слово в зашифрованном виде содержит концепцию Любви. Также это слово передает в краткой форме некоторые метафизические идеи: «мудрость», «шерсть», «чистота», «превосходство», «возвышение», «исправление», «завещание», «достаточное количество чего-либо в нужное время» и другие.

В ирано-семитской традиции мистицизм основательно утвердил себя уже к приходу ислама, хотя не как доминирующая сила. И так сложилось, что исторически деятельность суфиев связана главным образом с исламом, который есть «мир», «самозабвение», «душевная умиротворенность», «покой», «покорность», «вручение себя Богу». Сердцевина ислама, как мы видим, просто пропитана суфийскими духовными интенциями. Это суфизм внес экзистенциальную струю в мусульманский менталитет. Между суфизмом и исламом не могло быть никаких глубинных противоречий, так как суфии считали ислам проявлением существенного взлета трансцендентального учения. Суфизм использовался для поддержания контакта с внутренней реальностью ислама, а также любой другой религии или истинной традицией. И можно воспринять как парадокс то обстоятельство, что субъективный, трудно выразимый, зачастую крайне личностный опыт суфизма мог стать основой социальной жизни и приобрести решающее значение в исламском мире.

Многие исследователи считают, что свою ведущую роль суфизм приобрел не только через пользовавшуюся большой популярностью проповедь любви к Богу, и общей атмосферой человечности, или даже через личный пример помощи людям в решении моральных проблем, а во многом благодаря созданию устойчивого института – Тариката – суфийского Пути духовного совершенствования. Суфии полагают, что Тарика – это Путь, а также руководство группой, в которой осуществляется передача. Это жизненный принцип, тонкая линия скрытая внутри обычной жизни... Тарика сама открывает Путь, она связана с медитацией, безмолвным размышлением, напоминающим безмолвную молитву человека в Темноте. Она является одновременно и целью и средством [2, с.435].

Тарикат появился уже в IX веке и первоначально обозначал различные морально-психологические методы, при помощи которых человек ищущий самоусовершенствования, может быть направлен к

этой цели кратчайшим путем. Это своего рода путеводитель для духа ищущего Бога. Термин «тарикат» может заменяться и почти равнозначным «сулук» («странствия»), а путник на этом пути получает тогда название «салак» («странник»).

Поскольку введен образ странствия, то совершенно естественно вводится и образ стоянок на пути. Стоянки эти обозначаются термином «макам», обоснованные стихом: «И нет из нас никого, у кого не было бы известного места стоянки». Каждый из этих макам представляет собой известное экзистенциально-психическое состояние, свойственное данному этапу. И число, и характеристика этих этапов могут значительно различаться. Назовем здесь основные из них.

Началом пути, первой стоянкой обычно считается тауба («покаяние»), т.е. решимость порвать с обычным формальным отношением к шариату и отдаться самоусовершенствованию. Это акт духовного обращения, имеющий для путника исключительное значение. Если в традиционном исламе («шариате») тауба означает сознание греха, раскаяние, желание не повторить этого греха, то в суфийском понимании понятие это углубляется. Изменяется ориентировка человека, наступает полное обращение его помыслов к Богу. Поэтому размышление о своих грехах или раскаянии было бы для суфия на этом этапе ошибкой, ибо признание реальности своего греха есть признание реальности своей личности, а нет подлинной реальности, кроме Бога.

Вторым этапом многие авторитеты признают вара («осмотрительность»). Наиболее характерная черта этого этапа – крайняя в различении дозволенного (халял) и запретного (харам). Эта осмотрительность естественно ведет к третьему этапу, называемому «зухд» («воздержанность»). Здесь тоже возможны разные оттенки: можно воздерживаться от греха, от излишка, от всего, что удаляет от Бога, от всего преходящего.

Четвертый этап – факр («нищета»). Первоначально это добровольное обречение себя на нужду, обет нищеты, отказ от земных благ, вытекающий как следствие из последовательно проведенного воздержания.

Но поскольку зухд и факр связаны с переживаниями для человека неприятными, из них вытекает пятый этап – сабр («терпимость») – основная добродетель суфия. Сабр в высших своих проявлениях приводит к безразличию, спокойному приятию как ниспосланной благодати, так и испытаний.

Шестой этап – таваккул («упование на Бога»), т.е. связывание представления о жизни с единым днем и отбрасывание всякой заботы о дне завтрашнем. Понятно, что такое понимание таваккула представ-

ляло большую опасность, так как выключало человека из общества, превращая его в какой-то ненужный балласт.

Седьмой и последний этап – риде («покорность») т.е. такое состояние, при котором человек не только покорно переносит любой удар судьбы, но, более того, он даже не может помыслить о том, что такое огорчение. Его помыслы настолько поглощены той высшей задачей, которую он себе поставил, что окружающая действительность всякую реальность для него утрачивает.

На этом, по мнению некоторых теоретиков, тарикат заканчивается, и путник уже подготовлен к переходу на третью и последнюю стадию – хакикат. Этот термин обозначает «реальное, подлинное бытие». Достигнув хакика, путник, конечно интуитивно, познает истинную природу Божества и свою сопричастность ей. Поэтому суфии часто называют себя ахл ал-хакика – «люди подлинного бытия», противопоставляя себя ахл ал-хакк – правоверным последователям сунны и шариата, лишенным дара интуитивного восприятия.

Со временем в суфизме был выработан обширный комплекс знаний и норм, основанных на отношениях между учителем и учеником, а с XII века сложилась целая сеть тарикатов, суфийских орденов, своеобразных подготовительных курсов для того, чтобы стать суфием. Тарикатские ордена были международными. Они образовали гибкую взаимосвязанную сеть авторитетов, игнорирующих политические границы и постоянно распространяющиеся на новые территории. Массовое распространение суфизма и возвышение его роли прочно держалось на особых формах пастырского общения учителя и ученика. Это создавало как должную форму дисциплины, так и средство связи с массами. Отношения учитель – ученик стали наиболее примечательной характеристикой всей системы суфизма.

Суфии утверждают, что в людях скрыто «сокровище», которое можно обнаружить, только если искать его. Это «сокровище» находится внутри дома (застывшие образцы мышления), и для того, чтобы найти его, необходимо разрушить этот дом... Функция учителя состоит в разъяснении этого факта ученику [2, с.434]. Учителя часто называют мудрым (ариф), руководителем (муршид), старшим (пир) или шейхом (лидер, глава). Употребляется очень много других слов, обладающих различными оттенками значений, подчеркивающих особые взаимоотношения между учителем и учеником. В этом исследовании акцент ставится на отношении Мастер и ученик.

Критерием для признания Мастера служит проявление его отрешенности от индивидуального бытия и отсутствие притязаний. Современный суфий Джавад Нурбахш утверждает, что «Мастер Пути

подобен зеркалу, которое отражает преданность ученика богу и в то же время передает ученику Божественную милость» [1, с.65]. По его мнению отношения между Мастером и учеником основываются на трех принципах: первое – преданность ученика Мастеру (ирадат); второе – словесное поминание имени Бога, которое Мастер укореняет в ученике (зинр); третье – внимание Мастера (назар), направленное на ученика. Быть с Мастером – это доверие окончательное и полное. Доверять – это значит быть готовым учиться. Оказаться под влиянием Мастера трудно, так как это значит умереть для своего эго. Это требует храбрости – разрешить Мастеру работать с учеником. «Ученик приходит и умирает перед Мастером... Он приходит и оставляет себя за дверью... Он приходит к Мастеру совсем пустым. И в этой пустоте возможна истина. В этой пустоте Мастер начинает течь. Мастер становится словно огромный водопад, падающий в долину ученика. С вершины своего бытия он достигает глубины... Когда долина готова, водопад сам начинает падать. И бытие Мастера начинает течь к ученику» [3, с.10 – 11]. Настоящий Мастер – тот, кем все время называл себя Сократ, – повитуха. Он ничего вам не делает, он просто помогает вам, вашему бытию родиться. Мастер может только указать Путь. Все остальное делает сам ученик. Ни один подлинный суфийский мастер никому никогда не навязывает дисциплину. Он помогает ученику найти свою дисциплину – в этом состоит различие между псевдомастером и настоящим суфийским Мастером. С настоящим Мастером ученик умирает и воскресает. Вот что говорил Х.И. Хан, суфий начала XX века «Метод суфизма в основе своей всегда один – избавление от своего «я». Но какого «я»? Не настоящего, а ложного «я», от которого человек зависит и исходя из которого считает себя чем-то отличным от других. Отказавшись от этого ложного «я», он дает возможность своему подлинному Я проявить себя в видимом мире. Суфийский метод позволяет раскрыться душе человека, истинному Я – вечному, которому принадлежат все силы и красота [4, с.170]. Поэтому суфийский мастер должен обладать мастерством в величайшем искусстве: искусстве человеческого сердца и любви. Сам поиск зависит от ищущего ученика; от того, какое качество бытия, какое качество исследования привносит ищущий в свой поиск. Все будет зависеть от этого, от того почему он ищет, какова на то причина, потому что причина поиска станет причиной его роста. Результат придет из роста ищущего. Функция Мастера заключается в том, чтобы подготовить ученика к осознанию своего предназначения.

Это взаимодействие в конечном смысле намного превосходит обычные рамки обучения и изучения, ибо суфийский Мастер «... вы-

ше человека, передающего формальное знание, он выше человека, находящегося в гармонии с учеником, он выше механизма, передающего определенный запас информации, накопленный им. Он обучает большему, чем методам мышления или определенному отношению к жизни, он обучает даже большему, чем потенциальной возможности к саморазвитию» [2, с.385]. Деятельность Мастера можно назвать многофункциональной, само бытие его, – трансцендентно. Руми говорил: «Мастер скрыт в своей мастерской» [2, с.392].

Литература

---

1. Джавад Нурбахш. Беседы о суфийском пути. М.
2. Идрис Шах. Суфизм. М.: Калашников, Комаров и К, 1994. 446с.
3. Ошо. Именно так. Беседы о суфизме. М.: ИПА «ТриЛ», 1999. 272с.
4. Хазрат Инайят Хан. Учение суфиев. М.: Сфера, 2000. 352с.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НАРОДОВ СИБИРИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Р. А. Ачолова

Томский государственный педагогический университет

Руководитель: Рудковская Ирина Евгеньевна

Понятие «этническая толерантность» трактуется в этносоциологической литературе как специфическая черта национального характера того или иного народа, его менталитета, ориентируясь на терпимость, согласие, готовность к конструктивному решению возникающих проблем в межнациональных отношениях. Толерантность прежде всего ориентирована на взаимоуважительные отношения представителей различных этносов, сохранение этнического и культурного разнообразия. Она выступает как основа снятия напряженности, урегулирования социальных и межэтнических конфликтов.

В данной статье этносоциальные процессы у народов Сибири как ее важной составной части, будут рассмотрены сквозь призму диалектики объективного и субъективного, а также с учетом противоречивости явлений и тенденций, характеризующих, в частности, тождество и различия этнических общностей, их сближение и обособление, взаимозависимость и автономию. Эмпирический материал статьи базируется на результатах экспертных и массовых опросов населения регионов Сибири (в Республиках Хакасия, Алтай, Тыва и др.), проведенных в статье «Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения межэтнические установки», авторами которой являются Ю.В. Попков, В.Г. Костюк, Е.А. Тюгашева.

Внимание исследователей к этнической проблематике в последние годы заметно растет. Осознание не только гражданского, но и политического характера обуславливает особую актуальность проблем этноса и этничности для современной науки, в том числе и для политологии. Для правильной постановки проблемы в данной сфере и поиска оптимальных путей их решения необходимо четко обозначить исходные категории, и прежде всего – этнос (этничность). Для советской и российской науки наиболее привычной является катего-

рия этноса. Под этносом понимается исторически сложившаяся совокупность людей, обладающая общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психически, а также сознанием своего единства и отличием от других таких же образований.

В ходе написания статьи были использованы материалы нескольких статей. Для наглядной картины сравнили этническую толерантность среди студентов и этническую толерантность среди населения национальных республик, таких как Алтай Хакасия, Тыва, Бурятия. На мой взгляд, ситуация по данному вопросу довольно разная, из-за разницы в географическом положении и истории развития этих регионов страны.

Проанализируем данные таблицы, которая называется «Ценностные предпочтения респондентов» (в % к числу опрошенных). Так как за этнической толерантностью кроются и понятия ценностей человека, то целесообразно для сравнения провести параллель между этими значениями. По результатам которой будет выяснено насколько народы Сибири толерантны к русским и русские к этим народам.

На вопрос: «Для успешного развития моего народа следует прежде всего развивать» тюркские народы в большинстве ответили за коллективную собственность, ну а русские за частную собственность.

На вопрос: «Нашему народу больше всего нужно» тюркские народы проголосовали за чувство взаимопомощи, коллективизма (до 82 %).

На вопрос: «В жизни важнее всего» тюркские народы ответили что, постоянство и устойчивость, в отличие от русских, которые ответили за перемены, новизну.

То есть из сравнения видно, что те ценности, которые выбирают тюркские народы, соответствуют их национальным чертам характера и ценностным жизненным установкам, которые складывались у них на протяжении многих поколений, столетий. А у русского населения, проживающего на территории республик немного другое мнение. Но в целом, слишком резких расхождений не выявлено.

Для сравнения была опрошена студенческая среда. Было опрошено 100 студентов разных курсов и специальностей. Данные опроса представим в таблице (в % к числу опрошенных):

Предпочтения	нерусские	русские
Для успешного развития моего народа следует прежде всего развивать:		
– коллективную собственность	17	24
– частную собственность	5	54

Нашему народу сейчас больше всего нужно: <ul style="list-style-type: none"> — чувство взаимопомощи, коллективизма — чувство свободы личности, личной деловитости, индивидуализма 	7 15	50 28
Для страны важнее всего: <ul style="list-style-type: none"> — расширение личных свобод граждан — обеспечение общего порядка 	10 12	25 53
В жизни важнее всего: <ul style="list-style-type: none"> — постоянство, устойчивость; — перемены, новизна 	13 9	40 38
Роль государства в жизни человека: <ul style="list-style-type: none"> — рабочие места и условия жизни людей должно обеспечивать государство, а человек должен хорошо трудиться — работу и условия жизни человек должен обеспечивать себе сам, а государство — его защиту законами и справедливыми налогами 	8 14	41 37
Занятие предпринимательством, бизнесом формирует людей: <ul style="list-style-type: none"> — заботящихся об интересах народа и спланирующих его — заботящихся только о своих интересах и разъединяющих народ 	5 17	48 30
Для успешного развития страны сейчас нужно: <ul style="list-style-type: none"> — активно развивать частную собственность, рынок, свободную конкуренцию, ограничивать роль государства в развитии рынка и конкуренции — активно развивать государственную и коллективную формы собственности, усиливать роль государства в регулировании рынка и конкуренции — вернуться к плановой экономике. 	8 9 5	46 32 0
По национальности Вы: <ul style="list-style-type: none"> — русский — не русский 	78 22	

По результатам опроса можно вывести следующие результаты:

На вопрос: «Для успешного развития моего народа следует прежде всего развивать» нерусские народы в большинстве ответили за

коллективную собственность(17/5), ну а русские за частную собственность(24/54).

На вопрос: «Нашему народу больше всего нужно» нерусские народы среди студентов выбрали чувство свободы личности (15/7), русские студенты проголосовали за чувство взаимопомощи, коллективизма (50/28).

На вопрос: «В жизни важнее всего» тюркские студенты ответили что, постоянство и устойчивость (13/9), в отличие от русских, которые ответили за перемены, новизну(40/38).

Проведем обзор по республикам. В последнее время преобладает тенденция роста численности национального коренного населения в этих регионах. Интересно то, что западные ценности ни для одного из обследуемых этносов не являются преобладающими.

Заметные расхождения особенно касаются мнений о представительстве этносов в органах власти. Русские во всех обследованных республиках относятся к проблеме более индифферентно: 70-76% из них считают, что национальность людей в органах власти не имеет особого значения. Значительная часть хакасов, тувинцев и алтайцев (соответственно 60, 41 и 43%) придерживаются иного мнения, полагая, что в органах власти должно быть представлено больше людей их национальности, так как они на их взгляд, могут лучше позаботиться о своем народе. Впрочем, 24-29% русских, предпочитающих видеть в органах власти представителей именно своей национальности, можно рассматривать как относительно высокий уровень, свидетельствующий об определенной неудовлетворенности их своим положением в национальных республиках Сибири.

Итак, несмотря на определенное распространение у представителей разных этносов Сибири ценностей западной цивилизации, для большинства населения они не являются значимыми.

Менталитет сибирских народов характеризуется чертами, доминирующими в восточных цивилизациях. Что касается особенностей в межэтническом отношении народов Сибири в аспекте цивилизационной близости, то она изучалась через такие компоненты как чувства взаимной симпатии (антипатии), социальные дистанции, автостереотипы, актуальность этнических традиций. Методом социологического опроса выявлялись мнения представителей народов – хакасов, тувинцев, алтайцев, рецензирующих тюркскую субцивилизацию, и представителей русских, проживающих в тех же республиках, рецензирующих славянскую субцивилизацию российско-евразийской цивилизации. Мерой цивилизационной общности принималась степень схождения мнений (показателей)

В целом русские Сибири достаточно высоко комплементарны к ближним тюркским этносам, с которыми имеют непосредственные контакты: хакасам, алтайцам, несколько ниже к тувинцам. При этом во всех обследованных республиках – Хакасии, Тыве и Алтае – процент симпатий русских к тюркским монгольским народам растет, но как правило, монотонно и постепенно. И тюркские народы комплементарны к русским. То есть русско-тюркская комплементарность сохраняется и даже имеет тенденцию к росту.

Неоднозначные процессы межнациональных отношений в современной России актуализируют изучение проблем этнической толерантности, особенно в молодежной среде. Это вызвано в частности тем, что молодежь представляет собой особую социальную группу, которая в условиях происходящих общественных трансформаций чаще всего является наиболее уязвимой с экономической и социальной точек зрения. Нередко формирующийся у молодых людей комплекс «социальных обид» принимает форму этнически окрашенного протеста, что создает благоприятные условия для роста на этой почве разного рода «этно» и «мигрантофобий». В «чужих» - приезжих, мигрантах – молодежь, не имеющая жизненного опыта и знаний, порой начинает видеть причины собственной неустроенности. Они начинают восприниматься как угроза материальному благополучию, как нечто ограничивающее возможности молодых людей на рынке труда, образования, жилья и т.д. В этой ситуации проникновение в молодежную среду экстремистских взглядов и идей может привести, как показывает опыт, к трагическим последствиям – применения насилия в отношении мигрантов, особенно иноэтничных и т.д. Нельзя игнорировать и опасности возможного обращения определенной части эмигрантской молодежи к этническому и религиозному фундаментализму.

Поскольку этническая толерантность, как правило, проявляется непосредственно в ходе межэтнических контактов, ее уровень нередко зависит от степени интенсивности данных контактов и в каждом конкретном случае различен.

Насколько эти тенденции долговременны и прочны, сейчас трудно оценить. Тем более, что перспективы в этих процессах во многом предопределяются общегосударственной ситуацией и общим идеологическим климатом в стране.

В заключении подчеркнем: показатели этнических предпочтений свидетельствуют о наличии определенного этноцентризма в сознании русских и представителей тюркских этносов Сибири и в настоящее время. Этот этноцентризм может быть интерпретирован как про-

явление относительной этнической самодостаточности, чувства способности к самостоятельному решению проблем развития этнической общности. Конкретные комбинации ценностных ориентаций, конструирующие евразийский социокультурный тип, нуждаются в специальной эмпирическом выделении и дальнейшем исследовании. Показательно, однако, что столетия «рецидивирующей» в России вестернизации не привели к утверждению в массовом сознании населения Сибири примата европейских ценностей. Последние получили широкое распространение в «верхах» социума, тогда как структуры массовой практики столь же устойчиво производят традиционные для представителей разных этносов ориентации.

Хотелось бы подчеркнуть, что проблематика этнической толерантности остается актуальной и нуждается в дальнейших исследованиях. Особенно важна концентрация усилий на разработке и реализации мер раннего предупреждения межэтнической напряженности, проявления национального высокомерия, нетерпимости и насилия, профилактики экстремизма в молодежной среде.

РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

В. В. Бабич, Т. А. Титова

Томский государственный университет,
Томский государственный педагогический университет

Политическая философия позаимствовала много из этики, а этика из религиозных истин, поэтому лишь через возвращение к источнику этих истин можем мы рассчитывать на появление общественного организма, который не станет, даже на грани краха, игнорировать незыблемые законы реальности.

Т. Элиот

На современном этапе исторического развития общества прослеживаются две социокультурные тенденции. Первая – формирование мирового сообщества, в котором культурные, политические и экономические тенденции развития являются взаимопроникающими и все более зависящими друг от друга. Вторая – развитие возможностей человека, его созидательного и разрушительного потенциала, поэтому вопрос о нравственном и правовом контроле над экономическими и политическими силами становится как никогда актуальным [1,2]. Чрезвычайно насущной становится философско-религиозная рефлексия над тем, как встречающиеся культуры обнаруживают общие эти-

ческие основы, направляющие их на созидательный путь общекультурного развития и принимают на себя ответственность за формирование современного культурного пространства.

Изучая процесс взаимопроникновения культур и развития научного знания, мы наблюдаем разрушение очевидных этических ценностей, которые до сих пор были определяющими [3,4,5]. Если рассматривать интеграционные социальные процессы как акт сознательной реализации, то невозможно представить культурную интеграцию без существования нравственных взаимосвязей между различными частями культурного пространства. Отсюда, на современном этапе развития вновь возникают вопросы, что такое добро как высшая этическая категория, и что выступает коммуникативной этической базой современного общества? Э. Нойманн в середине минувшего века так отвечал на эти вопросы: “В каждом случае добро, которое можно познать, представлено в виде абсолютной ценности. Эту ценность можно рассматривать как богооткровенный или имманентный закон, как интуитивно познанную истину или поведение разума, но она неизменно остается кодифицируемой передаваемой универсальной истиной, способной определять поведение человека” [6,с.31].

Остановимся на кратком рассмотрении исторического изменения этической культурной составляющей для анализа влияния религиозных основ (с нравственными ценностями в качестве важнейшего, онтологического компонента любой религии) на культурно-исторический процесс. В античной культуре были поставлены важнейшие этические проблемы, намечены различные варианты их разрешения, очерчены главные традиции будущих интерпретаций вопросов этического комплекса [7]. В Афинской цивилизации (V-IVвв. до Р.Х.) центром философской мысли становится человек, его отношение к общине, законам и богам. Интенсивная политическая жизнь Афин рождает проблемы определения добродетели, морали, права, гражданских законов, мира и войны

Современный философ морали А. Макинтайр, исследуя конфликт нравственных установок в греческой философии на примере древнегреческих трагедий, утверждает, что герои древнегреческих произведений полагаются на противоречивые императивы лояльности роду и равно противоречивые императивы языческой теологии, которые поддерживали родство в форме клана, коммуны. Апелляция героев при попытке решения нравственных противоречий к некоторому божеству, не дает исчерпывающего решения, божественный вердикт скорее прекращает, чем разрешает конфликт. Он оставляет пропасть между признанием авторитета, космического порядка и утверждением ис-

тинности, с одной стороны, и нашими конкретными ощущениями и суждениями в конкретных ситуациях, с другой стороны [4,с.194-198].

Рассматривая Аристотеля не как индивидуального теоретика, но как представителя античной традиции, которая сформировала классическую эпоху в моральной мысли, мы можем утверждать, что в это время формируется телеологический подход в сфере этических отношений. У Аристотеля добродетели реализуются не только в жизни человека, но и в жизни города, в виде законов полиса. “Тому, кто желает делать людей – многих или немногих лучшими, уделяя внимание их воспитанию, надо научиться создавать законы, коль скоро благодаря законам мы можем стать добродетельными” [8,с.291]. Таким образом, добродетелью признается то, что помогает становлению коммуны, реализации общего проекта, приносящие его участникам некоторое благо, которое осознается в качестве блага общего. Примерами таких проектов в античном мире могли выступать религиозные культы, дальние путешествия или жизнь полиса.

В средние века в христианской литературе было распространено негативное отношение к античной философии. Отрицание преемственности в XII в. привело к тому, что христианские этические постулаты оказались неприменимой к социальной реальности средневековой эпохи. В поиске решений острейших социальных проблем авторы XII в. обратились к текстам Макробия, Цицерона, Вергилия и Аристотеля. В них они находят созвучные эпохе размышления древних о добродетелях. В своей “Этике”, написанной в 1138 году, П. Абеляр принимает аристотелевское определение добродетели, перешедшее к нему от Боэция, для того, что бы использовать его для определения порока [7,с.248-249].

Алан Алльский в своих сочинениях, написанных в 1170 году, считает античную языческую этическую традицию не отжившей моральной схемой, но аргументом в поисках ответов на политические вопросы. В сочинениях Алана происходит движение к соединению античной философии и Нового Завета, богослов делает упор на политическом и социальном содержании добродетели. Происходит синтез классификаций четырех главных добродетелей античности – справедливости, благоразумия, умеренности, и храбрости с теологическими добродетелями: верой, надеждой и любовью. Уже к 1300 году эта классификация добродетелей была повсеместной у латинских писателей, во многом определившая развитие дальнейшей европейской культуры [4,с.232]. При этом происходило не простое механистическое соединение моральных систем, в христианской традиции декларируется добродетель милосердия, которой нет в аристотелевском

универсуме, где за нарушением добродетели (закона), неизбежно следует наказание, определяемое законом коммуны. Однако в библейской культуре, в противоположность культуре Аристотеля, была доступна и другая реакция – прощение.

Христианская концепция этических отношений в отличие от античных представлений рассматривает добродетель как полное согласие личной воли с божественным законом, как в отношении внутреннего predisposition человека, так и внешнего действия. Этот универсальный закон является одним и тем же для всех рациональных существ; он не имеет ничего общего с местными деталями или обстоятельствами. Добродетельным человеком в социальном плане в отличие от античного представления, является гражданин вселенной, его отношение к другим коллективам, городу или империи является вторичным. Отсюда одиночество, которое понимается в античности как социальная изоляция, исчезает, так как индивид несет в себе свои роли в коммуне в качестве части определения самого себя, даже будучи изолированным от нее. Таким образом, исчезает плюрализм (а вместе с ним и противоречие) в трактовках нравственного поведения представленных античных писателей.

Бог понимается христианами как полнота личностного существования. Но Он не определяется этическими категориями в классической интерпретации, поскольку существование и необходимость этики связаны с изначальным несовершенством человека. Мораль начинает пониматься как мерило, которым измеряется полнота “личного существования”, существования в общении. Это означает, что мораль самым тесным образом связана с Бытием, имеет онтологический характер: неспособность рассматривать ее онтологически приводит к идее о некоем абсолютном разделении “принципов” добра и зла, к дуализму в творении. Отождествление Бытия с “идеей Добра” в действительности есть не что иное, как пример крайней абсолютизации этических понятий. Существует опыт выведения его (добра) из чисто интеллектуальной абстракции, на первый взгляд никак не связанной с практикой жизни в общении или отношении, тогда как именно это выведение абсолютных этических понятий определяет характер и направление всей совокупности человеческих отношений.

Если отказать этическим понятиям в онтологическом содержании, парадоксальным образом, это всегда, в конечном счете, приводит к “социализированной” утилитарной идее добра. Положение восточно-православной богословской традиции о том, что только добро имеет онтологический статус, означает полное отрицание онтологического дуализма (манихейства) добра и зла и предполагает различие не добра

и зла, но Бытия и Ничто, жизни и смерти, и утверждение самой морали как способа личного бытия [9,с.177].

Таким образом, опыт греха (отступление от нравственной максимы) есть главным образом не нарушение закона, как воспринималось это в античности, но опыт Ничто как существование в изоляции. Поэтому мы можем сказать, что здесь мораль и онтология тождественны, и что персонифицированная этика неизбежно предполагает онтологию, основанную на представлении о самоценных в рамках социального общения индивидуальных существ. Для христиан “онтологическая мораль” есть утверждение личной свободы в наиболее полном смысле этого слова, предполагающее онтологию личностного существования в общении, диалога Бога и человека. Отсюда в христианской традиции человек начинает пониматься как не просто носитель индивидуальной воли, но и как личность, которая является носителем экзистенциально аутентичной роли.

Следующим ключевым периодом в истории культуры, который трансформировал и фрагментировал этическую культурную составляющую, является эпоха Просвещения. Рассматривая И. Канта как морального философа эпохи Просвещения, мы находим, что философ, используя христианскую средневековую традицию, утверждает общезначимость моральных законов. “Человеческий разум, - пишет Кант, - содержит в себе не только идеи, но и идеалы, обладающие практической силой. Добродетель и вместе с ней человеческая мудрость во всей их чистоте суть идеи”. По И. Канту носителем идей как производных нравственных правил есть “божественный человек” Таким образом, философ определяет заданность человеческой природы к нравственному поведению. Далее он продолжает: “У нас нет иного мерила для наших поступков, кроме божественного человека в нас, с которым мы сравниваем себя, оценивая себя, и благодаря этому исправляемся” [10,с.502]. Дальнейшее воздействие секулярного опровержения как протестантской, так и католической теологии, а так же научное философское опровержение аристотелизма окончательно изменили взгляд на человеческую природу. Концепт человека перестает включать в себя сущностную природу или существенную цель. Секуляризация морали в Просвещении ставит под вопрос статус моральных суждений как наглядного выражения божественного закона. Традиционные моральные заключения не могут быть оправданы, как они оправдывались ранее на основе средневекового представления о человеке. Однако потеря возможности классической интерпретации нравственного закона приводит к соответствующему изменению моральных идиом. Таким образом, моральные утверждения становятся лингвистически-

ми пережитками практики классического теизма, потерявшими свой контекст, который обеспечивался этими практиками.

Отметим, что тенденция потери исторического сознания в моральной философии, обозначенная еще в эпохе Просвещения, выражается и в современной культуре эпохи модернизма и постмодернизма, являя собой вытеснение традиционных форм религиознонравственного сознания под давлением материалистической ориентации позитивистской науки. Такой подход, где материя первична, а жизнь и сознание являются лишь ее случайными продуктами, неизбежно ведет к выводу о невозможности признания духовной природы существования человека [12]. Наука с конвенциональными правилами, претендуя на единственно верное мирозерцание, рождает релятивизм в нравственной сфере человеческого бытия, а по сути воинствующий аморализм.

Таким образом, рассматривая историческое изменение религиозных основ культуры, мы видим, что каждое социально значимое действие является носителем и выразителем теоретически нагруженных вер (концепций, положений, установок); каждый фрагмент теоретизирования и каждое выражение веры в идеале должно находить свое отражение в моральных и политических действиях.

Исходя из всего выше сказанного, религиозная практика рассматривается нами как феномен трансляции “универсальной истины” и смыслов в новых культурных генерациях, в которых выражается процесс передачи и формирования смыслообразующих идей и символов. Сказанное позволяет говорить о способности религии направлять человеческие действия, определять общую их тенденцию среди возможных альтернатив, допускаемых условиями человеческого существования.

Литература

---

5. Хабермас, Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Пер с нем. (серия “Современное богословие”). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
6. Мерфи, Н., Эллис Дж. О нравственной природе вселенной: Богословие космология и этика / Пер. с англ. (Серия “Богословие и наука”). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. – 288 с.
7. Шпенглер, О. Закат Европы. – Мн.: Харвест, М., АСТ, 2000. – 1376 с.
8. Макинтайр, А. После добродетели: Исследование теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
9. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ, 2004. – 444 с.

10. Нойманн, Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический / Пер. В.М. Донец. Научн. ред. и послесл. В.В. Зеленский. – Спб.: Академический проект, 1999. – 206 с.
11. Гусейнов, А.А., Ирритц Г. Краткая история этики. – М.: Мысль, 1987. – 589 с.
12. Аристотель. Сочинение: В 4 т. Т. 4 / Пер с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
13. Уильямс Р. Богословие личности: анализ мысли Христоса Яннараса // Собрность. Сборник избранных статей из журнала Содружества SOBOR-NOST М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 1998. – 256 с.
14. Кант, И. Сочинение: В 6 т. Т. 3. / Общ. ред. В.Ф. Асмус, А.В. Гулыгин, Т.И. Ойзерман. – М.: Мысль 1965. – 544 с.
15. История философии: Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. — 1376 с.
16. Титова, Т.А. Взаимосвязь религиозного и научного познания / Отечественная культурно-образовательная традиция в духовно-нравственном становлении молодежи: Материалы XVII Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия // Под ред. иерея Андрея Носкова. Томск: Отдел полиграфической продукции Администрации Томской области, 2008. С. 132 – 136.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Е.А. Барышникова

Томский государственный педагогический университет

Все нам можно, но не все полезно
апостол Павел

После первой мировой войны сначала в США, а затем в Великобритании, Франции, на севере и на юге Европы, в Японии утвердился новый общественный порядок, который стали называть «массовой культурой».

Большинство исследователей относят зарождение массовой культуры к эпохе становления буржуазного индустриального общества, основанного на частной собственности, характеризующимся бурным развитием техники, внедрением унифицированных технологий, прежде всего технических средств тиражирования, транслирования материальной и культурной продукции. Однако не только техника, которая сама по себе нейтральна, но политические и социокультурные условия составляют ту почву, на которой произрастает феномен, получивший название массовой культуры.

Общество стало массовым потому, что оно вобрало в себя как нечто единое, несмотря на внутренние конфликты и противоречия, широкую массу населения. В результате его центральные институты расширили свои границы. Большинство людей – «масса» находится сейчас в более тесной связи с центром, чем в предшествовавших обществах (или даже на ранних стадиях развития современного общества), когда существенная часть населения рождалась и навсегда оставалась аутсайдерами.

Основная черта этого общества – утрата властью своего священного характера и, следовательно, уменьшение вызываемого ею страха. Одновременного с изменением статуса власти произошло ослабление силы традиций. Они продолжают оказывать влияние, но подвергаются различным толкованиям, а это приводит на практике к различиям в поведении людей, проявляется в подчеркнутом внимании к достоинству индивида и его правам, сказывается на отношении к женщине, к молодежи и к этническим группам, ранее находившимся в угнетенном положении.

Классы, потребляющие культуру, могут сократиться в числе, их вкусы могут деградировать, а критерии стать менее четкими, менее высокими. С другой стороны, по мере побуждения массы населения, пока просыпается её любопытство, чувствительность и моральное восприятие, она становится способной на более тонкие ощущения, начинает ценить более обобщенные элементы конкретных образов, усложняются её эстетическое восприятие и средства выражения.

Одним из проявлений массового общества выступает разделение его культуры по крайней мере на три уровня качества, устанавливаемые с помощью эстетических, интеллектуальных и моральных стандартов. Это так называемые «высшая», или «изысканная», «средняя» или «посредственная», и «низшая», или «вульгарная», культуры.

В ассортимент «высшей» культуры входят лучшие образы поэзии, романы, скульптура, живопись. «Высшая» культура никак не связана социальным статусом. А это значит, что степень совершенства в ней определяется не общественным положением создателей или потребителей объектов культуры, а лишь правдивостью и красотой самих этих объектов.

«Средняя» культура включает в себя произведения, к которым, независимо от усилий их создателей, неприменимы критерии оценок произведений «высшей» культуры. Она менее оригинальна, чем «высшая», она в большей степени репродуктивна и, хотя оперирует теми же жанрами, что и «высшая» культура, проявляет себя также и в некоторых новых жанрах, еще не проникших в сферу «высшей» куль-

туры, как, например, музыкальная комедия. Это может объясняться природой жанра или тем, что он еще не успел привлечь к себе подлинных талантов.

«Низшая культура» включает в себя элементарные произведения. Некоторые из них имеют жанровые формы «средней» и «высшей» культуры (изобразительное или пластическое воплощение, музыка, стихи, романы, рассказы), но сюда также входят игры и зрелища (бокс, скачки), обладающие непосредственной выразительностью и минимальным внутренним содержанием. На этом уровне культуры глубина проникновения почти всегда ничтожна, утонченность отсутствует, а общая вульгарность ощущения и восприятия – характерная ее особенность.

Наибольший размах приобрело распространение «средняя» и «низшая» культуры, а пропорциональный запас объектов «высшей» культуры резко сократился. Самые очевидные из причин подобного явления – большая доступность, уменьшение затрат труда, увеличение времени досуга и материального достатка большинства людей, откровенный гедонизм [1,с.82].

Чаще всего в зарубежной и отечественной культурологии массовую культуру понимают как «массовидный» способ бытия культуры в условиях современного индустриального общества, вид "культурной индустрии", производящий культурную продукцию каждодневно в больших масштабах, рассчитанную на массовое потребление, подчиненное ему как своей цели, распространяемую по каналам, включим технически совершенные средства массовой информации и коммуникации. (Д. Макдоналдс, С. Московичи, Д. Бурстин, О. Хаксли, Э. Морен, Б. Розенберг, Д. Белл, М. Фишвик и мн.др.) [2,с.15].

По мнению Д.Белла, с появлением кино, радио, телевидения, прессы впервые появилась единая система идей, образов и развлечений. В принципе, поставляющая одну и ту же информацию, с одним и тем же смыслом. Пусть то будут новости, кино, радио-телепередачи. В качестве положительных качеств называют способность развлекать, давать отдых, расслабление, выход агрессии, хотя опыт психиатров, психотерапевтов свидетельствует о том, что демонстрация зверств, насилий, порока может довести человека до иступления и не снять, а спровоцировать агрессию. Наряду с названными существует и нейтральная позиция по отношению к массовой культуре, которая пытается внести примиряющие нотки, иногда принимая иронический тон и, признавая, что телесериалы, шлягер-парады, различные руководства типа "Как стать миллионером", "Как уйти от налогов" и т.д. достаточно безобидны. Эта позиция иногда выражается в объективист-

ских исследованиях механизмов, технических средств, способов воздействия на массовое сознание [3, с 141].

Современная массовая культура – это своеобразный двигатель развития сознания нашего будущего поколения. XXI век, век информационный, а ребенок, это потребитель «моря» информации, при не надлежащем воспитании, он легко может утонуть в этой пучине. Ребенок при своей большой любознательности, впитывает в себя полезную и не полезную информацию как губка. Задача государства, в целом, и педагога, родителей, в частности, помочь своему чаду разобраться и отсортировать поток информации.

Человек реализует себя посредством творчества. Его цель – это реализация своего эго. Сейчас у многих на слуху термин «гуманизация общества», создаются различные организации волонтеров, в городах на рекламных щитах располагается реклама, содержание которой можно приравнять приблизительно к такой фразе «родился человеком, так и будь им». Бывший министр культуры и массовых коммуникаций Александр Соколов считает, что существующее законодательство плохо защищает детей от информации, наносящей вред их психике, такова одна сторона медали. Что же касается другой, это телевидение и глобальная сеть интернет.

СМИ открывают перед народным образованием неограниченные возможности. Стягивая информационное пространство и время «здесь» и «теперь», обладая способностью демонстрировать в популярной и научной, художественной и рациональной формах исторический опыт эволюции человечества и современные достижения во всех областях духовной и материальной жизни, СМИ могли бы стать поистине массовым способом образования народа [4, с.19].

К сожалению, эту социальную роль СМИ, в частности телевидение, в настоящее время не исполняют, так как, по существу, не являются общенародными, общегосударственными, а выступают большей частью средством реализации частных, корпоративных, партийных и олигархических интересов (те же частные каналы). Государственная власть, не обладающая фактическими средствами осуществления единой образовательной политики, оказалось беспомощной перед внутренней угрозой национальной безопасности – бездуховностью.

Человек, оказавшийся высоко урбанизированной, поликультурной среде должен найти свое место под солнцем, свое социально-культурное пространство. Массовая культура создает такое пространство (или его иллюзию), на первый взгляд уютное и комфортное, предоставляющее необходимую информацию, развлекающее, обеспечивающее отдых, психологическую разрядку.

Творчество делает человека индивидуальностью, личностью. А личность в свою очередь должна знать меру, должна знать золотую середину, для того, чтобы не впасть в крайность, в пучину искусства. Можно все: читать, смотреть, играть во что – то, но нужно ли это, полезно ли это для формирования успешной, мыслящей личности, в итоге для человеческой души, а если мыслить глобально, то и формирования сильного, надежного государства.

Литература

---

1. Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура. М.: Политиздат, 1985. – 399 с.
2. Багдасарьян Н. Г. Культурология. М.: Высш. Шк., 1998. – 511 с.
3. Фетисова Т.А. Культура города. // Человек: образ и сущность. - М.: ИНИОН, 2000.
4. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С.27-34.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ МОРАЛИ

Д. В. Баушников

Институт теории образования

Томский государственный педагогический университет

Развитие человеческого общества можно рассматривать в различных аспектах. Одним из них может являться рассмотрение этического аспекта, то есть рассмотрение различных этапов исторического осмысления морали. Разумеется, сам термин «мораль» с течением времени неоднократно менял свои значения, но при этом ровно настолько, чтобы общие признаки современного его понимания возможно было проследить и исследовать как нечто единое.

На протяжении всего существования этики как науки одной из главных её задач является поиск ответа на вопрос «Что такое мораль?».

В целом попытки закрепить за словами «этика», «мораль», «нравственность» различный содержательный смысл и соответственно придать им различный понятийно-терминологический статус не вышли за рамки академических опытов. В общекультурной лексике все три слова продолжают употребляться как взаимозаменяемые. [1. С. 5]

В данной статье будут рассмотрены три важнейших исторических этапа осмысления морали: античность, средневековье и новое время.

Началом философского осмысления морали следует считать труды древнегреческих философов, ставшие первыми попытками разра-

ботки учения о морали, как об универсальном инструменте оценивания как людей и их поступков, так и общественных явлений.

Первым античным философом, отошедшим от натурфилософии и направившим внимание на изучение человека, был Сократ. Именно ему принадлежит создание субъективистско-антропологической тенденции в философии. Учение Сократа имело форму диалога, призванного помочь ученику самостоятельно осмыслить ту или иную идею, т.к. по его убеждению, именно следуя пути подобного познания в рассуждении человек способен стать истинно моральным. Мораль, как добродетель, таким образом, отождествлялась в учении Сократа со знанием: человек совершает зло, так как не знает что это зло, и если бы он знал, то не совершал бы. Моральный человек по Сократу знает что такое добро и что такое зло, а значит способен культивировать в себе добродетели и искоренять недостатки.

Наряду с Сократом, проблему человека, морали и знания рассматривали также софисты: Протагор, Горгий и другие. Но как понималось знание? Обратимся к учению софистов: «Ничего не существует; но даже если нечто существует, то оно не познаваемо; но даже если и познаваемо — то необъяснимо для другого» [2] Согласно софистам, всякое знание относительно, следовательно, призывая своих учеников руководствоваться своими собственными мыслями, софисты и Сократ способствовали возникновению целого ряда различных философских школ и концепций, объясняющих понятие морали со своих оригинальных позиций. Общими их точками являлись поиск универсального определения морального поведения и выработка норм и правил, способных воспитать и развить его в человеке.

Античным мыслителям принадлежит первичное научное осмысление мира, одной из характеристик которого является низкий уровень развития теории. Понятия и концепции, развившиеся впоследствии в отдельные науки, мыслились как нечто единое, как объект интеллектуального и логического познания. Это же касается осмысления морали, новаторского, но при этом довольно поверхностного.

Эпоха Средневековья, продолжавшаяся в странах западной Европы со времён крушения Римской империи до возникновения ранних форм капиталистического общества, первоначально характеризовалась упадком философии как науки. В силу господствующей религиозной идеологии, центром всего научного знания стало духовенство, что не могло не отразиться на принципиальных подходах к изучению морали. Христианство рассматривает мораль, выраженную через любовь, смирение и милосердие, главнейшей характеристикой человека, что роднит его с божественным абсолютom. Отвергая позицию антич-

ных философов, пытавшихся прийти к определению морального путём логических умозаключений, средневековая наука приходит к выводу, что через разум нельзя постичь истинную мораль, но путём следования божественной морали человек способен прийти к разуму. Моральным здесь является то, что приближает человека к богу, что способствует его спасению. Главной добродетелью становится следование божественным заповедям.

Пройдя период отчуждения от философского наследия античности, христианские философы стали предпринимать шаги интеграции этических воззрений язычников в концепцию христианского учения. Результатом этой интеграции стало, в частности изучение «Никомаховой этики» Аристотеля в качестве основного университетского учебника. Нововведением средневекового этапа осмысления морали является объявление её несамодостаточной, но обретающей полный смысл и силу только лишь будучи соединённой с теологическими постулатами.

Третьим важнейшим этапом осмысления морали является Новое время - период с XVI по XIX века. Новое время характеризовалось отходом от религиозности и провозглашением примата естественного разума как обоснования морали. Ранней стадии этого периода было характерно проникновение морали в социологию и политологию в качестве первопричины объединения общества и развития в нём социальных институтов, объединённых единым государством. Так, Томас Гоббс считал, что именно мораль, наряду с правом служит способом объединения людей и их выхода из их естественного состояния «войны всех против всех» [3. С. 95]. Мораль по Гоббсу неразрывно связана с правовыми законами, ограничивающими человеческий эгоизм ради сохранения целостности общества.

Крупнейшим исследователем морали Нового времени считается Иммануил Кант. Он первым из философов задаётся вопросом всеобщности морали. В его философии впервые звучит идея того, что человеческая мораль не имеет и не может иметь никаких логических объяснений. Кант отрицает факт того, что мораль выводима из человеческой природы и говорит, что человек только стремится к тому, чтобы обрести её - стать идеальной личностью. Чтобы стать моральным, человек должен превзойти самого себя, возвысившись над своей природой, и отсюда вытекает понятие о ценности человеческой личности. Мораль нельзя вывести из повседневного бытия человека, так как в таком случае теряется её универсальность - ведь бытие каждого человека индивидуально. Также она не может быть выведена из внеличного источника, так как в таком случае добровольный

нравственный выбор личности теряет свой смысл. [4] Долг каждого человека заключается в стремлении к морали и стремление это должно быть результатом его свободной воли. Любое действие, стимулированное не долгом - пользу, приятность, интерес - Кант рассматривает как неморальное, не обладающее нравственной ценностью [там же]. Долг же не является результатом коллективного опыта, поэтому Кант рассматривает долг как автономное понятие, которое не является ничем обусловленным. Отсюда вытекает его нравственный закон, основанный на свойстве императивности, то есть обязательности к исполнению.

Несмотря на кажущуюся разницу в понимании морали на трёх описанных исторических этапах её осмысления, мы считаем возможным выделить общие черты и построить на их основе определение морали. На каждом из трёх этапов мораль понималась как нечто идеальное - идеальное поведение или идеальное состояние ума, мышления - так или иначе, мораль - не данность, а цель устремления человека. Нельзя даже утверждать, что разница заключается в дифференциации методологических подходов, так как суть их на любом этапе можно свести к одной фразе: «веди моральную жизнь». Главное отличие заключается исключительно в осмыслении самого понятия морали. Итак, проанализировав три этапа исторического осмысления морали, мы приходим к выводу, что мораль - идеальный тип поведения и мышления, подкреплённый набором регулятивных норм, являющийся общепризнанным в данном обществе.

Литература

---

1. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. - М., Гардарики, 2000. - 472 с.
2. Горгий «О природе, или о несуществующем» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uchcom.botik.ru/philosophy/course/lectio/soph.shtml>, свободный.
3. Гоббс Т. Левиафан...Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. (ФН.т.115).731с.- С. 5-285.
4. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. Соч. в 8 т. - Т.4. -М., 1994.

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕРТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. В. Герасимова

Томский государственный педагогический университет

Понятие социальный мир, социальная реальность, рассматривалось разными социологами по-разному. Отвергая объективистские концепции, при которых социальный мир представляется как репрезентация, а индивиды – как исполнители определенных ролей, Бурдье выдвигает тезис о том, что «объекты знания конструируются, а не пассивно отражаются» [1, с.16]. В рамках его концепции «двойного структурирования» утверждается, что социальная действительность не просто «дается» человеку в готовом виде, а структурируется, во-первых, социальными отношениями, объективно существующими в обществе, а во-вторых, субъективно, через представления индивидов о данных отношениях, социальных структурах, оказывая обратное воздействие на первичное структурирование. Однако, несмотря на активную роль агентов в построении социальной реальности, оно невозможно без инкорпорированных структур – практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур.

П. Бурдье в своей работе «Формы капитала» определяет социальный мир, в первую очередь, как «аккумулированную историю человечества», безусловно включающий в себя понятия капитала и накопления. Он определяет капитал как «труд, накопленный в овеществленной или олицетворенной форме (...) С одной стороны, это сила, заключенная в объективных или субъективных структурах, с другой, внутренний закон, принцип, лежащий в основе имманентных закономерностей социального мира (...) Как правило, капитал приносит доход, обладает способностью к воспроизводству и расширенному воспроизводству. Это сила, обеспечивающая объективное неравенство возможностей» [2, с.17]. Таким образом, существуют некие ресурсы, капиталы, обладание которыми определяет занимаемую индивидом позицию в социальной структуре. П. Бурдье приходит к выводу, что при всем многообразии этих ресурсов, существуют три основные формы капитала: экономический, культурный и социальный.

Экономический капитал – это форма капитала, обладающая стопроцентной денежной ликвидностью и пригодная для институционализации в форме права собственности. Несмотря на очевидность и распространенность данной формы капитала, по мнению П. Бурдье,

понимание структуры и функционирования социального мира невозможно без учета всего разнообразия форм капитала.

В качестве второй основной формы капитала он выделил культурный капитал, который, в свою очередь, может выражаться в трех формах: олицетворенной, овеществленной, институционализированной. Олицетворенный капитал, по словам П. Бурдье, «есть взятое извне и затем конвертируемое в неотъемлемую часть личности, в габитус, в благосостояние; соответственно, его нельзя мгновенно передать другому (в отличие от денег, имущественных прав или даже благородных титулов) посредством дарения, покупки или обмена» [2, с.19]. Олицетворенный капитал – это те характеристики культурного капитала, которые связаны с телесностью человека, поскольку накопление культурного капитала невозможно без участия самого человека. Он связан с биологическим организмом человека и является предметом наследственной передачи.

Овеществленная форма культурного капитала находит свое выражение в материальных объектах и медиа, и в отличие от олицетворенной формы может передаваться материально (коллекция картин), однако полное присвоение культурных товаров возможно не только путем получения законного права собственности (с участием экономического капитала), но и символически, с участием олицетворенного капитала. Без доступа к олицетворенному капиталу человек не сможет получать эстетическое удовлетворение от полученных в наследство картин или использовать машины и оборудование, собственником которых он является, по прямому назначению без определенных навыков и знаний. Овеществленный капитал способен принести прибыль, величина которой непосредственно зависит от того, насколько успешно обладатель способен распорядиться овеществленным капиталом и насколько высоко качество олицетворенного капитала.

Институционализированная форма культурного капитала – это академически санкционированный культурный капитал, гарантированный законным образом присвоенными квалификациями и формально не зависит от личности его носителя, в отличие от овеществленного или олицетворенного капиталов.

Социальный капитал определяется П. Бурдье как «совокупность фактически или потенциально доступных ресурсов, обладание которыми становится возможным в результате поддержания индивидом в течение достаточно длительного времени различного рода более или менее институционализированных социальных контактов, характеризующихся взаимным признанием и обоюдным интересом сторон» [2, с.22]. Таким образом, социальный капитал – это ресурсы, связанные с

принадлежностью к группе, которыми можно воспользоваться только будучи членом той или иной социальной группы, а само членство должно гарантировать индивиду доступ к капиталу, принадлежащему всему коллективу, а также выгоды и преимущества, как следствие обладания. Размер социального капитала напрямую зависит от качества и эффективности поддерживаемых индивидом социальных контактов и связей, а также от размера экономического и культурного капиталов каждого из тех членов группы, с которым он поддерживает такие связи и контакты. П. Бурдье подчеркивает, что социальный капитал не сводится к простой сумме экономического и культурного капитала индивида и его группы, однако он всегда зависит от культурного и экономического капитала. Более того, все виды капитала так или иначе соотносятся с экономическим капиталом. Экономический капитал лежит в основе всех других видов капитала, которые, по мнению П. Бурдье, с одной стороны являются его латентными формами, а с другой – никогда полностью не сводятся к нему, будучи наиболее эффективными лишь при условии латентности, неочевидности их отнесения к экономическому капиталу.

В такой взаимосвязи форм капитала возможен переход от одного вида капитала к другому: экономический капитал способен трансформироваться в социальный и наоборот. П. Бурдье выделяет два полюса – экономизм, подразумевающий возможность перевода всех остальных форм капитала в экономический капитал, игнорирующий специфическую эффективность всех других типов капитала; с другой стороны – семиологизм, сводящий социальный обмен к феномену коммуникации, игнорируя факт сводимости всего к экономическим основаниям. Однако трансформация непременно связана с определенными затратами, например, при трансформации экономического капитала в социальный происходит трата времени, усилий, внимания, заботы, что с экономической точки зрения может расцениваться как пустая трата средств, но с точки зрения семиологизма – это выгодные инвестиции, т.к. в дальнейшем, чаще всего в отдаленном будущем, будет получена конкретная выгода, имеющая денежное или другое реальное выражение. Позиции индивидов в социальном пространстве определяются объемом и структурой их капиталов.

Основным инструментом воспроизводства капитала П. Бурдье определил систему образования, которая «имеет тенденции к росту, и по мере такого роста возрастает и степень унифицированности рынка социальных квалификаций, обеспечивающих их обладателям право на замещение имеющих в наличии дефицитных и престижных позиций» [2, с.27].

Сегодня наиболее востребованными в системе высшего образования оказались те специальности, обладание которыми подразумевает непосредственную конверсию в экономический капитал. Анализ специальностей, предлагаемых томскими вузами (включая филиалы и частные вузы), показал, что на первое место выходят специальности, связанные с управлением и менеджментом, на второе – экономика и финансы, на третье – юриспруденция и бухгалтерский учет. Из двенадцати платных вузов шесть были открыты в период с 2006 по 2008 год, что позволяет отследить всплеск спроса во временном аспекте. Сама система платного образования подразумевает конверсию экономического капитала в культурный: я плачу деньги и получаю профессию, знания, навыки, подкрепленные дипломом. Однако на деле человек становится обладателем лишь институционализированной формы культурного капитала (т.е. диплома), что без олицетворенной формы, по сути, является фикцией. Да и обладание дипломом в конце обучения зачастую не несет ожидаемых результатов. П. Бурдье объяснял это тем, что величина материальной и символической выгоды от обладания академической квалификацией зависит от степени ее дефицитности, затраты времени и сил, необходимые для ее получения. Очень часто учащиеся (особенно это касается студентов заочной и вечерней формы обучения) стараются минимизировать затраты времени и сил (и вузы зачастую идут им навстречу), а престижные специальности перестают быть дефицитными.

Основная социальная функция образования – это воспроизводство социальной структуры, что отмечалось еще Т. Парсонсом в его работе «Экономика и общество» более полувека назад. П. Бурдье рассматривает реализацию этой функции посредством санкционирования передачи по наследству культурного капитала. На сегодняшний момент в российском обществе система высшего образования не способна полноценно выполнять эту функцию, что рано или поздно приведет к дестабилизации социальной системы.

Литература

---

1. Бурдье П. Структура, Habitus, Практики // Современная социальная теория. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – с. 16-31.
2. Бурдье П. Формы капитала // Социология образования: теории, исследования, проблемы. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – с. 17-27.

НАУКА О СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

С. С. Дернова

Сибирский государственный аэрокосмический университет
имени академика М.Ф. Решетнева

Научный руководитель: О.Ф. Морозова к.ф.н.

Подготовка специалистов по управлению актуализируется в связи в рядом обстоятельств: управление является особым видом деятельности по развитию социальных систем и его значимость повышается в силу возрастания роли личностного фактора, ответственности субъектов, принимающих витально важные решения и воплощающие их в жизнь.

Особая социальная группа – управленцы различных уровней и рангов - становятся носителями особой субкультуры. В выступлениях Президента РФ четко прослеживается социальный заказ на подготовку специалистов по управлению. Существует множество обучающих программ по обучению специалистов по управлению, но они не согласованы между собой и с программами регионального уровня. Обучение специалистов по управлению не связано с генезисом науки управления.

Казалось бы очевидно, что овладение наукой и искусством управления жизненно важно, но ситуация в области «теория-практика управления» остается неоднозначной. Еще Сократ иронически замечал, что не изучивший ремесло не станет им заниматься, будь это самое незначительное занятие, но для самого трудного из занятий - для правления - часто считают себя подготовленными и компетентными. Не все чиновники, занимающиеся профессионально управлением, имеют соответствующее базовое образование, вынуждены повышать квалификацию уже в ходе управленческой деятельности, часто напряженной, что делает образование фрагментарным. Специальная подготовка управленческих кадров в высших учебных заведениях и в период послевузовского образования отличается полиструктурностью и разноплановостью обучающих программ.

Мы полагаем, что на современном этапе совершенствования системы управления из первоочередных задач можно назвать формирование управленческой культуры. Процесс вхождения в профессию предполагает не просто профессиональную, а профессионально-культурную подготовку, которая остается прерогативой высшей профессиональной школы. Формирование культуры управленческой деятельности и аксиологической составляющей управления, хотя активно

востребовано практикой социальных преобразований, но не стало предметом продуманного воздействия со стороны образовательных учреждений. Мы не можем игнорировать факт противоречия между мировым социо-культурным процессом совершенствования системы социального управления и его преломлением в ситуации ценностно-нормативного российского кризиса. Так же бесспорно, что «трансформация сложившейся культуры управленческой деятельности и корпоративной этики на уровень современных достижений, выработанных мировой практикой стандартов» становится - и в этом прав В.Янчевский- определяющим внутренним условием успеха менеджмента в развитии страны.

Гносеологическая ситуация в науке о социальном управлении связана, как представляется, не только с трансформацией идеалов и норм научности, но и с отсутствием четких представлений о принципах и подходах исследования. Рефлексивно-методологический анализ современной науки об управлении позволяет ввести в научный оборот наряду с принципами системности, объективности, историзма, диалектической противоречивости принцип культуроцентризма как предельно общее основополагающее начало, содержащее конкретные требования к управляющему субъекту и ориентирующее его в познавательной деятельности. Данный принцип может быть положен в основание социокультурного подхода в науке управления, который уже разрабатывается рядом современных ученых, продолжающих традиции отечественных философов и социологов.

Общепризнано: чтобы выполнять функции управления, специалист должен освоить обширную область знаний. Так же бытует мнение: руководитель должен быть мудрым. Но многознание еще со времен античности не считалось тождественным мудрости. Поэтому ни увеличение числа преподаваемых дисциплин, модных факультативов, ни расширение их содержания не решат задачу повышения качества обучения специалистов в области управления. Мы убеждены: знания, полученные в ВУЗе только в том случае не останутся «мертвым капиталом», если станут развивающейся системой, которая будет базироваться на прочном мировоззренческом фундаменте.

Непременным элементом мировоззрения специалиста по управлению должно стать убеждение в том, что мир есть система, мир социальный имеет качественное отличие: это мир культуры. Управление, имманентно присущее миру культуры должно выполнять социосозидательную культуротворческую функции. Отсюда – необходимость осознания роли культуры в социогенезе. Культура в рамках определенного исторического времени задает исследователю систему когни-

тивных и гносеологических ценностей, критериев, этических норм, обеспечивает определенную коммуникативную среду. Составляющей управленческой культуры является научная картина управления.

Научная картина управления представляет собой совокупность представлений о процессе управления, полученных в ходе научных изысканий. Как показывает опыт, эти представления в силу исторической обусловленности не являются общепризнанными и завершенными. Они постоянно трансформируются в зависимости от социокультурных условий, которые предопределяют возникновение научных школ, направлений, дисциплин.

Тематика социокультурной обусловленности науки достаточно многопланова. Исследователи говорят о системе трех уровней влияния социума и культуры на науку, это социокультурная природа познания, социокультурная обусловленность и социокультурная детерминация. Действительно, существуют социокультурные предпосылки когнитивной деятельности, такие как картина мира, язык, наличие научных коммуникаций. Потребности социальной практики предопределяют постановку и выбор научных проблем, тип теоретизирования, сложившийся в культуре, содержит способы обоснования гипотез, стандарты научности, социокультурный контекст детерминирует во многом содержание научного познания. В науке всегда присутствует определенный социокультурный контекст, в котором модифицируется смысловое поле цивилизации. В картине мира присутствуют некие культурные универсалии, благодаря которым воспроизводится «дух эпохи». Если в эпоху Ренессанса в истолковании сущности управления присутствуют гуманистические настроения, речь идет о социальном и индивидуальном совершенстве, гармонии, то Новое время привносит рационализм и система управления приобретает образ Левиафана, который стремится чуть ли не механически строить аппарат, предотвращающий войну друг против друга эгоистически настроенных атомарных субъектов.

Создание научной картины управления в идеале должно привести к интерпретируемому в рамках социокультурного контекста наглядному образу управленческого процесса. При этом неизбежна экстраполяция знаний об этом процессе либо полученных ранее, либо в условиях другой культуры. В последнем случае необходима интерполяция – нахождение консенсуса при возникновении теоретических неувязок и спорных моментов. Использование культурологической универсалии «картина» обязывает нас учитывать сосуществующее многообразие путей цивилизационного развития.

Социальное управление само по себе - явление, имеющее полиструктурный характер. Управленческие воздействия «распадаются» на управление политическое, экономическое, управление культурой, образованием и т.д. Поэтому социальное управление как всеохватывающий, всепроникающий феномен представлено многочисленными отраслями знания. Исследователь социального управления входит в соприкосновение практически со всеми науками не только гуманитарными, но и естественными и техническими. Многогранный феномен социального управления находит отражение в социологии и истории, математике и экономике, психологии и информатике, истории и философии, синергетике и антропологии, кибернетике и политологии. С этим связан широкий разброс гносеологических проблем, порожденных практикой изучения социального управления, мозаичность знаний о различных сторонах управления обществом. Лишь на уровне философской рефлексии возможно увидеть единство, найти системообразующие факторы среди многочисленных эмпирических референтов социального управления

Рефлексивный анализ теории управления позволяет выделить, по меньшей мере, две тенденции. Первая связана с дифференциацией знаний, то есть разветвлением частнонаучного знания о процессах управления в отдельных областях, а так же расслоением науки управления на два уровня- эмпирический и теоретический. Вторая- анализ и оформление общей теории управления, ее философских оснований, представления о гносеологическом статусе управленческого знания, его месте в системе обществознания.

Мы считаем, что в теоретическом отражении процесса управления, по меньшей мере, просматривается три пограничные области между естественными и гуманитарными науками, между социальными науками и философией, а так же между теориями, отражающими различные уровни социальных явлений.

Сразу оговоримся, что, по нашему мнению, понятие управления в естественной науке, социальных науках и философии по объему и содержательно различны. Отдавая себе отчет в том, что неклассическая и постнеклассическая наука значительно модифицирует представления, в частности, о субъект-объектных отношениях, мы настаиваем на особом статусе философского, естественно-научного и гуманитарного (исследование в гуманитарных науках, в том числе культурологии) анализа управления. Это различие проистекает из нетождественности, по крайней мере, двух факторов: объектов исследования и характера методологии.

При отсутствии полной предметной номенклатуры можно обозначить контуры следующих сфер теоретических знаний об управлении:

1. Правовое социальное регулирование.
2. Политическое управление.
3. Управление экономикой. Менеджмент. Предпринимается попытка выделения новых областей знания - «социальный менеджмент», «социокультурный менеджмент».
4. Информалогия социального управления.
5. Моделирование социального управления.
6. Этика социального управления.
7. Психология управления.
8. История социального управления.
9. Социология управления.
10. Культура управления.
11. Общая теория социального управления.

Роль ядра мировоззрения выполняет философия. И сегодня философия по-прежнему является дисциплиной, благодаря которой выстраивается фундамент мировосприятия и миропонимания. Монблан знаний будущего специалиста будет выглядеть тем более стройным, чем определеннее сформулированы принципиальные философские положения. Философия управления как самостоятельная научная область делает только первые шаги как учебная дисциплина. Она входит в соприкосновение с такими предметами как «концепции современного естествознания», «антропология», «социология», «культурология» и некоторыми другими. Выстраивая понятийно-категориальный каркас знаний, отражающий управленческие реалии, дает возможность представить процесс управления во всем многообразии проявлений.

Интеграция в рамках философии естественно-научного и гуманитарного знания имеет цель не только показать глубокое родство управленческих процессов в обществе и процессов самоорганизации, лежащее в фундаменте здания материи, но и их качественное отличие.

Быть специалистом в области управления- это значит уметь предвидеть, разрабатывать стратегию и тактику реализации управленческих целей и задач. На это обстоятельство обращал внимание А.Файоль, выделяя пять функций администрирования: предвидение, организацию, распределение, координирование и контроль. Причем, предвидение он ставит на первый план, так как оно пронизывает собой остальные функции. Поэтому прогностическая функция философии управления занимает одно из ведущих мест в процессе профессионального становления.

Подводя итог сказанному, отметим, что реализация принципа культуроцентризма в обучении специалистов по управлению способствует формированию компетентностных оснований профессионально-культурного становления личности, становлению устойчивых парадигмальных знаний специалистов по управлению, что предопределяет развитие субъективной активности.

Литература

---

1. Лукина Н.П. Философский анализ социокультурного подхода в науке.- Томск.2000- 172с.
2. Морозова О.Ф. Проблемы рефлексии и методологии социального управления.- М.2008- 254с.
3. Никулина И., Римская О. Оценка качества знаний через качество преподавательской деятельности.// Проблемы теории и практики управления- 2006- № 12- С.114-120.
4. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки.- М.2005 -528 с.
5. Черникова И.В. Философия и история науки. –Томск. 2001- 352с.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОПОНИМАНИЯ

С. А. Костарева

Томский государственный педагогический университет

Религиозный вопрос является одним из весьма актуальных на сегодняшний день для многих государств Западной Европы. В первую очередь это связано с массовыми эмиграциями из стран мусульманского вероисповедания. Западно-европейская христианская и восточно-азиатская мусульманская религии различаются как в представлениях на окружающий мир, так и в части ценностных ориентиров, что и в наши дни является почвой для религиозных конфликтов.

По мнению исследователей, религия как форма общественного сознания и общественная идеология появляется на определенном этапе развития общественных отношений и ее зарождение и формирование напрямую связано с развитием человеческого сознания. Социологические теории считают, что первый этап развития человеческого сознания совпадает с периодом трудового процесса стадной сознательности [1, с. 57]. В родовой общине человек уже имеет мировоззрение, на основе которого организует свое взаимодействие с окружающим миром. Взгляды на мир, существовавшие на тот период времени отражаются в мифологических представлениях. Мифы выполняют не только мировоззренческую, но и образовательно-

воспитательную роль в социуме – формируют ценностные ориентации, прививают нормы поведения и деятельности. Основной идеей мифологического мировоззрения стало олицетворение природных явлений. Природа оживляется, сравнивается с человеком, наделяется имеющейся у него способностью мыслить.

В последовавший за мифологической эпохой период евангелизации языческих народов внутри христианского мира происходят миграции населения, значительно изменившие карту Запада. Распространение религии происходит в период завоеваний Римской империи, когда христианство претендует заменить собой языческие представления других народов. В любом государстве переход от одного (языческого) вероисповедания к другому (христианскому) сопровождался кровопролитными войнами и восстаниями. Постепенно прежние языческие верования заменяются религиозно-христианскими, что связано не только с широкомасштабной деятельностью миссионеров, но и с особой административной схемой обращения в новую веру – первыми христианство принимают правители королевств, затем – их подданные. Определенную роль сыграла здесь и правовая сторона – не смотря на то, что христианская церковь руководствовалась законами римского государства, ее приверженцы не стесняли прав, например, кельтских монахов. Вследствие этого христианство в Англии развивалось равномерно вплоть до 1534г.

Со временем церковь становится весьма влиятельной и деятельной в сфере экономики. Обладая изрядными финансовыми средствами, она отстраивает старые и строит новые монастыри, а в течение XI-XII вв. начинает выполнять функцию «кредитных касс», чем поддерживает и завоевывает купеческое сословие.

Около тысячного года западная литература начинает описывать христианское общество по новой схеме, сразу же получившей признание. «Троякий люд составлял общество: священники, воины, крестьяне. Три категории были различны, но дополняли друг друга: каждая нуждалась в прочих» – эта схема впервые появилась в весьма вольном переводе трактата Боэция «Об утешении философией», сделанном в конце IX в. английским королем Альфредом Великим. Король должен иметь «людей молитвы, конных людей, людей труда» [1, с. 65].

В период XIII-XIVвв. Европу потрясли войны, ставшие причиной демографического кризиса, повлекшего за собой социальную депрессию. В данный период происходит целая серия городских бунтов и восстаний. Чума, ставшая причиной количественного уменьшения населения, сократила и рабочую силу, и клиентуру торговли, но заработки стали выше, а выжившие – богаче. Пораженный кризисом за-

падный мир прибегнул к войне как средству облегчения положения господствующих слоев. Христианство, ставшее к тому времени не только идеологией, но административной общественной структурой, входит в кризис вместе со всеми.

Рассматривая средневековый период, социологическая теория предполагает, что кризис XIV в. повлек за собой не только пересмотр экономической и социальной карты христианского мира, но и явился причиной развития административной ситуации, которую мы имеем на сегодняшний день – формирования государственной централизации власти.

Христианское средневековье, кроме того, стало своего рода ареной борьбы единого стандарта с многообразием повседневных ситуаций. В повседневной жизни устанавливается «среднее арифметическое» и утверждается сочетание единых стандартов поведения и деятельности с неизбежной терпимостью к многообразию жизненных ситуаций, вытекающих из насущных потребностей. Одновременно средневековый христианский мир характеризуется соперничеством между светской и христианской иерархией [1, с. 80].

Религия становится существенным элементом общественной жизни, в том числе – духовной культуры. В обществе она выполняет ряд функций, одной из которых является мировоззренческая – под определенным углом осуществляется преобразование и организация представлений о мире, в ходе которого вырабатывается целостная и подробная картина реальности, обосновываются нормы, ценности и идеальные образцы, определяющие рекомендуемое отношение настоящих и будущих приверженцев к миру, человеку и поведению последнего, впоследствии выступающие в качестве ориентиров и регуляторов деятельности людей.

Религия претендует не только на роль ценностного ориентира и поставщика определенной картины мира, но прежде всего на роль интерпретатора всего и вся, чтобы благодаря религиозной вере любой человек мог обрести смысл своего существования, одновременно принимая активное участие как в материальной, так и духовной жизни общества. Дать ответ на вопрос о том, зачем живет человек, каков смысл происходящих с ним и вокруг него событий, оказать моральную и эмоциональную помощь в преодолении жизненных невзгод и неурядиц, поддержку в страданиях и даже достойной встрече неизбежной смерти – это и многое другое наполнено для религиозного человека вполне определенным смыслом, почерпнутым из поучений отцов церкви и священных писаний.

Таким образом, согласно социологическим представлениям, характерной чертой религии является стремление придать декларируемым нормам и ценностям абсолютный характер, неизменный, не зависящий от окружающего мира и возникновения новых социальных институтов или смены форм общественных отношений. Религия представляет реализацию данной задачи в оказании формирующего воздействия на духовную жизнь людей, важнейшей составляющей которой являются ценностные ориентиры.

Иную точку зрения, разительно отличающуюся от социологической, высказывают представители философии экзистенциализма, такие как Ф. Ницше, Н. Бердяев, А. Камю и др. Здесь религия и религиозное вероучение предстают в роли иллюзорной картины мира, не дающей человеку и социуму ничего, кроме формирования массовой безответственности и воспитания послушных и безынициативных членов общества.

Наибольшую популярность экзистенциальная теория приобрела в XX в. Это направление в философии, развивает идею человека как уникального духовного существа, способного к выбору собственной судьбы. Экзистенциалисты подразумевают под этим то, что человек сам творец своей жизни со всеми ее обстоятельствами и должен нести ответственность за свои поступки, за результат своего выбора. По мнению философов-экзистенциалистов, основной порок рационального мышления состоит в том, что оно разделяет мир на две сферы – объективную и субъективную. Вся действительность и человека – в том числе, рационалисты рассматривают как предмет. Подлинная же философия, с точки зрения экзистенциализма, неразделима. Для того, чтобы человек осознал себя как «экзистенцию» (форму существования) он должен оказаться в некотором пограничном состоянии, которое дало бы ему возможность «прочувствовать» познаваемую реальность непосредственно и, в силу этого, истинным способом познания является только интуитивное прозрение.

Не последнее место в экзистенциалистской теории занимает постановка и решение проблемы свободы или «выбора» личности одной из множества возможностей. Человек на протяжении всей своей жизни несет ответственность за свои поступки сам и не может объяснять их как «сложившиеся обстоятельства» или перекладывать все и вся «на судьбу». Человек создает себя сам, идеальной свободой человека является свобода личности от общества.

В рамках подобных аналитических предпосылок не только нет места таким традиционным религиозным установкам как, например, послушание, всетерпимость, апелляция к провидению и божьему

промыслу при объяснении происходящих событий и т.п., но они с неизбежностью должны быть оценены негативно.

Третий, на наш взгляд, вариант представлений на религию и ее роль в социуме предлагает психологическая теория, в лице таких ее создателей и разработчиков, как З. Фрейд, К.Г. Юнг, У. Джеймс и др. На первый план здесь выдвигаются жизненные вопросы и трудности внутренней субъективной жизни человека, его душевные конфликты, возникающие из-за противоречия между «желаемым» и «должным». В какой-то момент, по мнению психологов, человек начинает считать себя «царем природы», в нем проявляется «чувство нарциссизма» [2, с. 2-3] (самолюбования – примеч. автора), что сверх меры сосредотачивает ценностное отношение на вопросах источника силы и средств ее получения, каковое и поощряется религиозными проповедями некой отдаленной лучшей жизни в мире ином.

З. Фрейд полагал, что негативные чувства к культуре возникли из-за того, что всякая культура строится на запрете и подавлении желаемого. Тем не менее, в борьбе с природой за сохранение своего вида люди разной культуры объединяются. Ущерб, наносимый природой в результате борьбы с ее явлениями, страдания, получаемые им от других людей, накладывают отпечаток на сознание человека. Общество охватывает тревога, перерастающая впоследствии в массовый невроз. Только культура способна помочь человеку справиться с трудностями, необходимо очеловечение природы.

З. Фрейд считал, что жизнь человека служит иной высшей цели, которая подразумевает совершенствование человеческого существа и, соответственно, в человеке должно быть что-то возвышенное – душа. Религиозные же потребности произошли из необходимости обезопасить себя от разрушающих воздействий сил природы [3, с. 103-110] и культура в своей религиозной форме помогла здесь создать иллюзию защиты. На самом деле, создав себе иллюзию веры, человек перестал держаться религии, он просто силится обмануть себя и других, так как отказывающийся от трудоемких самостоятельных усилий по обустройству собственной жизни всегда нуждается в покровительстве [4, с. 27, 63-65]. Например, бога.

Таким образом, по нашему мнению, в анализе представлений религиозной картины мира, наблюдается определенная динамика отношения, как к самому явлению религиозной веры, так и к декларируемым ею ценностным ориентирам. Наблюдаемая с древнейших времен, когда человек искал защиту и поддержку у высших сил от разрушительной и мало поддающейся его воздействию природы, смена содержания верований определяется как расширением запасов знаний и

технологий деятельности, так и повседневным опытом больших масс людей. Религиозная картина мира сохраняется и на сегодняшний день, но параллельно существует и развивается множество других теорий, в которых высказываются иные точки зрения на устройство окружающей человека действительности и место в ней самого человека. Человек сам представляется творцом своей судьбы, создающим себе заодно и предмет поклонения для того, чтобы в случае неудачи была возможность списать все собственные недоработки на рок, судьбу или бога и таким образом снять с себя ответственность за совершаемые или не совершаемые поступки.

Литература

---

1. Гофф Ле Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ. - М.: Издательство: Ренессанс, 1991. 304 с.
3. Фрейд З Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Издательство политической литературы, 1989.
4. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М.: Издательство политической литературы, 1989. 397 с.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ В РОССИИ

Л. В. Котликова

Томский государственный педагогический университет

Понятие «социальное воспитание» появилось в педагогических дискуссиях России после 1917 года. До этого в России, с момента принятия Христианства, существовала так называемая христианская система воспитания. Она, безусловно, базировалась на религиозном воспитании, однако включала и определенную политику государства. В основу этой системы воспитания были заложены три принципа: единство православия, самодержавия и народности. Осуществлялось это воспитание всеми институтами: семьей, школой, церковью и т.д. В основе этого воспитания лежало усвоение подрастающим поколением христианской морали.

После революции 1917 года произошло отделение церкви от государства и, соответственно, произошел разрыв с христианским воспитанием. Поэтому появилось в педагогических дискуссиях новое понятие – социальное воспитание. Появление именно такого понятия не было случайным. Оно было обусловлено, прежде всего, двумя основными факторами:

- крайне тяжелым социальным положением детей в послереволюционной России: сиротство, безнадзорность, беспризорность, правонарушения и т. д. стали массовым явлением в стране;
- активным развитием науки педологии, задачей которой было получение систематизированных знаний о ребенке, необходимых для его воспитания.

Термин «социальное воспитание» чаще всего использовался в сокращенном виде – «соцвос» и употреблялся в период 1917-1930 гг. в двух значениях:

- «Соцвос» – это обозначение государственного органа, функцией которого являлось управление детскими воспитательными и образовательными учреждениями.
- «Соцвос» - это передача общественного опыта от одного поколения к другому.

Именно это второе значение и рассматривалось широко в педагогике, но единого толкования его в те годы не было. В 1923 г. была опубликована книга Н.Н. Иорданского «Основы и практика социального воспитания», в которой он выделяет четыре взгляда, существовавших у педагогов того времени на сущность социального воспитания.

1. Социальное воспитание – это вся система воспитания, со всеми его сторонами: учебные занятия, организация детей, наблюдение за их здоровьем, личность самого учителя и т.д.
2. Социальное воспитание как общественное явление, опирающееся в организационном отношении на общественные формы жизни: то есть, воспитание в семье, школе, трудовом коллективе и т.д.
3. Социальное воспитание – это воспитание социальных инстинктов и навыков, создание социальной жизни в учебных занятиях детей и в организации их жизни на основе самоуправления.
4. Социальное воспитание есть понятие социальной педагогики как научной и практической дисциплины.

С 1936 г. термин «социальное воспитание» (как и само оно) прекратил свое существование. На смену социальному воспитанию в советский период пришел термин «коммунистическое воспитание». Следует подчеркнуть, что воспитание в данном исполнении, безусловно, было идеологизированным по своему содержанию, но одновременно, вся система воспитания в советский период была достаточно четко отстроена.

Второе рождение понятия «социальное воспитание» в России произошло в 90-е годы XX века. Следует подчеркнуть, что на волне разгрома СССР была разрушена не только идеологическая и политическая система, но и единство образовательно-воспитательного процесса. Из образовательного процесса была выброшена не только система коммунистического воспитания, но и воспитание как таковое. Даже в официальных документах школа из учебно-воспитательного учреждения превратилась в образовательное учреждение. Школа, вуз объявлялись «зонами вне политики», а детские и молодежные организации – пионерская и комсомольская – были ликвидированы.

Таким образом, государство, практически официально, сняло с себя обязательства по воспитанию подрастающего поколения. Центр тяжести воспитательной работы с детьми переместился в семью. А семья, в силу того же общественного кризиса, оказалась не готовой в полной мере заниматься воспитанием ребенка. Воспитательная ниша была заполнена улицей, появившимися группировками разного толка: от криминальных, до националистических. Лишь к концу 90-х годов, когда уже активно начал проявлять себя социальный кризис среди детей, возникает социальная педагогика и начинает переосмысливаться сущность воспитания как социального явления. Но и сегодня можно констатировать, что среди ученых и педагогов существуют различные представления о социальном воспитании и его задачах. Пожалуй, общим является понимание социального воспитания как сложного общественного явления, как необходимую заботу общества о своем подрастающем поколении.

Итак, социальное воспитание есть целенаправленный процесс формирования социально значимых качеств личности ребенка, необходимых ему для успешной социализации. Иначе говоря, социальное воспитание должно обеспечить такое поведение человека, которое будет соответствовать нормам и правилам поведения, принятым в обществе.

Поэтому, социальное воспитание должно быть направлено на решение следующих задач:

- оказание индивидуальной помощи личности в ее кризисной ситуации в семье, школе, когда необходимо восстановить психическое здоровье, психическое, физическое и социальное состояние ребенка;
- организация защиты прав ребенка на достойную жизнь в обществе и его профессиональное самоопределение;
- организация охраны здоровья ребенка во всем объеме;

- помощь в принятии самостоятельных решений молодыми людьми в организации своей жизни.

Таким образом, если рассматривать практические задачи социального воспитания детей в нашей стране на современном этапе, то они, безусловно, прежде всего, связаны с оказанием всесторонней помощи детям и подросткам со стороны государства, общества, в решении всего сложного комплекса проблем их социализации и адаптации к современным общественным условиям. Понятно, что решение таких проблем ребенка, как получение достойного образования, защита его от негативного влияния социальной среды (например, наркотиков), предоставление рабочих мест нуждающимся подросткам и т.д. не возможно без целенаправленных действий со стороны государства.

Если говорить о теоретических принципах социального воспитания, то эти принципы разработаны (а точнее возвращены в современную педагогику) в исследованиях психологов и педагогов. Это четыре основных принципа социального воспитания:

- принцип природосообразности;
- принцип культуросообразности;
- принцип гуманизма;
- принцип социальной ответственности.

Рассмотрим эти принципы несколько подробнее.

Принцип природосообразности – это принцип, согласно которому социальный педагог в своей практической деятельности руководствуется факторами естественного, природного развития ребенка. Впервые этот принцип был сформулирован Я.А. Коменским, который и выделил возрастные (природные) этапы развития ребенка. Затем этот принцип нашел развитие в работах Руссо и Дистервега. В отечественной педагогике, к проблеме учета возрастных особенностей детей в процессе их воспитания, обращались Ушинский, Шацкий, Макаренко, Сухомлинский и др.

Принцип культуросообразности, по сути, является продолжением принципа природосообразности. Он тоже обусловлен природой самого человека. Принцип культуросообразности ввел в педагогику Дистервег, считавший, что при воспитании необходимо принимать во внимание условия места и времени, в которых человек родился и в которых ему предстоит жить, то есть всю современную ему культуру в широком смысле этого слова. Иначе говоря, человек есть продукт своего времени, хотя и имеет природные задатки. В отечественной педагогике (Ушинский, Белинский и др.) этот принцип называется принципом народности. Он означает, что каждый народ имеет определенное своеобразие, обусловленное его историческим развитием,

географическим положением и природными условиями. Ушинский считал, что система воспитания в каждой стране есть, по сути, выражение характера самого народа. Из этого следовал вывод: воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах – всегда лучше других систем. Одновременно следует учитывать, что приобщение ребенка к различным сферам культуры общества, народа – бытовой, физической, сексуальной, политической, духовной и т.д. – весьма сложный процесс. Нормальный ребенок в нормальной семье и в нормальных социальных условиях усваивает культуру своего общества естественным путем. Если же ребенок имеет отклонения в физическом, психическом развитии, а социум раздирается всевозможными конфликтами, то проблема приобщения ребенка к культуре становится весьма сложной. Поэтому и нужна разработка новых методов и технологий, и осознание со стороны общества необходимости решать данные проблемы.

Принцип гуманизма. Гуманизм – это система взглядов, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление его способностей. То есть, это система, рассматривающая благо человека в качестве критерия оценки социальных явлений, а равенство, справедливость, человечность, как желаемую норму отношений.

Идеи гуманизма зародились в эпоху Возрождения (Мор, Кампанелла, Монтень и др.) Если рассматривать идеи гуманизма в рамках педагогики, воспитания, то основным проявлением этого принципа будет любовь к детям и воспитание любви в детях.

- Любить – это, значит, понимать и быть понятым;
- Любить – это, значит, уметь сотрудничать с другими;
- Любить – это, значит, творить добро для себя и других.

Гуманистический принцип требует особенного внимания при работе с детьми, имеющими те или иные отклонения. Причем гуманизм в отношении таких детей не есть простое милосердие (жалость). Гуманизм, это, прежде всего, сочувствие человеку, попавшему в беду или более сложное положение, чем другие люди. Милосердие, по сути, разделяет людей на «нормальных» и «ненормальных» (сырых и убогих). Можно оказать такому человеку «милость» и забыть про него навсегда или до следующего раза. Гуманизм – это иное. Гуманизм – это принципиальное признание равенства всех и личностной полноценности, хотя и с учетом тех или иных отклонений. В нашем обществе, отношение к таким людям складывалось по линии милосердия, в отличие от Запада, где гуманистическая направленность проявляет себя более значимо и действенно.

Итак, принцип гуманизма в социальной педагогике полагает признание ценности ребенка как личности, его прав на свободу, счастье, защиту и охрану жизни, здоровья; создание условий для развития ребенка, его творческого потенциала, склонностей, способностей; оказание помощи ему в жизненном самоопределении, интеграции его в общество, полноценной самореализации в этом обществе.

Принцип социальной ответственности. Этот принцип, безусловно, связан с вопросом о самовоспитании. Самовоспитание – это процесс сознательного преобразования человеком самого себя, своих телесных, душевных сил и свойств, социальных качеств личности. Побуждение ребенка к самовоспитанию является сложным процессом, а в социальной педагогике – особенно сложным. Педагогическое руководство самовоспитанием должно быть гибким, особенно с трудными детьми, когда приходится их убеждать в необходимости самовоспитания. Самовоспитание в первую очередь предполагает решение четырех задач:

- 1) это умение организовать свое время;
- 2) это умение ставить цели, определять смысл жизни;
- 3) это умение соотносить свои цели в жизни со своим собственным временным ритмом;
- 4) это умение распознавать «социальную» значимость и «социальные» следствия выбранных для себя целей.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что для реализации всех принципов социального воспитания в реальной практике, необходимо, прежде всего, понимание со стороны государства, властных структур общества, значимости этого воспитания не только и не просто для отдельно взятых детей, членов общества, но для функционирования самого общества в целом.

Литература

---

1. Никандров Н.Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. М., 2000.
2. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. М., 2002.
3. Положение детей в России. 1992. М., 1993.
4. Харчев А.Г. Социология воспитания. М., 1990.

ДЕФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РАЗБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Л. В. Котликова

Томский государственный педагогический университет

Социальное воспитание принято рассматривать как целенаправленный процесс формирования социально значимых качеств личности ребенка, необходимых ему для успешной социализации. Иначе говоря, социальное воспитание должно обеспечить такое поведение человека, которое будет соответствовать нормам и правилам поведения, принятым в обществе.

Современное российское общество в настоящее время вплотную столкнулось с «массовым» поведением граждан, выходящим не только за рамки морали, но и за рамки «психического здоровья» нации. Сознание общества «устало» и реагирует хотя и «болезненно», но достаточно «апатично» на то, что милиция сегодня не защищает, учитель – не учит, врач – не лечит, чиновник – не решает, спортсмены не выигрывают на Олимпиаде и т.п.

Мы все «родом из детства». Вот почему анализ проявлений «социального лица» современного поколения 20-30 летних молодых людей невозможен без учета особенностей исторического времени становления и формирования их основных социальных качеств.

«Лихие» 90-е, как принято сегодня говорить, травмировали сознание большей части нашего общества. Слом сознания прошел в широком спектре: идеалов, ценностей, моральных норм, понятий «чести, совести, долга» и т.п. Даже старшее поколение, спустя двадцать лет с начала «перестройки» в России, не вполне смогло оправиться от последствий такого разрушительного воздействия реформ 90-х годов. Ситуация с подростковым сознанием, формирование которого пришлось именно на это десятилетие 90-х, оказалась еще более драматичной. Под воздействием агрессивно «реформирующегося» общества в России, происходила деформация сознания подрастающего поколения. И можно отчетливо проследить основные линии такой деформации.

- В 90-е годы, как уже отмечалось, нарушены были не просто принципы социального воспитания подрастающего поколения, но рухнула вся воспитательная система: от семьи до школы. Государство, оставляя только «образовательные учреждения», «деидеологизируя» образовательное пространство, по сути, сняло с себя ответственность за воспитание граждан. Такая позиция го-

сударства вполне естественно и закономерно вписывалась в политические реалии периода кардинальной ломки общественных отношений, но «отложенные» во времени последствия деформации подросткового сознания никем не просчитывались.

- Деформация подросткового сознания практически сразу началась в школах, в условиях «пересмотра» истории собственного народа, полного развала исторического образования, касающегося раздела Отечественной истории. Бесконечный вброс в общественное сознание всякого рода негативной информации об истории России с начала 1917 года, привел к ломке мировоззренческих ориентиров, хаотичной переоценке недавнего прошлого своей страны, включая и события Отечественной войны. Наводнившие школу учебники по истории из Фонда Сороса, ставившие под сомнение подвиг советских людей во Второй мировой войне, агрессивные телевизионные программы и фильмы о «тоталитарном» режиме советской власти, растерянность учителей, не способных объяснить изменившиеся «оценки» прошлого – все это, обрушивало неокрепшее сознание детей. Последствия такого «патриотического воспитания» начали проявлять себя спустя весьма короткое время. Это и создание в стране победившей фашизм профашистской молодежной организации РНЕ; это и варварские погромы памятных мемориалов героям войны; это и кощунственные пожелания со стороны молодых людей нашим дедам и отцам - «хоть бы скорее вы все передохли!...» [1, с.79] и многое другое, не укладывающееся в рамки нормального, человеческого сознания. Лишь спустя целое десятилетие, 12 марта 2001 года, в «Российской газете» было опубликовано постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 года «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 - 2005 годы». В водной части этого документа, в частности, отмечается: «Стала все более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционно российского патриотического сознания. ... Патриотизм кое-где стал перерождаться в национализм. ... В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам». Возвращение самого процесса воспитания «патриотизма» в общественном сознании со стороны государства, безусловно, очень важная и необходимая задача. Но вернуть «патриотическую» линию в сформировавшееся в массе своей «циничное» сознание поколения мо-

лодых людей 90-х – это почти невозможная в сегодняшних российских реалиях задача.

- Процесс воспитания в 90-е годы ушел не только из школы, но и из семьи. Практически 99% российских семей занимались проблемой «физического» выживания в условиях реформирующейся России. Утрата мировоззренческих ориентиров, потеря профессиональной работы и перспектив на ближайшее будущее, поиски любых возможных источников дохода для простого «биологического» выживания – всем этим в основном было занято сознание родителей. Дети, предоставленные сами себе в сложившемся «вакууме» родительского внимания, по своему впитывали и оценивали трудности своих родителей. Их складывавшиеся презрительные оценки родителей как «совков», «лузеров», «челноков», «пушечного мяса», а то и «палачей и вертухаев» – не просто означали кризис «отцов и детей», а означали крах всей системы семейных ценностей и семейного воспитания как таковых. С таким само формирующимся сознанием, без опоры на какие-либо положительные авторитеты, дети 90-х пришли во «взрослую жизнь» сегодняшних дней.
- Следует также отметить, что перестали существовать в 90-е годы (по разным причинам) всевозможные детские государственные и общественные организации, в которых также осуществлялся воспитательный процесс. Это «пионерская» и «комсомольская» организации, это и дома творчества и досуга для детей, это многочисленные спортивные и военно-патриотические клубы и т.п. Массовое исчезновение всей этой системы воспитания выталкивало детей на улицу, где формировалась своя, весьма специфическая и жесткая «система воспитания», основанная на иных принципах и иных авторитетах.
- Любой педагог и психолог знает, что подражание – это один из социальных феноменов, управляющих сознанием и поведением человека. А подражание в подростковый период, в период самоидентификации, в период поиска своего «Я» - это один из ведущих механизмов формирования и закрепления образцов поведения человека. Поэтому, в условиях полного отсутствия целенаправленной системы социального воспитания в 90-е годы, механизм подражания оказался во многом не просто искаженным, а даже вобрал в себя асоциальные формы поведения. Речь идет о следующих явлениях:
- Прежде всего, это роль рекламы, по сути, навязавшей подростку бутылку «Клинского» и сигарету, как образец «современного»,

«модного», допустимого, и даже одобряемого стиля поведения для молодых людей.

- Это роль всевозможного рода телевизионных сериалов о «Бригаде» или «Зоне» с героизацией соответствующих персонажей и их действий.
- Это «воспитательный эффект» многочисленных сериалов о «ментах», повседневно и буднично нарушающих не просто моральные нормы, но и уголовное законодательство.
- Это практически свободный доступ в 90-е годы всевозможного рода «секс» продукции, снимающей многие «запреты» в подростковом поведении и деформирующей подростковое сознание. «Эротика» настолько красочно «раскрепощала» отношения между полами, что проституция очень быстро стала одной из одобряемых профессий в среде подросткового сознания.
- Это ночные клубы 90-х, где поощрялось присутствие молодых людей, не взирая на возраст, и где распространение «бодрящих» таблеток, «курительных смесей» и других наркотиков, как и приобщение к ним, становилось массовым явлением.
- Это салоны игровых автоматов, ставшие чуть ли не основным местом проведения досуга подростков. Здесь происходило не просто увлекательное знакомство с безобидными «стрелялками», а исподволь и незаметно формировались определенные образцы их возможного «будущего» поведения.
- Это массовая безнадзорность и беспризорность детей в 90-е годы. Распавшаяся система социального воспитания стремительно заполнялась ростом всевозможного рода проявлений насилия и жестокости над детьми, как в семье, так и в школах, детских домах, на улице и т.д. Все это, в свою очередь, закладывало «эффект бумеранга» - растущую ответную жестокость самих детей, вплоть до оформления «организованной детской преступности».
- Можно ли удивляться сегодня тому, что молодое поколение, предоставленное в период своего взросления самому себе, «сварившееся в котле» надежд и разочарований выросло не просто другим, более циничным по отношению к обществу, его неясным нормам и правилам, но и более нетерпимым и агрессивным. У него совершенно искаженное представление о патриотизме, гражданском чувстве и долге, моральных нормах и принципах. У него не сформированы положительные ориентиры их жизненной активности. Основной принцип деформированного сознания этих молодых людей вполне можно уложить в название фильма Гай Германики, снимающей сегодня «модный» и нашумевший сериал о школе, [2,

с. 3] – «Пусть все умрут, а я останусь». А ведь именно это сегодняшнее молодое поколение 30-и летних, тех детей из 90-х, и составляет основную массу «продуктивного» слоя общества. Сформировавшееся ранее деформированное сознание начинает массово проявлять себя во всякого рода асоциальных поступках и действиях, трудно объяснимых с позиции «нормального» поведения человека в социуме:

- Как может учитель «подрабатывать» в ночных клубах или проституцией; становиться педофилом или распространителем «порно»; использовать «физические» методы воспитания и т.п.
- Как может милиционер калечить простых граждан у себя в кабинете, расстреливать их в магазине или на дорогах, покровительствовать преступникам или организовывать собственные преступные группировки и т. д.
- Как может врач торговать наркотиками, выписывать не нужные, но дорогостоящие лекарства «за вознаграждение», входить в банду мошенников, обирающих стариков и т.п.
- Естественно, что деформация сознания поколения детей 90-х не может относиться к характеристике всего этого поколения. В противном случае, общество вряд ли способно было бы функционировать. Но так же естественно, что мы имеем дело не с отдельными фактами и поступками, а с массовым проявлением последствий такой деформации. Нужна стратегия управления и реформирования системы образования со стороны государства, разработанная с учетом всех объективных факторов: экономических возможностей, приоритетных ценностей, национальных особенностей. В противном случае можно перестать рассуждать о поступательном развитии России в ближайшие десятилетия.
- Практически с первых лет нового тысячелетия государство начало свое возвращение в систему воспитания, оформленное в виде одного из национальных проектов «Образование». Можно выделить уже ряд положительных шагов и результатов в реализации данного проекта:
- Возвращение воспитательной функции в систему образования.
- Взятие под государственный контроль основных учебных пособий, предложенных для системы образования.
- Компьютеризация школ, повышение уровня материальной базы образовательных учреждений в целом.
- Изменение принципов оплаты труда в сфере образования.
- Введение ЕГЭ, как единого критерия качества образования.

- Постепенная реализация программы создания спортивных комплексов.
- Возвращение «исторической памяти» о подвиге отцов и дедов в Великой Отечественной войне.

Сегодня, «социальная среда обитания», безусловно, стала иной, чем в 90-е годы. Но реализуемые в настоящее время со стороны государства проекты в сфере воспитания уже следующих поколений молодых людей России не складываются, да и не могут сложиться в целостную систему, способную кардинально изменить ситуацию социального воспитания. Более того, они зачастую носят не системный, а хаотичный характер, а «отложенные» последствия ряда нововведений вновь не учитываются. Например, насколько эффективным для повышения (или понижения) качества образования окажется ЕГЭ? Или, например, каким образом нововведения в системе оплаты труда учителя скажутся на психологическом климате педагогических коллективов? Или насколько правомерно утверждение министра образования и науки А. Фурсенко, что готовящийся к введению в школьную программу курс «Основы религиозных культур и светской этики» действительно «должен стать не только обучающим, но и воспитательным, научить детей взаимопониманию и взаимоуважению, а не просто терпимости»? [3, с. 10]. И т.д.

Особо следует отметить, что сама «система» образования и воспитания приобрела в России весьма «специфические» черты. В этой системе сегодня занято свыше 6 млн. работников. Но «настоящие преподаватели составляют только треть этой армии. Еще 4 млн. человек – это чиновники, методисты, работники разного рода РОНО, ГорОНО и т.д.». [4, с. 7].

Систему образования и воспитания нельзя выделить из социума. Ребенок не может раздвоиться в своем сознании: выслушивать в школе «вечные истины» о добре и справедливости, о чести и долге, а, выходя из школы, сталкиваясь с лицемерием общества, где «власть и деньги» сильнее всех нравственных норм и моральных принципов. А именно этот принцип – «власть и деньги» – довлеет и в сознании и в практике современного российского общества. Прав А. Максимов в своем утверждении, что «если в стране нет элиты, то народу буквально не на кого равняться». [5, с. 8]. А современному подрастающему поколению по-прежнему предлагают «подражать» либо героям сериала «Школы» или «Дом-2», либо «гламуру», который «четко и однозначно диктует: в жизни есть две главные ценности: богатство и слава» [Там же].

1. В. Богомолов. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия ...// Свободная мысль, 1995, № 7.
2. Российская газета № 11, 2010.
3. Мария Агранович. Возьмут на веру. // Российская газета № 38, 2010.
4. Е. Дуваниди. Школа для учителей. // Аргументы недели, № 2, 20010.
5. А. Максимов. «Элита та или не та?» // Российская газета № 7, 2010.

ЧЕЛОВЕК – СУЩЕСТВО ВОСПРИНИМАЮЩЕЕ

А. В. Кривошеев

ОГУ «Региональный центр развития образования»

Человек – это чувство, ощущение, чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Человек – существо *воспринимающее*. Однако сегодня и он сам, и воспринимаемый им мир являются иллюзиями в том смысле, что созданы всего лишь господствующим их описанием, которое внушается с самого рождения. Наш разум заставляет забыть, что описание – это только описание, и человеческие существа сами заключают себя в заколдованный круг, из которого редко вырываются в течение жизни. Мы – воспринимающие существа, и в этом наше преимущество и наш недостаток. Преимущество в том, что мы способны воспринять все многообразие и полноту мира, а недостаток в том, что наше восприятие замыкает нас в себе как в пузыре.

Представим, что каждый человек на Земле обладает определенным количеством изначальной энергии и это – вся энергия, которая у него есть. Так вот всю ее мы сегодня используем для того, чтобы воспринимать столь поглощающий нас обычный мир и справляться с бесконечно возникающими в нем проблемами. На протяжении всей активной жизни у нас редко появляется шанс пойти дальше простой озабоченности собственной судьбой, потому что с незапамятных времен нас усыпляет колыбельная песня повседневных дел и забот. Житейские дела, нескончаемые интересы, надежды, заботы, разочарования и страхи берут верх, и в потоке обыденной жизни мы и не подозреваем, что связаны с чем-то еще. Лишь когда жизнь на исходе, наша наследственная озабоченность судьбой начинает принимать иной характер. Она пытается дать нам возможность *видеть* сквозь туман повседневных дел. К сожалению, такое пробуждение всегда происходит одновременно с потерей энергии, вызванной старением, когда уже не остается сил, чтобы превратить свою озабоченность в практическое и позитивное открытие. В итоге остается лишь неопределенная

щемящая боль: то ли стремление к чему-то неопиcуемому, то ли просто гнев, вызванный утратой. Чтобы вырваться из этих пут человеку нужно накапливать энергию. То есть разумно перераспределять ее, сокращая расход за счет устранения из своей жизни всего, что посчитает лишним. Иначе говоря, надо выработать новый, более корректный и энергетически целесообразный образ жизни.

Чувство собственной важности [2, 3, 4] является главным и самым могущественным врагом, роковым барьером для человечества. Именно на удовлетворение чувства собственной важности уходит львиная доля нашей энергии. С особой очевидностью это проявляется в постоянной обеспокоенности тем, как нас воспримут, как нам себя подать, какое впечатление мы производим. Человека обычно сильно волнует, понравится ли он окружающим, признают ли его и будут ли им восхищаться. Его уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны ближних, и это ослабляет. Наше чувство собственной важности заставляет нас почти все время чувствовать себя кем-то оскорбленными или на кого-то обиженными. Чувство собственной важности делает человека тяжелым, неуклюжим и пустым. Нужно же быть легким и текучим. Нужно искать и видеть чудеса, которых полно вокруг нас. Мы умираем от усталости, не интересуясь ничем, кроме самих себя, мы глухи и слепы ко всему остальному. Мы привыкли осознавать только то, что считаем важным для себя, но надо осознавать все и всегда, иначе этот беспредельный мир теряет смысл. Чувство собственной важности есть *жалость к себе*, маскирующаяся под нечто иное. Жалость к себе – это источник человеческого страдания. Без некоторого количества жалости к себе человек был бы не в состоянии быть таким важным для себя, каков он есть. Чувство собственной важности – это просто скрытая жалость к себе.

Если бы удалось хотя бы частично избавиться от чувства собственной важности, произошли бы два необычайных события. Первое – высвободилась бы энергия, которой питается наша иллюзия собственного величия. Второе – появилась бы свободная энергия, что позволило бы нам хотя бы мельком взглянуть на истинное величие Вселенной. Когда чувство собственной важности уменьшается, то больше не расходуется энергия, которая обычно тратится на его поддержку. Накопленная таким образом энергия – это как раз то, что нужно. Дальше все будет происходить как бы само собой и непреднамеренно.

Мир человеческой саморефлексии, или нашего разума, хрупок и держится на нескольких ключевых идеях, которые образуют его основополагающий порядок. Когда эти идеи рушатся, этот основополагающий порядок перестает действовать. Если цепи саморефлексии ра-

зорваны, мы больше не ограничены интересами повседневного мира, и, хотя мы по-прежнему остаемся в нем, больше ему не принадлежим. Для того чтобы быть его частью, мы должны разделять интересы людей, чего без цепей мы делать уже не можем. Обычных людей отличает то, что все мы разделяем владение неким «метафорическим кинжалом» [2, 3, 4] – заботами саморефлексии. Этим кинжалом мы рассекаем себя и истекаем кровью. И цепи саморефлексии дают чувство, что мы истекаем кровью вместе, что все мы имеем нечто чудесное – нашу человеческую природу. Но если взглянуть внимательнее, то окажется, что каждый истекает кровью в одиночестве, что мы ничем не владеем совместно и все, что мы делаем, – это тешимся своими иллюзорными рефлексиями. Застрав в положении постоянной саморефлексии человек выстраивает мир ложного сострадания, который на поверку оказывается миром жестокости и эгоцентризма. В этом мире единственно реальными чувствами оказываются лишь те, которые каждому удобно испытывать в данный момент. Весь род человеческий ничего не желает слушать, слушают только то, что хотят услышать.

Проблема человека в том, что он непременно хочет все *понять*, а это невозможно. Сводя все только к пониманию, мы чудовищно ограничиваем свои возможности как человеческих существ. Умозаключения, полученные на чисто интеллектуальной основе, мало что способны изменить в жизни. Мы не желаем принять идею существования знания без слов, которые должны объяснить его, или даже без мыслей. Мышление и попытка точно выразить свои мысли требуют невообразимых затрат энергии. Это приводит к тому, что когда нужно выждать, мы торопимся, а когда нужно спешить – чего-то ждем. Человек вообще слишком много думает. Сила его зависит от того, какого рода знанием он владеет. Какой смысл в знании вещей, которые бесполезны? Практические исследования, которыми занимаются современные ученые, ведут к созданию все более сложных машин. Это не те исследования, которые изменяют ход жизни человека изнутри. Они не связаны с возможностью человека достичь просторов Вселенной самостоятельно.

Мы не настолько сложны, как порой о самих себе думаем. Люди являются всего лишь плодами «инвентаризационного списка» [2, 3, 4]. Знание того или иного списка делает человека учеником или мастером в своей области. Кроме этого списка он не знает больше ничего. Современный человек рассматривает непонятные ему идеи так, будто они являются бессмысленной фантазией. Глупость, рациональность и скептицизм заставляют отвергать все, что не согласуется с рефлексивными ожиданиями. Непоколебимое стремление «рационального чело-

века» твердо придерживаться известного ему образа себя (своего инвентаризационного списка) – это способ надежно застраховать свое невежество. Глупость, рациональность и скептицизм – вот что не позволяет нам глубоко изменить понимание мира, и вынуждает считать, что мы всегда и во всем правы.

Человеческие существа – это существа собирающиеся умереть и от этого никуда не деться. Единственный способ ухватиться за ткань нашего мира – это полностью принять тот факт, что мы существа, находящиеся на пути к смерти. Нужно воплотить это приятие и так прожить всю свою жизнь. Без ясного взгляда на смерть нет ни мужества, ни порядка, ни трезвости ума, ни красоты. Ни у кого на самом деле нет ни малейшей уверенности, что наша жизнь продолжится дольше этого мгновения. Смерть уравнивает всех, но смерть – не враг. Смерть – это вызов для всех нас. Мы рождены, чтобы принять этот вызов. Извечная проблема состоит в том, что, даже не заявляя об этом, мы верим, что вошли в царство бессмертия. Т. Адорно пишет по этому поводу: «В обобществленных обществах, в этом плотном тканье имманентности, из которой нет выхода, люди воспринимают смерть исключительно как внешнее и чуждое им; у них нет иллюзии соотносительности смерти с их жизнью. Люди не в состоянии вживить в себя принцип «мы должны умереть» [1, С.330]. Или вот еще Д. Мережковский: «Если бы меня спросили, что для современного, среднего, «цивилизованного» человека наиболее дико, чуждо, непонятно, неуместимо, я бы ответил: «Конец». Мы, можно сказать, на свет рождаемся с аксиомой *благой бесконечности*: всякая бесконечность лучше конца; всякая величина с коэффициентом бесконечности становится абсолютно положительной. Кое-что о «дурной бесконечности» мы знаем, но так смутно, что это нам ни к чему не служит» [5, С.23].

Вести себя так, словно не собираешься умирать, – ребячья дерзость. Но самым вредоносным является то, что приходит с этим чувством «бессмертия»: людям кажется, что они способны одним махом охватить своим разумом всю непостижимую Вселенную, что они все могут начать сначала, что все случающееся с ними происходит как бы не всерьез. Если бы каждый слушал свою смерть (смерти вообще не существует, можно говорить только о чьей-то конкретной смерти), он знал бы: Вселенную не постичь никогда; начала не бывает вообще, любое начало существует лишь в воображении; все, что случается, происходит абсолютно всерьез.

Человек, которому предназначено быть великим и таинственным существом (целостность самого себя, глубочайшая проницательность, чудеса восприятия и осознания), уже не является таковым. Теперь он

простой кусок мяса. Он не мечтает больше ни о чем, кроме куска мяса. Люди на Земле теперь обладают одними и теми же реакциями, теми же мыслями, теми же чувствами. Все люди более или менее одинаково откликаются на одинаковые раздражители. Разность языков, на которых они говорят, несколько вуалирует это, но, приоткрыв вуаль, мы обнаруживаем, что всех людей на Земле беспокоят одни и те же проблемы. Люди захвачены своего рода вихрем, который дает им ощущение движения, в то время как они, в сущности, неподвижны. Легко ли уклониться от тропы, которую задают нам наши близкие? Наши мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. У рабов, каковыми мы и являемся, нет друзей на этой Земле, потому что их действия суетливы и разрушительны.

Но мы – существа свободы (как неограниченной привязанностями и наваждениями возможности восприятия во всем доступном диапазоне), наше предназначение – учиться, ради прикосновения к тайнам этого бесконечного и непостижимого мира. Основная сложность состоит в том, чтобы пробить стену, которая сдерживает нас и не дает сдвинуться с места. Надо выбраться из крепости удовлетворенности собой и ложного чувства безопасности, освободить свое осознание от привязанности к общественным условностям. Человек становится мужественным, когда ему нечего терять. Малодушен он только тогда, когда есть еще что-то, за что можно цепляться. Надо быть сильным человеком и жизнь должна быть правильной. Правильная жизнь – это жизнь, прожитая в полном сознании и с полной ответственностью, хорошая, сильная жизнь. Если человеку и суждено погибнуть, то это должно случиться в борьбе, а не в сожалениях или чувстве жалости к самому себе. И не имеет значения, какой будет наша собственная судьба, пока мы лицом к лицу встречаем ее с предельной отрешенностью, силой и ответственностью. Каждый из нас сам делает себя либо слабым и несчастным, либо сильным и свободным. Объем работы, необходимый и в первом, и во втором случае, – один и тот же.

Литература

---

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М. : Научный мир, 2003. 374 с.
2. Кастанеда К. Второе кольцо силы. Дар Орла. Огонь изнутри. Сила безмолвия. К. : София, 2001. 688 с.
3. Кастанеда К. Искусство сновидения. Активная сторона бесконечности. Колесо времени. К. : София, 2001. 672 с.
4. Кастанеда К. Учение дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе. К. : София, 2001. 608 с.
5. Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М. : Русская книга, 1992. 411 с.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ МЕНТАЛЬНОСТИ

В. П. Любчак

Томский государственный педагогический университет

Проблематика культуры (в данную область включаются категории (ментальность, менталитет, ценности, установки и т.д.), используемые в науке для изучения человеческого измерения действительности сегодня является одной из самых актуальных в науке. Свидетельство тому, рост научных исследований, авторы которых пытаются связать ментальные основания с происходящими в российском обществе различными процессами.

Менталитет присущ любому обществу и связывает поколения незримой нитью. Он имеет скорее «автоматический» характер, принимается без рассуждений и не подвергается критике, а потому очень медленно изменяется во времени.

В российской социальной науке анализ ментальности зависит от той позиции, которую занимает автор: макросоциальная (приемники "Анналов"), социологическая (ментальность как совокупность ценностей), позиция "социальных групп". Однако занимаемая позиция не позволяет учитывать источники, на которых базируются другие авторы. Это приводит к неадекватности исследования. Поэтому методологическая основа данной работы связана с научной традицией, которая восходит к А.Я. Гуревичу ("Категории средневековой культуры") и Юрганову А.Л. ("Категории русской средневековой культуры") и в конечном итоге к "Анналам", но в основу положено изучение эмпирических данных, полученных в ходе социологических исследований, которые проводились в российском обществе в 1990-х гг.: использованные психологические методы позволили вычленить как осознаваемые, так и бессознательные образы и представления.

Анализ современной российской ментальностью ограничивается выделением чистых ментальных типов: либеральный (рассматривается как выражение того, к чему стремится российское общество) и традиционный (рассматривается как выражение того, от чего стремится российское общество). Типы выделяются по отношению к категориям время и пространство, что создает объемную картину мировосприятия. Категории время - пространство структурируют базовые социальные категории (индивид, социум, труд, богатство), поэтому и взяты за основу [См.9.С.26].

Выделим несколько параметров, характеризующих отношение ко времени [См.3, 5, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19]:

– **значение времени:**

- для одной группы характерно "ускорение времени": одержимая озабоченность течением, прохождением, недостатком времени, что отражается формулой "время - деньги". Это проявляется в основном принципе деловой этики: "Хочешь жить - умей вертеться" ("нужно успеть сделать как можно больше"), что повышает значимость роли индивида в определении собственной судьбы, его веру в собственные силы. А значит, направление деятельности имеет "исходящий" вектор: "Будет хорошо нам - будет хорошо и другим", что выражается в убеждении, "что жизнь будет богаче, если вы определите свои возможные Я и поверите в свою собственную силу личного контроля. Не следуйте тому, что от вас ждут другие. Будьте сами собой. Ищите свое счастье. Делайте свое дело. Чтобы полюбить других, сначала полюбите себя" [2.С.71].
- Напротив, "замедленное" время (безразличие, пренебрежением временем, вседозволенность обращения с ним в силу упорядочивающего действительность характера мифа ("отложим на завтра")) лежит в основе принципа эгалитаристской ментальности: "Хочешь жить - не лезь на рожон". Это ведет к существенному снижению значимости роли индивида в определении своего будущего ("плыть по течению", "что будет, то будет"), веры в собственные силы, в способность влиять на социум. Принцип: "Будет хорошо всем - будет хорошо и нам" воплощается в главном смысле жизни - не личное, а общественное благо, индивидуалистическая мотивация выступает как низшая по сравнению с общественной как высшей.

– **восприятие времени:**

- восприятие времени и событий как быстротечных определяют тот факт, что значением "важности" наделяется лишь ближайшее время вплоть до сиюминутности. Только ближайшее время и события наделяются характеристиками "прозрачности" (ясности, определенности, уверенности), что увеличивает значимость риска и инициативы: управлять неопределенностью и воздействовать на будущее можно лишь "действуя на свой страх и риск", поэтому "инициатива вознаграждаема". Привыкание к неопределенности будущего,

"созданию последнего собственными руками" ведет к прагматическому взгляду на мир, признанию необходимым качеством индивида активность. Воля, энергия, активность сочетаются со способностью к объединению, самоорганизации и самоуправлению. Доминируют рыночные навыки: профессионализм, предприимчивость, деловитость, упорство, даже агрессивность, способность быстро и изобретательно пользоваться моментом, преодолевать трудности.

- Напротив, "погружение" в группу, восприятие времени как "замедленного" (осознание долгосрочной перспективы событий: "так было и будет всегда") формирует представление: "еще успею". И хотя будущее также воспринимается как неопределенное, страх перед этим влечет негативное восприятие риска и инициативы: инертность и нерешительность - скорее проявление склонности к устойчивости, стабильности окружающей действительности. Деятельность носит спонтанный характер, в основном полагаясь на везение, и характеризуется принципом: "Инициатива наказуема".

– восприятие прошлого - будущего как предпочтение ценностей "изменение - повторяемость":

- для первой группы в отношении современного общества важным является фактор изменения понимаемый в самом широком смысле как изменчивость, неординарность, разнообразие, касается ли это экономической деятельности и получения вознаграждения за свою деятельность в зависимости от вложенного труда или духовной сферы (возможность самореализации, проявления инициативы, достижение успеха, выбора из ряда альтернатив)
- для второй группы в отношении предпочтения советской эпохе важен фактор повторяемости, а значит, уверенности, гарантированности, стабильности, касается ли это материальной сферы (доход, способный удовлетворить сложившийся тип потребностей или духовной сферы (доступность, социальные гарантии)

– восприятие пространства:

- Самоидентификацию личности первого типа ментальности можно охарактеризовать через "суженное" пространство, что выражается в признании значимости собственной личности ("Своя жизнь - многоценна, чужая - малоценна") или небольшой социально-значимой группы (семья и т.д.).

Групповая идентификация проходит через признание себя как богатого. Это определяет отношение к таким категориям, как *богатство* (позитивное отношение к состоятельным людям как классу; капитал, богатство, собственность ценятся выше, чем идеи, убеждения и признаются важными жизненными целями; основной принцип деятельности "Все продается и все покупается"), *успех* (заключается в достижении, победе; негативное отношение к неудачникам, которые являются не достаточно активными; почитание победителей, которые выступают как то, к чему стоит стремиться), *счастье* (в количестве денег), *работа* (понимается как способ самореализации). Однако достижение "первых позиций" происходит за счет постоянного, напряженного, упорного, постепенного труда, что влечет признание категории "труда" как ценности. Кроме того, образцом выступает западный образ и качество жизни, поэтому для достижения этого важным условием полагается наличие свободного рынка.

- Самоидентификация индивида происходит через "расширенное" пространство (идентификация с большой группой (признание себя как бедного). Для данной группы нравственное выше экономического, духовное выше материального. Ценности (чувство долга, самопожертвование, верноподданство, вера, идеи, убеждения) принимаются как высокие мотивы по сравнению с конкретной выгодой, интересами (капитал, материальные блага) как низкими. Последние признаются лишь средством для существования, а не целью. При неизбежном переосмыслении прежних идеалов и ценностей выгода, прибыль с трудом занимают свое место в ментальности данного типа, что выступает предпосылкой неприятия рынка с его делячеством, корыстью, стяжательством, аморальным, унижительным стремлением добиваться своей личной выгоды за счет и в обход других, нанося им ущерб, наживаясь на трудностях и неудачах своих конкурентов, применяя любые средства, поступаясь своей совестью и порядочностью. Это определяет негативное восприятие таких категорий, как богатство ("не в деньгах счастье", "не имей сто рублей, а имей сто друзей"). Хотя достаток, материальная обеспеченность, твердый заработок признаются важными, работа воспринимается как способ выживания ("не работать, а отрабатывать").

Итак, в российском менталитете можно выделить два типа ментальности, которые определяются как либеральный и традиционный. Эти два типа рассматриваются через призму таких аспектов категорий пространство и время как:

- значение времени
- восприятие времени
- восприятие прошлого - будущего как предпочтение ценностей "изменение - повторяемость".

Однако, учитывая устойчивость менталитета можно утверждать, что переход российского сознания к либеральному типу ментальности будет происходить очень долго и может оказаться малоэффективным. Поэтому при рассмотрении отношения российских граждан к тому или иному событию, явлению, процессу в России или за ее пределами необходимо учитывать, что в России преобладают установки традиционного типа.

Литература

---

1. Куда идет Россия?... Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000
2. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. С. 71.
3. Назаров М.М. Политическая культура Российского общества 1991-1995гг.: опыт социологического исследования. М., 1998. С.88.
4. Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб, 2000;
5. Рукавишников В.О. Политическая культура постсоветской России.
6. Хоцей А. Теория общества. Философская проза. Т.1. Казань, 1999. С.180.
7. Шестопал Е.Б. Политический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1997;
9. Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.361.
10. Февр Л. Чувствительность и история// Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С.118.
11. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. №5. С. 21.
12. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. №5;
13. Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социс.1993.№ 9;
14. Сикевич З.В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социс. 1999. №1;
15. Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // Общественные науки и современность. 1996. №6;
16. Тихонова Н. Жизненные ценности россиян: меняется ли наш менталитет? // Власть.1996.№5 и др
17. Comisso E. Is the Glass Half Full or Half Empty? Reflections on Five Years of Competitive Politics in Eastern Europe // Communist and Post- Communist Studies. 1997. Vol. 30. №1;

18. Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Society. Ed. by Arthur H. Miller, William M. Reisinger. New York: Westview Press, 1993;
19. Zhuravlev G. Investigating Mentality <http://www.rinet.ru/~gennady>.

«ИМИДЖ» – ЦЕННОСТЬ КАЖДОГО ПРОФЕССИОНАЛА

Е. Б. Полуэктова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В.Н. Куровский, д.п.н., проф.

В настоящее время в связи с изменениями в социально-экономической и политической сферах жизни общества личность становится в центре общественной системы. Личностные качества и способности становятся значимыми и первичными для достижения поставленной цели. Каждый человек стремится добиться успеха во всех сферах жизнедеятельности. Каждый хочет быть востребованным на рынке труда, а для этого необходимо быть профессионалом своего дела. Понятие «профессионал» включает в себя не только отличные знания своей профессии, своего дела, но и умение деловому общению, восприимчивость к нововведениям, готовность к творческому поиску, умение формировать притягательный внешний образ. Профессионал должен быть внешне привлекательным и внутренне богатым, т.е. он должен уметь сформировать и правильно использовать свой «имидж».

Настоящая статья призвана проанализировать, что включает в себя понятие «имидж» и почему это ценность каждого профессионала.

Как пишет Е.А. Петрова, в России понятие «имидж» стало предметом повышенного общественного внимания и научного анализа в конце 80-х гг. XX столетия в связи с новыми социально-экономическими условиями жизни общества. Информация из этой области поступала в основном благодаря отдельным популярным публикациям зарубежных практиков-дизайнеров, визажистов, парикмахеров. В середине 90-х гг. термин «имидж» начал активно использоваться, появились и первые отечественные разработки по имиджированию, посвященные различным аспектам управления имиджем. В основном в данных исследованиях рассматривался политический имидж [1].

Понятие «имидж» (от английского image - «образ», «изображение») — искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и воздействия. Имидж создается с целью формирования в массовом сознании определённого отношения к объекту. Может сочетать как

реальные свойства объекта, так и несуществующие, приписываемые [2].

В англоязычных странах в профессиональной литературе, посвященной проблемам формирования имиджа, как утверждает А.Ю. Панасюк, термин «image» употребляется в значении, которое можно было бы сформулировать следующим образом: «отражение в психике человека в виде образа тех или иных характеристик объекта или явления» [1].

Большинство отечественных специалистов, по мнению ученого, слово «image» переводят как «образ». Но в русском языке слово «образ» имеет шесть разных значений: 1) внешний вид, облик, наружность; 2) живое, наглядное представление о ком-либо, о чем-либо, возникающее в воображении, мыслях кого-либо; 3) <...>; 4) Обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления; 5) характер, склад, направление чего-либо; 6) способ, средство [3].

Таким образом, по мнению А.Ю. Панасюк, можно заменить слово «образ» на слово «имидж» лишь в значении «внешний вид», только когда речь идет об одной из составных частей имиджа (человека) [1].

Имидж, как отмечает А.С. Ковальчук, – это целостное представление об образе, которое оставляется в сознании людей, в их памяти. Восприятие имиджа говорит о том, что пленительной внешности недостаточно, чтобы стать обаятельной личностью. Внешность имеет большое значение в формировании имиджа, но не решающее. Внешний облик ряда известных исторических личностей не всегда был симпатичен, но их притягательность делали этих людей выдающимися. Важным принципом создания имиджа, по мнению ученого, является воздействие не только на сознание, но и на подсознание людей, что требует представление внутренних качеств личности. Среди них следует назвать интеллект, духовную, нравственную основу, ораторские способности [4, с.4].

По мнению В.М. Шепеля, чем больше мы преуспеваем в создании положительного имиджа, тем богаче репертуар нашего поведения и эффективнее управление людскими впечатлениями, тем успешнее мы можем заниматься конструированием разнообразных сфер социального общения, возбуждать к себе симпатии, пользоваться уважением. Умение самопрезентовать, т.е. подавать себя искусно, играет существенную роль, как в повседневном общении, так и в профессиональной деятельности [5, с.3].

Как отмечал Б. Паскаль, «сначала надо суметь понравиться окружающим, а затем пытаться их в чем-либо убеждать. Без привлека-

тельного имиджа, т.е. умения душевно расположить к себе человека, этой проблемы не решить» [5]. Каждый профессионал участвует в деловом общении, которое можно охарактеризовать, как взаимодействие людей, ведущее к развитию трудовой деятельности [4, с.25]. Вступая в коммуникацию, каждый человек преследует свою цель, для достижения которой нужно обаять собеседника, необходимо ему понравиться. Каждый период времени характеризуется своим «идеалом обаяния».

Общество, по мнению В.М. Шепеля, не может обойтись без идеала обаяния. Но представления о нем исторически меняются. Современный идеал обаяния характеризуется образованностью и воспитанностью, терпимостью к человеческим характерам, уважительностью к разным вероисповеданиям, элегантностью манер, вкусом к одежде, искусным владением словом. В нем гармонично соотносится духовная содержательность с эстетикой ее внешнего проявления [5].

В настоящее время неотъемлемыми качествами «идеала обаяния» являются мобильность, стремление к постоянному развитию, умение работать с информацией. Современная реальность такова, что в каждой профессии стали присутствовать динамические, развивающиеся элементы. Из разных источников к нам поступает все больше и больше информации. Умение объективно воспринимать, своевременно и правильно обрабатывать полезную информацию – качество профессионала высокого уровня [6]. Разумное соответствие времени и месту, в котором живет человек, характеризует его как современного. В наш век «современность» имеет своим атрибутом не только внешность, – это еще стремление к упорядоченности, разумности, как в личной жизни, так и в сохранении здоровья, во внешнем облике и в характере общения. Современный имидж – это облик уверенного равновесия между этими качествами.

По мнению А.С. Ковальчук, имидж подразумевает обязательное наличие других людей, воспринимающих публичное «Я» любого человека [4, с.4]. Каждый привык получать информацию о себе извне, от других людей. Хотя на самом деле, каждый уже имеет то, что нужно. Необходимо только научиться обрабатывать данную информацию.

Учиться обрабатывать в основном чужую информацию человека учат везде: в школе, в институтах, в семье. Когда появляется желание стать профессионалом, человек обращается к чему-то новому. Но профессионалом можно стать, лишь научившись обрабатывать в первую очередь информацию о себе. Только изучая себя можно ответить на вопросы «Чего я хочу?», «Соответствую ли я этому?», а затем «Как этого достичь» [6]. Чем больше мы знаем о себе, тем проще нам ста-

новится познавать мир вокруг, тем лучше мы можем ориентироваться в той или иной ситуации.

Подводя итог, нужно сказать, что в современном мире, чтобы достичь высокого положения в обществе, чтобы идти вверх по карьерной лестнице, быть здоровым и благополучным человеком во всем, нужно быть профессионалом. В настоящее время понятия «профессионал» и «имидж» неотделимы. Ведь правильно формируя свой внешний облик, обладая навыками делового общения, этикета, способностью и готовностью постоянно совершенствоваться, идти вперед в ногу со временем, мы создаем тем самым положительный имидж. Каждый работодатель хочет видеть в своей компании именно профессионалов своего дела, которые могут в прогрессивном направлении построить свою работу, которые могут стать лицом компании. Поэтому формирование имиджа необходимо каждому. Это ценное качество профессионала, которое помогает увидеть свои возможности, быть уверенным в себе и своем будущем.

Литература

---

1. www.academim.org
2. wikipedia.ru
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб. 1998
4. Ковальчук, А. С. Основы имиджологии и делового общения: учебное пособие для студентов вузов / А.С. Ковальчук. - Изд. 6-е, перераб. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 2009. - 282 с.
5. Шепель, В. М. Имиджология. Как нравиться людям: учебное пособие / В. М. Шепель. - М. : Народное образование. 2002. - 576 с.
6. www.imagemirror.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ПРОБЛЕМА ЕГО ОЦЕНКИ

Н. В. Потехина

Томский экономико-юридический институт

Практика второй половины XX века показывает, что каждая страна имела свои особенности в достижении экономических успехов и неудач. В то же время для группы наиболее развитых стран свойственны общие закономерности в социально-экономическом развитии. Изменения в развитых странах сводятся к одной общей черте - выдвиганию человека в центр воспроизводственного процесса. Сегодня именно человеческий капитал определяет темп и уровень развития, как отдельной фирмы, так и общества в целом.

В экономической литературе имеются разные определения понятия «человеческий капитал». Часть исследователей под человеческим капиталом понимает совокупность имеющихся у человека знаний, опыта, навыков и здоровья, которые используются в производстве с целью получения высокого уровня заработков. Так, У.Боуен полагает, что он, «состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческий существа, и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях воспроизводства товаров и услуг».[4.С.72]

Другие подчеркивают важность инвестиций при формировании человеческого капитала. Г.Беккер пишет, что человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах» [2.р.1]

Интересным является мнение Дж.Кендрика, который считает, что «капиталом является сам человек, как физическое существо, а не только приобретенный им багаж энергии и навыков»[4.С.75] Однако с ним сложно согласиться, т.к. человек, как физическое существо, мог продаваться и покупаться только в рабовладельческом обществе.

Наиболее полным является определение С.А Дятлова, которое сочетает достоинства первых двух точек зрения. Человеческий капитал – это «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком, определенный запас знаний, навыков, мотивации, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного производства, содействуют росту производительности труда и тем самым влияют на рост доходов данного человека».[3.С.83]

Важнейшими формами вложений в человека принято считать общее и профессиональное образование, здравоохранение, миграцию, доступ к информации. Образование и подготовка на производстве увеличивают объем человеческого капитала. Охрана здоровья, сокращая заболеваемость и смертность, увеличивают срок и интенсивность использования способностей человека. Миграция и владение информацией способствуют перемещению человека в районы, где его труд оплачивается наилучшим образом. Подобно физическому капиталу формирование человеческого капитала требует значительных затрат как от самого индивида, так и от общества в целом. Инвестирование будет осуществляться, только в том случае, если оно приносит определенные выгоды.

Признание важности человеческого капитала в экономическом развитии вызывает необходимость его оценки. При определении ве-

личины человеческого капитала можно выделить три основных подхода:

1. Оценка человеческого капитала посредством натуральных показателей. Число лет обучения является наиболее распространенным натуральным показателем, отражающим капитал образования. При таком подходе год обучения в школе фактически приравнивается к году обучения в вузе. Также не учитывается различия в качестве полученного в течение одинакового количества лет человеческого капитала.

Несколько лучше отражает связь образования и человеческого капитала показатели, характеризующие структуру населения по уровню образования (численность и соотношение лиц с различным уровнем образования в работающем населении и населении в целом).

По данным последней переписи населения 2002 г., в настоящее время уже свыше половины всех российских работников в возрасте 15-64 года имеют либо высшее (26,1%), либо среднее специальное (35,8%) образование. По формальным признакам российская рабочая сила предстает как одна из самых образованных в мире, хуже обстоит дело с качеством получаемого образования. Так, в 2002 г. среднее ожидаемое количество лет обучения по всем странам мира составляло 15,3 года. Оценка по России была почти на целый год ниже среднемировой - 14,5 года. Еще существеннее было ее отставание от группы наиболее развитых стран, достигавшее 3,1 года.[6.С.57]

2. Человеческий капитал оценивается как капитализированная стоимость пожизненных заработков. В данном случае заработная плата рассматривается как доход на инвестиции в человеческий капитал. Оценка величины этого капитала рассчитывается как сумма денег, которая, будучи помещенной в банк, принесет процент, равный годовой заработной плате. Несмотря на то, что данный метод наиболее точно показывает отдачу от человеческого капитала на рынке труда, при его использовании возникает много сложностей. Человеческий капитал может не использоваться (например, в период безработицы), недоиспользоваться (неполная занятость) или использоваться непроизводительно (на рабочих местах, не требующих имеющихся у работников навыков и компетенций). Также отдача от человеческого капитала поразному распределяется между человеком, фирмой и государством.

Экономическая отдача от высшего образования в России, измеряемая в проросте заработной, колеблется по разным обследованиям от 82 % до 54. Обладатели неполного высшего образования получают в среднем на 1 треть больше, чем окончившие полную среднюю школу, а среднего специального на 21 %. Заработная плата тех, кто так и не получил аттестата меньше на 11-17 %.[6.С.65]

Необходимо также учитывать, что человеческий капитал приносит социальные и культурные выгоды. Неденежные внешние эффекты принимают различные формы. Так, выпускник вуза может принимать более активное участие в политической жизни, деятельности добровольных организаций, он имеет лучшие профессионального роста и самореализации. Он может на более высоком уровне удовлетворять свои материальные и духовные потребности.

3. Оценить человеческий капитал можно подсчитав совокупные инвестиции в его развитие. При этом необходимо определить какие именно затраты следует рассматривать как инвестиции в человеческий капитал, а какие относить к потребительским расходам, обеспечивающим текущее воспроизводство рабочей силы или духовные потребности человека.

Дж.Кендрик, как и ряд, других авторов, вслед за У.Петти, считают, что к активам человеческого капитала относится и сам человек. Кендрик разделяет совокупное общественное богатство, с одной стороны, на осязаемое и неосязаемое, с другой стороны – на воплощенное в человеке и отделенное от него. Инвестициями в «осязаемый» человеческий капитал у Кендрика являются затраты на воспитание детей до 14 лет. К неосязаемым он относит затраты на улучшение качества и повышение производительности трудовых ресурсов. Они включают расходы на образование и профессиональную подготовку, здравоохранение и охрану труда, а также потерянные заработки студентов.

Методологические трудности возникают при использовании любого способа. Не все инвестиции в человеческий капитал являются результатом целенаправленных действий, количество лет обучения также не точно отражает размер накопленного человеческого капитала, как и отдача, от него измеренная в виде заработной платы. Нельзя не согласиться с мнением И.Соболевой, что «ни изощренные представительские оценки, комбинирующие натуральные индикаторы образования, ни денежные оценки потока целенаправленных нематериальных инвестиций не в состоянии охватить все богатство разноплановых знаний, воплощенных в людях».[5.С.62]

Литература

---

1. Антология экономической мысли.Т.1.М.1999.
2. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. N.Y.1994
3. Капелюшников Р.И., Албегова И.М., Леонова Т.Г., Емцов Р.Г.,Найт П.Человеческий капитал России: проблемы реабилитации//Общество и экономика.-1993.- №9-10.-С.3-14.

4. Курганский С.А. Человеческий капитал :сущность, структура, оценка.- Иркутск. 2003.-С.51-106.
5. Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала//Вопросы экономики.-2009.-№10.-С.53-69.
6. Формирование заработной платы: взгляд через призму профессий //Вопросы экономики.-2007.-№10.-С.

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И РОССИИ)

В. А. Прокопчук

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.Е. Рудковская, к.и.н, доцент

В данной статье речь пойдет об одной стороне проблемы толерантности, а именно о проблеме интеграции мигрантов из разных стран в обществе принимающих стран. Вопрос этот автор хотел бы рассмотреть на примере сравнительного анализа ситуации во Франции и в России.

Каждая из вышеупомянутых стран имеет ряд особенностей в этом (хотя и не только в этом) вопросе, имеющих глубокие корни в истории, традициях, менталитете, культуре, законах. Рассматривая Францию, нельзя не упомянуть об одном существенном обстоятельстве, сближающем её с другими странами Европы и различающем с Россией: если в РФ мигранты приезжают в основном на заработки и в большинстве своём не остаются на постоянное проживание, то в страны Евросоюза мигранты приезжают именно с целью осесть на постоянном месте жительства.

Исследователями, такими, как, например, К.Б. Дьяконов,[1,с.84] принято выделять пять направлений, исследование которых позволяет оценить успешность прохождения процесса интеграции: 1) круг общения, включающих соседские, семейные (в т.ч. выбор супруга/супруги) и дружеские контакты; 2) национальная самоидентификация, а именно в каких случаях респонденты идентифицируют себя со страной проживания, а в каких - со страной происхождения своих родителей; 3) культурные практики, которые позволяют оценить успешность интеграции через фиксацию изменений в языке общения, ценностях, в религиозной практике и т.д.; 4) вовлеченность в политический процесс (участие в выборах, в политической жизни страны); 5) получение образования и положение на рынке труда. Рассмотрим каждое из этих направлений подробнее.

Социальные контакты молодежи североафриканского происхождения в целом сопоставимы с таковыми других групп молодых французов. Внутригрупповые отношения играют относительно небольшую роль; религиозные или этнические организации не пользуются большой популярностью. Более половины представителей «второго поколения» (дети иммигрантов) имеют друзей иного, чем у них, происхождения. Если среди иммигрантов у 46% лучшие друзья имеют то же происхождение, то у их *детей* – французов иммигрантского происхождения – об аналогичной ситуации заявляют лишь 26%.

Аналогично и в вопросе вступления в брак: среди детей мигрантов доля вступивших в супружеские отношения с представителями местного населения намного больше, чем среди их родителей (50% против 25%). Если среди выходцев из стран Магриба, из Турции каждая вторая женщина выходит замуж по решению родителей, то среди представителей уже упоминавшегося выше «второго поколения» таких только 5% – сопоставление, кажущееся просто потрясающим. Среди французов-мусульман с североафриканскими корнями менее 15% не одобрили бы брак своего сына с немусульманкой. 32% высказались бы против подобного брака для своей дочери. Для сравнения отметим, что среди «коренных» французов против брака сына/дочери с мусульманкой/мусульманином высказываются около 18% респондентов.

В России же большинство социальных контактов именно ввиду того, что мигранты проживают в нашей стране на временной основе, сводится к отношениям «работник-работодатель» и «продавец-покупатель».

Что касается **самоидентификации французских граждан**, то данные свидетельствуют о том, что граждане Франции нефранцузского происхождения в последнее время всё чаще отождествляют себя именно со страной проживания. «Француз и алжирец» или «франко-алжирец» – подобные ответы дали 2/3 опрошенной молодежи иммигрантского происхождения (в Британии, например, 3/4 мигрантов). Лишь 8% респондентов заявили, что ощущают себя «только» французами, при этом 75% из них в то же время отметили «очень сильную» или «сильную» связь со страной происхождения своих родителей.

В последнее время все чаще отмечаются случаи самоидентификации не с какой-либо конкретной страной, а в целом с Европой или миром, причём такой вариант самоидентификации свойственен скорее для мигрантов, получивших высшее образование.

Российские же иммигранты также прибывают из стран, которые, с одной стороны, также в недавнем прошлом были политически едины с Россией, а с другой – в культурном плане всё-таки остались весьма

далеки от РФ. В вопросе культуры из стран, регулярно поставляющих мигрантов в Россию, последней близка только Украина. Китайские же мигранты и вовсе не имеют ничего общего ни в культурном, ни в историческом плане с жителями России.[2,с.68]

Культурную сторону вопроса стоит рассмотреть в двух аспектах – использование языка принимающего общества в общении и изменения в отношении к религиозным ценностям и предписаниям.

Следует отметить, что французский язык очень распространён на территории североафриканских государств. Это связано с их относительно недалёком в историческом масштабе колониальным прошлым; французский язык по-прежнему играет немалую роль в этих странах, особенно в сферах науки, образования и культуры. Несмотря на то, что большинство мигрантов не относятся к политической или культурной элите вышеупомянутых стран, тем не менее и среди них французский язык играют весьма заметную роль, усиливающуюся в последнее время. Только 13% молодежи алжирского происхождения указывают на язык своих родителей как на родной; хотя более 90% его понимает, лишь немногие могут на нем разговаривать, а французский своим родным называют более половины. Около 60% французов североафриканского происхождения считают себя *мусульманами*, тогда как среди "коренных" французов католиками себя называет около 65%. Обращает на себя внимание сходство процентного соотношения. Стоит отметить, что почти 20% потомков выходцев из стран Северной Африки считают себя неверующими (среди "коренных" французов - 28%), прежде всего это французы с алжирскими корнями (25%). Среди лиц магрибского происхождения 21% участвует в религиозной службе (пятничная проповедь), по крайней мере, один или два раза в месяц. Среди мигрантской молодежи более или менее регулярно посещают мечети даже менее 20%, а подавляющее большинство вообще никогда или практически никогда не делают этого; то есть, далеко не все мусульмане имеют отношение к религиозным практикам. Роль религии в жизни французов-мусульман не препятствует их положительному восприятию концепции светскости, занимающей важное место во французском публичном пространстве. "Положительно" или "скорее положительно" к идее светскости относятся 82%. Принятие идеи светскости также иллюстрируется предпочтениями в выборе школьного заведения для детей. Лишь 5% мусульман хотели бы, чтобы их дети обучались в частной мусульманской школе. Остальные же в подавляющем большинстве одобряют создание коранических школ и при этом в таком же большинстве предпочли бы для своих детей светские государственные учебные заведения (67% мусульман).[2,с.85-86]

Однако не стоит представлять ситуацию близкой к идеалу. Многие мигранты, впервые прибыв в страну, испытывают так называемый «культурный шок», что ведёт к их стремлению как-то обособиться от новой окружающей реальности. Так возникают национальные районы, в основном в пригородах крупных городов, так как там стоимость жилья меньше, чем в самих городах. К тому же, немалая часть мигрантов быстрее всего приобщается к такой части жизни Франции, как социальные пособия, и продолжает жить дальше на них, естественно, не желая больше работать. В этом отчасти повинна сама социальная политика властей.

Многие, не сумев устроиться на новой родине, вступают в преступные группировки. Это в свою очередь приводит к повышению протестных настроений в принимающем обществе и росту популярности националистических партий. Так, в 2002 году лидер Национального фронта Ж.-М. ле Пен даже вышел во второй тур президентских выборов. К тому же зачастую мигранты не желают принимать местные законы и местные порядки, причём порой это принимает весьма серьёзный характер, как, например, это было в случае уличных боёв в 2005 году.

В России мигранты также не спешат растворяться в принимающем обществе. Например, китайские мигранты образовали в Москве почти 100-тысячную общину, проживающую на весьма компактной территории. Почти 70% из них живут в гостиницах и общежитиях. Положение мигрантов, зачастую не знающих ни обычаев, ни законов принимающей страны также и в России ведёт их к отчуждённости, что не может не приводить к возникновению изолированных, неподконтрольных властям групп с постоянно меняющимся составом. Мигранты в немалом количестве служат источником пополнения рядов организованной преступности. Это также приводит к росту негативного отношения к мигрантам и, к сожалению, вообще к иностранцам и лицам не «той» национальности. Неурегулированность проблемы межнациональных отношений в современной России нередко приводит к весьма серьёзным последствиям, таким, как возникновение националистических и откровенно нацистских группировок, совершающих нападения как на самих мигрантов и лиц с нерусской внешностью, так и на представителей власти, на судей, выносящих приговоры членам фашистских организаций и т.д. Иногда это принимает совсем крайние формы, как например это было в Кондопоге в 2006 г. (массовые столкновения между русским коренным населением, с одной стороны, и приезжими из Чечни и Азербайджана, с другой).[2,с.70]

В целом, интеграцию детей иммигрантов во Франции в культурной плоскости *можно в значительной степени признать состоявшейся*: иммигрантская молодёжь разговаривает в основном на французском, круг их общения далеко не ограничивается внутрииммигрантской средой, они слушают ту же музыку, смотрят те же фильмы, что и французы. Что же касается ислама, то молодые французы арабского и турецкого происхождения всё меньше интересуются религиозной стороной вопроса. Эти тенденции совпадают с тенденциями в католицизме. В целом среди мигрантов 82% положительно или, по крайней мере, нейтрально относятся к идее светскости.

Что же касается участия французов магрибского происхождения *в политическом процессе* предлагаются такие индикаторы, как число отказов от французского гражданства среди детей иммигрантов при достижении ими совершеннолетия, внесение в списки избирателей и участие в выборах.

Отказ от французского гражданства фиксируется в единичных случаях, почти 100% детей иммигрантов в 18 лет становятся французами. Процент французов – выходцев из стран Северной Африки, зарегистрированных в списках избирателей, несколько ниже, чем в целом по стране (55%), что не обязательно свидетельствует об их протестной позиции: кризис представительных институтов власти наблюдается во Франции среди молодежи в целом. Однако, те, кто вписан, голосуют так же, как и другие, причем активность отмечается выше в регионах, где присутствует сильное движение в поддержку кандидатов от Национального фронта. При голосовании выходцы из стран Северной Африки и их потомки традиционно выбирают партии левого толка (прежде всего, социалистическую - 76% на фоне 54% для страны в среднем). Согласно результатам опроса на выходе с избирательных участков после первого тура президентских выборов 2007 г. 64% назвавших себя мусульманами проголосовали за кандидата от Социалистической партии С. Руаяль, тогда как за Н. Саркози - лишь 1% избирателей, исповедующих ислам. В то же время обращает на себя внимание непропорционально низкая представленность французов магрибского происхождения среди избранных руководителей органов местного самоуправления и депутатов парламента.[1,с.86]

В вопросе *получения образования и конкурентоспособности на рынке труда* процесс интеграции идет несравнимо *более медленно*, чем в сфере культурных практик. Так ситуация с перенасыщением квалифицированными кадрами является весьма распространенной: лишь 11% выпускников вузов с алжирскими корнями в возрасте от 25 до 33 лет получили соответствующую работу, тогда как доля молодых

французов составляет 46%. Безработица среди французов иностранного происхождения почти в два раза выше, чем в среднем по Франции, и варьирует в зависимости от этнической принадлежности. Для французов алжирского происхождения ее уровень достигает 35% (для португальского происхождения - 12%). Как для мужчин, так и для женщин алжирского и марокканского происхождения характерен более высокий уровень длительной безработицы.[1,с.86]

Что же касается мигрантов, приезжающих в Россию, то большинство из них представляет из себя дешевую неквалифицированную рабочую силу. По большей части т.н. гастарбайтеров используют в качестве рабочих на стройке, подсобных рабочих, торговцев на рынках и т.д. Использование мигрантов в качестве бесправной и дешевой рабочей силы приносит предпринимателям огромную прибыль и существенно минимизирует издержки [2,с.69-70]: отсутствие социального обеспечения, экономия на жилой площади для мигрантов, крайне низкая заработная плата и т.п. Кроме того, мигранты зачастую проживают на территории России на нелегальном положении, что означает, что в случае нарушения своих прав они не станут обращаться в правоохранительные органы. Шовинистические отношения и существование нацистских группировок выгодно как части крупного бизнеса и представителей власти, так и агрессивно настроенной молодежи, т.к. первым это дает возможность держать гастарбайтеров в повиновении, а последним выплеснуть избыток энергии, которую они в массе своей абсолютно не знают, куда девать.[2,с.70]

Таким образом, можно судить о том, что у каждой принимающей страны несмотря на некоторое сходство, как, например, наличие в относительно недавнем прошлом общего политического, экономического и культурного пространств со странами, которые служат постоянными источниками миграционного потока, есть и ряд специфических особенностей в вопросах права, культуры и национального менталитета, которые необходимо изучать как с целью перенятия положительного опыта, так и с целью прогноза дальнейшего развития ситуации в плане принятия иммигрантов в принимающее общество.

Литература

---

1. Дьяконов К.Б. Журнал "Социологические исследования" № 11, Ноябрь 2008, С. 83-91.
2. В.В. Константинов, М.В. Зелев. Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России. Журнал «Полис» 2007. - №6.

КАРЬЕРА КАК СПОСОБ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю. А. Луц, В. А. Сабанцева

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Научный руководитель: Г.Б. Рябова, к.ист.н., доц.

Студенчество является самостоятельной социальной группой и имеет особое место в общественном воспроизводстве. Оно представляет собой наиболее передовую и активную часть в обществе. Так как имеет множество преимуществ, в первую очередь это возможность карьерного роста, удовлетворение амбиций в плане финансового улучшения жизни или в желании добиться высот в карьере. Но вместе с этими возможностями, которые дает высшее образование, приходят и своего рода проблемы. А именно из этого многообразия возможностей бывает очень трудно выбрать истинно верный путь. Считается, что к 4-5 курсу студент должен четко представлять свою профессиональную деятельность в будущем и уже стремиться осуществлять задуманное. А так ли это на самом деле? Насколько серьезен и целеустремлен молодой человек в 19-25 лет?

По данным пилотажного опроса, проведенном нами в ноябре 2009 года среди студентов 4-5 курсов 8-ми факультетов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 42% респондентов постоянно размышляют о карьере, считая ее одним из важных ориентиров в жизни, в то время как 57% опрошенных возвращаются к этому вопросу периодически, рассматривая появляющиеся на рынке труда новые варианты путей самореализации. При этом почти всех респондентов волнует тема выбора дальнейшего жизненного пути, карьеры. Во многом определиться с направлением будущей деятельности помогает групповое проектное обучение (ГПО). Данный вид работы появившейся еще в 2004 году на радиофизическом факультете сначала как эксперимент, постепенно утвердился в образовательной деятельности технического вуза. Групповое проектное обучение – это параллельное с теоретической подготовкой практическое закрепление знаний и навыков проектной, научно-исследовательской и организационно-управленческой деятельности на примере разработки инновационных проектов [1]. С помощью ГПО к 4 курсу у студента формируется четкое направление научных интересов: 67% респондентов занимаются в ГПО. Большую заинтересованность в ГПО проявляют студенты радиотехнического факультета (36%), среди учащихся радиоконструкторского факультета и факуль-

тета вычислительных систем в ГПО участвуют примерно 24% респондентов, на остальных факультетах число респондентов участвующих в ГПО примерно совпадает. При этом ведущими мотивациями исследовательских занятий являются: интерес к исследовательской работе или заблаговременная подготовка к дипломному проекту. 10% респондентов рассматривают участие в групповом проектном обучении как хорошую возможность начать свое дело, заработать деньги, и лишь 5% пришли в ГПО за компанию с друзьями. Немаловажным фактором, способствующим привлечению студентов к работе над проектами, можно считать надбавку к стипендии (20% из 100%). Работая над проектами, от разработки идеи до воплощения в жизнь, каждый студент получает навыки различной направленности: 30% респондентов получают знания в сфере исследовательской работы, 24% - расширяют свою профессиональную эрудицию, 7-ми % - ГПО помогает основать свое дело, 16% студентов считают ГПО местом интересного времяпрепровождения. Оставшиеся из опрошенных считают главным достоинством проектной работы прибавку к стипендии (20%), и лишь 3% из числа опрошенных студентов не видят надобности в занятиях ГПО.

Ничего нет хуже, чем осознание напрасно потерянного времени и сил, особенно если это время, упущенное в молодости исчисляется годами. Многие молодые люди, поступив на один факультет, начинают жалеть о сделанном выборе. Некоторые из них переводятся на другие специальности, поступают в другие университеты, некоторые, будучи разочарованными, все же остаются. 57% опрошенных в ТУСУРе считают свой выбор университета единственно верным, и при возможности перепоступить выбрали бы тот же самый вуз, 22% - при возможности такого выбора, изменили университет. Примерно в таком же соотношении распределились соотношения высказываний о выборе факультета и специальности. 20% - поменяли бы факультет, 15% - перешли бы на другую специальность.

По данным опроса большая часть респондентов, а именно 39% собираются после окончания ВУЗа работать по выбранной специальности. Но при этом 23% так и не определились, хотят ли они работать по выбранной специальности. Возможно, это является доказательством того, что в ТУСУРе не достаточно развита инфраструктура по различным видам деятельности, которая помогает студенту определиться с построением будущей карьеры.

Опрос студентов старших курсов ТУСУР показал не только высокую степень заинтересованности молодых людей в своем будущем карьерном росте, в движении по карьерной лестнице, но и определил

основные предпочтения молодежи в достижении целей. Социологический опрос раскрыл важность обучения молодых специалистов, как освоению теоретического материала, так и применению его на практике. Несомненно, это поможет получить профессиональные навыки, которые помогут достичь молодым специалистам успехов, как в научно-исследовательской, так и в предпринимательской деятельности.

В словаре Ожегова термин «карьера» объясняется как движение, путь кого-нибудь к внешним успехам, славе, выгодам, почету, сопровождающее деятельность на каком-либо общественном поприще [2, с. 156]. По итогам опроса студентов ТУСУРа в 1997 году карьера подразумевалась как результаты в работе, успешное продвижение по службе, достижения в обществе [3, с.13]. По результатам опроса в 2009 году большинство студентов связывают понятие «карьера» со своим будущим благополучием, считают ее удачным способом достижения финансовой независимости, возможностью удачного сложения жизни.

Литература

---

1. электронный ресурс: www.tusur.ru
2. Словарь Ожегова, с. 156.
3. Г.Б. Рябова /Учебно - методическое пособие по социологии, 2000г. с.13-15.

ОПЫТ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: АСПЕКТЫ ВХОЖДЕНИЯ В ПОЛЕ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

А. В. Филькина

Томский государственный педагогический университет

С целью проверки обоснованности двух основных выводов экспертов относительно соотношения ролей инсайдера и аутсайдера в этнографических исследованиях НРД было проведено пилотажное включенное наблюдение в двух новых религиозных движениях: «Общество сознания Кришны» (г. Москва, г. Томск) и «Община айнуровцев» (г. Мыски). Включенное наблюдение проводилось в 2006-2007 годах. В рамках установления взаимоотношений с членами новорелигиозной группы «Общество сознания Кришны» имело место участие в организации и проведении массового опроса внутри данного движения.

Проверялись следующие гипотезы, выведенные на основе анализа опыта западных исследователей НРД:

- идентичность исследователя (как и информантов) действительно представляет собой некий континуум, состоящий не из четко фиксированных ролей, позволяющих однозначно отнести их носителя к категории ин- или аутсайдера, но представленный условными и изменяющимися позициями, конструируемыми в процессе взаимодействия;

- установление эмоционального контакта является решающим при формировании взаимоотношений с информантами, в отличие от наличия статуса «инсайдера».

Мое знакомство с движением Сознания Кришны началось в 2005 году в качестве вспомогательной участницы дипломного проекта одnogруппницы, студентки Томского Государственного Университета. Мы проводили включенное наблюдение в томской общине кришнаитов, был взят ряд глубинных интервью, посвященных тематике причин присоединения к движению и вопросам религиозной идентичности. Общество сознания Кришны – одно из самых открытых движений, хотя имеется и региональная специфика (которая зависит от личности руководителя ятры, от сложившегося стиля управления и взаимодействия в конкретном городе). В Томске познакомиться с последователями движения удалось благодаря проводимому ими циклу публичных лекций «Истоки мироздания». Структура цикла такова, что на четырех встречах последовательно излагаются основные концепты «ведической картины мира» (на основании текста Бхагавад Гиты), а на последнем – при предварительном предупреждении - демонстрируется культовая практика – чтение мантры на четках и коллективное воспевание мантры. После чего заинтересовавшиеся знакомятся с лидерами намахатт – регулярно собирающихся групп в 5-10 человек. Таким образом, мы также были приглашены на намахатты, лидеры и основной состав которых были в нашем возрасте – 20-25 лет. После этого мы стали посещать нама-хатты (раз в неделю), где принимали участие в обычной программе: приготовление пищи, которая затем освящается на алтаре, обсуждение священных текстов, коллективное пение мантры (киртан). С самого начала все были осведомлены о цели нашего присоединения к движению, но этому фактически не придавалось значения – отношения строились на основе более тонких симпатий и антипатий, в результате чего мы разделились и стали посещать две разные группы, сложились прочные дружеские отношения, которые поддерживаются и до сих пор. В качестве потенциальных неофитов нас познакомили с внутренней жизнью организации, лидеры нама-хатт ходили с нами «знакомиться» с другими группами и

занимали в общей деятельности, например, при подготовке праздников. Интервью, которые мы у них брали, воспринимались с интересом, поскольку члены движения видели в них возможность для собственной рефлексии.

На втором году обучения в аспирантуре, после того, как были сформулированы основные задачи моего собственного исследования, через томских кришнаитов были установлены контакты с представителями московской ятры. После нескольких встреч ответственный за связи с общественностью – Зуев Ю. или Радхадамодар - предложил мне как социологу поучаствовать в проведении количественного исследования. До этого ни сам ИСККОН в России, ни какие-либо исследователи со стороны массовые опросы в рамках этого движения в России не организовывали. Р. имел достаточно четкое представление о тех сторонах жизнедеятельности последователей движения, которые, как он хотел, должны были быть отражены в анкете. С моей стороны требовалась помощь непосредственно в составлении анкеты и обработке данных. Проект был реализован, его результаты – озвучены на Торчиновских Чтениях еще одной участницей проекта – студенткой социологического факультета одного из московских ВУЗов. Мне эта неожиданная вовлеченность во взаимодействие с человеком, презентующим движение «Харе Кришна» в России (по крайней мере, в Москве), позволила обрести достаточно уникальный опыт и увидеть вблизи, каким образом происходит рефлексия внутри этого НРД: каково восприятие самой организации, ее внутренних и внешних проблем с точки зрения ее лидеров и как это соотносится с теми описаниями, которые составляют или могут составить академические исследователи. Дальнейшее включенное наблюдение в Томской общине кришнаитов носило достаточно пассивный характер – поскольку целью исследования было проверить открытость группы и возможность доступа в нее с позиции академического исследователя – то есть, значимость для включенного наблюдения дихотомии ролей инсайдера и аутсайдера. При этом, более конкретные цели непосредственно по сбору более конкретной информации – например, об экономической платформе функционирования данной группы, - не ставились

В целом, можно было прийти к выводу, что ИСККОН представляет собой достаточно специфическое НРД – открытое и активное в плане создания образов религиозного ландшафта в России. В этом его можно сопоставить с некоторыми протестантскими движениями, которые также проявляют активность в этом плане. Соответственно, исследование подобных движений может строиться во многом на от-

крытом диалоге. Между тем, существуют более изолированные неорелигиозные группы, которые намеренно выключают себя из общего информационного пространства и из процесса создания собственного образа в этом пространстве - изучение таких движений может потребовать иной исследовательской позиции (например, скрытого наблюдателя).

В частности, к таким локальным и достаточно изолированным НРД можно отнести общину «Святое кольцо» («Айнуровцы») в Мысках. Как таковое исследование в ней мною пока не проводилось: имели место одна предварительная встреча с лидером движения, интервью со знакомой, прожившей там две недели и собственная поездка в общину продолжительностью в три дня.

Что касается возможностей для изучения и описания новорелигиозной группы айнуровцев, то здесь все не вполне однозначно. С одной стороны, община открыта для гостей: это даже является одной из целей ее существования – служить центром «духовного обогащения» для любых религий и движений. Есть определенный человек, отвечающий за встречу и расселение тех, кто приезжает своими глазами посмотреть на то, что происходит в общине (а подобного любопытствующего народа находится немало). Можно предварительно позвонить этой женщине-координатору, договориться о посещении – и на какое-то время тебя поселят к кому-нибудь домой, будут отвечать на твои опросы, знакомить с остальными людьми, сопровождать в качестве экскурсовода по «быту» общины. С другой стороны, рассчитывать на такого рода гостеприимное отношение можно только при условии демонстрации своего личного интереса к «духовному развитию». Можно сказать, что есть определенный фильтр: «своими» являются те, кто проявляет личный интерес, «чужими» - например, журналисты, имеющие целью составление краткого репортажа под заказ. Журналистам вход в общину в какой-то степени заказан – что вызвано имевшей место лет 7 назад активной кампанией антикультистов против айнуровцев, сопровождавшейся негативом в СМИ и подачей иска в суд (дело было закрыто). Таким образом, взаимодействие с такой общиной требует большей степени включенности, чем контакт с более открытым новорелигиозным движением, ориентирующимся на упрочение своего положения в социуме. В частности, при знакомстве с айнуровцами я не афишировала свою роль «аспирантки, пишущей диссертацию»: не скрывая ее, я, тем не менее, стремилась показать, что, разделяя некоторые аспекты их мировоззрения, хочу чему-то научиться у них. Пожалуй, составить представление о реальной структуре общины (наличие круга «Хранителей», реальное отношение

к лидерам и т.д.) можно только установив дружеские отношения с ее членами; формальные интервью – если на них и согласятся – дадут лишь поверхностную картину.

В целом, те аспекты конструирования роли исследователя, о которых шла речь в описании моего опыта включенного наблюдения в ИСККОНе – значение эмоционального контакта, доверие к статусу исследователя и установка на «методологический агностицизм» и доброжелательную нейтральность, оказались актуальными и при контакте с более изолированной общиной айнуровцев. Статус социолога в этом движении оказался, по-видимому, менее значимым, чем в ИСККОНе, но здесь сложно делать окончательные выводы в силу непродолжительности контакта.

По итогам пилотажного включенного наблюдения в данных неорелигиозных группах были сделаны некоторые общие выводы:

Во-первых, в процессе взаимодействия с респондентами актуализируются различные составляющие идентичности исследователя (и респондентов). С одной стороны, исследователь, будучи аутсайдером в плане религиозной идентичности, может оказаться инсайдером в плане таких статусных характеристик, как возраст, доход, образование. Так, например, большинство последователей движения Сознания Кришны в г. Томске – это студенты или выпускники ВУЗов, соответственно, для установления близкого контакта с ними имели решающее значение аналогичные статусные характеристики исследователя: возраст (23 года) и высшее образование. Среди айнуровцев я также в основном общалась с молодыми женщинами, имеющими высшее образование. Общность данных характеристик у исследователя и респондентов привело к такой ситуации общения, при которой религиозная идентичность не являлась определяющей, но, скорее, второстепенной; на первое место вышли приблизительно одинаковые интересы и круг коммуникаций. С другой стороны, отсутствие четкой границы между последователями данного конкретного движения и определенным слоем студенческой молодежи проявлялось в еще большей степени благодаря тому, что самоидентификация членов новорелигиозных групп также оказывалась неоднозначной: не все последователи движения «Сознания Кришны» считают себя «кришнаитами» и т.д. (даже при том, что следуют определенной, достаточно жесткой, религиозной практике).

Размытость религиозных идентичностей, которые могли бы актуализировать противопоставление инсайдеров и аутсайдеров для данного движения, еще отчетливее проявилось при знакомстве с последователями движения, обладающими высоким академическим статусом. В

процессе взаимодействия с последователями движения сознания Кришны выяснилось, что оно как развитое движение само принимает активное участие в создании собственного образа. Поскольку отдельные представители ИСККОНа обладают соответствующими статусными характеристиками (например, являются кандидатами философских, исторических или юридических наук), то они на равных включаются в производство «научного знания» об НРД. Каким образом это происходит? А. Баркер, известный британский исследователь НРД, отмечала, что существуют типичные каналы презентации информации: если для НРД – это издание собственной литературы, то для социологов и религиоведов – научные публикации. В настоящий момент сложилась такая ситуация, что «ученые публикации» не являются средством представления своих описаний, монополизированным представителями академической среды (имеется в виду, не входящими в НРД, хотя, как уже упоминалось во второй главе, эксперты в области религии, как правило, обладают собственной религиозной идентичностью, поэтому достаточно сложно провести четкую границу между «академическими учеными», «представителями НРД» и, например, «православными»: эти множества могут и пересекаться). Например, при составлении первых религиоведческих справочников информация о движениях собиралась следующим образом: если движение – как Харе Кришна – обладало собственным адекватным «консультантом», ему можно было отправить запрос и получить письменное описание основных доктринальных положений и культовых практик – которое затем и ложилось, часто в неизменном виде, в основание статьи об организации. Помимо роли консультанта или непосредственного составителя описаний для научных сборников, последователи движений принимают также участие в тематических научных конференциях. Особенно показательными являются в этой связи религиоведческие конференции. В частности, организаторы Торчиновских Чтений – известной ежегодной религиоведческой конференции в Санкт-Петербургском Государственном университете, пытаются проводить жесткий отбор участников на этапе подачи развернутых тезисов доклада – чтобы оградить конференцию от «откровенного прозелитизма». Между тем, если компетентность исследователя высока, его религиозная идентичность остается в тени и ему позволяется презентировать себя как независимого исследователя в рамках научного сообщества. В частности, по нашим наблюдениям и сообщению наших информантов, ведущие секций на Торчиновских чтениях в СПбГУ неоднократно отсылали тех, кто интересуется индуизмом, к работе Ватмана «Бенгальский вайшнавизм» как наиболее

полному и заслуживающему уважения историческому исследованию в этой области – при этом, сам Ватман имеет посвящение в «духовной традиции» вайшнавизма, представленного в России в том числе движением Сознания Кришны. Кроме этого, можно отметить, что существует определенное коммуникативное пространство, куда включены специалисты в сфере религии (социологи, историки, философы, юристы), журналисты, специализирующиеся на данной тематике, а также ориентированные на диалог представители различных конфессий. Отдельные представители ИСККОН включены в это пространство – как формально (периодические встречи с ответственными за дела религии, регулярные межрелигиозные форумы, программы на ТВ), так и неформально – благодаря тому, что они сами обладают соответствующими статусными характеристиками, например, высшее образование, профессия преподавателя и т.д.. Соответственно, в нашем случае установлению взаимоотношений исследователя с данным контингентом последователей движения способствовали принадлежность исследователя к академической среде через статус аспиранта, а также его определенные профессиональные навыки, которые можно было использовать при проведении внутреннего социологического исследования – то есть, на определенных этапах включенного наблюдения имел место скорее контакт между «людьми с высшим образованием» или «людьми, относящимися к академической среде», нежели изучение исследователем «кришнаитов».

Во-вторых, установление эмоционального контакта действительно оказалось решающим при формировании взаимоотношений с информантами.

В частности, при развитии взаимодействия с группой «Общества сознания Кришны» наступил (спустя приблизительно пару месяцев встреч с локальными группами общения последователей движения) момент корректировки позиции исследователя – поскольку встал вопрос о том, не пора ли исследователю заняться личной духовной практикой (чтение мантры на четках, соблюдение регулирующих принципов). Объяснение, что это «не совсем мое», было воспринято с неожиданным пониманием, поскольку с точки зрения последователей данного движения (как, по-видимому, и многих других религиозных организаций) все люди – это «преданные, только они еще не знают об этом», и полноценное примыкание к движению – вопрос времени, торопиться и насильно навязывать свою позицию не имеет смысла. Подобная демаркация не сказалась на уже установившихся дружеских отношениях и не ограничила доступ к тем или иным мероприятиям в рамках деятельности томского движения Сознания Кришны (исследо-

вателю разрешено было присутствовать и на «Совете», и на собрании лидеров). Другим подтверждением приоритета эмоционального контакта могут служить случаи, когда исследователю, установившему хорошие взаимоотношения с респондентами – и проявляющему интерес, – предоставляется информация, недоступная для других последователей движения, имеющих плохие отношения (с отдельными членами движения или со всем Обществом в целом) или не выказывающими интереса. Например, за непродолжительное время знакомства с одним последователем движения Сознания Кришны в Петербурге, мне удалось услышать – фактически без какого-либо особого запроса с моей стороны – детальную историю раскола петербургской ятры, произошедшего в результате того, что один из лидеров движения оставил движение вместе с большой группой его собственных последователей. Этот человек также пояснил, что «наконец-то хоть есть кому об этом рассказать, поскольку тема эта очень болезненная, и между собой мы ее как-то не обсуждали».

Итак, в ходе включенного наблюдения подтвердились следующие гипотезы:

1. Полярные категории инсайдера/аутсайдера не вполне точно описывает статус исследователя по отношению к изучаемой группе; личность как исследователя так и респондентов представлена достаточно сложным набором идентичностей, не позволяющем однозначно проводить границы между ними на основании включенности в группу/исключенности из нее: не всегда однозначна принадлежность последователя новорелигиозного движения к данной конкретной группе, в то же время, расплывчатой может оказаться граница между создателями «научных описаний НРД» и самоописаниями последователей движений.

2. Приоритетным для установления взаимоотношений с последователями НРД при проведении этнографического исследование является установление эмоционального контакта, а не статус инсайдера (последователя движения) или аутсайдера (ученого-социолога).

Литература

---

1. Hammersley M, Atkinson P. Ethnography: principle in practice / London: Tavistock, 1983.
2. Hammersley M. Ethnographic writing // Social Research Update. University of Surrey, 1993 (March) 67.
3. Баркер, А. Новые религиозные движения [текст] / СПб, 2005. – 282 с.
4. Зуев С.В. Опыт межконфессионального взаимодействия международного общества Сознания Кришны [текст] / Материалы научно-практической

- конференции «Свобода совести и обеспечение межрелигиозного взаимопонимания». М., 2001, 120с.
5. Иваненко С. И. «Вайшнавская традиция в России: история и современное состояние» [текст] , М., 2008. – 318с.
  6. Страна Анура [текст] / на основе реферата Вячеслава Терехова (ПСТГУ, 2004 г.) <http://iriney.ru/sects/anur/001.htm>

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. О. Шапошникова

Московский государственный университет им. Огарева

Неоспорим тот факт, что «социальный институт» является базовым понятием социологических исследований, посвященных анализу разнообразных общественных явлений и процессов, затрагивающих всевозможные стороны человеческой жизни. Институциональный аспект функционирования социума является традиционной областью интересов социологической науки. Тем не менее, справедливо будет отметить, что в разработке концепции социального института приняли участие представители различных отраслей гуманитарного знания, поэтому она является результатом междисциплинарного синтеза различных теорий и подходов.

Само понятие «институт» (от лат. *institutum* - установление, учреждение) было заимствовано социологией из юриспруденции, где его использовали для характеристики отдельного комплекса юридических норм, регулирующих социально-правовые отношения в некоторой предметной сфере. Такими институтами в юридической науке считались, например, наследование, брак, собственность. В Древнем Риме «институциями» назывались пособия для юристов, дающие систематизированный обзор действующих законов частного права. В социологической литературе термин "институт" стал использоваться со времени становления социологии как науки и получил наибольшее распространение в связи с применением институционального анализа общественных явлений и процессов. В связи с чем, приобрел более широкое толкование в плане обозначения некоторого особого типа устойчивой регламентации социальных связей и различных организационных форм социального регулирования поведения субъектов.

Теоретические основы понятия «социальный институт» были заложены в работах ученых и мыслителей, с именами которых связывается становление социологии как отдельной науки (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.).

В отечественной социологической литературе до начала 70-х годов XX столетия термин "социальный институт" практически отсутствовал, а институциональный анализ марксистские критики относили к прерогативам буржуазной методологии. Несмотря на это, основоположники марксизма использовали термин "социальный институт" и применяли институциональный анализ к рассмотрению основных социальных институтов общества. Так, Маркс обращал особое внимание на то, что для него такие общественные институты, как семья, государство, гражданское общество не абстракции, а "социальные формы существования человека" [4]. Исторический анализ социальных институтов приводится и в работе Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" [8]. Таким образом, социальные институты понимались марксистами как исторически сложившиеся, обусловленные социальными, прежде всего производственными, отношениями формы организации и регулирования социальной деятельности.

Анализ более поздней отечественной литературы, посвященной проблеме социального института, позволяет сделать вывод о наличии широкого спектра воззрений на специфику его содержания, критерии классификации, роль в обеспечении системной целостности общества.

Одним из первых в советской социологии к институциональному анализу обратился И.И. Лейман. В работе "Наука как социальный институт" он определил социальный институт как "объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений как внутренних, так и внешних" [3].

Отличительной чертой отечественной социологии явилось то, что большое авторов считают возможным дать понятию «социальный институт» однозначную дефиницию, опирающуюся на одно ключевое слово (выражение). Л. Седов, например, определяет социальный институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных *правил, принципов, установок*, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему»[5]. Н.М. Коржевская пишет: «Социальный институт представляет собой *общность людей*, выполняющих определенные роли на основе их объективного положения (статуса) и организованных посредством социальных норм и целей [2].

И только в работах польского социолога Яна Щепаньского прослеживается некое интегральное определение: «Социальные институ-

ты являются *системами учреждений*, в которых определенные люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения общественных и безличных функций ради удовлетворения существенных индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп» [7]. Данное определение позволяет свести термин «социальный институт» к четырем основным понятиям: 1) определенная группа лиц, осуществляющих совместную деятельность; 2) определенная организация людей, которая выполняет комплекс функций от имени всей группы; 3) учреждений и средств деятельности, которые регулируют поведение членов группы; 4) некоторые социальные роли, особенно важные для группы. Ученый также отмечает, что во всех группах, в которых появляются хотя бы зачатки организации, создаются определенные способы действия от имени группы как целого; например, кто-то представляет группу вовне, определяет надлежащий способ поведения для членов группы, принимает решение от имени целого и т.д. Эти способы действия определены как безличные, т.е. должны исполняться независимо от личных черт и интересов человека, который их выполняет всегда одним и тем же образом. Индивид, выполняющий эти функции, располагает поддержкой всей группы либо ее решающей части. Способ выполнения этих функций определен группой как целым, и индивиды должны выполнять их согласно этому определению. «Это - существенный элемент каждого социального института» [7].

С.С.Фролов на основе анализа зарубежных материалов предлагает формальное определение социального института как «организованной системы связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» [6]. В этом определении под общественными ценностями понимаются разделяемые идеи и цели, под общественными процедурами - стандартизованные образцы поведения в групповых процессах, а под системой социальных связей - сплетение ролей и статусов, посредством которых это поведение осуществляется и удерживается в определенных рамках. Например, институт семьи включает в себя: 1) совокупность общественных ценностей (любовь, отношение к детям, семейная жизнь); 2) общественные процедуры (забота о воспитании детей, их физическом развитии, семейные правила и обязательства); 3) переплетение ролей и статусов (статусы и роли мужа, жены, ребенка, подростка, тещи, свекрови, братьев и т.п.), с помощью которых осуществляется семейная жизнь. Любой социальный институт возникает и функционирует, выполняя ту или иную социальную потребность. Если такая потребность становится незначительной или

совсем исчезает, то существование института оказывается бессмысленным, тормозящим общественную жизнь. Такой институт в силу инерции социальных связей некоторое время еще может функционировать как дань традиции, но в большинстве случаев его жизнь довольно быстро прекращается. Вместе с тем есть важные, в высшей степени необходимые институты, вызванные к жизни непреходящими потребностями. Фролов считает, что таких институтов в развитых обществах всего пять: это институты семейные, политические, экономические, образовательные и религиозные. Кроме того, поскольку ценности и процедуры научной жизни стали очень важными и высокостандартизированными, к важнейшим можно было бы причислить и институт науки. Вместе с тем многие виды деятельности, включая социальную деятельность и медицину, тоже начинают определяться жестко установленными образцами и нормами поведения, обладают системой социальных статусов и ролей и по этой причине могут быть отнесены к институтам [6].

Особого внимания заслуживает позиция М.Б. Глотова. В своих работах социолог отмечает, что многие определения социального института указывают на то, что он представляет собой некое формообразование, которое, с одной стороны, будучи устойчивым, с другой - исторически изменчивым, призвано организовывать и регулировать деятельность людей как представителей разнообразных социальных общностей и складывающиеся в процессах взаимодействия социальные связи [1]. С одной стороны, социальные институты, являясь элементами общества как организации, выступают специфическими механизмами управления процессами общественной жизни людей, обеспечивая тем самым стабильность общественной системы и структуры, их дальнейшее развитие. С другой стороны, выступая в качестве регуляторов процессов взаимодействия и взаимосвязей людей, они, в конечном счете, призваны способствовать удовлетворению их материальных и духовных, личных и общественных потребностей в конкретно-исторических условиях существования. Таким образом, под социальным институтом Гловтов понимает «формы организации общественной жизни людей, устанавливающиеся в процессе исторического развития с целью регулирования их социальных действий и социальных связей» [1]. И в отличие от юридических институтов (брак, наследование, собственность), которые есть совокупность установленных законом норм и правил взаимоотношений между членами общества, социальные институты (семья, корпорация, арбитраж, школа, церковь, государство) - это формы существования социальных общностей, призванные организовывать и управлять процессами со-

вместной жизнедеятельности людей в различных сферах и отраслях общества.

Итак, в заключение можно сделать вывод, что в отечественной социологической теории имеет место быть значительный массив трактовок и дефиниций понятия «социальный институт». Они различны в понимании как природы, так и функций институтов. Тем не менее, благодаря тому факту, что социология представляет собой мультипарадигмальную науку, в рамках каждой из парадигм возможно построение своего непротиворечивого, подчиняющегося внутренней логике понятийного аппарата.

Литература

---

1. Готов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация / М.Б. Готов // Социс. – 2003. – № 10. – С. 13-19.
2. Коржевская Н.М. Социальный институт как общественное явление (социологический аспект) / Н.М. Коржевская. - Свердловск, 1983.
3. Лейман И.И. Наука как социальный институт / И.И. Лейман. - Л.: Наука, 1971.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. Изд. 2-е. - Т. 1. – М.: Издание политической литературы, 1955-1981.
5. Седов Л.А. Институт социальный / Л.А. Седов // Современная западная социология. - М., 1990.
6. Фролов С.С. Основы социологии / С.С. Фролов. - М., 1997.
7. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. - М., 1969.
8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. Изд. 2-е. - Т. 22. – М.: Издание политической литературы, 1955-1981.

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБЩЕСТВА

В. В. Ярдина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель ст.преподаватель Герасимова О.В.

В современном мире рыночные отношения с каждым годом приобретают все более широкие границы, поток товаров растет, поэтому неудивительным можно считать появление рекламной информации, перед которой встала задача оповещать о появлении товара или продукта, его качестве и выделять его превосходство. Как следствие, возникает большое количество рекламной продукции, растет рекламная конкуренция. Успех той или иной рекламы во многом зависит от того, какие проблемы общества и насколько легко она может решить, как может облегчить жизнь. Поэтому реклама играет все более заметную

роль в нашей жизни, она утверждает разделяемые социумом ценности, таким образом, обеспечивая ему стабильность, в то же время, вносит новые веяния, тенденции, способствует формированию социальных ценностей, стиля жизни, задает новые ориентиры в движении обществу.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что часто создатели рекламы не задумываются о том, насколько сильно их продукция может влиять на изменение общественного сознания, его формирование, выбор жизненных приоритетов у молодого поколения и, наконец, на становление личности в целом. Цель, поставленная рамками данной публикации, заключается в том, чтобы изучить влияние рекламы на ценностные ориентиры общества. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач, а именно: рассмотреть значение ценностей в жизни общества, изучить позитивное и негативное влияние рекламы на формирование общественных ценностей.

Для того чтобы определить влияние рекламы на ценности общества, автор решил рассмотреть, что же такое ценности, и какое значение имеют в жизни людей.

Ценности представляют собой убеждения людей о жизни и приемлемом поведении. Ценности выражают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, отражают иные по сравнению с наукой аспекты окружающей действительности. Они соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале, желаемом, нормативном. «Ценности придают смысл человеческой жизни» [2, с.43].

Ценности формируются обществом в течение многих лет. И неудивительно, что взаимодействие человека с социумом приводит к тому, что он начинает стремиться соответствовать неким стандартам, присущим определенному обществу, и старается держаться подальше от продукции, ассоциирующейся с социальным неодобрением. Реклама как раз и создается с целью формирования социальных ценностей, к достижению которых человек стремится. Но всегда ли реклама формирует положительные ценностные ориентиры в обществе? Рассмотрим эту проблему с разных сторон.

Реклама дает стимул социально – экономическому развитию общества. Она служит одной из движущих сил, способствующих повышению уровня жизни, развитию свободного предпринимательства: реклама помогает проведению широких общественных кампаний, она привлекает внимание к социально значимым проблемам. Люди, стремящиеся повысить свой уровень жизни, развивают свое материальное производство, материальное общение под воздействием рекламы, изменяют вместе с этой деятельностью также свое мышление, свои при-

оритеты и ценностные установки. Реклама в этом случае стимулирует труд, усиливает мотивацию деятельности человека для достижения позитивных целей. Она задает «планку» и, если энергия человека направлена в положительную сторону, то он будет стремиться совершенствовать свою жизнь, и значит, играть позитивную роль в развитии общества.

Рекламные сообщения имеют влияние на уровень самоуважения человека. С их помощью идет процесс социального сравнения: человек начинает оценивать себя, сравнивая с другими людьми, изображенными в рекламе. Специалисты по маркетингу и рекламе направляют силы на то, чтобы задеть самоуважение человека и показать взаимосвязь с товаром, который может помочь исправить ситуацию. Другим методом, также направленным на социальное сравнение, является обратный метод – подчеркивание высокой самооценки. Ярким примером служит слоган компании L’Oreal: «Ведь ты этого достойна!»

Но воздействие рекламы на общество бывает не только положительным. Всегда есть и другая сторона «медали». Если посмотреть на обратную сторону рекламы как стимула к материальному благополучию, то стоит отметить, что с другой стороны это можно рассматривать как стимулирование вещизма – безудержную погоню за материальными ценностями, вещами – символами (престижная марка автомобиля, одежда известных брендов, элитная косметика), самообладание которыми составляет для неразвитой личности смысл жизни. Как правило, это преуменьшает значение для человека таких сторон жизни, как любовь, свобода, дружба.

Осознанное побуждение в телевизионной коммерческой рекламе является существенным образом материалистическим. В центре рекламного сообщения находится логическая посылка о том, что приобретение конкретной вещи удовлетворит наши основные внутренние потребности и стремления, что все главные проблемы, с которыми сталкивается индивидуум, могут быть незаметно устранены, если привлечь на помощь некоторые внешние силы, заключенные в рекламируемом продукте. Предлагаемые потребителю решения – универсальный рецепт от жизненных трудностей, «все наши тайные страстные желания, надежды и страхи могут быть сведены к единственному материальному решению, действующему без каких бы то ни было усилий, специальных навыков или волнений с нашей стороны» [1, с. 708].

Отрицательное влияние рекламы на общество неоднозначно. И если приоритеты людей со сформированным взглядом на жизнь реклама

может более или менее изменять, то ценности подрастающего поколения в большей степени рекламой формируются. Сюжеты большинства рекламных роликов содержат в себе неправильные примеры для подражания детской аудитории и подросткам. Все нормы поведения, которые родители прививают своим чадам, с легкостью развенчиваются двадцатисекундным рекламным роликом. Взять для примера ролик, в котором воспитательница детского сада, втихомолку съедает «Twix», отвлекая внимание детей, или ролик, где двое детей, оглядываясь, тащат с тарелки сладости. Просмотрев эти ролики, дети однозначно решат, что воровство и обман – вполне нормальные поступки. Почему в рекламе «Adrenalin Rush» надо носиться по городу на мотоцикле, нарушая все возможные правила дорожного движения, при этом нанося повреждения ни в чем не повинным гражданам и автомобилям, разрушая спокойно стоящие строения. Можно ведь направить энергию этого напитка в созидательное русло. Подросток, увидевший такой ролик, поймет неокрепшим мозгом, что это правильно, более того, так и нужно себя вести. После этого люди удивляются, что скамейки во дворах перевернуты, детские площадки сломаны и сорваны почтовые ящики. Просто ребята играли в «Adrenalin Rush».

Реклама алкогольной и табачной продукции воздействует на подрастающее поколение исключительно негативно. В одном из рекламных роликов пива за сюжет был использован отдых на природе, в котором компания молодых людей прекрасно проводит время, и символом сближения их является рекламируемый продукт. Неправильно, когда подрастающее поколение считает, что веселым отдых может быть только при наличии алкоголя. В рекламе водки «Ледокол» были использованы картинка с изображением трех в веселом расположении духа нетрезвых людей и надпись: «Снимая барьер общения». Такое сообщение формирует у молодого поколения установку на то, что проблемы в коммуникациях со сверстниками могут решаться с помощью алкоголя.

Реклама табачной продукции, как правило, несет в себе идею красивой, яркой жизни. Так, реклама сигарет марки «Vogue» несет в себе идею отождествления моментов, проведенных именно с этими сигаретами с присутствием в саду, раскрашенном цветочными ароматами, создатели рекламы подразумевают зависимость между внутренним миром женщины, ее хорошим настроением и сигаретами «Vogue».

Итак, реклама как социальная сила воздействует на общество неоднозначно. Одну часть общества она стимулирует повышать, совершенствовать свой образ жизни, других людей – приобщаться к вредным привычкам, формируя в сознании установку на обязательное их

наличие в жизни современного яркого успешного человека. Делая вывод из всего вышесказанного, можно отметить, что реклама, опираясь на уже существующие ценности, пропагандирует определенный образ жизни, направление мысли, маскируя все отрицательные стороны жизни. В основе такого образа жизни лежат успех, веселая жизнь, непринужденность, уверенность в себе.

Литература

---

1. Батра, Майерс, Аакер Д. Рекламный менеджмент: Пер. с англ. – 5-е изд.- М.; Спб.; К.; Издательский дом «Вильямс», 2004. – 784с.
2. Гуревич П. С. Психология рекламы: учебник для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 287с.

Научное издание

**XIV ВСЕРОССИЙСКАЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «НАУКА
И ОБРАЗОВАНИЕ»
(19–23 АПРЕЛЯ 2010 Г.)
В 6 ТОМАХ**

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Технические редакторы: П. А. Шевченко, В. Ю. Горбунов
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Подписано в печать: 14.07.2010

Бумага: офсетная

Сдано в печать: 23.11.2010

Печать: трафаретная

Тираж: 100 экз.

Уч. изд. л.: 20,32

Заказ: 564/Н

Усл.-печ. л.: 22,25

Формат: 60х84^{1/16}

Гарнитура: Times NR

Издательство Томского государственного
педагогического университета

634061, г. Томск, ул. Киевская, 60. Тел.: (382-2) 52-12-93

e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ, г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93